

A classical oil painting of John Locke, showing him from the chest up. He has long, dark, wavy hair and is wearing a dark coat with a light-colored, patterned cravat. He is looking slightly to the right of the viewer with a calm expression. The background is dark and indistinct.

АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВ

**ЗАВЕЩАНИЕ
ДЖОНА ЛОККА,**
приверженца мира,
философа и англичанина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Анатолий Яковлев

Завещание Джона Локка,

приверженца мира,
философа
и англичанина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2013

ЗАВЕЩАНИЕ
ДЖОНА ЛОККА

УДК 1
ББК 87.3(4Вл)
Я47

Яковлев, А.

я47 Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-93255-357-2

Книга посвящена анализу контекстов произведений английского мыслителя Джона Локка (1632–1704), публиковавшихся при его жизни анонимно и названных им «своими» только в завещании: «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Высказывается гипотеза о том, что утерянная «средняя» часть «Двух трактатов» была посвящена вопросу о толерантности. Вместо этой пропавшей части друзья Локка опубликовали памфлет «*Epistola de Tolerantia*», а затем его перевод на английский язык. Тезис об отделении церкви от государства как важнейшем требовании христианства — в центре политической мысли Локка. В «Разумности христианства» Локк рассуждает о преодолении раздора среди христиан, предлагая свободные от слепого следования «системам» и необходимые для личного спасения принципы искреннего чтения и понимания Священного Писания.

Для широкого круга читателей, интересующихся интеллектуальной и политической историей Европы второй половины XVII в.

УДК 1
ББК 87.3(4Вл)

В оформлении обложки использован фрагмент портрета Джона Локка работы Германа Верельста (Лондон, Национальная портретная галерея)

© А. Яковлев, 2013
© Издательство Института Гайдара, 2013

ISBN 978-5-93255-357-2

Содержание

Предисловие · 7

Часть I. «Два трактата о правлении»

Завещание, кодицилл и поправка

Де Мезо — Коллинза · 17

Шефтсбери и «кризис исключения» · 40

Локк, Бойль, Сиденхем и Шефтсбери · 70

Дискуссия о датировке · 124

В преддверии «славной революции» · 178

Реформация Вильгельма: политика, церковь,
война, деньги и Локк · 199

Локк и вильгельмиты · 235

Часть II. «Послание о толерантности»

«T.A.R.P.T.O.L.A.» и «P.A.P.O.I.L.A.» · 263

Голландские ремонстранты

и английские антикальвинисты · 285

Дискуссия с Джоном Простом · 304

Два контекста: английский и голландский · 315

От «Послания о толерантности»

к «Разумности христианства» · 361

Деисты, ньютонианцы и Локк · 379

Послесловие · 393

Хронология · 402

Указатель имен · 408

Предисловие

ВЕСНОЙ 1973 г. мне довелось побывать в Йоркском университете в Торонто (Канада) и встретиться с профессором Джоном Уильямом Йолтоном. Ректор университета представил его как крупнейшего специалиста по Джону Локку, хотя сам Йолтон отреагировал на эту рекомендацию легкой улыбкой. Нам удалось поговорить. Мне тогда было двадцать лет, и я был студентом философского факультета Московского университета. Йолтон спросил меня, слышал ли я что-нибудь о Локке, и когда я ответил, что Локк — один из моих любимых философов, был очень этим удивлен. «Что же Вам так нравится в Локке? — спросил он. — Наверное, его политические идеи?» И еще больше он удивился, когда я ответил, что меня интересует его теория познания.

По окончании встречи Йолтон подарил мне две недавно вышедшие книги о Локке: одна из них была написана им самим, а вторая представляла собой сборник статей разных авторов. Эти книги пролежали на полке почти 34 года, пока наконец не «выстрелили», как рано или поздно выстреливает известное ружье. Ранее я несколько раз пытался читать эти тексты, но всякий раз спотыкался о собственное полное непонимание подходов и идей крупнейших — как я теперь понимаю — локковедов конца 1960-х гг., т.е. первого послевоенного поколения исследователей Локка и их неформального лидера Джона Йолтона.

В 2007 г. в моей жизни наступил момент, когда книги, подписанные Йолтоном, послужили делу, для которого они были предназначены. Мое «непонимание» локковедов оказалось эвристически важным элементом всей проделанной с тех пор работы. Во-первых, это непонимание заставило составить подробную библиографию. Сегодня в ней более двух тысяч названий, и она, разумеется, остается неполной, однако сам этот этап исследования позволил увидеть и объ-

ем первичной и вторичной литературы, и ее разброс во времени с конца XVII до начала XXI в., и наличие различных локковедческих школ и, соответственно, различных интерпретаций Локка. Составление библиографии и попутное чтение литературы, созданной первым послевоенным поколением локковедов, заняло не менее двух с половиной лет, т. е. примерно половину срока, ушедшего на весь, как теперь говорят, «проект».

По ходу этих штудий выяснилось, что в библиотеках Москвы практически нет ничего из той богатой локковедческой литературы, которая накопилась на Западе за последние 50–60 лет. Сам этот факт глубоко меня поразил, и я до сих пор размышляю над тем, почему это произошло. Объяснение странному пробелу может быть только одно: все время, пока существовала советская власть, Локк был самым главным ее врагом, поскольку считался основным теоретиком классического либерализма — теории, по лекалам которой построен современный мир. Маркс и Ленин были знаменем одной половины планеты, революционной и видевшей в частной собственности источник всего социального зла; Локк был знаменем обратной стороны земли, «мира насилия и эксплуатации», которому предстояло быть разрушенным, а затем... И т. д. и т. п.

Исторически сложилось так, что на роль главного либерала и демократа в сознании тех, кто был склонен к свободомыслию, постепенно выдвинулся Иммануил Кант, вокруг имени которого в нашей стране собралась целая когорта историков философии.

Итак, литературу о Локке пришлось собирать самостоятельно, не надеясь на помощь старшего поколения. И на это ушло много времени, о чем я совершенно не жалею, потому что время для дополнительных размышлений — лучший друг историка-энтузиаста, зачастую, в силу своего энтузиазма, не способного посмотреть на проблему сразу с нескольких точек зрения, попробовать применить одновременно несколько интерпретаций, а вместо этого поддающегося самой яркой и «вкусной» трактовке.

Как предугадал в свое время Джон Йолтон, так и вышло. Начав с интереса к собственно философской стороне взглядов Локка, с его концепции опыта, я постепенно переключался к его политическим идеям. Первой книгой, прочи-

танной мной по этой теме, стала известная работа Ричарда Ашкрафта, о которой многое будет сказано в первой части. Впечатление от его идей было настолько сильным, что я и предположить не мог, что уже через год моя точка зрения радикально изменится. Изменение точки зрения происходило еще несколько раз за последующие четыре года интенсивного чтения локковедческой литературы, и в конце концов мне даже показалось, что написать что-либо правдоподобное о Локке вообще невозможно, поскольку каждая новая большая порция информации меняла мои прежние представления. И тогда мне пришло в голову, что можно было бы попытаться выйти за пределы собственно локковских «интерпретаций» в более широкое и свободное пространство исторического контекста, а лучше сказать — исторических контекстов в их переплетенности, взаимопроникновении, взаимодополнительности. Этот мыслительный и практический (в смысле освоения литературы) шаг оказался решающим. Суть его лучше всего пояснить на примере моей собственной истории и истории моих сверстников и однокашников.

В 1976 г. я окончил философский факультет МГУ по кафедре истории зарубежной философии. Профессора и преподаватели этой кафедры, которым я безмерно благодарен за их веру в «источники», т.е. в чтение текстов самих философов в противоположность изучению вторичной — зачастую очень слабой — советской философской литературы, представляли собой одно из лучших историко-философских сообществ нашей страны. В те годы изучение текстов было единственной отдушиной для историков философии. Однако парадоксальным образом и по той же самой причине историки философии оставались пленниками того, что можно условно назвать текстологическим подходом. Правильное, более правильное, еще более правильное и т.д. изложение текстов, их сравнение, дедукция одних текстов из других, нахождение совпадений и связей между текстами разных эпох — вся эта «игра в бисер» стала познавательным идеалом историко-философской работы. Причем историки философии представляли собой наиболее продвинутую и далекую от марксистского догматизма часть философского сообщества советских времен. Высшим его достижением стали переводы классиков мировой философии, впрочем,

иногда скудно комментированные и потому недостаточно тщательно выполненные¹. Тем не менее и эти переводы были неизмеримо лучше любых «изложений».

После поступления в аспирантуру мне было предложено заняться сопоставлением концепций Дэвида Юма и Бертрама Рассела, однако, хотя это предложение было очень щедрым, а сама тема необычайно интересной, мне хотелось, прежде чем заниматься такого рода исследованием, разобраться в том, что такое сама историко-философская работа.

Изучение историко-философской концепции и самой практики работы английского историка философии Фредерика Коплстона привело меня к пониманию того, что текстологический подход тесно связан с процессом преподавания и требованиями, диктуемыми форматами лекций и семинаров. Ярким выражением такого педагогического подхода стала концепция Г.В.Ф. Гегеля, для которого история философии была всего лишь способом изложения самой философии. Самым простым приемом такого рода (например, в курсе диалектического материализма) было построение системы историко-философских категорий. Предполагалось, что всякий философ является воплощением некоего категориального «духа» или «идеи» (скажем, рационализма или эмпиризма, идеализма или материализма, экзистенциализма или прагматизма и т. д. и т. п.), о чем лектор и сообщал аудитории, иногда даже рисуя систему мировой философии мелом на доске.

Нечего и говорить, что «большая» история оставалась для историков философии чем-то далеким, малопонятным и ненужным. Для историка мировой философии, текстолога и педагога, «большая» история — чужая дисциплина, которой занимаются другие исследователи, работающие на других факультетах и в других институтах. История философии выпала из «большой» истории, став частью фи-

1. В дальнейшем изложении везде будут приводиться переводы фрагментов текстов и даже названий работ, выполненные заново. В принципе, издания классиков в новых переводах должны выпускаться в свет каждые двадцать лет, вместе с развитием исторической науки, и я надеюсь, что и Локк, и другие мыслители XVII в. будут изданы вновь, а их произведения получат новую жизнь на русском языке в новой культурно-исторической ситуации, возникшей после 1991 г.

лософии — или марксистской, но «категориальной», или «текстологической», но тоже вневременной, имеющей свою собственную внутритекстуальную логику.

История того, как это произошло, должна быть изучена отдельно. Выделение истории философии в отдельную дисциплину состоялось не в рамках марксизма, а в век Просвещения. Затем преподавание истории философии сделалось профессией и обязательным предметом. Преподаватели начали ее преподавать, а студенты начали ее изучать. И речь шла не просто о том или ином мыслителе — в конце концов, Аристотеля изучали и в Средние века. Дело было в образовании особого философского канона с присвоенными каждому отдельному философу «идеями»-ролями.

Неплохо было бы написать историю истории философии. Но на данный момент моя цель заключается в другом. Мне важно показать саму возможность существования истории мысли, не ограниченной рамками истории философии. Собственно говоря, программа такого рода существует давно и называется «историей идей», а иногда «контекстуальным подходом». Неважно, насколько эти термины передают суть дела, поскольку существуют образцы, живые примеры такого подхода, воплощенные в целом ряде опубликованных работ². Многие из них, на материале, связанном с фигурой Джона Локка, обсуждаются и в нашей книге, которая тоже представляет собой отличающуюся от историко-философской «текстологии» форму исторической работы.

Самое главное в этой форме то, что она позволяет ставить множество частных исторических задач. И чем дальше мы продвигаемся в понимании истории идей, пытаясь решить эти задачи, тем больше возникает новых задач. Эта бесконечность, порой превращающая решение каждой новой задачи в новую частную исследовательскую программу, сначала пугает, однако затем заставляет понять, что смысл исторического или любого другого научного исследования не в достижении результата, а в самом процессе поиска.

2. Одним из таких образцов является работа самого Локка — «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла», подготовленная им в последние годы жизни и изданная посмертно в 1706 г.

Выход за рамки историко-философской «текстологии» и педагогики в более широкое пространство «большой» истории вызывает необходимость в привлечении дополнительных массивов информации. И речь идет не только об архивах, но и о дисциплинарных типах материала, соответственно о междисциплинарном характере исследования изучаемого события или персоны. Например, изучение Локка в контекстах предполагает привлечение историко-научных исследований, исследований по истории церквей и религий, истории политической мысли, истории культуры и биографических изысканий.

Включаемые в контекстуальное исследование дисциплины задают первые «контексты». Но дальше их наложение друг на друга порождает все новые и новые контексты. Количество контекстов растет по экспоненте и требует введения ограничений со стороны историка, которые позволяли бы оставаться в рамках меняющегося, но сохраняющего хотя бы номинальное постоянство предмета. В данном случае единство предмета задается личностью самого Локка. Сила такого подхода заключается в том, что он позволяет через контексты, в которых существуют и с которыми связаны личности или события, увидеть новые точки потенциального роста исторического знания.

Приходится предупредить читателя, что эта книга — не об идеях Локка, а о КОНТЕКСТАХ, в которых существовали эти идеи. В ней делается попытка нащупать «нерв» каждой из двух важнейших для понимания его политической мысли работ, попытка отсеять лишнее, чуждое, появившееся в результате поисков смысла, якобы имманентного тексту и только и ожидающего, что его из текста извлекут. Эта книга писалась в убеждении, что смысл не является чем-то внутренне присущим самому тексту, но задается значительно более широким пространственно-временным целым истории. Именно исторические контексты задают смысл как «Двух трактатов о правлении», так и «Послания о толерантности».

Иногда говорят, что контекст как бы убивает текст. Эта мысль обращает наше внимание на результат контекстуального анализа, порой изменяющего трактовку исторической фигуры или того или иного события. Но, с другой стороны, контекстуальный подход — и в этом может заключаться его оправдание — дает тексту новую жизнь.

А подчас сам контекст доходит до наших дней, «про-
растает» в них. Именно это происходит сегодня с «Двумя
трактатами о правлении» и «Посланием о толерантности»
Джона Локка. Эти произведения живы сегодня потому, что
живы их контексты.

И теперь настало время, когда необходимо очень внима-
тельное изучение и текстов, и контекстов Локка. Надеюсь,
что мне удалось, хотя бы в какой-то мере, это показать.

* * *

Более всего появлению этой книги я обязан моей жене Тать-
яне Алексеевне Уманской, которая терпеливо читала каж-
дый новый вариант рукописи и делала замечания, серьез-
но повлиявшие на конечный результат. Не менее важной
была ее вера в то, что книга должна получиться. Несколь-
ко бесед с Натальей Ивановной Кузнецовой оказали стиму-
лирующее воздействие на написание частей книги, затраги-
вающих историю естествознания. Критические замечания
Алексея Борисовича Григорьева позволили прийти к более
точным формулировкам в тех главах, которые посвящены
истории религий и церквей.

*Лето 2007 — осень 2012 г.,
Ново-Дарьино*

Часть I

«Два трактата о правлении»

Завещание, кодицилл и поправка Де Мезо — Коллинза

«О СТАНОВИСЬ, путник! Здесь лежит ДЖОН ЛОКК. На вопрос, каким он был, он ответил бы, что жил, довольствуясь своим скромным уделом. Познав науки, он достиг того, что надобно одной лишь истине. Ты узнаешь это из его сочинений, которые вернее сомнительных похвал эпитафии поведают, что еще, помимо этого, можно сказать о нем. Любые добродетели его были слишком малы, чтобы вдохновить тебя славным примером; а грехи пусть вместе с ним будут преданы земле. Если ищешь пример для подражания, то он в Евангелиях; если пороков, не ищи его нигде; а пример смертности (какая бы ни была в том польза) ты найдешь, будь уверен, и здесь, и повсюду. На сей плите, век коей тоже недолог, начертано, что он родился в год Господа нашего 1632, августа 29-го, а умер в год Господа нашего 1704, октября 28-го».

Эпитафия, высеченная на надгробной плите Джона Локка, была составлена им самим. Смерть его не была внезапной, Локк ясно сознавал приближение конца и успел отдать все необходимые распоряжения, в частности написать завещание, первый вариант которого был составлен еще в 1695 г., а окончательный вариант датирован 11 апреля 1704 г. Согласно завещанию, 3 тысячи фунтов под опеку (до достижения 25-летнего возраста) получил сын леди Машем (в девичестве Дамарис Кедворт¹) Френсис (Франк) Машем, около 1500

1. Дамарис Кедворт, дочь «кембриджского платоника» Ралфа Кедворта, высокообразованная и обладавшая широкими связями женщина, была близким другом Локка, с которым она познакомилась в конце 1681 г. в Лондоне. Начиная с 1691 г. Локк жил в Хай-Лавере, родовом поместье ее мужа сэра Френсиса Машема в Оутсе (графство Эссекс). Леди Машем

фунтов были распределены по длинному списку в суммах от 1 до 200 фунтов. Оставшиеся деньги и личные вещи получил двоюродный племянник Локка Питер Кинг (Питер был сыном Анны Кинг, дочери Питера Локка — дяди Джона Локка) — позднее барон Кинг Оккамский и лорд-канцлер Англии (1725–1733), член Лондонского королевского общества с 1728 г., предок графов Лавлейсов (титул был пожалован в 1838 г.)². Локк умер состоятельным человеком, его накопления на момент смерти достигали 12 тысяч фунтов³, включая стоимость земли, которая досталась по закону (поскольку эта часть наследства не была оговорена в завещании) в равных долях Питеру Кингу и еще одному кузену — Питеру Страттону.

Половина библиотеки была завещана Франку Машему, другая половина и все письма, дневники, записные книжки и разного рода рукописи — Кингу. В кодифициле (дополнении к завещанию), датированном 15 сентября 1704 г., Локк распорядился передать в Бодлеанскую библиотеку свои труды, ранее опубликованные анонимно (первое, второе и третье «Послания о толерантности», «Два трактата о правлении», «Разумность христианства» и две его «Виндикации»,

была предана Локку и относилась к нему как к «отцу и брату». Письма к Локку она подписывала «Филоклея». В свою очередь Локк отзывался о леди Машем как о «в высшей степени одаренной женщине». Машем была автором двух трактатов: «Рассуждение о Божьей любви» («A Discourse concerning the Love of God», 1696) и «Некоторые мысли относительно добродетельной или христианской жизни» («Occasional Thoughts in Reference to a Virtuous or Christian Life», 1705).

2. Кроме всего прочего, Кинг был автором трактата под названием «Исследование уклада, учения, единства и богослужения в первоначальной церкви, процветавшей в первые триста лет после Христа...» («An Enquiry into the Constitution, Discipline, Unity & Worship of the Primitive Church that flourished within the first Three Hundred Years after Christ...», London, 1691), выход которого в свет сблизил Кинга с Локком. В 1680-х гг. доверенным лицом Локка был тоже его родственник, в 1690-х гг. видный член парламента и один из лидеров вигов Эдвард Кларк.
3. Последуем совету Марка Голди и умножим на 100, чтобы получить сумму, примерно равную сегодняшней стоимости этих денег (*Goldie M. The Life of John Locke // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.-J. Savaninus-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London ; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 34*). По мнению Голди, эти деньги Локк сумел накопить в 1690-х гг. благодаря вложениям в Ост-Индскую компанию и Банк Англии.

т.е. два «Оправдания»). Предыстория составления кодицилла такова. 6 февраля 1703 г. университетский библиотекарь д-р Джон Хадсон отправил Локку письмо с просьбой передать свои работы в Оксфорд. 4 марта 1703 г. Локк, еще раз проконсультировавшись с Джеймсом Тиррелом, поручил издателям Черчиллям отослать в библиотеку «Опыт о человеческом понимании», «Письмо» архиепископу Стиллингфлиту и последующие «Ответы», а также экономические памфлеты и «Некоторые мысли об образовании». Выразив свою признательность, Хадсон 20 апреля 1703 г. написал: «Не смею спрашивать, *все* ли это книги, которые вы намеревались нам передать»⁴. Более чем через год Локк дал ответ на этот вопрос в кодицилле: публичной библиотеке Оксфордского университета завещались экземпляры «всех книг, автором которых я являюсь и которые были опубликованы без указания моего имени»⁵.

Вскоре после смерти Локка и завещание, и кодицилл были опубликованы. На сегодняшний день мы имеем два варианта их публикации. Первый относится к 1714 г. и был включен Жаном Ле Клерком в состав третьего расширенного издания его работы «Рассказ о жизни и сочинениях Джона Локка, эсквайра»⁶. Ле Клерк использовал неустановленный источник (хотя, как можно предположить, текст завещания скопировал Пьер Кост — судя по очень близкому к оригиналу пересказу отрывка из кодицилла в письме к Жаку Бернару, редактору «Nouvelles de la République des Lettres», от 10 декабря 1704 г.; письмо вышло в «Nouvelles...» в феврале следующего года). Данная публикация была единственным полным воспроизведением завещания и кодицилла вплоть до их публикации Э. де Биром в 1989 г.⁷ Вариант де Бира основывается на копии, хранящейся в Бодлеанской

4. The Correspondence of John Locke. Vol. VII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 743–744, 764.

5. The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 425.

6. [Le Clerc J.] An Account of the Life and Writings of John Locke Esq.; The Third Edition Enlarged, 1714. P. 29–34.

7. The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 419–427.

библиотеке (B.L., MS. Locke b. 5, item no 14). Оригиналы за-
вещения и кодицилла не найдены.

Важной частью последних распоряжений стали письмо
Питеру Кингу от 4 октября 1704 г. и постскрипtum к нему
от 25 октября, где Локк перечислил ряд своих еще не опу-
бликованных трудов, издание которых оставлял на усмотре-
ние друзей.

В последних просьбах, обращенных к леди Дамарис Ма-
шем, содержались распоряжения насчет похорон, которые
Локк просил провести как можно скромнее. Вечером 27 ок-
тября 1704 г. семья Машем помолилась вместе с ним в его
комнате. На следующий день, в три часа пополудни 28 ок-
тября 1704 г., Локк закрыл себе глаза руками и умер. Похо-
ронили его рядом с оградой в южной части кладбища при
церкви Всех Святых в Хай-Лавере, отпевание у гроба про-
извел викарий прихода. Позднее на могилу положили мраморную плиту. Много лет спустя плиту перенесли в церковь,
где она сегодня и находится.

В вышеупомянутом письме Кингу Локк перечислил свои
неопубликованные работы, некоторые из них не имели на-
звания или же названия носили условный характер: 1) рас-
суждение о видении всех вещей в Боге; 2) рассуждение о чу-
десах; 3) рассуждение о практике⁸ (conduct) понимания;
4) заметки под общим названием «Physica»; 5) парафраза
и примечания к посланиям св. Павла. Упоминались также
мемуарные заметки, посвященные первому графу Шефтс-
бери. В вышедшей в свет в 1706 г. книге «Посмертные тру-
ды г-на Джона Локка» были опубликованы в следующем
порядке работы: (I) «О практике понимания», (II) «Иссле-
дование мнения отца Мальбранша о видении всех вещей
в Боге», (III) «Рассуждение о чудесах», (IV) часть «Четвер-
того письма о толерантности», (V) «Воспоминания, касаю-
щиеся жизни Антони, первого графа Шефтсбери», а также

8. Перевод термина «conduct» как «управление» не соответствует смыслу
этой работы Локка и всего строя его мысли. Речь идет о «процессе»,
о «практике», «деятельности», о «правилах», способствующих пони-
манию, об ошибках, которых следует избегать, и т. д. И поэтому, пока
не появился более удачный перевод, будем пользоваться термином
«практика».

(VI) «Новый метод ведения записей» (в переводе с французского языка)⁹.

Работа «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» увидела свет в пяти отдельных выпусках в 1705–1707 гг. — в порядке, особо оговоренном Локком, а позднее была опубликована под одной обложкой. Издатели Черчилли исполнили желание автора «Парафразы», и этот труд оставался анонимным вплоть до 1742 г., когда вышло его четвертое издание с именем автора на титульном листе. Таким образом, из работ, перечисленных в письме Кингу, в первые годы после смерти Локка было издано все, кроме медицинских заметок «Physica», до сих пор не обнаруженных историками.

Половина библиотеки, завещанной Франку Машему, была распродана по частям и, за малым исключением, не сохранилась. Что касается другой половины и рукописей, завещанных Питеру Кингу, то значительная их часть ныне входит в лавлейсовскую коллекцию Бодлеанской библиотеки в Оксфорде, немало рукописей находится в Библиотеке Амстердамского университета (в рукописном фонде ремонстрантов), отдельные документы хранятся в коллекциях Государственного архива Великобритании (как часть архива Шефтсбери), Британского музея, Оксфордского университета, Библиотеки Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке, в Библиотеке Ньюберри в Чикаго, Хантингтонской библиотеке в калифорнийском Сан-Марино и других фондах, в том числе и в частных.

Интеллектуальное наследство, полученное Питером Кингом, оставалось на попечении потомков лорда Кинга вплоть до 1942 г., когда большая часть рукописей и несколько книг были переданы в Бодлеанскую библиотеку. И хотя первый осмотр лавлейсовской коллекции был произведен Королевской комиссией по историческим документам еще в 1919 г., детальное ее изучение выпало на долю Вольфганга фон Лей-

9. Posthumous Works of Mr. John Locke: viz. I. Of the Conduct of the Understanding. II. An Examination of P. Malebranche's opinion of Seeing all things in God. III. A Discourse of Miracles. IV. Part of a Fourth Letter for Toleration. V. Memoirs relating to the Life of Anthony, first Earl of Shaftesbury. To which is added VI. His New Method of a Common-Place-Book, written originally in French and now translated into English. — London, 1706.

дена, осуществившего эту работу после 1942 г. по поручению оксфордского издательства «Кларендон-пресс». В 1946 г. университет получил от фон Лейдена соответствующий отчет¹⁰, а в 1947 г. коллекция была приобретена у четвертого графа Лавлейса Бодлеанской библиотекой при финансовой поддержке фонда «Пилгрим-траст».

Передаче коллекции в Бодлеанскую библиотеку предшествовала история с рукописью первого наброска «Опыта о человеческом понимании»¹¹. В 1935 г. Ричард Аарон обратил внимание на цитаты, приведенные во втором издании (1830) книги потомка Питера Кинга, тоже Питера Кинга, седьмого барона и будущего графа Лавлейса, «Жизнь и письма Джона Локка»¹², которые указывали на существование раннего варианта «Опыта» и ясно свидетельствовали о том, что вариант, опубликованный Бенджамином Рандом в 1931 г.¹³ (впоследствии получивший обозначение «наброска В»), не был самой первой версией главного локковского труда. Аарон обратился к Лавлейсу с просьбой разрешить ему ознакомиться с рукописями Локка в том случае, если таковые сохранились.

Ответ пришел не от Лавлейса, находившегося в тот момент в Африке, а от его поверенного Джослина Гибба. Гибб пригласил Аарона в Гемпшир, отметив, что как раз начал приводить в порядок архив. Однако настоящей причиной приглашения было нежелание Гибба распродавать библиотеку и личные вещи Лавлейсов по частям, как планировалось, через аукцион «Сотбис». Распродажа через аукцион означала рассеяние коллекции, что, например, произошло

10. Главные моменты отчета см.: *Locke J. Essays on the Law of Nature* / Ed. by W. von Leyden. — Oxford: Clarendon Press, 1954.

11. «Understanding» должно переводиться как «понимание», а не какими-либо другими терминами, вроде «разума» или «разумения». Весь мир переводит этот локковский термин как «понимание», и речь в «Опыте о человеческом понимании» идет именно о понимании в той мере или в тех границах, которые определены человеку. Совершенно непостижимо, каким образом вообще появился перевод «understanding» как «разум». Любой словарь даст в качестве основного значения «понимание».

12. *King P. The Life of John Locke, with Extracts from his Correspondence, Journals, and Common-place Books.* — London: Colburn and Bentley, 1830.

13. *Locke J. An Essay concerning the Understanding, Knowledge, Opinion, and Assent* / Ed. by B. Rand. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.

с архивом Исаака Ньютона, когда огромное количество документов ушло в 1936 г. через аукцион «Сотбис» в частные собрания. Только благодаря личным усилиям А. С. Яхуды, который вывез значительную их часть в США, удалось спасти эти документы. Несмотря на настоятельные рекомендации А. Эйнштейна, ни один из крупнейших американских университетов — ни Гарвард, ни Принстон, ни Йель — не хотел брать ньютоновскую коллекцию на хранение, поскольку содержащиеся там документы касались алхимии, астрологии и теологии и, с точки зрения тогдашнего университетского руководства, свидетельствовали лишь о том, что в какой-то момент великий ученый просто сошел с ума, отравившись ртутью во время сомнительных опытов.

Прибыв в Гемпшир, спустя всего несколько дней Аарон обнаружил рукопись первого наброска «Опыта», которую за сто лет до этого цитировал Питер Кинг, и немедленно сообщил об этом в издательство Оксфордского университета. Как выяснилось, предварительные переговоры уже велись Гиббом с Бодлеанской библиотекой в лице Эдмунда Крестера после того, как в 1932 г. коллекция была частично экспонирована в Лондоне и возникла реальная угроза ее рассеяния. Однако находка Аарона и последующая совместная публикация им и Гиббом первого наброска «Опыта» в 1936 г. ускорили события и в какой-то мере предотвратили реальную угрозу распродажи коллекции по частям, возникшую после смерти третьего графа Лавлейса. В 1942 г., в разгар войны и разрушительных ночных бомбежек Лондона, Гибб добился передачи большей части коллекции на хранение в Бодлеанскую библиотеку. По иронии судьбы найденная Аароном рукопись «наброска А» была продана наследникам и отправилась за океан, доставшись в 1962 г. Библиотеке Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке.

Коллекция рукописей Локка в Бодлеанской библиотеке сегодня состоит из переписки, количество писем в которой превышает 3000 единиц, и разного рода документов, включая дневники и записные книжки (38), всего около 1000 единиц. По оценке Эсмонда де Бира, приглашенного оксфордским издательством «Кларендон-пресс» в 1956 г. в качестве редактора многотомного издания переписки Локка, коллекция включает около 2600 писем различных корреспондентов Локку и около 140 писем или их черновиков самого

Локка. Вся же в целом переписка Локка составляет около 3650 единиц, примерно 1000 писем от него, остальное — к нему. В переписке, по подсчетам, участвовало более 350 корреспондентов¹⁴. По своему содержанию это весьма разнообразная коллекция, дающая представление о широком спектре интересов Локка, среди них — теология, медицина, экономика, политика, наука, педагогика, философия. Полная ее опись была опубликована в 1959 г. сотрудником западного департамента Бодлеанской библиотеки П. Лонгом¹⁵.

Следующим этапом «возвращения» архива и библиотеки Локка стали усилия, предпринятые в 50-х гг. XX в. Питером Ласлетом, который попытался проследить судьбу завещанных книг¹⁶. Движущим мотивом его изысканий была надежда найти утерянную «среднюю» часть «Двух трактатов о правлении». Гибб передал в Бодлеанскую библиотеку рукописи, а книги из библиотеки Локка остались у Лавлейсов, поскольку на тот момент никто в Оксфорде не был заинтересован в их приобретении. Более того, в качестве самой собой разумеющегося распространялось мнение, что книги переданы в Оксфорд вместе с рукописями.

Однако это было не так. В 1948 г. Крастер, оксфордский библиотекарь, объявив публично в газете «Таймс» о приобретении рукописей Локка, отметил, что книги из его библиотеки были рассеяны, а также что на момент его смерти библиотека насчитывала около 2000 книг, которые были разделены поровну между двумя наследниками согласно завещанию¹⁷.

14. См.: *De Beer E. S. The Correspondence of John Locke // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton.* — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 217. Статья де Бира первоначально появилась в «The Times Literary Supplement», 16 July 1971. P. 837–838.

15. *Long P. A Summary Catalogue of the Lovelace Collection of the Papers of John Locke in the Bodleian Library.* — Oxford: Oxford University Press, 1958.

16. Подробно история этих усилий рассказана самим Ласлетом: *Laslett P. The Recovery of Locke's Library // The Philosophical Canon in the 17th and 18th Centuries: Essays in Honour of John W. Yolton / Ed. by G.A.J. Rogers and S. Tomaselli.* — Rochester: Rochester University Press, 1996.

17. См.: *Craster E. John Locke's Papers // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton.* — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 148. См. также: *The Times.* 1948. January 12. P. 5, 10.

Спустя некоторое время Ласлет обнаружил в той же «Таймс» опровержение, написанное леди Дианой — сестрой четвертого графа Лавлейса, которая утверждала, что книги не рассеяны, а находятся в целостности и сохранности в поместье ее брата. Заручившись поддержкой Гибба, брат которого был мужем Дианы, Ласлет добился встречи с Лавлейсом в декабре 1951 г., и ему показали библиотеку в графском доме Бен-Дамф-Форест на берегу северошотландского озера Лох-Торридон. В ходе изучения библиотеки выяснилось, что часть ее, которую принимали за книги, на самом деле составляли переплетенные рукописи, а некоторые книги содержали пометки, сделанные Локком.

В последующие несколько лет Ласлет не только изучал библиотеку из 660 книг и рукописей и вместе с Дж. Харрисоном, сотрудником Кембриджской университетской библиотеки, составлял ее каталог, но и пытался убедить супругов Лавлейсов, что книги не стоит продавать по отдельности, поскольку это снизит стоимость всей коллекции. В конечном счете Лавлейсы, хотя все же продали часть рукописей и книг (в том числе «набросок А»), в какой-то мере вознаградили усилия Ласлета, сделав его своим главным экспертом по оценке библиотеки.

Вопрос о ее продаже встал в конце 1950-х гг. Покупатель нашелся быстро. Это был не Оксфордский университет, а американский библиофил и меценат Пол Меллон. Ласлету удалось убедить Меллона подарить книги и рукописи (среди них двухтомный гербарий и несколько записных книжек по медицине) Бодлеанской библиотеке, что и произошло в 1960 и 1963 гг. Было условлено, что книги-рукописи должны быть переданы немедленно, а другую часть Меллон мог забрать на какое-то время себе, чтобы, насладившись их видом и проведя реставрацию, затем вернуть в Оксфорд. Когда время пришло, Меллон не только вернул в Оксфорд приобретенные книги, но и принял участие в устройстве «Комнаты Локка» в Оксфорде, где теперь и располагается вся коллекция — и книжная, и рукописная. Помимо книг, завещанных Кингу, Ласлету удалось найти несколько книг, завещанных Франку Машему. И все же, несмотря на усилия Ласлета, какая-то часть — возможно, значительная — архива и библиотеки Локка была продана наследниками в 1930-х и 1950-х гг. и до сих пор на-

ходится в неизвестных и недоступных для историков коллекциях.

Общий каталог книг из библиотеки Локка, находящихся на хранении в Оксфорде и других местах, был вскоре опубликован¹⁸. По оценке Харрисона и Ласлета, библиотека Локка включала 3641 название, а, учитывая потерю некоторых книг во время периодических отъездов Локка из Англии — сначала во Францию, а потом в Нидерланды, должна была насчитывать около 4000 названий.

Структура библиотеки Локка в сопоставлении с другими частными библиотеками того времени описана в статье Р. Ашкрафта, который отмечает, что большую часть книг составляют трактаты по теологии; затем идут книги по медицине и натурфилософии, вслед за ними — книги, посвященные путешествиям, и политические памфлеты. По оценке Джона Милтона, если в 1658–1667 гг. книги по медицине составляли 46,6%, а затем шли естествознание (16,4%) и география (15,4%), то в конце жизни Локка первенство отошло к теологии (23,8%), а медицина, политика, классическая литература, география, философия и наука занимали от 6,5 до 11,1%¹⁹.

Несмотря на то что отдельные письма и не публиковавшиеся ранее работы время от времени появлялись в печати вплоть до 1950-х гг., они почти не вызывали широкого отклика у историков. Причина понятна — в локковский «канон» входило всего несколько трудов: «Опыт о человеческом понимании», «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Некоторые мысли об образовании». Все остальное воспринималось как приложение к основным трудам, в которых, как считалось, Локк выразил все свои главные идеи.

Революция в изучении наследия Локка началась в 1950-х гг., когда историки получили доступ к лавлейсов-

18. Harrison J. R., Laslett P. The Library of John Locke. — Oxford: Oxford University Press, 1965 (2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 1971).

19. См.: Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 226–245. См. также: Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1969. Vol. 5. No. 1. P. 47–60; Milton J. R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. — Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 36.

ской коллекции. Главными событиями этого нового этапа стали выход в свет ранее не публиковавшихся работ Локка и новые исследования, поставившие вопрос о необходимости существенного расширения «канона». Важными вехами послужили публикация В. фон Лейденом «Опытов о законе природы» (1954), исследование Джона Йолтона «Джон Локк и путь идей» (1956) и книга Мориса Кранстона «Джон Локк: биография» (1957)²⁰.

Обширное предисловие фон Лейдена к публикации «Опытов о законе природы» и вызвавшая широкий резонанс книга Йолтона стали выражением относительно нового «контекстуального» подхода, а новая биография Локка привлекла внимание к его роли в истории Англии и Европы второй половины XVII в. Важным событием стало критическое издание в 1960 г. «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета, перевернувшее прежние представления об этом произведении Локка²¹.

Революция, произошедшая в 1950-е гг., заключалась даже не столько в новом «контекстуальном» подходе, расширившем дисциплинарные рамки «истории философии», сколько в том, что Джоном Локком наконец занялся цех профессиональных историков. Локк стал интересен «большой» истории, которая, хотя и не сразу, ассимилировала почти всю область изучения его идей и во многом подчинила исследования своим собственным нормам и стандартам. Итоги 1960-х гг. были подведены в сборнике под редакцией Дж. Йолтона «Джон Локк: проблемы и перспективы» (1969)²², среди участников которого — крупнейшие исследователи Локка первого послевоенного поколения, такие как Эсмонд де Бир, Питер Ласлет, Вольфганг фон Лейден, Ричард Ашкрафт.

Начиная с 1975 г. в рамках «локковского проекта», развернутого оксфордским издательством «Кларендон-пресс», вышел ряд критических изданий произведений Джона Локка:

20. *Yolton J. W.* John Locke and the Way of Ideas. — Oxford: Clarendon Press, 1956; *Cranston M.* John Locke: A Biography. — London: Longmans, Green and Co, 1957.

21. *Locke J.* Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

22. John Locke: Problems & Perspectives. A Collection of New Essays / Ed. by J. W. Yolton. — Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

«Опыт о человеческом понимании» под редакцией Питера Ниддича (1975; в мягкой обложке 1979 г.); переписка Локка в восьми томах под редакцией Э. де Бира (1976–1989; девятый, итоговый и аналитический, том до сих пор не вышел в свет); «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» под редакцией Артура Уэйнрайта (1987); «Некоторые мысли об образовании» под редакцией Джона Йолтона и Джин Йолтон (1989); экономические работы Локка под редакцией Патрика Хайда Келли («Локк о деньгах», 1991); «Разумность христианства» под редакцией Джона Хиггинса-Бидла (1999); «Религиозные сочинения» под редакцией Виктора Нуово (2002); «Опыт о толерантности и другие сочинения по праву и политике, 1667–1683» под редакцией Джона Милтона и Филипа Милтона (2006); «Виндикации „Разумности христианства“» под редакцией Виктора Нуово (2012)²³.

Важную роль сыграли также библиографические описи произведений самого Локка и исследований о нем, составленные Роландом Холлом и Роджером Вулхаусом (1983)²⁴, Джоном Аттигом (1985 г. и вплоть до сего дня)²⁵ и Джин Йолтон (1998)²⁶. С 1970 г. под редакцией Роланда Холла выходит ежегодный журнал, посвященный Локку, «Locke Newsletter» (1970–1999), с 2000 г. — под названием «Locke Studies».

23. *Locke J.* An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford: Clarendon Press, 1975; 1979; The Correspondence of John Locke. Vols. 1–VIII / Ed. by E. S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976–1989; *Locke J.* A Paraphrase and Notes on the Epistles of St Paul / Ed. by A. W. Wainwright. Vols. 1–2. — Oxford: Clarendon Press, 1987; *Locke J.* Some Thoughts concerning Education / Ed. by J. W. Yolton, and J. S. Yolton. — Oxford: Clarendon Press, 1989; Locke on Money. Vols. 1–11 / Ed. by P. H. Kelly. — Oxford: Clarendon Press, 1991; *Locke J.* The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999; *Locke J.* Writings on Religion / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2002; *Locke J.* An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. — Oxford: Clarendon Press, 2006; *Locke J.* Vindications of the Reasonableness of Christianity / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2012.
24. *Hall R. and Woolhouse R.* 80 Years of Locke Scholarship: A Bibliographical Guide. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1983.
25. *Attig J. C.* The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present. — Westport: Greenwood Press, 1985. URL: <http://www.libraries.psu.edu/tas/locke>.
26. *Yolton Jean S.* John Locke: A Descriptive Bibliography. — Bristol: Thoemmes Press, 1998.

Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение Локка, следует назвать, кроме вышеупомянутых, Кеннета Дьюхерста, Грэма А. Дж. Роджерса, Марио Монтуори, Джеймса Тулли, Ханса Аарслефа, Филипа Абрамса, Марка Голди, Питера Анстея, Ричарда Вернона, Иана Харриса, Джона Маршалла, Уильяма Спелмана, Барбару Арнейл, Джереми Уолдрона, Пола Шурмана, Джонатана Уолмсли, Николаса Джолли, Дэвида Вуттона, Луизу Симонутти, Сами-Юхани Савониус-Рот. Разумеется, этот список далеко не исчерпывает всех занимающихся Локком исследователей, число которых растет из года в год.

Таким образом, можно утверждать, что начиная с 1950-х гг. сложилась особая область исторических изысканий, базой которых стали источники из лавлейсовской коллекции и других собраний, и сформировалось сообщество историков-локковедов с продолжающей развиваться общей исследовательской программой.

Публикация произведений, оставшихся в рукописях, вышла за рамки завещания Локка уже в начале XVIII в., несмотря на ясную инструкцию, которая была дана душеприказчику Кингу относительно архива. «Уверен, — писал Локк, — там нет ничего достойного печати». Сам Кинг в «Посмертных работах Джона Локка» опубликовал немного больше, чем было завещано Локком, а именно добавил незавершенное «Четвертое послание о толерантности», заметку о Шефтсбери и английский перевод «Нового метода ведения записей». В том же 1706 г. стараниями Кинга была опубликована «Личная переписка между г-ном Локком и некоторыми его друзьями»²⁷. Все эти новые материалы вошли в локковский «канон» почти сразу же после смерти мыслителя.

Несмотря на большой массив рукописей, находившихся в его распоряжении, Кинг все же не решился на их публикацию. И лишь в 1829 г. правнук Питера Кинга, седьмой барон Кинг, опубликовав «Жизнь Джона Локка, с извлечениями из его корреспонденции, дневников и тетрадей» (третье издание 1858 г.), впервые дал ссылки на источники. Этот труд Кинга был использован в первой более или менее полной био-

27. Some Familiar Letters between Mr. Locke, and several of his Friends. — London, 1706.

графии Локка, написанной Генри Ричардом Фоксом (Фокс-Борном) (1876)²⁸, к сожалению не имевшим доступа к лавлейсовской коллекции. Среди более поздних публикаций можно отметить следующие. В 1927 г. Бенджамин Ранд опубликовал «Переписку Джона Локка и Эдварда Кларка»²⁹, а в 1931 г. уже упоминавшийся «набросок В» «Опыта о человеческом понимании». Вместе с «наброском А» Ричард Аарон и Джослин Гибб опубликовали в 1936 г. и отрывки из локковских дневников³⁰. Новый материал был использован Аароном в его не потерявшей актуальности книге о Локке (первое издание 1937 г.)³¹, а также в ряде последующих изданий, из них необходимо выделить публикацию Дж. Лафом (1953) дневников Локка, которые тот вел во Франции в 1675–1679³².

* * *

Все перечисленные выше и последующие публикации отрывков, отдельных писем и рукописей, которые осуществлялись с начала XVIII в. и продолжают вплоть до сегодняшнего дня, можно считать нормальной процедурой исторического исследования. Однако из этого «нормального» ряда выбивается публикация, на которой стоит остановиться подробнее, поскольку именно она стала *первой попыткой существенного изменения и серьезного расширения не только состава, но и содержания локковского «канона», принципы которого были заложены в упомянутом завещании самим Локком.*

Собственно говоря, именно эта публикация послужила основанием для целого ряда современных локковедческих интерпретаций. Речь идет о «Коллекции нескольких работ г-на Локка, никогда ранее не печатавшихся и не входящих

28. Fox Bourne H. R. The Life of John Locke. Vols. I–II. — London: Henry S. King & Co, 1876.

29. Rand B. The Correspondence of John Locke and Edward Clarke. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927.

30. An Early Draft of Locke's Essay together with Excerpts from his Journals / Ed. by R. Aaron and J. Gibb. — Oxford: Oxford University Press, 1936.

31. Aaron R. I. John Locke. — Oxford: Clarendon Press, 1937.

32. Locke's Travels in France, 1675–1679, As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

в его „Труды“, вышедшей в 1720 г. под редакцией журналиста, переводчика и редактора, члена Лондонского королевского общества с 1720 г. Пьера Де Мезо — человека, близкого к Жану Ле Клерку и Антони Коллинзу³³. Во втором издании «Коллекции» в 1739 г. Коллинз даже назывался «руководителем» этой книги. Имя Коллинза появилось не случайно — в последние годы жизни Локк поддерживал с ним близкие отношения.

Де Мезо и Коллинз были уверены, что именно Локк — настоящий автор публикуемых работ. Питер Кинг не стал вмешиваться и не заявил протест, однако отказался помогать Де Мезо и Коллинзу, которые просили его предоставить им дополнительные материалы. Черчилли отказались включить приписанные Локку работы в выходявшие под эгидой их издательства «Труды» Локка³⁴. Тем не менее сочинения из «Коллекции» уже к середине XVIII в. вошли в локковский «канон», хотя тогда значение этого факта не было осознано должным образом. А в 1751 г. они все же были включены в пятое издание «Трудов» Локка и присутствовали во всех последующих изданиях вплоть до девяти томного двенадцатого (1824), ставшего основой для дальнейших многочисленных перепечаток и изданий.

В «Коллекцию» были включены два замечательных документа: «Основные законы Каролины» («The Fundamental Constitutions of Carolina», 1669/1670) и «Письмо знатного лица своему другу в деревне» («A Letter from a Person of Quality, to His Friend in the Country», 1675)³⁵.

33. A Collection of Several Pieces of Mr. John Locke, Never before Printed, or not Extant in his Works. Ed. Pierre Desmaizeaux. London, 1720. Иногда имена Ле Клерка и Де Мезо передаются, в том числе и западными исследователями, в слитной форме (Демезо и Леклерк), что, по-видимому, является следствием именно такого их написания в списках членов Лондонского королевского общества.

34. The Works of John Locke. In Three Volumes. — London, 1714; 2nd ed. 1722, 3d 1727, 4th 1740, 10th 1801.

35. The Fundamental Constitutions of Carolina // The Works of John Locke. Vol. IX. — London, 1824; Locke J. A Letter from a Person of Quality to his Friend in the Country; giving an Account of the Debates and Resolutions of the House of Lords, in April and May, 1675, concerning a Bill, intituled, an Act to prevent the Dangers which may arise from Persons disaffected to the Government // The Works of John Locke. Vol. IX. — London, 1824.

Джин Йолтон в своем труде квалифицирует эти две работы как принадлежащие Антони Ашли Куперу, первому графу Шефтсбери, и ложно приписанные Локку, ссылаясь, в частности, на статью Дж. Милтона³⁶, а также на мнение Э. де Бира по поводу «Письма знатного лица»: «Де Мезо не приводит никаких доказательств для своего утверждения; нет никаких стилистических или внешних признаков для его обоснования»³⁷. Примерно того же мнения придерживается Джон Аттиг, говоря лишь о *возможном* участии Локка наряду с другими политическими советниками Шефтсбери³⁸. Джон Милтон и Филип Милтон однозначно отрицают авторство Локка и склоняются к тому, что автором был сам Шефтсбери. По их мнению, хотя Локк вполне мог принимать участие и, вероятнее всего, действительно участвовал в сочинении «Письма знатному лицу», «его роль была, по сути, второстепенной. „Письмо“ было написано по указаниям Шефтсбери и для его целей, и содержание письма отражает его взгляды, а не взгляды Локка»³⁹.

Как пишет Ф. Милтон, «следует признать, что не существует неопровержимых свидетельств, связывающих его [Локка] с „Письмом“, — нет ни личных признаний, ни черновиков, написанных его рукой, ни неоспоримых современных ему подтверждений и никаких строк, которые были бы написаны только им. Свидетельства, которые у нас имеются, фрагментарны и исключительно косвенны: ни одно из них не имеет решающего характера, и не все указывают в одном и том же направлении»⁴⁰.

К концу жизни Локка публике было хорошо известно, что именно он является автором целого ряда анонимных

36. Milton J. R. John Locke and the Fundamental Constitutions of Carolina // Locke Newsletter. 1990. No. 21.

37. The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 664n.

38. Attig J. C. The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present. — Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985. P. 7.

39. Milton J. R. and Milton Ph. General Introduction // Locke, J. An Essay concerning Toleration, and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. — Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 114.

40. Ibid. P. 97.

работ. Тем не менее вплоть до 15 сентября 1704 г. (дата составления кодицилла) Локк этого не признавал. Собственно говоря, сегодня мы приписываем авторство «Двух трактатов о правлении» Локку только на основании признания, которое было им сделано в дополнении к завещанию. Ласлет подчеркивает: «Без этого последнего... мы не имели бы ни одного прямого доказательства того, что он вообще написал эту книгу»⁴¹. В кодицилле указаны и другие произведения, опубликованные Локком анонимно. Заметим, что все они, кроме «Двух трактатов» и латинской «*Epistola de Tolerantia*», так или иначе *оставили* следы в его архиве и позволяют произвести их однозначную атрибуцию и датировку.

Возьмем английский перевод «*Epistola*» — «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Критики называли их анонимного автора социнианином, унитарием и атеистом (т.е. еретиком, заслуживающим сурового наказания), и при этом все прекрасно знали, что их автор и автор последовавших за ними полемических «посланий» и «виндикаций» — Джон Локк. Кроме того, хотя «Разумность христианства» оказалась опасной работой, которую ставили в один ряд с подрывным трактатом Джона Толанда, Локк не прятал и не уничтожал следов, которые свидетельствовали бы о его авторстве. И в кодицилле он прямо назвал это произведение своим.

Посмертно изданный труд «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» прямо назывался Локком «своим» в письме Кингу. Больше того, о его публикации имелась договоренность с издателями Джоном и Оншемом Черчиллями, которым *поручалось опубликовать его, не раскрывая имени автора* (!).

Что касается «Основных законов Каролины» и «Письма знатного лица», то они не назывались ни в завещании, ни в кодицилле. В архиве Локка тоже нет ничего, что свидетельствовало бы о его авторстве. При жизни Локка и после его смерти никто, кроме Де Мезо и Коллинза, не считал его автором этих документов.

41. Laslett P. Introduction // Locke, J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 4.

Тем не менее обе эти работы включены в современные сборники политических сочинений Локка, вышедшие под редакцией Д. Вуттона и М. Голди⁴². При этом Вуттон склоняется к тому, что «Основные законы Каролины» — в основном работа Локка, в то время как «Письмо знатного лица» — в основном работа Шефтсбери, а Голди считает обе работы принадлежащими Локку. «Письмо знатного лица своему другу в деревне» включено и в одно из последних научно-критических изданий Локка. Таким образом, и «Основные законы Каролины», и «Письмо знатного лица» продолжают фигурировать как работы, принадлежащие локковскому «канону». Почему?

Причиной является то, что и Голди, и Вуттон придерживаются приблизительно одной концепции, берущей свое начало в уже упомянутом научно-критическом издании «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета. Поразительно, как общая концепция может влиять на интерпретацию даже опровергающих ее документов, заставляя маркировать и их в качестве подтверждающих.

Суть концепции заключается в том, что политическая мысль Локка привязывается к конкретному историческому периоду, а именно «кризису исключения». Помимо этого, утверждается, что для понимания Локковых идей необходимо помнить о его близких отношениях с первым графом Шефтсбери, деятельность которого, особенно в последний период его жизни, якобы сыграла определяющую роль в формировании политических взглядов Локка и задает главный контекст создания «Двух трактатов о правлении». Вехами в этом «формировании» и служат, для последователей Ласлета, «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица». Именно они позволяют «привязать» Локка к контексту Шефтсбери.

Но был ли Локк их автором? Доказать, что был, невозможно. Доказать, что не был, трудно. Но шанс все же имеется.

В 1871 г. вышла биография первого графа Шефтсбери, написанная У. Д. Кристи, в которой цитировался отрывок из письма Локка графу Пемброку от 28 ноября / 8 декабря

42. *Locke J. Political Writings* / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003; *Locke J. Political Essays* / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

1684 г.⁴³ Кристи считал это письмо достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о том, что автором «Письма знатного лица» является Шефтсбери. Фокс-Борн считал его основанием для вывода о «политической невинности» Локка. Приведем несколько отрывков из этого письма:

«Меня часто удивляло, при том образе жизни, который я вел, и при том складе характера, который меня отличал... что меня сделали автором столь многих памфлетов, разве только по той причине, что из всей семьи милорда я более других имел дело с книгами. Я думал, что такое мнение обо мне излечит время и содержащиеся в нем противоречия и что наиболее подозревающие меня лица в конце концов перестанут приписывать мне сочинения, содержание и стиль которых, верю я (ибо никогда не видел памфлетов, которые мне приписывают), настолько сильно различаются, что вряд ли могли быть написаны одним и тем же автором, к тому же гораздо более способным человеком, чем я. <...> И что же это за странная судьба, наградившая меня репутацией далеко не самого последнего сочинителя, хотя я ничем ее не заслужил. Думаю, что два или три стихотворения, напечатанные под моим именем⁴⁴, не могли создать мне такой репутации. За этим исключением я решительно протестую и заявляю в присутствии Бога, что не являюсь автором не только клеветы, но и какого бы то ни было печатного памфлета или трактата, доброго, злого или нейтрального. Мои всегдашние опасливость и робость в отношении публикаций, даже в вопросах весьма далеких от каких-то клевет и бунтарства, настолько хорошо известны моим друзьям, что многие из них могли бы, уверен, выступить моими компургаторами⁴⁵».

43. См.: The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 661–666.

44. Стихи-поздравления в адрес Кромвеля (1654), Карла II (1660), королевы Екатерины (1662). См.: Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 201–204, 209–211. Действительно, на конец 1684 г. Локк не опубликовал ничего, кроме этих раболопных стихотворений.

45. Компургатор — по законам того времени, свидетель, очищающий обвиняемого от выдвигаемых против него обвинений клятвой в том, что считает его невиновным.

Аналогичное заявление Локк сделал в письме Э. Кларку от 22 декабря 1684/1 января 1685 г.⁴⁶

Разумеется, эти два письма Локка вызывают у современных историков разные оценки. Биограф Шефтсбери — К. Хейли считает, что Локк «темнил»⁴⁷. Р. Ашкрафт, для которого письма Пемброку и Кларку подрывали всю его концепцию Локка как радикала, дал еще более резкую оценку. Письмо Пемброку, пишет он в своей книге, «содержит так много вилиний и прямой лжи, что... занимает уникальное место как самый недостоверный и один из самых загадочных текстов, когда-либо написанных Локком»⁴⁸. «Радикальная» позиция Р. Ашкрафта, во всяком случае, отличается последовательностью и отсутствием недоговоренностей. Если «Два трактата» были написаны в начале 1680-х гг. и если мы считаем полноценным автором этого труда Локка, то мы должны считать письма графу Пемброку и Эдварду Кларку спасительной ложью, а самого Локка — радикальным мыслителем, который был вынужден скрываться от властей в ссылке, а на гребне «славной» революции триумфально вернулся в Англию, достал спрятанное перед ссылкой сочинение и наконец опубликовал свой главный политический труд.

И Хейли, и Ашкрафт, приводя свои доводы, не обращают внимания на слова «*в присутствии Бога*». Локк не мог написать эти слова, не отвечая за них в полной мере.

Возьмемся к письму: «Я никогда не делал ничего неподобающего против Его Величества или против правительства: в моей жизни не было ничего меня позорящего, и я не припоминаю ничего, что следовало бы расценить как правонарушение. Я никогда не состоял ни в каких подозрительных клубах или заговорческих кликах, был мало знаком

46. The Correspondence of John Locke. Vol. 11 / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 671–675.

47. Haley K. H. D. The First Earl of Shaftesbury. — Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 392–393. Приводится по: Milton, J. R., and Milton, Ph. General Introduction // Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. — Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 112.

48. Ashcraft R. Revolutionary Politics & Locke's "Two Treatises of Government". — Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 121.

и почти ни с кем не знался в доме, где происходило столь многое, а из тех немногих, с кем я водил дружбу, делал выбор в пользу людей книжных»⁴⁹.

По словам Локка, его собственное состояние за время «столь долгого» пребывания в доме Шефтсбери почти не увеличилось, и теперь, пишет он, «получив столь мало пользы от службы ему при его жизни, я должен испытывать столь великие страдания теперь, когда он умер»⁵⁰.

Вообще говоря, тезис о какой-то особенной дружбе Локка и Шефтсбери не получает подтверждения и основывается лишь на свидетельствах первых биографов — Жана Ле Клерка и Пьера Коста. Локк выполнял работу секретаря нескольких комиссий в период, когда Шефтсбери занимал пост лорда-канцлера, т. е. в начале 1670-х гг. Но был ли он его личным секретарем? Во многих работах, затрагивающих тему отношений Локка и Шефтсбери, отмечается также, что они даже обедали за разными столами: Локк был «приписан» к столу графского стюарда — Томаса Стрингера⁵¹, при этом за собственным столом Шефтсбери делил компанию со своим капелланом и школьным другом Локка Натанаелем Ходжесом⁵². Известно также, что во время выездов в Уайтхолл Локк находился не в карете с патроном, а всю дорогу шел рядом с экипажем. В письме Локка Пемброку сквозит неприязнь к Шефтсбери, которая находит свое выражение и в меморандуме, который он составил перед смертью по просьбе третьего графа Шефтсбери.

Письма Локка Пемброку и Кларку многое говорят об отношении их автора к Шефтсбери. Но если признать, что *Локк не лгал* (а стоит ли предполагать иное?), то из этого следует, что он не имел прямого или вообще какого-либо отношения к составлению «Основных законов Каролины»

49. The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E. S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 663.

50. Ibid. P. 662–663.

51. См.: *Milton J. R. Shaftesbury, First Earl, 1621–1683* // The Continuum Companion to Locke. Ed. by S. J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London — N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010.

52. *Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 177–178.

и «Письма знатного лица». Раз и в кодицилле не оказалось этих работ, это означает, что он был далек от процесса их создания, в лучшем случае выступал как переписчик или стенографист. Вспомним: Локку стоило немалых сил признать «своими» «Два трактата о правлении», но он все же это сделал.

Из письма Пемброку следует также, что «Два трактата о правлении» были написаны уже после смерти Шефтсбери. Но в таком случае на момент своего исключения из колледжа Крайст-Чёрч в конце 1684 г. Локк оказывается автором: 1) консервативных трактатов 1660–1662 гг., вероятно написанных по просьбе декана колледжа Крайст-Чёрч Джона Фелла; 2) плана лекций, которые фон Лейден назвал «Опытами о законе природы»; 3) «Опыта о толерантности» 1667 г. — переписанного набело рукой Локка некоего текста, вероятно служившего домашней заготовкой для продвигавшегося тогда лордом Ашли Купером (т. е. Шефтсбери) очередного «билля о снисхождении»; 4) совместных с Джеймсом Тиррелом заметок о только что вышедших публикациях Эдварда Стиллингфлита 1681 г. (до сих пор по какой-то причине опубликованных в крошечных фрагментах).

Необходимо помнить, что ни одна из этих работ не была опубликована при жизни Локка и даже их названия являются условными и придуманы позднейшими публикаторами. Локк никогда не собирался публиковать эти свои сочинения. Да и чего только не бывает в архивах! Если же «убрать» из «канона» приписанные Локку работы «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица» и предположить, что «Два трактата» написаны уже после смерти графа Шефтсбери, то становится весьма сомнительным, что Локк когда-либо был теоретиком колониализма, идеологом вигов и радикалов, соратником Шефтсбери и активным участником политических баталий и заговоров 1670-х — начала 1680-х гг.

Сомнительной оказывается и вся детально разработанная историографическая конструкция, толчком к созданию которой послужила поправка Де Мезо — Коллинза, фундаментом стала гипотеза Ласлета, а само здание с многочисленными и порой альтернативными выводами возвели многочисленные последователи Питера Ласлета в 1970–2000-х гг.

Все дальнейшее изложение, с одной стороны, представляет собой критический анализ современных историографических концепций (в том числе и выводов Ласлета), а с другой стороны, является попыткой иного взгляда на фигуру Локка и на контексты его политической мысли.

Шефтсбери и «кризис исключения»

НИ ОДНО исследование наследия Локка не может пройти мимо издания «Двух трактатов о правлении» под редакцией, с предисловием и примечаниями Питера Ласлета, впервые опубликованного в 1960 г.¹ Читая предисловие Ласлета, ловишь себя на мысли, что оно написано человеком, не слишком симпатизирующим своему герою — например, в оценке записи Локка, посвященной Шефтсбери, в которой рассказывается о роли последнего в реставрации монархии и возвращении на трон Стюартов в лице Карла II.

«Последним литературным творением Локка, — пишет Ласлет, — стало жизнеописание, или оправдание, или Eloge, как говорили французы, его великого хозяина. Это был последний долг, который отдают образованные люди тем, кто сделал для них возможными литературную жизнь и жизнь мысли»². В этом «мемуаре» Локк не говорит ни слова о годах совместной работы с Шефтсбери, а выбирает известный эпизод, который он мог знать в деталях лишь по рассказам других людей или от самого Шефтсбери. Речь шла о парламентской делегации к Карлу Стюарту с просьбой взойти на английский трон. Локк познакомился с Шефтсбери в 1666 г., а описываемые в заметке, составленной по просьбе его внука, третьего графа Шефтсбери, события относились

1. *Locke J. Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. Издание 1988 г. содержит ряд исправлений, которых нет во 2-м издании 1967 г., в том числе в предисловии и примечаниях, учитывающих исследовательскую работу сообщества локковедов в 1970–1980-х гг. и изменение некоторых оценок самого Ласлета.

2. *Laslett P. Introduction* // *Locke, J. Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 37.

к 1660 г., когда Антони Ашли Купер, в свое время предавший Карла I, ставший сторонником парламента, республики, а затем Кромвеля, не просто перешел на сторону монархии, но принял активное участие в ее восстановлении, за что незамедлительно получил титул барона и пост лорда казначейства.

В словах Ласлета чувствуется и ирония, и моральная оценка. Говоря далее о «Двух трактатах о правлении», Ласлет отмечает, что значение этого сочинения Локка производно от его «Опыта о человеческом понимании», опубликованного в 1690 г.: «Со времени его [Локка] смерти связь с „Опытом“ была главной характеристикой „Двух трактатов“. Рассуждали так: крупный философ обращается к политике, поэтому написанное им должно представлять собой серьезную политическую философию»³. Затрагивая тему анонимности и объясняя решение Локка не раскрывать себя в качестве автора «Двух трактатов», Ласлет говорит, что Локк боялся критики. «Критика всегда глубоко его задевала, что послужило одной из причин нежелания признавать авторство собственных книг, которые, как он полагал, могли стать предметом нападок»⁴.

Ласлет начинает свое введение к изданию «Двух трактатов о правлении» с цитаты из письма Локка преподобному Ричарду Кингу, кузену Питера Кинга, от 25 августа 1703 г. Отвечая на вопрос о «кратчайшем и надежнейшем способе для юного джентльмена достичь истинного знания христианской религии в ее полном и точном виде», Локк, в частности, пишет: «Нигде я не нашел более ясного объяснения собственности, чем в книге, озаглавленной „Два трактата о правлении“»⁵. Ласлет замечает: «Редко когда автор рекомендует одну из своих собственных работ в качестве руководства для юного джентльмена, стремящегося приобрести „понимание устройства правления и реальных интересов его страны“. Но еще реже человек, готовый сделать это, ставит свою собственную книгу в один ряд с „Политикой“ Аристо-

3. Ibid. P. 38.

4. Ibid. P. 38–39.

5. The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press. 1981. P. 56, 58.

теля и „Церковной политикой“ Гукера, как если бы эта работа была написана кем-то другим, кого он не знает. И, наверное, уникально, когда это делается в письме к родственнику. Зачем вообще было скрывать это от человека, который, по всей вероятности, об этом знал?»⁶ Ласлет отмечает, что аналогичная ссылка на собственную работу содержится в работе Локка «Некоторые мысли о том, что читать и изучать джентльмену» («Some Thoughts concerning Reading and Study for a Gentleman», впервые напечатана в «Коллекции» Де Мезо и Коллинза)⁷.

По словам Ласлета, Локк «ненормальным, маниакальным образом» заметал следы, уничтожив все подготовительные материалы к книге, все ссылки на нее в своих бумагах, касающиеся ее композиции, издания и переиздания, а переговоры с издателем вел через третью сторону (Эдварда Кларка). Даже в каталоге своей библиотеки он обозначил эту книгу как анонимную.

В историографии Локка, помимо отмечаемого практически всеми историками вклада Ласлета в подготовку научно-критического издания «Двух трактатов о правлении», принято считать (можно даже сказать — стало общим местом), что это произведение было написано не в преддверии и не во время «славной революции» 1688–1689 гг., а раньше — в период политического кризиса, получившего название кризиса «исключения». Эта «поправка», на возможность которой впервые указали Де Мезо и Коллинз, означала для Ласлета, что обстоятельства возникновения Локковых концепций и их смысл требуют полного пересмотра. Главным было то, что, как считал Ласлет и затем его последователи, идеи «Двух трактатов о правлении» в этом случае связаны с политикой зарождавшейся в середине 1670–1680-х гг. партии вигов и ее лидера — первого графа Шефтсбери.

Одно упоминание имени Шефтсбери долгое время вызывало, да и сегодня нередко вызывает негативные ассоциации. Хитрый, ловкий политик, меняющий свои позиции

6. Laslett P. Introduction // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 3.

7. См.: Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study for a Gentleman // Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

и взгляды в зависимости от ситуации, не гнушающийся любыми средствами ради достижения своих политических целей и удовлетворения непомерного тщеславия, — все это всплывало в памяти, когда речь заходила о событиях трех периодов английской истории — гражданских войн и Республики, протектората и Реставрации. Что касается Локка, то его имя до сих пор ассоциируется с именем Шефтсбери. Локк был, по мнению многих исследователей, его «домашним философом»⁸, «проживавшим по месту службы идеологом»⁹, «личным мозговым центром»¹⁰, «частью мозгового треста»¹¹, «находящимся на содержании интеллектуалом», «наемным интеллектом дома Шефтсбери»¹², наконец, его «человеком идей»¹³.

Историки привычно отмечают также, что Локк якобы был не только мыслителем, но и человеком действия: курьером, передававшим тайные сообщения, заговорщиком и даже хирургом-любителем, осуществившим сложнейшую операцию по спасению своего патрона от смертельного недуга. Так или иначе, и особенно после издания Де Мезо и Коллинзом «неизвестных» произведений Локка, имя последнего оказалось неразрывно связано с именем и деяниями Шефтсбери.

И все же, как отмечает Джон Милтон, хотя судьбы этих двух людей и переплелись, их отношения не отличались близостью. «В любом случае есть что-то фундаментально неправдоподобное в предположении, что Локк или любой другой человек мог быть политическим советником Шефтсбери. Ко времени, когда Локк вошел в его окруже-

8. *Cranston M.* John Locke and the Case for Toleration // *John Locke: A Letter concerning Toleration in Focus* / Ed. by J. Horton and S. Mendus. — London and N.Y.: Routledge, 1991. P. 79.

9. *Parry G.* John Locke. — N.Y.: Routledge, 1978. P. 5.

10. *Lloyd Thomas D. A.* Locke on Government. — London and N.Y.: Routledge, 1995. P. 3.

11. *Haley K. H. D.* The First Earl of Shaftesbury. — Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 215.

12. *Dunn J.* The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government". — Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 29, 212.

13. *Kenyon J. P.* Stuart England. — London: Penguin Books, 1978. P. 8.

ние, Шефтсбери был политиком, имевшим огромный и необычайно разнообразный опыт, и нуждался в политическом советнике не больше, чем Моцарт в советнике музыкальном. Некоторые советы ему действительно были нужны: медицинские, особенно касавшиеся перенесенной им в 1668 г. операции, юридические — и когда он занимал пост лорда-канцлера, и когда был арестован в 1681 г. Однако вокруг него было множество экспертов, гораздо лучше Локка разбиравшихся в этих вопросах, и разумно предположить, что и Локк, и Шефтсбери это понимали»¹⁴.

Об отношениях, которые в принципе могли или не могли сложиться между Локком и Шефтсбери, лучше всего, пожалуй, говорят биографии этих двух очень разных людей и история их деяний. Начнем с Шефтсбери.

* * *

Антони Ашли Купер родился 22 июля 1621 г. в Дорсете, в богатой аристократической семье. Рано остался без родителей, воспитывался опекунами, недолго учился в Оксфорде, затем в юридической школе Линкольнз-Инн. В 1639 г. женился на дочери лорда-хранителя печати Томаса Ковентри Маргарет, а поскольку сестра его жены вышла замуж за Уильяма Савиля, отца Джорджа Савиля, первого маркиза Галифакса, то благодаря этим двум обстоятельствам Купер с самого начала своей карьеры оказался в центре политической жизни.

В первый период гражданской войны он не спешил вставать на чью-либо сторону, затем ненадолго принял сторону короля, тут же наградившего его рядом незначительных должностей, но затем, в феврале 1644 г., перешел на сторону парламента, объяснив это тем, что, по его мнению, роялисты не намерены защищать протестантскую религию и английские свободы. Сделав это, он рисковал своими владениями в Дорсете, Сомерсете и Уилтшире, оставшимися за линией, разделявшей две армии.

После смерти Маргарет в 1650 г. Купер женился на леди Франсес Сесил. В этом браке родился его сын Антони Ашли,

14. *Milton J.* The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 180.

будущий второй граф Шефтсбери. Вскоре после казни Карла I Купер стал мировым судьей Уилтшира и Дорсета, а затем уполномоченным (комиссионером — *commissioner*) по сбору налогов в этих графствах. В феврале 1650 г. он принял «торжественное обязательство» и поклялся в лояльности республике. В 1652 г. вошел в так называемую комиссию Хейла, занимавшуюся разработкой новой конституции, возможно, в качестве представителя самого Кромвеля. В 1653 г., после военного переворота и разгона «Охвостья», был назначен представителем Уилтшира в «Бербонском» (другие названия — «назначенный», «малый») парламенте, в июле стал членом госсвета и в августе его председателем. В декабре 1653 г., после падения Бербонского парламента, был назначен одним из пятнадцати членов госсвета, сформированного согласно конституции протектората — «Орудия управления».

Новая конституция «Орудие управления» рассматривала государственный совет в качестве ключевого элемента правительства, по сути дела — как противовес единоличной власти лорда-протектора и своего рода рычаг «управляемой монархии». С точки зрения Купера, режим нуждался в совершенствовании, по сути дела — в доведении до состояния, в котором он находился до начала гражданских войн, в частности, через воссоздание палаты лордов из представителей наследственной аристократии. Что касается Кромвеля, то он, скорее, использовал госсвет тогда, когда в нем возникала потребность, а в остальных случаях игнорировал. Идейным вдохновителем режима был генерал Уильям Ламберт.

В сентябре 1654 г. Купер был избран членом первого парламента протектората от Уилтшира. Согласно «Орудию управления», однопалатный парламент должен был собираться раз в три года; госсвет должен был контролировать его состав, отсеивая тех, кого считал нежелательным, имея в виду прежде всего «республиканцев», таких как Артур Хеселридж и Томас Скот, бывших членов «Охвостья» и других депутатов оппозиционных взглядов. Купер считался претендентом на пост канцлера, поскольку дружил с одним из сыновей Кромвеля — Генри Кромвелем и был близок к самому лорду-протектору.

Вопрос об избрании/наследовании следующего лорда-протектора обсуждался в парламенте в течение 1654 г. Высказывалось мнение, что протектора не обязательно

называть королем, однако сам пост необходимо сделать наследственным. Это предложение высказывал и автор «Орудия управления» Ламберт, реальный претендент на пост следующего лорда-протектора. В декабре 1654 г. Купер поддерживал предложение сделать Кромвеля королем (королем Оливером I, первым из династии Кромвелей), в попытке — как он позднее, уже при Карле II, объяснял свою позицию — сохранить парламент и погубить лорда-протектора. Однако на самом деле им двигало разделявшееся многими ощущение, что протекторат, не имевший (в отличие от системы «смешанной монархии») механизма сдержек и противовесов, может привести к тирании. После отказа Кромвеля возложить на себя корону Купер, не желая проигрывать соперничество с Ламбертом, присоединился в январе 1655 г. к парламентской оппозиции, а после роспуска парламента тихо, без скандала удалился в свое родовое поместье, сложив с себя также и полномочия члена государственного совета.

В 1655 г. Купер женился, в третий и последний раз, на Маргарет Спенсер, сестре первого графа Сандерленда и племяннице четвертого графа Саутгемптона. Благодаря этой женитьбе он стал родственником второго графа Сандерленда (члена Лондонского королевского общества с 1662 г.). В сентябре 1656 г. был избран от Уилтшира во второй парламент протектората, однако госсовет запретил ему и еще сотне депутатов участвовать в его работе. В 1657 г. парламент принял новую конституцию — «Покорнейшую петицию и совет», согласно которой исключенные депутаты могли занять свои места в парламенте. 28 января 1658 г. Купер присягнул на верность новому протектору, однако выступил против создания второй парламентской палаты, вступив тем самым в ряды «республиканской» оппозиции, которая вынудила Кромвеля спустя несколько дней распустить парламент.

Годом позже Купер вновь стал депутатом от Уилтшира в парламенте, созванном уже Ричардом Кромвелем, выступив в дебатах по биллю о признании сына Кромвеля новым протектором, — биллю, который ограничивал власть протектора над армией и процессом формирования «верхней палаты». Купер выступил против «новых пэров» Кромвеля и поддержал включение в палату аристократов, потеряв-

ших депутатские места еще в феврале 1649 г. После падения протектората и восстановления «Охвостья» был назначен членом госсвета в числе десяти недепутатов.

В конце октября госсвет был заменен на армейский Комитет безопасности. «Республиканцы» выступили против роспуска «Охвостья» генералом Ламбертом и за восстановление регулярных созывов парламента. Купер был арестован, но отпущен под честное слово, дав заверения, что не планировал поднять мятеж на юго-западе Англии. (На самом деле мятеж планировался в Лондоне.) План заговора, включавший захват Тауэра от имени госсвета, не был реализован, однако 16 декабря Купер вместе с другими бывшими членами госсвета опубликовал открытое письмо командиру армией в Шотландии генералу Монку, призвав его вторгнуться в Англию и восстановить мир и «Охвостье» как единственную законную власть.

Несмотря на то что «Охвостье» было к концу года восстановлено, Купер продолжал поддерживать отношения с Монком. В начале 1660 г. он занял свои места в новом госсвете и в парламенте. В середине февраля 1660 г. сумел убедить Монка¹⁵ помочь возвращению членов Долгого парламента. После того как это было сделано, Купер был назначен в новый госсвет, образование которого привело к роспуску Долгого парламента, переговорам с Карлом Стюартом и созыву конвента. В мае палата общин поручила Куперу отправиться в Гаагу и ждать там Карла, а когда тот прибудет, предложить ему вернуться в Англию.

27 мая 1660 г. Купер вошел в Тайный совет, заседал в различных комитетах (включая совет по торговле), выступал от имени правительства в конвенте, участвовал в работе комиссии по царевубийцам. В апреле 1661 г. он был возведен в бароны Ашли, а в мае стал канцлером казначейства. В 1660–1667 гг., при лорде-канцлере графе Кларендоне, Купер продолжил карьерный рост, используя связи с государственным казначеем лордом Саутгемптоном и интригуя при дворе вместе с Бекингемом, Лодердейлом и Беннетом (позднее Арлингтоном) против Кларендона.

15. В период Реставрации Джордж Монк стал первым герцогом Албемарлем и членом Лондонского королевского общества (в 1665 г.).

В 1662 г. лорд Ашли убедил Карла выступить с Декларацией о снисхождении, в 1664 г. лоббировал смягчение Акта о тайных собраниях, а в 1665 г. присоединился к Саутгемптону, возражавшему против Акта о пяти милях. Все эти действия были направлены против политики правительства Кларендона.

После целого ряда поражений в войне 1664–1667 гг. с Нидерландами, а также, начиная с 1666 г., с Францией и потери колониальных владений в результате унижительного мирного договора, Карл II сформировал новое правительство, названное «кабальным» (Cabal) по первым буквам главных министров — Клиффорда (в скором времени главного координатора партии «двора» в палате общин), Арлингтона, Бекингема, Ашли и Лодердейла.

В 1670 г. Карл II заключил в Дувре тайный пакт (своего рода секретные протоколы к официальному Дуврскому договору) с Людовиком XIV, в котором обязался в обмен на французские субсидии в 2 миллиона ливров и военную помощь в 6 тысяч французских штыков не только присоединиться к Франции в войне с Нидерландами, но и объявить о своем переходе в католицизм и начать «рекатолизацию» Англии. В случае успеха военной кампании Карл получал несколько голландских городов, а Вильгельму Оранскому отводилась роль марионеточного правителя.

По мнению современных историков, о секретной части договора были осведомлены только католик Клиффорд и сочувствовавший католикам Арлингтон. Считается, что Шефтсбери, хотя и занимал пост лорда-канцлера, ничего не знал о французских субсидиях. И все же именно Шефтсбери 2 января 1672 г. приостановил операции казначейства, чтобы, избавившись от необходимости выплаты процентов по долгам, государство могло начать вместе с Францией войну против Нидерландов в нарушение ранее заключенного Тройственного альянса (Англии, Нидерландов и Швеции, 1668 г.).

При Шефтсбери 15 марта 1672 г. с помощью королевской прерогативы де-факто была введена в действие Декларация о снисхождении, необходимая накануне начавшейся уже через два дня войны с Нидерландами. Это был способ избежать протестантских заговоров и мятежей внутри страны, чтобы, по словам Карла II, «сохранить мир дома». Нонконформистам была разрешена свобода отправления богослужений при

условии получения лицензий на религиозную деятельность и на моленные дома. Католикам, которые освобождались от действия карательных законов, разрешалось проводить богослужения в частных домах. Всего за период действия Декларации было выдано более 1500 лицензий (939 пресвитерианам, 458 индепендентам и 210 баптистам), началось строительство молельных домов. Король помиловал около 500 диссентеров, которые были выпущены из тюрем. Однако срок действия Декларации 1672 г. оказался недолгим.

По мнению Пола Сиварда, смысл Декларации о снисхождении 1672 г. заключался не только и даже не столько в том, чтобы решить сиюминутные проблемы, связанные с войной. Речь шла о том, чтобы попытаться изменить принципы того политического урегулирования, которое было достигнуто после 1660 г. Несмотря на неоднократные попытки короля и его советников (возможно, главной движущей силой здесь был Шефтсбери) смягчить принимавшиеся в рамках «кодекса Кларендона» репрессивные акты, сделать это не удавалось из-за противодействия парламента. Решающую роль в парламенте играл союз «кавалеров» и епископов, заключенный после всеобщих выборов весной 1661 г., на которых одержали победу «кавалеры и сыновья кавалеров» (т.е. бывшие роялисты и их потомки). Всякий раз, начиная с этого времени, король и его советники (первым из которых в этом качестве выступил Кларендон) наталкивались на сопротивление церкви и парламента.

За неделю до принятия Декларации о снисхождении 1672 г. состоялось известное заседание Комитета по иностранным делам, на котором присутствовали король, герцог Йоркский, принц Руперт, графы Лодердейл и Арлингтон, лорд Ашли и лорд Томас Клиффорд. На вопрос короля, имеет ли он законное право изменять церковный закон, все единодушно заявили, что да, имеет. После принятия Декларации в течение нескольких дней Лодердейл получил титул герцога, Арлингтон — графа, Ашли — графа Шефтсбери, а Клиффорд стал бароном. После того как в ноябре Шефтсбери получил пост лорда-канцлера, Клиффорд стал лордом-казначеем. В заседаниях парламента был объявлен перерыв до сентября 1672 г., а затем перерыв был продлен до февраля 1673 г.

На заседании Комитета по иностранным делам Клиффорд при поддержке Шефтсбери напомнил о возможности

создания поста генерального викария. Пост генерального викария, или генеральный викариат, существовал в Англии при Генрихе VIII. В январе 1535 г. Генрих назначил на этот пост, пользуясь принятым в 1534 г. Актом о супрематии, Томаса Кромвеля, чтобы тот мог начать инспекцию церковного имущества. Ревизия, делегированная далее комиссионерам, заложила основы для ликвидации монастырей, начавшейся в 1536 г. В сентябре 1535 г. король лишил архиепископов права осуществлять свою власть в церкви, и к 1536 г. викариат стал инструментом, который позволял короне вмешиваться в большинство церковных вопросов.

После смерти Томаса Кромвеля пост генерального викария потерял свое значение, однако сохранился сам пример того, каким образом можно было толковать и применять Акт о супрематии. В принципе Акт о супрематии давал королю почти неограниченный контроль над делами церкви. Прецедент делегирования власти Кромвелю в обход парламента говорил также о возможности полного и единоличного контроля над церковью. Елизаветинский Акт о супрематии 1559 г. предоставлял короне все права, аналогичные правам викариата, в том числе касавшиеся сбора средств в случае начала войны, и, хотя после его принятия права были делегированы церкви, ими мог быть наделен и мирянин (т. е. генеральный викарий).

В Декларации 1672 г. не было ни слова о генеральном викариате, однако почти через два года после отмены Декларации эта идея вновь всплыла на поверхность, о чем пойдет речь ниже.

В феврале 1673 г., несмотря на заявление выступившего в парламенте короля о том, что он будет «очень, очень разочарован, если встретит противодействие тому, что он сделал...», и несмотря на его слова: «...и скажу вам прямо, я полон решимости отстаивать мою Декларацию», — палата общин 10 февраля приняла решение, что «законы о наказаниях в делах церковных не могут приостанавливаться иначе, как посредством парламентских актов»¹⁶. В марте 1673 г. по настоянию парламента Карл II отменил действие Декла-

16. См.: *Seaward P. Shaftesbury and the Royal Supremacy* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 64.

рации. В том же 1673 г. парламент вынудил короля принять Акт о проверке на лояльность, требовавший от всех занимающих светские и военные должности лиц принести клятвы в верности, в признании супрематии короля и принять англиканское причастие. Этот акт был направлен на исключение католиков из государственной службы: его первой жертвой стал брат короля герцог Йоркский, за ним последовал Клиффорд.

Что касается принца Оранского Вильгельма, то в результате начавшейся войны он действительно встал во главе государства, но не в качестве марионетки, а как независимый военный и политический деятель, поднявшийся к власти на волне сопротивления вторжению и падения неэффективного правительства Яна де Витта. Успешные военные действия Вильгельма на море и на суше привели к тому, что пункты секретного Дуврского пакта оказались невыполненными и на какое-то время повисли в воздухе, а Карл II в феврале 1674 г. был вынужден подписать мирный договор с Вильгельмом, в котором Англия заявляла о своем выходе из военного альянса с Францией. Более того, в 1678 г. Вильгельму удалось заключить Нимвегенский мирный договор, упрочивший его позиции в Европе и сделавший Нидерланды главным соперником Франции.

Шефтсбери потерял пост лорда-канцлера в ноябре 1673 г., однако его отставка не сопровождалась охлаждением к нему короля, который, в условиях нарастающей оппозиции со стороны парламента, видел две возможные стратегии своего дальнейшего правления.

Первую стратегию «воплощал» Томас Осборн, ставший в июне 1673 г. лордом-казначеем вместо Клиффорда, а еще через год получивший титул графа Данби. В конце 1674 — начале 1675 г. эта стратегия виделась королю как союз с епископами и проведение политики «единообразия» в обмен на лояльность парламента и регулярное пополнение казны.

Возможность *второй стратегии* воплощал Шефтсбери с его и Клиффорда идеей викариата и восстановления полной королевской супрематии. Власть над церковью мирянина могла принести немало средств в казну через ревизию церковного имущества, а также поборы с диссентеров, которые должны были платить за толерантность. Ходили слухи, что в январе 1675 г. к Шефтсбери, удалившемуся в Дорсет,

приезжал лорд Мордонт (второй граф Петерборо), представлявший не то короля, не то герцога Йоркского, не то группу политиков «пресвитерианской и индипендентской фракций», с неким предложением. Говорили также, что Шефтсбери займет пост лорда-наместника Ирландии или генерального викария.

В реальность уже в феврале 1675 г. воплотилась первая стратегия. В принципе, первая стратегия не запрещала создание поста генерального викария, правда с урезанными полномочиями, однако Шефтсбери в ходившем по рукам письме к графу Карлайлу написал, что «не такой дурак», чтобы занять пост со странным названием прежде, чем будет избран новый парламент. Действительно, стратегия «викариата», которую предлагал Шефтсбери, могла осуществиться лишь при условии роспуска парламента «кавалеров», выборов и созыва нового парламента, способного принять новый или подтвердить старый Акт о супрематии в обмен на закон о толерантности.

Шефтсбери не был диссентером и считал епископат наилучшим и наиболее подходящим для Англии способом управления церковью. К тому же он был прилежным прихожанином, в его собственном доме проводились традиционные ежедневные молебны, по воскресеньям богослужения, а «домашние» причащались трижды в год. Впрочем, противники или даже не очень симпатизировавшие ему люди (такие, как Гилберт Бернет) впоследствии писали, что вера его была поверхностной, скорее деистического толка, а интересы склонялись к астрологии¹⁷. Но при этом Шефтсбери был политиком, и пост генерального викария обеспечивал ему, в случае избрания нового, лояльного парламента, власть и над правительством, и над церковью. Однако король посчитал более подходящим союз со старым парламентом «кавалеров» и епископов.

В связи со всей этой историей представляет интерес судьба главного министра графа Данби, врага Шефтсбери, который начиная с 1674 г. предпринимал активные шаги, направленные на выход Англии из орбиты Франции. Можно

17. Примечательно, что сам Гилберт Бернет, ставший при Вильгельме III епископом Солсберийским, был избран в 1664 г. членом Лондонского королевского общества.

сказать, что тори и церковь хорошо понимали ситуацию, связанную с престолонаследием, и пытались найти выход. В 1677 г. Данби устроил заключение брака между старшей дочерью Йорка пятнадцатилетней принцессой Марией и ее кузеном статхаудером Вильгельмом Оранским, а в 1678 г., заключив союз с Нидерландами, чуть было не довел дело до войны с Францией. Еще одним шагом Данби стало предложение законодательно ограничить власть «папистского» преемника (т. е. Йорка), наделив епископов правом назначения кандидатов на все церковные должности, что, по сути дела, означало прекращение королевской супрематии в церкви в той мере, в какой она существовала по Акту 1559 г.

Предложение Данби не было принято, поскольку натолкнулось на оппозицию со стороны парламентской партии вигов во главе с Шефтсбери. Парламент отверг предложение Данби и церковной партии на том основании, что оно подрывает монаршую власть. Примечательно, что в стремлении церковной партии получить независимость от короны виги усмотрели «папизм». В декабре 1678 г. палата общин предприняла попытку импичмента Данби, обвинив его в нарушении «старого порядка», создании постоянной армии, секретных переговорах с Францией, получении взяток от французского короля (о чем на заседании парламента рассказал английский посол во Франции Ралф Монтегю) и воспрепятствовании расследованию дела о «папском заговоре». В 1679 г. политическая карьера главного министра завершилась арестом и заключением в Тауэр, а карьера Шефтсбери, казалось, могла вновь начаться после ее заката в 1673 г.

Что же происходило с Шефтсбери после его отставки с поста лорда-канцлера? Звезда Шефтсбери закатилась в ноябре 1673 г. Причины этого не вполне ясны, но дело было не в отстранении от власти, поскольку еще несколько месяцев после этого он оставался членом Тайного совета и лордом-наместником Дорсетшира.

Проводившаяся им политика шла в русле общего курса Карла II на сближение с Францией и конфронтацию с Нидерландами. В декабре 1670 г. Шефтсбери подписал договор с Францией против Нидерландов. В марте 1672 г. горячо поддержал Декларацию о снисхождении. В апреле 1672 г., после того как началась третья англо-голландская война, по-

лучил титул графа Шефтсбери и барона Купера Полетского. В сентябре 1672 г. занял пост председателя объединенного Совета по торговле и плантациям. В феврале 1673 г. выступал в парламенте уже в качестве лорда-канцлера, сделал громкое заявление о том, что «Карфаген должен быть разрушен», имея в виду под Карфагеном протестантские Нидерланды, и что одна лишь Англия стоит на пути голландской «универсальной империи», по своей силе сравнимой с империей Римской.

По мнению его внука, третьего графа Шефтсбери, за спиной первого графа в это время стоял Локк, подсказывавший, что и как говорить (это, конечно, была попытка обелить своего деда, а поскольку доступ в парламент для лиц, не состоявших его членами, был запрещен, слова третьего графа не следует понимать буквально). Однако в любом случае в течение всего периода с 1660 по 1674 г. Нидерланды изображались в правительственной пропаганде как аморальное государство, голландцы — как жадный, неблагодарный, жестокий и ненадежный народ, а сама страна — как далекая от истинной веры и представляющая угрозу для христианского мира.

И все же именно после отставки позиция Шефтсбери изменилась кардинальным образом. В 1674 г. Шефтсбери проявил себя как борец с «папством» и католическим престолонаследием, произносил речи в палате лордов об опасности папистских мятежей. Вместе с Бекингемом, Галифаксом, Карлайлом, Холлисом и Солсбери он предложил билль, согласно которому будущие дети герцога и герцогини Йорк должны были воспитываться как протестанты, а любой монарх или принц/принцесса не могли вступать в брак с католиком/католичкой без согласия парламента — под страхом исключения из порядка престолонаследия. Нападки на Йорка привели к тому, что король объявил перерыв в работе парламента и приказал Шефтсбери покинуть Лондон. В мае 1674 г. Шефтсбери потерял место в Тайном совете.

Предложения об «ограничениях» в порядке и правилах престолонаследия выдвигались в это время и Данби. Таким образом, речь шла о личном соперничестве с новым главным министром. В ноябре 1675 г. появилось «Письмо знатного лица», приписанное в общественном мнении бывшему лорду-канцлеру. В нем выражалось крайнее разочарование результатами реставрации, вылившимися в образование

группы лиц (прежде всего высших епископов и их представителя графа Данби), «которые собираются подавить все надежды», «объявить правительство абсолютным и деспотическим и сделать монархию и епископат, подлежащими власти *jure divino*, не связанными и не ограниченными людскими законами», превратить их «лишь в инструменты обогащения», что при поддержке постоянной армии приведет к потере власти парламентом и нарушит традиционный конституционный баланс, сделает невозможным общее благо, поставит под угрозу свободу граждан и вызовет к жизни «старые ссоры». Кроме того, говорилось в «Письме», преследуя диссентеров-протестантов, это правительство не трогает «папистов», которых по каким-то причинам считает лояльными. В «Письме знатного лица» далее выражается удивление, что король позволяет «новой партии» склонять себя к ложным законодательным актам и прислушивается к советам сомнительных «советников»¹⁸.

«Письмо», в частности, стало реакцией на попытку графа Данби провести через парламент новый билль о проверке, по которому все государственные чины и члены обеих палат должны были выступить со специальной декларацией и дать обязательство не оказывать сопротивление королю или назначенным им лицам и никогда не стремиться изменить систему правления в церкви и государстве. Шефтсбери, Галифакс и другие пэры подвергли это предложение критике, заявив, что могут возникнуть ситуации, когда законной мерой будет как раз *сопротивление лицам, назначенным королем*, а клятва, касающаяся неизменения, направлена против самой природы парламента, который просто обязан заниматься «изменениями».

«Письмо» обращено, разумеется, к королю, который, возможно, прислушается к советам знатных и лояльных подданных и сделает правильные выводы относительно правительства, советников-епископов и парламента; в противном случае «народ» может взбунтоваться и повторятся события недавнего прошлого. «Письмо знатного лица» стало также своего рода образцом, лекалом, по которому были скрое-

18. См.: *Locke J. Political Essays* / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 360–365.

ны многочисленные, хлынувшие как волна памфлеты вигов, следовавших одной и той же тактике переубеждения короля и давления на правительство.

Уже в 1676 г. в свет вышла масса памфлетов, предупреждавших англичан о возможности «папства и рабства» и необходимости смены попавшего под влияние папства парламента. Правительство расценивало их как попытку ввергнуть страну в новую гражданскую войну. По мнению правительства, развернувшего собственную пропагандистскую кампанию, тактика Шефтсбери и вигов, прибегавших к петициям, шествиям и антикатолической пропаганде, была поразительно похожа на тактику Джона Пима и парламентской оппозиции в 1641 г. Истинной целью вигов, как и пуритан в парламенте 1640-х гг., являлось, по мнению правительства, уничтожение национальной церкви.

Кроме того, правительственные пропагандисты проводили прямую аналогию не только между вигами и республиканцами, но и между теми и другими вместе взятыми и... опять же папистами. Подобно тому как политика пуритан, доказывали они, привела к разрушению епископальной церкви и казни короля (а именно в этом состояли цели, которые ставило перед собой папство), так политика вигов вела к подрыву англиканской церкви и насильственной ликвидации протестантской монархии. Попытки провести толерантное законодательство, по мнению тори, на самом деле имели целью восстановление в Англии папской власти, а оправдание сопротивления было не чем иным, как проведением папистского принципа смещения королей в случае их неповиновения.

15 февраля 1677 г., когда парламент наконец собрался после пятнадцатимесячного перерыва, Шефтсбери, Бекингам, Уортон и Солсбери с разной степенью прямоты заявили, что парламент, не заседавший столько времени, не может считаться законным и подлежит роспуску. В результате все они были осуждены особым судом палаты и заключены в Тауэр. Летом трое из них были отпущены на свободу, а Шефтсбери пришлось просидеть до 25 февраля 1678 г., пока он не обратился к королю и парламенту с прошением о помиловании, после чего был немедленно освобожден.

После откровений Титуса Оутса в августе 1678 г. о существовании «папского заговора» с целью убийства Карла II

Шефтсбери прибыл в Лондон и вернулся в публичную политику на волне разразившегося скандала, ставшего началом целого исторического периода и получившего название «кризис исключения».

По показаниям Оутса, иезуиты собирались отправить своих агентов в Шотландию под видом пресвитерианских пасторов, поднять католический мятеж в Ирландии, убить короля и других членов королевской семьи, сжечь дотла Лондон и другие крупные города, устроить массовую резню протестантов и, наконец, обратить вспять английскую реформацию и восстановить господство римско-католической церкви. Поставив во главе государства герцога Йоркского, они, по словам Оутса, собирались организовать вторжение войск Людовика XIV.

В январе 1679 г. парламент «кавалеров» был распущен, главный министр Данби обвинен в секретных переговорах с Францией. В стране началась инициированная вигами открытая дискуссия о том, кто должен стать наследником престола. В середине мая 1679 г. в новоизбранной палате общин лорд Уильям Рассел огласил билль об исключении герцога Йоркского из числа наследников престола. Не желая даже обсуждать этот вопрос, Карл II объявил сначала о перерыве в работе парламента, а затем о его роспуске и новых выборах, которые прошли осенью 1679 г. В ответ на раздувавшееся вигами дело о «папском заговоре» католики попытались представить свидетельства о «пресвитерианском заговоре», что, однако, в тот момент не было принято всерьез.

Наконец, после почти десяти лет, в течение которых удавалось хранить тайну, в январе 1679 г. пошли слухи, что Карл получает деньги от Людовика. В 1678–1679 гг. король начал увеличивать численность постоянной армии якобы для войны с Францией, однако, тоже по слухам, это делалось для оказания помощи Людовику в планируемой им и Карлом оккупации Англии. Распространялся также слух, что «папский заговор» и репрессии против католиков Карл II использовал для того, чтобы обмануть общественное мнение и парламент и отвлечь их от своих истинных планов.

Оппозиционная группа вигов заявила о своих целях — борьбе с угрозой папства и авторитарного правления. Борьба эта велась в парламенте (билли об «исключении» вносились также на парламентских сессиях в октябре 1680 г. и в мар-

те 1681 г.), в прессе, с помощью митингов и шествий, подачи петиций. Оппозиция требовала реформ в церкви и государственном устройстве, а также облегчения положения нонконформистов, в частности отмены Акта 1593 г. о «подрывном сектантстве». Епископов называли церковными папистами за то, что они выступали против «исключения» герцога Йоркского из числа наследников, расширения прав парламента, а также за то, что они поддерживали гонения на диссентеров. Противники вигов, защищавшие принцип наследственного права, были названы партией тори.

Эти названия — «виги» и «тори» — были даны противниками друг другу, носили оскорбительный характер и означали соответственно шотландских пресвитериан-бунтовщиков (*whiggamores*) и ирландских католиков — угонщиков скота (*toraighe*). Но в целом тори защищали святость и неприкосновенность короны и англиканскую церковь, в то время как виги говорили о необходимости ограничения монархии и критиковали церковный истеблишмент. При этом тори считали вигов большей опасностью, чем прокатолический дом Стюартов, поскольку, с их точки зрения, виги представляли собой агентов папской подрывной политики, направленной на раскол нации, и были своего рода «пятой колонной», состоявшей из предателей родины и веры и находившихся на службе у Людовика или султана Сулеймана. По убеждению тори, лишь сплочение вокруг короля могло придать ему достаточно сил, чтобы оказать сопротивление врагам Англии.

История двух партий началась с середины 1675 г., но лишь в 1690-х гг. борьба между ними стала политическим фактором, а сами они обросли соответствующей понятию партии политической амуницией — клубами, лоббирующими группами, памфлетами, петициями, трактатами, предвыборными активистами, сочинителями писем, проповедниками и подстрекателями, бойкотами и слухами.

«Письмо знатного лица» Шефтсбери стало манифестом вигов, хотя само название «виги» появилось не раньше 1679 г., а современники называли политиков, выступавших за «смешанную монархию» — по принципу «король-в-парламенте», т. е. за передачу ряда властных функций парламенту, за регулярные сессии парламента, против подкупа правительством его членов и против постоянной армии, а также

заявлявших об опасности «папского заговора», не иначе как «пресвитерианской партией», выражавшей интересы пресвитерианской части недолго просуществовавшего англиканно-пресвитерианского консенсуса 1660–1662 гг.

Виги во главе с Шефтсбери не были демократами или эгалитаристами и в 1679 г. даже предлагали ужесточить избирательное право, предоставив право голоса тем, кто имел собственность минимум в 200 фунтов. Английская «смешанная монархия» (*mixed monarchy*), именовавшаяся Томасом Гоббсом «миксархией», понималась ими как соединение всех трех существовавших в истории форм правления — монархии (король), аристократии (палата лордов) и демократии (палата общин). Концепция «смешанной монархии» подвергалась постоянной критике со стороны самых разных авторов на всем протяжении XVII в., начиная по меньшей мере с 1642 г., когда, каким бы парадоксальным фактом это ни показалось, она была сформулирована королем Карлом I в его «Ответе на девятнадцать предложений» («*Answer to the Nineteen Propositions*»), где вдобавок говорится о необходимости соблюдения баланса между «тремя родами правления», или «тремя сословиями»¹⁹.

С точки же зрения тори, Карл I ошибся с «тремя сословиями», которые на самом деле представляют собой сословия «лордов духовных», «лордов светских» и «общин». Король — не одно из сословий, король — *над* сословиями со всеми вытекающими отсюда следствиями. При этом, по утверждению тори, виги своей концепцией «смешанной монархии» не только поставили короля на одну доску с другими сословиями, но и как бы ликвидировали сословие «лордов духовных», т. е. церковь, заменив ее королем.

К 1679 г. политическая борьба в стране сместилась к одному главному вопросу — об «исключении» герцога Йоркского. Стратегия вигов была направлена на то, чтобы Карл II согласился с требованиями изменить порядок престолонаследия. И здесь единственным методом могло быть постепенное убеждение и переубеждение короля в необходимости учета интересов «народа», а не лыстцов, лизоблюдов,

19. См.: *Goldie M. Restoration Political Thought // The Reigns of Charles II and James VII & II / Ed. by L. Glassey. — London: Macmillan Press, 1997. P. 22–23.*

фаворитов и особенно «злонамеренных советников», для сохранения в королевстве мира и спокойствия.

Чтобы сделать эту стратегию жизнеспособной, виги в своих памфлетах указывали на существование губительного «папского заговора», т. е. заговора католиков — зарубежных и английских — с целью возвращения папской власти и уничтожения протестантского суверенитета короны. Католики-заговорщики, предупреждали виги, замышляют убийство Карла II и массовое истребление английских протестантов. Вторым веским доводом, который использовался вигами, были деньги, собиравшиеся «народом» для содержания короля и его двора: если король хочет денег, то должен взамен одаривать «народ» чувством любви, а не отдаляться от него. Наконец, третьим доводом в стратегии вигов были сменявшие друг друга угрозы и предупреждения о возможном открытом сопротивлении королю — бунте — нежелательном, но вероятном следствии репрессивной «тирании».

По выражению Дж. Данна, это был «шантаж»²⁰; Ч. Тарлтон называет это «манипуляцией призраком бунта», не имевшей ничего общего с какими-либо принципами — республиканскими, демократическими или собственно революционными, но всячески подчеркивавшей лояльность «Его Величеству» и приверженность делу реставрации древней английской конституции — системы «король-в-парламенте», этой единственной, по мнению виговских пропагандистов, панацеи от «революции сверху»²¹.

Реакцией правительства и, что важнее, короля было неприятие всех, в том числе самых мягких, попыток давления. «Письмо знатного лица» было сожжено по распоряжению палаты лордов, постановившей, кроме того, создать комиссию по расследованию этого «преступления». Ни автор, ни типограф так никогда и не были найдены, однако никто из современников не сомневался, что за разоблачительным «Письмом» стоит Шефтсбери.

20. Dunn J. The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government". — Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 46.

21. Tarlton C. D. The Exclusion Controversy, Pamphleteering, and Locke's "Two Treatises" // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. No. 1. P. 59–60.

Поставив в центр пропагандистской кампании вопрос об «исключении», виги, однако, не были едины и составляли несколько фракций: фракцию Шефтсбери — Рассела (Уильям, лорд Рассел, был правой рукой Шефтсбери в палате общин), считавших необходимыми «исключение» и умеренную конституционную реформу; фракцию Алджернона Сиднея — Кейпела (Артура Кейпела, графа Эссекса), выступавших за восстановление республики; и, наконец, фракцию, образовавшуюся вокруг герцога Монмута и его ближайших последователей, включавшую лорда Колчестера и сэра Томаса Армстронга, которые ставили своей целью перевести линию наследования с Йорка на старшего из незаконных сыновей короля — Джеймса Скотта, герцога Монмута.

В рядах оппозиции звучали и другие предложения, такие как ограничение власти «папистского» преемника Йорка, установление пожизненного регентства в случае его прихода к власти, убеждение короля в необходимости заключения нового брака с тем, чтобы его новая (протестантская) супруга родила ему законного протестантского наследника, наконец, убеждение короля в необходимости признания герцога Монмута своим законным сыном. Между вигами не только не было единства, но и существовали противоречия, касавшиеся выбора претендентов на трон. В случае успеха стратегии «исключения» Йорка следующей в линии наследования становилась его старшая дочь принцесса Мария, за нею следовал племянник — статхаудер принц Вильгельм Оранский, а не герцог Монмут. И поэтому некоторые виги считали, что следующей в линии наследования должна стать Мария, а ей должен наследовать Вильгельм. Однако, в отличие от Марии и Вильгельма, герцог Монмут в 1670-х — начале 1680-х гг. пользовался широкой популярностью в английском обществе и больше подходил для целей пропаганды.

В начале «кризиса исключения» или, лучше сказать, пропагандистской кампании, развязанной в 1678 г., несмотря на глубокую личную вражду между Йорком и Монмутом, последний занимал сторону двора, искал расположения короля. Шефтсбери даже считал его своим политическим оппонентом. Однако со временем, когда популярность Монмута начала расти, виги изменили от-

ношение к «протестантскому герцогу» и даже запустили легенду о тайном *законном* браке Карла II с матерью Монмута, Люси Уолтер, свидетельство о котором, по слухам, хранилось в некоем «черном ларце». Рост популярности Монмута привел к тому, что в сентябре 1679 г. король временно отослал его в Утрехт. Однако уже в ноябре Монмут самовольно вернулся в Англию, после чего король лишил его за непослушание большинства постов в правительстве. В результате Монмут невольно оказался если и не в рядах оппозиции, то по одну сторону с оппозиционерами, которые начали проявлять к его фигуре растущий интерес, видя в нем возможного лидера. В ноябре 1679 г. толпы лондонцев приветствовали возвращение герцога Монмута из Нидерландов.

Одним из элементов пропагандистской стратегии вигов, наряду с устройством шествий и сжиганием чучел римского папы²², собраниями в кофейнях и клубах и массовой пропагандой в памфлетах, газетах и на настенных плакатах, распространением литературы в рукописях и даже рассчитанным на неграмотных зачитыванием вслух разного рода листовок на рынках, — наряду со всем этим важным элементом политического давления стала подача королю петиции с просьбой не откладывая провести сессию парламента 26 января 1680 г. Это было встречено королем враждебно, что нашло выражение в выпущенной им прокламации от 11 декабря 1679 г. против «бунтовщических петиций».

Несмотря на то что главным тезисом еще одной, так называемой гигантской петиции (Monster Petition), которую подписали около 16 тысяч граждан и которая была подана королю в середине января 1680 г., стала просьба дать возможность парламенту участвовать в процессе над Данти и пятью католическими священниками, посаженными в Тауэр в 1679 г., а также уладить «все остальные проблемы», король расценил петицию не как предложение о сотрудни-

22. Т. Харрис отмечает, что, по некоторым данным, шествие 17 ноября 1679 г., завершившееся сожжением чучела римского папы, собрало до 200 тысяч человек, т. е. 20% жителей Лондона. См.: Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. — London: Penguin Books, 2005. P. 186.

честве и помощи, а как нарушение его прерогатив и возвращение к практике подачи «подрывных петиций», которая была распространена в канун первой гражданской войны. Среди подписавших петицию был, по-видимому, и Шефтсбери. На документе стоит подпись Локка. Одним из «подписантов» был Алджернон Сидней.

После осенних выборов 1679 г. Шефтсбери предложил не дожидаться созыва парламента, отложенного королем до 26 января 1680 г., а собраться немедленно, но не в виде парламента, а в качестве временного «верховного совета». Предложение, озвученное лордом Расселом, вызвало негодование короля и лорда-канцлера, и 26 января 1680 г. сессия парламента была отложена еще раз — до октября 1680 г. Собравшись в октябре 1680 г., палата общин приняла решение о том, что «подача петиций королю, касающихся созыва и работы парламента и решения проблем», является несомненным правом подданных Англии, а выставлять такие петиции бунтовщическими — значит совершать предательство в отношении свободы граждан. В январе 1681 г. был распущен и второй оппозиционный парламент.

Наконец, в марте 1681 г. в лояльном королю Оксфорде был созван третий, так называемый Оксфордский парламент, поскольку, как считал Карл II, созывать парламент в Лондоне было небезопасно. Парламент заседал всего неделю, а затем тоже был распущен. После этого парламенты не созывались, пока трон после смерти Карла II в начале 1685 г. не занял герцог Йоркский — новый король Яков II.

Решение Карла II отказаться от созыва парламентов имело свои финансовые предпосылки. За три дня до начала работы Оксфордского парламента Карл заключил еще один секретный пакт с Людовиком XIV: французский король соглашался выплатить Карлу в ближайшие три года 5 миллионов ливров, если он не станет созывать парламент и собирать деньги на поддержку Испании в войне с Францией. Всего с марта 1681 до февраля 1685 г. Карл получил примерно 4,3 миллиона ливров, остаток Людовик выплатил Якову II.

Как пишет Т. Харрис, Карл все же не стал полной марионеткой, поскольку в конце 1681 г. пригрозил созвать парламент, если Людовик осуществит вторжение во Фландрию и Голландию; кроме того, «французская субсидия несо-

мненно давала ему пространство для маневра во внутренних делах»²³.

Падение графа Данби, расследование «папского заговора», серия показательных судов и казней, роспуск в январе 1679 г. парламента «кавалеров», заседавшего с перерывами с 1661 г. и казавшегося вечным, созыв трех новых и оппозиционных парламентов, крайнее возбуждение всей политической жизни Англии — все это происходило при активном участии Шефтсбери.

В апреле 1679 г. он был назначен лордом-председателем Тайного совета и пробыл на этом посту до октября 1679 г. Несомненно, что политика «исключения» была в центре его внимания. Вплоть до ноября 1680 г. Шефтсбери надеялся убедить короля в необходимости повторной женитьбы, т. е. фактически добиться «исключения» другим, более прямым способом. В декабре 1680 г. он заявил в палате лордов: «Мы не можем верить королю», а он, Шефтсбери, боится, что король «сделает нас рабами и папистами»²⁴. В ответ раздраженный Карл II назвал его «охотником за заговорами».

В марте 1681 г. на заседании Оксфордского парламента Шефтсбери выступил уже с другим предложением, а именно сделать наследником незаконного сына Карла II Джеймса Скотта, герцога Монмута, а на вопрос короля, нет ли какого-то другого варианта, кроме «исключения», ответил, что такого варианта нет и что вся английская нация придерживается того же мнения.

После роспуска Оксфордского парламента на политическую поверхность всплыл некий Эдвард Фицхаррис, рассказавший, что виги планировали пленить короля прямо на заседании Оксфордского парламента с тем, чтобы заставить его дать согласие на билль об исключении. В то же время обнаружилось, что несколько лиц, связанных с Титусом Оутсом, лжесвидетельствовали. Это поставило под подозрение всех, кто симпатизировал вигам. Показания Фицхарриса привели к аресту и казни через повешение сторонника

23. *Harris T.* Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. — London: Penguin Books, 2005. P. 253.

24. *Spurr J.* Shaftesbury and the Seventeenth Century // Anthony Ashley Copper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 21.

Шефтсбери Стивена Колледжа, а затем к аресту 2 июля 1681 г. по подозрению в государственной измене самого Шефтсбери. Шефтсбери вновь попал в Тауэр, а в его доме (в том числе и в комнате Локка) был произведен тщательный обыск.

В сентябре 1681 г. прошение Шефтсбери о помиловании в обмен на отъезд в Каролину было отвергнуто королем²⁵. В обвинительном заключении, подготовленном к ноябрю 1681 г., говорилось, что он хотел принудить короля принять билль об исключении, держал наготове вооруженный отряд, заявлял, что король заслуживает свержения с трона и что Англия должна быть превращена из монархии в республику.

Дело, однако, было прекращено за отсутствием состава преступления, и Шефтсбери вышел на свободу под залог. По одной из версий дальнейших событий, в мае 1682 г. Монмут, Рассел, Грей, Армстронг и другие «заговорщики» встретились, чтобы обсудить план дальнейших «практических» действий. Тогда же Шефтсбери встретился со скрывавшимся от властей мятежным шотландцем графом Аргайлом. Впрочем, возможно, речь на этих встречах шла не о мятеже, а о создании Шотландской Каролинской компании, которая должна была заняться вопросами переселения в Каролину шотландских пресвитериан.

Кампания преследований Шефтсбери на этом не закончилась: найденный в июле 1681 г. в его доме документ под названием «Ассоциация» был расценен как план мятежа. В сентябре 1682 г. два лондонских шерифа-вига были заменены на шерифов-тори, и открылась перспектива нового тюремного заключения и нового суда. В конце ноября, заплатив долги и переписав поместья и другое имущество на жену и внука, Шефтсбери вместе со своими сторонниками (такими, как Роберт Фергюсон) покинул Англию и, после остановки в Роттердаме, 2 декабря прибыл в Амстердам. Здесь он заболел и умер 21 января 1683 г. Согласно завещанию, тело Шефтсбери было забальзамировано, перевезено в Англию и захоронено 26 февраля 1683 г. в родовом поместье Уимборн Сент-Жильс²⁶.

25. *Leng T. Shaftesbury's Aristocratic Empire* // Anthony Ashley Copper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 123.

26. Несмотря на то что Локк не входил в свиту бежавшего Шефтсбери, после смерти последнего именно он занимался в течение нескольких недель

* * *

В современной историографии продолжают споры о релевантности самого понятия «кризис исключения». С точки зрения Джонатана Скотта, сам термин «кризис исключения» неточен, поскольку в действительности речь шла не о порядке наследования и не о герцоге Йоркском, а о сохранении в Англии протестантизма: общество было обеспокоено не порядком наследования, а опасностью контрреформации и возможностью насаждения в Англии абсолютизма в духе Людовика XIV²⁷. Не считает верным этот термин и Марк Найтс, с точки зрения которого дискуссии этого времени касались более широких тем, чем «исключение»²⁸.

Карл II, которому едва перевалило за пятьдесят, находился в добром здравии, хотя и перенес в августе 1679 г. приступ лихорадки. Ничто не указывало на то, что его дни сочтены. После того как «папский заговор» был раскрыт, опасаться, казалось, было нечего. Карл, правительство, общество были предупреждены, и ситуация находилась под контролем. В любом случае главной темой политической жизни было не «исключение», а угроза «папства» и «автократического правления».

С учетом этого само по себе «исключение» не могло считаться эффективным решением проблемы. Слухи о возможной женитьбе короля на Люси Уолтер, матери Монмута, были опровергнуты после того, как Карл публично поклялся, что никогда не был женат на матери своего незаконного сына. Что касается герцога Йоркского, то он не собирался соглашаться с решением парламента об исключении его из порядка престолонаследия, даже если бы оно было принято. Последнее, однако, представлялось маловероятным,

разбором оставшихся после него бумаг и даже скопировал некоторые рукописи в свои записные книжки. См.: Woolhouse R. Locke: A Biography. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 180–181.

27. Scott J. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 27–38.

28. См.: *Knights M.* Politics and Opinion in Crisis, 1678–1681. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 4–5.

поскольку, даже пройдя палату общин, билли об исключении были бы отвергнуты палатой лордов, где большинство стояло за сохранение существующего порядка. Так и произошло: в ноябре 1680 г. палата лордов отклонила билль об исключении 63 голосами против 30. Ничто не могло убедить и самого короля дать согласие на вступление в силу этого билля.

Шефтсбери, разумеется, должен был понимать все это и, скорее всего, более реальную альтернативу видел (вплоть до определенного момента) в разводе Карла с Екатериной Браганца и новой женитьбе, которая дала бы «новую королеву из Германии». Он даже открыто предлагал это еще в ноябре 1680 г., выступая в палате лордов, однако к концу года отказался и от этой идеи. А его предложение «исключить» Йорка и поставить в линию престолонаследия Монмута, по свидетельству современников, скорее, носило характер «пробного шара» или даже шутки, которая и королем была воспринята в качестве фривольной дерзости²⁹.

Еще одним способом решить проблему было обращение Йорка назад в англиканство. Впервые такое решение было предложено в феврале 1679 г. несколькими епископами и затем регулярно повторялось вместе со слухами, что Йорк наконец вернулся в родную церковь. Существовало и другое предложение, появившееся в ноябре 1678 г., после разоблачений, связанных с «папским заговором»: в случае если Йорк получит корону, его королевская власть должна быть ограничена, и ему будет разрешено царствовать, но не править. Автором концепции «ограничений» был граф Галифакс, которого поддерживали тори и епископы, а возможно, и сам король. Будущему Якову II, согласно этим идеям, не позволялось делать назначения в церкви, назначать тайных советников и лордов-наместников в графствах. Парламент не распускался со смертью короля, но продолжал работу при его преемнике.

Что касается Шефтсбери, то как раз в этот момент, в 1678 г., он счел такую концепцию «республиканской» и выступил против ограничения власти монарха (!). Впо-

29. См.: *Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 226.

следствии, уже при Якове II, тори припомнили вигам, что те в свое время не позволили им принять законодательство об ограничении власти будущего короля-католика.

В конце ноября 1680 г., после провала билля об исключении, был предложен билль «о защите протестантской религии», содержащий пункт о том, что попытки герцога Йорка или его друзей сформировать вооруженный отряд или пригласить иностранную армию должны пресекаться по закону. В ходе продолжавшейся неделю сессии Оксфордского парламента прозвучали следующие предложения: герцог Йоркский должен быть отправлен в ссылку до конца жизни короля Карла; в случае восшествия на престол Якова править от его имени должна его дочь Мария, которая будет представлять членов Тайного совета на одобрение парламента; если Мария умрет раньше Якова, полномочия должны перейти ко второй дочери Якова — Анне; если у Якова родится сын, он должен воспитываться в протестантской вере; в случае смерти Якова режим регентства должен продолжаться до достижения принцем Уэльским возраста, подходящего для возложения короны.

Все эти предложения были далеки от реальности, поскольку предполагали согласие на них короля и его брата, а также, что немаловажно, дочерей Йорка — Марии и Анны.

По мнению Лайонела Гласси, оставался еще один способ сохранения протестантизма, и это был проект «Ассоциации», т.е. клятвы, которая обязывала тех, кто ее приносил, сопротивляться потенциально катастрофическим последствиям определенных событий, таких как иностранное вторжение, убийство монарха или гипотетическое наследование английского трона католиком. Прецедент «Ассоциации» имел место при Елизавете в 1585 г. и был воплощен в принятом парламентом Акте о мерах личной безопасности королевы. Впервые о таком билле было упомянуто в ноябре 1678 г., а в более развернутом виде его предложил принять, при поддержке нескольких министров, лорд Кавендиш 15 декабря 1680 г., после провала билля об исключении. «Ассоциация» позволяла с легкостью идентифицировать тех, кто отказывался ее признать. Такие лица лишались должностей, прав и привилегий.

Найденный при аресте Шефтсбери в июле 1681 г. черновик еще одной «Ассоциации» (хотя сам Шефтсбери настаи-

вал, что это та же самая «Ассоциация», которая обсуждалась в парламенте), помимо пунктов о защите протестантской религии, власти и привилегий парламента, прав и свобод подданных, содержал призыв не признавать наследование трона герцогом Йоркским, противодействовать этому «всеми законными средствами и силой оружия», искоренять его сторонников, не реагировать на любые попытки переноса или роспуска парламента в том случае, если это препятствует целям «Ассоциации». «Ассоциация» была публично сожжена в Лондоне и других городах как предательская, дьявольская и республиканская³⁰. Шефтсбери был причислен к радикалам.

Таким образом, по мнению целого ряда современных историков, начавшись как пропагандистская кампания в борьбе за власть между Шефтсбери и Данби, «кризис исключения» перерос в более серьезный конфликт, вылившийся в противодействие ползучей контрреформации. Речь уже шла не о том, кто будет главным министром, а о том, сохранится ли в стране протестантская религия и не будет ли Англия завоевана католической Францией. Развязав войну памфлетов с целью возвращения собственной власти, Шефтсбери в конце концов оказался в эпицентре событий, которые всего через пять лет привели к изменениям в расстановке политических сил в Европе в целом.

Была ли в том его заслуга, неясно и сегодня. Не вполне ясно, получали ли виги субсидии от Людовика и был ли в этом замешан Шефтсбери. Однако достаточно очевидно, что «кризис исключения» перерос рамки политических махинаций. Кроме того, он не может не рассматриваться в более широком европейском контексте продолжавшейся борьбы сил реформации и контрреформации.

30. См.: *Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 228–230.

Локк, Бойль, Сиденхем и Шефтсбери

ТАКОВЫ главные вехи биографии Шефтсбери, и к некоторым из них мы еще вернемся. Каким же образом судьба свела Шефтсбери с Локком? Кем был для него Локк? И кем был для Локка Шефтсбери? Все это весьма непростые вопросы, требующие подробного, насколько позволяют исторические свидетельства, анализа. И все же даже краткое сопоставление биографий этих личностей позволяет сделать некоторые важные выводы.

Джон Локк родился 29 августа 1632 г. в Рингтоне (графство Сомерсет), в семье, условно говоря, «приходского джентри», т. е. мелкопоместного и нетитулованного дворянина. Дедушка Локка по отцу был продавцом одежды и тканей, мать дочерью кожевника, один из дядьев пивоваром, а двоюродный брат оловянных дел мастером. Отец был клерком при мировых судьях графства, а затем служил в парламентской армии, воевавшей против армии короля. Локку исполнилось десять лет, когда начались гражданские войны, ему было семнадцать, когда буквально напротив Вестминстерской школы в Лондоне, в которой он учился, был казнен Карл I.

Вестминстерская школа была лучшей в Англии, и без сильного покровителя мальчику из бедной и простой семьи поступить туда было бы нелегко. Таким покровителем для Локка стал полковник Александр Попем, крупный землевладелец, член парламента от Бата, Майнхеда и Уилтшира в 1640–1669 гг., член госсвета в 1649–1652 гг., а затем в 1660 г. Отец Локка, капитан кавалерии Джон Локк, служил в парламентской армии под началом Попема — командира кавалерийского подразделения и был сборщиком «ссуд на военные нужды» в тех местах, где квартировались войска.

Попем пристроил сына своего верного помощника сначала в престижную Вестминстерскую школу (на это он имел право как член парламента), а затем, используя в качестве основания то, что Локк оказался одним из шести стипендиатов школы, — в колледж Крайст-Чёрч в составе Оксфордского университета¹.

Это и определило дальнейшую судьбу Джона Локка. Выпускниками Вестминстерской школы и его товарищами по учебе были Роберт Гук, Кристофер Рен, Джон Драйден, Уильям Годольфин (член парламента и брат будущего главы казначейства графа Годольфина) — все впоследствии члены Лондонского королевского общества, а колледж Крайст-Чёрч, студентом которого он стал в 1652 г., готовил прежде всего духовных лиц для рядовых приходов, а также государственных служащих.

Сходное положение в рамках Оксфордского университета занимал только Магдален-колледж, а в кромвелевский период это были Уодем-колледж, Эксетер-колледж и Куинз-колледж, на долю выпускников которых приходилось до трех пятых членов парламента конца XVII в.² Собственно говоря, подготовка духовных лиц и чиновников была главной целью не только колледжа Крайст-Чёрч, но и всего Оксфордского университета в целом (как, впрочем, и Кембриджского университета, и судебных иннов, третьего образовательного института того времени). В этом смысле оба университета и инны не были, как говорят сегодня, «элитарными», в число студентов принимались не только сыновья аристократов, но и отличившиеся в учебе выходцы из более простых семей. Среди последних назначение даже в маленький и небогатый приход означало продвижение в социальной иерархии и просто получение средств к существованию. Помимо этого, университет, и особенно колледж Крайст-

1. См.: *Harris I. The Mind of John Locke: A Study of Political Theory in Its Intellectual Setting.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 52. Попем и Локк пострадали в материальном плане от гражданских войн: дом Попема был сожжен роялистами, а Локк потерял значительную часть своего состояния. См.: *Woolhouse R. Locke: A Biography.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

2. *Blair W. Cromwellian Oxford // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke.* — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 767.

Чёрч, принимал в студенты сыновей диссентеров и католиков, имея в виду их воспитание в духе лояльности к англиканской церкви. Несмотря на это, попасть в число студентов было непросто. Локку повезло.

Колледж Крайст-Чёрч, созданный по указанию Генриха VIII как протестантский кафедральный собор, в период Реставрации занимал особое место не только в жизни Оксфордского университета, но и во всей Церкви Англии, выполняя миссию возвращения страны к прежним порядкам. Все посты в руководстве колледжем-собором находились в прямой юрисдикции короля. После принятия Акта о единообразии и ряда других аналогичных законов Церковь Англии превратилась в становой хребет реставрации и нового «церковного государства», а Оксфордский университет сделался «проводником религиозного, общественного и политического консерватизма в жизни нации»³.

По словам декана Джона Фелла, Крайст-Чёрч был «не колледжем в собственном смысле слова, но собором»⁴. И действительно, капелла колледжа являлась кафедральным собором, в котором служил епископ Оксфорда. В колледже Крайст-Чёрч не было, как в других колледжах, членов советов (*fellows*), поскольку он находился под управлением декана (т. е. настоятеля собора), его заместителя и восьми каноников (капитула). Весь остальной преподавательский состав колледжа именовался студентами и делился на группы: 40 *scholares*, или *discipuli*, 40 *philosophi* (делившихся пополам на две подгруппы, старшую и младшую) и 20 *theologi* (тоже делившихся на две подгруппы). Все эти разряды «студенты» последовательно проходили соответственно времени, проведенному в колледже, и выполняя при этом ряд обязанностей, включавших постоянное проживание на территории университета, получение степеней, посвящение в духовный сан и отказ от женитьбы. Согласно заведенному порядку, старшие преподаватели в должное время получали приходы, женились и покидали колледж. Преподаватели колледжа Крайст-Чёрч не задерживались в его стенах более 15 лет. Кро-

3. *Beddard R. A. Restoration Oxford and the Remaking of the Protestant Establishment // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 804.*

4. *Ibid. P. 822n.*

ме стандартных «студенческих» должностей, были еще четыре (с 1665 г. — пять) факультативных, две должности по праву и две по медицине. Занимавшие их лица не могли, не имели права переходить в разряд *theologi* и получать духовный сан.

* * *

В 1660 г. колледж Крайст-Чёрч получил нового декана, Джона Фелла, впоследствии вице-канцлера университета (август 1666–1669 г.) и епископа Оксфордского (декабрь 1675–1686 г.). Фелл был исключительной личностью и одним из самых влиятельных государственных деятелей вплоть до своей смерти в 1686 г. Его назначение в 1675 г. епископом при одновременном выполнении обязанностей декана колледжа Крайст-Чёрч было беспрецедентным решением в истории церкви и университета. Оно свидетельствовало о высоком доверии короля и правительства. В своем выступлении в декабре 1680 г. перед палатой лордов Фелл осудил схизму, мятежи, предостерег от махинаций со стороны Шефтсбери, призвал рядовых вигов отказаться от опасных идей и встать на сторону короля и епископов, заявил о невозможности объединения государственной церкви с диссентерами, предупредил о разрушительных последствиях толерантности.

Помимо вклада Фелла в политическую жизнь Англии, несомненной его заслугой стало расширение Бодлеанской библиотеки, насчитывавшей к 1670 г. около 40 тысяч томов, создание университетской типографии, а также Ашмолеанского музея. Фелл делал все, чтобы достичь уровня такого признанного центра образования, как Парижский университет, причем как в гуманитарных дисциплинах, так и в области естествознания. В 1681 г. Фелл даже собирался превратить одну из башен колледжа Крайст-Чёрч в обсерваторию, но передумал, прислушавшись к совету Кристофера Рена, занимавшего тогда пост президента Лондонского королевского общества (1680–1682).

Вопреки распространенному мнению о засилье аристотелизма и схоластики, в Оксфорде того времени Рене Декарт и Пьер Гассенди пользовались популярностью не только у студентов, но и среди профессоров и в руководстве университета. Что касается Аристотеля, то, несмотря на окс-

фордский статут об обязанности всех студентов и преподавателей «защищать» Стагирита (и Порфирия) от нападок, в стенах университета регулярно проводились диспуты, на которых идеи Аристотеля опровергались и даже подвергались осмеянию. В целом же отношение к нему было такое же, как и ко всем древним философам, спокойное и уважительное⁵. Гораздо более благожелательным было отношение к тому, что получило название «экспериментальной философии». Это произошло после освоения во второй четверти XVII в. трудов Френсиса Бэкона, Галилео Галилея, Уильяма Гарвея, Декарта и Гассенди.

Власть, светская и религиозная, периода Реставрации разделяла по сути своей бэкониянскую программу, с примесью обычного для того времени апокалиптизма и миллениаризма. Лондонское королевское общество, учрежденное в 1660 г., стало воплощением союза власти, церкви и натурфилософии. Попытки натурфилософов-бэконянцев сблизиться с властью предпринимались и раньше. Это нашло выражение во взглядах и деятельности «информатора» («*intelligencer*» — но не в смысле шпиона или осведомителя⁶, а в смысле человека, занимающегося сбором и распространением информации) Самюэла Гартлиба, екумениста Джона Дьюри и моравского епископа и духовного лидера «*Unitas Fratrum*» («Единства братьев», собранного из остатков гуситов) и автора «Великой дидактики» Я. А. Коменского.

Программа «Великого восстановления» («*Great Instauration*») включала в себя реформу науки, медицины, образования, промышленности, торговли, всех областей общественной жизни, да и самой природы в преддверии наступления конца света, скорого Страшного суда и тысячелетнего царства Христова. В 1642 г. Гартлиб, Дьюри и Коменский заключили «Пакт о христианском союзе» («*Christianae societatis pactum*»), согласно которому задача Коменского заключа-

5. См.: *Feingold M. The Mathematical Sciences and New Philosophies // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997.*

6. Обширная переписка всегда вызывала подозрения властей, и, например, гартлибианец и секретарь Лондонского королевского общества Генри Ольденбург был даже обвинен правительством в «опасных планах и занятиях», что привело в 1667 г. к его заключению в Тауэр.

лась в реформе образования, задача Дьюри — в реформе и примирении протестантских церквей, а задача Гартлиба — в реформе знания. Все эти задачи предполагалось решать с помощью и от имени государства. Все трое были представителями «протестантского интернационала», о котором будет рассказано ниже.

Пробыв в Англии около девяти месяцев и не дождавшись реализации принятых в июне 1641 г. Долгим парламентом решений об учреждении государственной системы всеобщего образования, Коменский вскоре покинул Англию, а Гартлиб и Дьюри продолжали поддерживать парламент в его противостоянии с королем. Впрочем, парламенту в тот момент было не до реформы образования: летом 1641 г. начался демонтаж режима «личного правления» Карла I.

Попытки провести законодательство о государственной поддержке образования и науки предпринимались окружением Гартлиба начиная с 1642 г. и вплоть до 1649 г. через Долгий парламент, затем в сентябре 1650 г. через республиканский государственный совет, в июле 1653 г. через Бербонский парламент, который создал специальный комитет из 18 членов, куда вошли такие известные впоследствии люди, как Антони Ашли Купер, глава Мертон-колледжа Джонатан Годдард и полковник Блаунт, изобретатель и один из первых, наряду с Купером и Годдардом, членов Лондонского королевского общества.

Ни одна из этих попыток ввести государственную поддержку системы образования не принесла успеха. Даже после образования Лондонского королевского общества, учрежденного по прямому повелению Карла II (который и сам был принят в него в 1665 г.), средства на его деятельность поступали не из казны, а в основном представляли собой частные пожертвования. Работа строилась на *энтузиазме* отдельных членов этого первого в истории научного института. К концу жизни Гартлиб, серьезно больной человек, оказался без средств к существованию и закончил жизнь в 1662 г. в страданиях и нищете, возможно умерев от одного из прописанных ему смертельно опасных «философских» лекарств. Это само по себе символично. В реальности «реформа», которая была проведена *государством* в период гражданских войн, республики и протектората, свелась к чистке университетов от сторонников монархии и епископата.

В период Реставрации эта политическая реформа университетов продолжилась, однако теперь чистке подлежали сторонники пуританского парламента, республики, Кромвеля и диссентеров.

Гартлиб и его соратники надеялись на новую реформу, главным двигателем которой, по мысли Гартлиба, стал бы «Office of Address», Бюро обращений⁷ (другое название — «Council for Learning», Совет по знаниям) — финансируемая государством институция по сбору и распространению информации ради «общего блага» и «согласно предопределению». С точки зрения Самюэла Гартлиба, сельское хозяйство, промышленность, торговля, наука и образование должны быть связаны воедино программой «улучшения» (improvement) природы, общества и человека в преддверии миллениума и во исполнение пророчества Книги Даниила об умножении знаний во времена, предшествующие Второму пришествию Христа. Создать Бюро так и не удалось, однако в течение почти 35 лет Гартлиб по переписке развил мощную информационную сеть, связывая различных людей друг с другом, и накопил огромное количество рукописей по самым разным областям знания и практической деятельности, которые в дальнейшем распространял методом «публикации переписыванием» (scribal publication), считая своим долгом «раскрытие научных секретов» и ликвидацию самой атмосферы секретности, царившей среди ученых и инженеров.

Гартлиб и его окружение последовательно использовали для этого две программы — пансофии Коменского, т.е. объединения знания и образования в некий единый предмет, в котором были бы преодолены дисциплинарная узость, специализация и закрытость образования и восстановлено исходное органическое единство; и алхимии, понятой прежде всего спиритуально, т.е. как попытки преодоления изъянов самого Творения, последовавших за грехопадением, и преобразования (transmutation) не только всего падшего материального мира, но и испорченной человеческой души. В этой части своей программы Гартлиб опирался на идеи

7. Полное название — «Office of Publike Adresse in Spirituall and Temporall matters». См.: *Turnbull G. H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius.* — Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 53.

Иоганна Рудольфа Глаубера (в котором, впрочем, как в мыслителе он в конце концов разочаровался).

Путь преодоления «проклятия Вавилона» гартлибианцы видели в создании «универсального языка», который позволил бы людям не только без помех понимать друг друга, но и совместно, в один голос восславить Бога в день пришествия Сына Человеческого. День Второго пришествия Христа, по расчетам этой группы реформаторов, был близок, это должно было произойти в течение 1650-х гг., а скорее всего, в 1655 или 1658 г.⁸

Программа гартлибианцев постепенно реализовалась на практике, причем происходило это через университеты и при поддержке власти и церкви. Став вице-канцлером, Фелл, сам далекий от натурфилософии и новейших направлений в науке человек, внес значительный вклад в развитие естественно-научного направления университета. Стремясь сделать из Оксфорда лучший научный центр в Европе, он привлек для этой цели огромные по тем временам финансовые средства. Фелл верил, что высокая репутация привлечет к университету внимание состоятельных людей, прежде всего влиятельных и богатых аристократов, а это, в свою очередь, повысит статус и усилит влияние церкви.

При этом преподавание «экспериментальной философии» происходило как бы за пределами основных курсов. Предполагалось, что состоятельные студенты будут брать себе в наставники физиков, медиков, астрономов, химиков, которые занимались бы с ними отдельно, иногда ограничивая обучение освоением студентами тех или иных инструментов — например, микроскопа или телескопа, изобретенных в начале XVII в. (микроскоп — в 1608 г., телескоп — около 1610 г., термометр — в 1620 г., барометр — в 1643 г.). Нацеленность университетов исключительно на образование не позволяла в тот период создать в их рамках механизм систематического воспроизводства научных кадров, что затрудняло образование научно-дисциплинарных традиций. Тем не менее постепенно такой механизм все же складывался, и происходило это именно в университетах.

8. См.: *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. XI–XIII, 86–87.

Изучение в английских университетах древних языков, истории, античной философии, Отцов Церкви и Библии прекрасно уживалось с «новым мышлением», согласно которому все должно подлежать проверке. «Механическая философия, корпускуляризм и новая биология требовали, чтобы теории и гипотезы проверялись и доказывались экспериментально, прежде чем предлагать их (какими бы предварительными они ни выставлялись) в качестве „неоспоримых фактов“»⁹. Если какие-то идеи Аристотеля и перипатетиков не выдерживали такого испытания на диспутах, а эксперименты показывали новые стороны Божьего мира, это означало, с точки зрения англиканских богословов, не крушение религии и морали, но лишь вполне объяснимую неадекватность древних, еще языческих, представлений об устройстве мироздания.

«Экспериментальная философия» охотно искала предшественников: например, кто-то утверждал, что первым атомистом был Моисей, а Гук считал Овидия наследником величайших греческих и египетских философов древности¹⁰. В Англии, в отличие, допустим, от Франции, новой науке и экспериментальной философии не приходилось преодолевать институциональные барьеры: естествознание хотя прямо и не поддерживали, но не запрещали. В 1675 г., прибыв во Францию, Локк, к своему удивлению, обнаружил, что в этой стране «новая философия запрещена в университетах, школах и академиях»¹¹.

Несмотря на ревнивое отношение декана Джона Фелла к деятельности Лондонского королевского общества, в котором он видел конкурента, стоявшая за этой деятельностью философия не вызывала ни у Фелла, ни у других оксфордских богословов никакого отторжения, не представляя, по их мнению, угрозы для церкви и религии. Это отношение весь-

9. *Feingold M.* The Mathematical Sciences and New Philosophies // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 430.

10. *Hunter M.* Science and Society in Restoration England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 150.

11. *Locke's Travels in France, 1675–1679: As related in his Journals, Correspondence & other papers* / Ed. by J. Lough. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953. P. 60.

ма ценилось и представителями самой «экспериментальной философии». Более того, такие видные члены Лондонского королевского общества, как Джон Уилкинс и Томас Спрат (оба были избраны в 1663 г.), вскоре стали епископами. В своей «Истории Лондонского королевского общества» Спрат писал, что экспериментальное изучение природы, творений и путей Создателя является формой религиозного поклонения, которая практиковалась, еще до грехопадения, Адамом в раю в качестве единственной и изначальной религии, не предполагавшей искупления¹². Примерно тех же взглядов придерживался и Бойль, говоривший о «философском почитании Бога» и об экспериментальных философах и «натуральных историках» как принадлежащих к новому типу духовенства — «жрецам природы» («priests of nature»). В этом контексте стоит упомянуть и о книге Уилкинса «О принципах и обязанностях натуральной религии» (1675)¹³.

Не пойдя на компромисс с диссентерами в известном Акте о единообразии 1662 г., англиканская церковь тем не менее согласилась не только на терпимые, толерантные отношения, но и на тесный союз с натурфилософами, такими, например, как Исаак Ньютон. Условием сотрудничества стал отказ естествоиспытателей от публичных споров с церковью по политически острым и раскалывающим общество вопросам, в частности касающимся теологии и экклезиологии, в обмен на молчаливую поддержку и невмешательство в научные и медицинские исследования. При этом состав Лондонского королевского общества был свидетельством не конформизма этого института, а, скорее, его плюралистичности. Членами общества являлись не только англикане, но и нонконформисты, например Уильям Пенн (с 1681 г.), и даже католики, например Кенелм Дигби (с 1663 г.). (В свое время Дигби был придворным Карла I, а затем дипломатом на службе у Кромвеля.)

«Научная деятельность в этот период... вдохновлялась не какой-то одной религиозной позицией, но рядом религиозных или светских стимулов, которые объединяли лю-

12. *Sprat Thomas, Bishop of Rochester*. The History of the Royal Society of London, For the Improving of Natural Knowledge. — London, 1667. P. 349–350.

13. *Wilkins J.* Of the Principles and Duties of Natural Religion: Two Books / Ed. with preface by John Tillotson. — London, 1675.

дей в достижении общих целей, главным образом определявшихся внутренней динамикой научной инициативы»¹⁴. Несмотря на декларируемую аполитичную позицию, такой видный член научного сообщества, как Джон Уилкинс, принимал активное участие, вместе с Джоном Тиллотсоном (членом Лондонского королевского общества с 1672 г.), Эдвардом Стиллингфлитом и Томасом Барлоу, в попытке продвижения в 1667–1668 гг. билля о «включении», в то время как другой член Лондонского королевского общества (с 1663 г.) — епископ Солсберийский Сет Уорд выступил решительно против этого предложения. В 1670 г. Уилкинс выступил также против Акта о тайных собраниях, чем вызвал недовольство Карла II. Можно вспомнить и о деятельности члена Лондонского королевского общества первого графа Шефтсбери. Среди членов Лондонского королевского общества были равно и тори, и виги. И поэтому декларирование «аполитичности» было скорее попыткой «найти общее кредо, которое могло бы пользоваться как минимум молчаливой поддержкой людей, занимающих самые разные позиции, чтобы обезоружить критиков и привлечь сторонников»¹⁵.

Политика «невмешательства» культивировалась и в период междуцарствия. Весьма влиятельной фигурой в Оксфорде того времени был глава Уодем-колледжа Уилкинс, в 1655 г. женившийся на сестре Кромвеля — Робине. Уилкинс стал политическим патроном всей линии «экспериментальной философии» в Оксфорде 1650-х гг., в его круг входили Роберт Бойль, Сет Уорд, Джон Уоллис, Кристофер Рен и Уильям Петти. При поддержке Уилкинса в Оксфорде периода междуцарствия царило позиционирование науки как занятия, которое «выше» любых политических баталий.

Но это касалось лишь внутриуниверситетской политики, что же до государственных дел, то Уилкинс и его друзья настаивали на преобразовании протектората в кромвелевскую монархию. В 1659–1660 гг., когда маятник качнулся в сторону, противоположную режиму Ричарда Кромвеля (до этого

14. *Hunter M.* Latitudinarians and the “Ideology” of the Early Royal Society: Thomas Sprat’s “History of the Royal Society” (1667) Reconsidered // *Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700* / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 212.

15. *Ibid.* P. 218.

в качестве канцлера Оксфордского университета пользовавшегося безусловной поддержкой со стороны круга Уилкинса), группа «аполитичных» натурфилософов немедленно перешла на сторону Карла Стюарта.

Не участвовать в политике было невозможно: приходилось помнить о более важных целях, связанных с реформой образования, науки и других сфер общественной жизни. В этом и состояла суть «аполитичности».

В конце 1660-х гг. Уилкинс стал епископом Честерским. Важно также отметить, что Уилкинс был одним из основателей Лондонского королевского общества, а также входил в научный клуб, известный как «группа 1645», в котором принимали участие также математик Джон Уоллис (член Лондонского королевского общества с 1663 г.) и переводчик и кромвелевский дипломат Теодор Хаак, один из ближайших соратников Самюэла Гартлиба и тоже член Лондонского королевского общества (с 1663 г.).

Политику «аполитичности» (т.е. балансирования на грани конформизма и неучастия) пытался проводить и Гартлиб, который «кочевал» на протяжении 1640–1650 гг. от Карла I к парламентариям — Джону Пиму, лорду Бруку и Натаниелю Ричу, затем к республиканцам и Оливеру Кромвелю. Как и Шефтсбери, Гартлиб возлагал большие надежды на Ричарда Кромвеля, а затем столкнулся с враждебным отношением к себе нового реставрационного режима, хотя готов был сотрудничать и с роялистами.

Характерна история изобретений Иоганна Куфлера, прежде всего его смертоносной торпеды, которую Гартлиб предлагал купить Оливеру Кромвелю. Сознвая не вполне христианский характер военных изобретений, агент Гартлиба в Нидерландах, бывший пастор и адепт Якоба Бёме Иоганн Мориаен оправдывал усилия по их продвижению соображениями, которые можно было бы сегодня назвать концепцией сдерживания: мощное оружие необходимо сторонам не для нападения, а для устрашения потенциального противника, который, зная о разрушительной мощи этого оружия, не смеет нарушить мир¹⁶.

16. *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 52–57.

Можно также вспомнить о начале карьеры Бенджамина Уорсли: во время гражданской войны он выступил с предложением организовать для нужд парламентской армии производство селитры (нитрата калия), необходимого элемента в изготовлении пороха¹⁷. Для этой цели Уорсли — следуя идеям Гартлиба — предлагал организовать работные дома (в том числе детские), в которых можно было бы соединить интересы частных инвесторов и «общественное благо».

Говоря об аполитичности, следует помнить, что в то же время Гартлиб в течение долгого времени (с середины 1640-х и по 1660 г.) фактически находился на содержании правительства, которое ежегодно выделяло значительные суммы, покрывавшие его расходы по обширной переписке и сбору полезной для государства информации, касающейся состояния науки, образования, промышленности и сельского хозяйства на континенте¹⁸. Не менее конформистской выглядит карьера Бенджамина Уорсли, который состоял на службе сначала у Страффорда, затем у Долгого парламента, потом у «Охвостья», Бербонского парламента, протектората, возрожденного «Охвостья», военного режима и, наконец, Карла II.

* * *

В конце 1650-х — начале 1660-х гг. Локк продвигался по ступеням академической карьеры, получив в 1658 г. звание магистра искусств, а далее назначения на более высокие посты — лектора-ассистента (*praelector*) по греческому языку и риторике, цензора по моральной философии. Знаком особого отношения стало назначение Локка в мае 1661 г. на должность наставника (*tutor*), означавшее пусть и небольшое, но повышение

17. *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 20–21. Помимо этого, «селитра» — ключевое понятие в теории «универсального азотистого духа»: «философская селитра», «философская соль», *sal nitrum* Рудольфа Глаубера и, по мнению Уорсли, источник всей энергии, в том числе и в органическом мире. Теорию Уорсли по этой причине часто называли «сельскохозяйственной химией»; сам Уорсли противопоставлял свою теорию энергии теории ван Гельмонта о «воде» как *materia prima*.

18. См.: *Turnbull G. H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius.* — Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 48 и далее.

жалованья. В обязанности наставника входило не только чтение лекций, он должен был также осуществлять контроль над младшими студентами и общаться с их родителями. Некоторые воспитанники Локка (всего их насчитывают до 140) впоследствии стали известными людьми — членами парламента, учеными и представителями церкви, с которыми он поддерживал близкие отношения и благодаря которым довольно рано получил репутацию весьма влиятельного человека.

Итак, согласно правилам колледжа Крайст-Чёрч, по достижении определенного возраста «студент» должен был пройти посвящение в духовный сан и, если в университете не имелось подходящей должности, покинуть его стены, обычно получив приход либо мирскую должность. В середине 1660-х гг. Локк вплотную подошел к этому рубежу. В 1662 г. он был уже предпоследним в списке *philosophi* первой подгруппы, а к 1664 г. переместился на девятое место во второй, и это означало, что до перехода в *theologi* оставалось, не считая четырех факультативных, всего несколько позиций. Неизбежное близилось. Локк начал 1665 год уже в списках *theologi*, а потому обязан был либо пройти посвящение в духовный сан и спустя какое-то время покинуть стены колледжа, либо, защитив диссертацию на звание бакалавра медицины, попытаться занять место «факультативного студента».

Локку совсем не хотелось покидать Оксфорд, который стал его домом. Все его интересы были направлены на ученые занятия — и не только на теологию, главный предмет в колледже Крайст-Чёрч, но и на медицину и химию. В архиве Локка сохранился список из 350 книг, которые он прочитал за период с 1658 г. по март 1667 г. На первом месте в списке стояла медицина (46,6%), на втором натурфилософия (16,4%), на третьем теология (15,4%). В Оксфорде Локк изучал Юстина Мученика, Тертуллиана, Иринея, Климента Александрийского и Оригена. Среди англиканских теологов, которых он читал в это время, — Генри Хаммонд, Питер Хейлин, Джон Пирсон, Роберт Сандерсон и Ричард Гукер. Политика и право (2%) и экономика (0,3%) находились в это время на периферии его интересов¹⁹.

19. *Milton J. R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. — Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 36.*

В середине 1660-х гг. его интерес к медицине привел к занятиям ятрохимией (т.е. медицинской химией). Начиная с 1652 г. в записных книжках Локка появляются рецепты разнообразных лекарств, например помогающих при образовании камней в почках, коликах, лихорадочном ознобе, кори, подагре, чахотке, свищах, раке, зубной боли, насморке, ангине и т.д. Эти рецепты он записывал со слов своих друзей-медиков или на лекциях известных врачей, таких как Ралф Батхерст (член Лондонского королевского общества с 1663 г.).

Познакомившись в мае 1660 г. с Робертом Бойлем, который переехал в Оксфорд в 1655 г., Локк, возможно, участвовал в работе его лаборатории, во всяком случае изготавливал химические соединения по рецептам Бойля и имел доступ к его библиотеке. Локк прочитал вышедший в 1660 г. труд Бойля «Новые медико-механические эксперименты касательно упругости воздуха и его следствий»²⁰, а затем и другие его работы: «Некоторые физиологические опыты», «О стиле Священного Писания» и «О пользе экспериментальной натуральной философии», «Химик-скептик, или Химико-физические сомнения и парадоксы», «Происхождение форм и качеств согласно корпускулярной философии»²¹. Особый интерес Локк проявлял к процессам дыхания и кровообращения.

Помимо этих произведений, он прочел труды Рене Декарта: «Первоначала философии» (1644), «Рассуждение о методе» (1637), «Диоптрику» (1637), «Метеоры» (1637), «Метафизические размышления» (1641), делая выписки, касавшиеся физических вопросов. Среди других прочитанных книг — «Syntagma philosophicum» (1658) Гассенди, из-

20. Boyle R. *New Experiments Physico-Mechanicall, touching the Spring of Air, and its Effects, Made in the Most Part in a New Pneumatical Engine.* — Oxford, 1660.

21. Boyle R. *Certain Physiological Essays, Written at Distant Times, and on Several Occasions.* — London, 1661; 2nd edition 1669; Boyle R. *Some Considerations touching the Style of the Holy Scriptures.* — London, 1661; Boyle R. *Some Considerations touching the usefulness of Experimental Natural Philosophy.* — Oxford, 1663; Boyle R. *The Sceptical Chymist: or Chymico-Physical Doubts & Paradoxes, Touching the Experiments whereby vulgar spagirists Are wont to Endeavour to Evince their Salt, Sulphur and Mercury, to be The true Principles of Things.* — London, 1661; Boyle R. *The Origine of Formes and Qualities, According to the Corpuscular Philosophy.* — Oxford, 1666.

ложение Спинозой «Первоначал философии» Декарта («*Principia philosophiae cartesianae*», 1663), «Тщета догматизирования» Джозефа Гланвила (1661)²², «Экспериментальная философия» Генри Пауэра (1664)²³, «Микрография» Роберта Гука (1665)²⁴. Локк внимательно изучал также все выпуски «*Philosophical Transactions*» Лондонского королевского общества.

Локк посещал лекции и семинары известных химиков и медиков, таких как протеже Бойля и Гартлиба Петер Шталь (весной 1663 г.) и Томас Уиллис (в 1664 г.), участвовал в анатомировании трупов животных и людей, предположительно и в анатомических исследованиях мозга, проводившихся Уиллисом. К тому же времени относится его набросок на темы физиологии под названием «*Respirationis usus*» — вероятно, план диспутации на соискание степени бакалавра медицины.

Локк изучал труд Яна Баптиста ван Гельмонта «*Ortus medicinae*» (1648, 1652; английское издание под названием «*Oriatrike, or Physick Refined*», 1662)²⁵, который содержал виталистическую концепцию «ферментов» и первоначальной «воды», порождающей все существующее из «семян» с помощью спиритуального жизненного принципа «*archeus*», и критику гуморальной теории Галена с точки зрения «хи-

22. *Glanvill J.* The Vanity of Dogmatizing, Or Confidence in Opinions Manifested in a Discourse of the Shortness and Uncertainty of our Knowledge, And its Causes, With some Reflexions on Peripateticism; and an Apology for Philosophy. — London, 1661.

23. *Power H.* Experimental Philosophy, in Three Books: Containing New Experiments, Microscopical, Mercurial, Magnetical, With Some Deductions, and Probable Hypotheses, Raised from Them, in Avouchment and Illustration of the Now Famous Atomical Hypothesis. — London, 1664.

24. *Hooke R.* Micrographia: or Some Physiological Descriptions of Minute Bodies Made by Magnifying Glasses with Observation and Inquiries thereupon. — London, 1665.

25. *Van Helmont, Johannis Baptistae.* Ortus medicinae; id est, initia physicae inaudita. Progressus medicinae novus, in morborum ultionem, ad vitam longam. Edente Francisco Mercurio van Helmont. — Amsterodami, Elzevir, 1648; *Van Helmont, Jean Baptiste.* Oriatrike, or Physick Refined: the Common Errors Therein Refuted, and the Whole Art Reformed & Rectified Being a New Rise and Progress of Philosophy and Medicine for the Destruction of Diseases and Prolongation of Life. — London, 1662.

мической» школы Парацельса и неопарацельсианцев²⁶. Локк читал также труды учеников Я.Б. ван Гельмонта в Германии и Нидерландах²⁷. По мнению многих историков науки, в 1650-х гг. Я.Б. ван Гельмонт оказал влияние и на Бойля (отмечается, например, что поначалу Бойль трактовал корпускулы как «семенные принципы»), хотя позднее их взгляды стали относить к диаметрально противоположным направлениям — «корпускуляризма» («механицизма») и «витализма» («органицизма»). Не может быть никаких сомнений, что именно Бойль приобщил Локка к ятрохимии.

В Оксфорде 1660-х гг. Бойль и Гук при помощи пневматического насоса, изобретенного в 1650 г. Отто фон Герике, демонстрировали связь физических свойств воздуха с дыханием и кровообращением. В это время Бойль уже скептически оценивал теорию трансмутации воздуха и его частиц в «витальные духи», развитую как в традиции Галена, так и в традиции Парацельса. Процессы дыхания и кровообращения активно обсуждались в это время в Оксфорде, в том числе Томасом Уиллисом, труд которого (пример «корпускулярного гельмонтианства»²⁸) «Две медико-философские дискуссии»²⁹ о брожении крови и роли азотосернистых частиц воздуха Локк законспектировал вскоре после его выхода в свет, т. е. еще до чтения работ ван Гельмонта. С Ричардом Лоуэром³⁰, ассистентом Уиллиса, таким же, как и Локк, преподавателем колледжа Крайст-Чёрч, Локк проводил в 1664 г. эксперименты на животных, демонстрировавшие роль воздуха в изменении цвета крови в ходе ее циркуляции.

Локк был знаком также и с идеями Уильяма Гарвея, прежде всего благодаря труду Джорджа Энта «Апология кро-

26. См.: *Walmsley J.* "Morbus" — Locke's Early Essay on Disease // *Early Science and Medicine* 5, 4. — Leiden, 2000.

27. *Schook M.* De fermento et fermentatione liber. Groningen, 1662; *Boë Sylvius, Franciscus de la.* Disputationum medicarum pars prima. — Amsterdam, 1663; *Kerguer M.* De fermentatione liber physico-medicus. — Wittenberg, 1663.

28. *Milton J. R.* Locke, Medicine and the Mechanical philosophy // *British Journal for the History of Philosophy*. 2001. Vol. 9. No. 2. P. 237.

29. *Willis T.* Diatribae duae medico-philosophicae. — London, 1659.

30. Совместная работа с Лоуэром нашла частичное отражение в труде: *Lower R.* Tractatus de Corde. Item de Motu & Colore sanguinis, et Chyli in eum Transitu. — London, 1669.

вообращения»³¹, в котором доказывалась необходимость воздуха для питания «витального пламени» в работе сердца, однако главная задача его исследований того времени — примирение двух различных традиций объяснения болезней, поиск *via media* между Галеном и Парацельсом. Возможно, он находился в это время под влиянием трудов немецкого врача и химика Даниела Сеннерта. Это видно, в частности, из его работы «*Morbus*», датируемой сентябрем 1666 — апрелем 1667 г., где он делит весь мир на «семенную» и «несеменную» части по критерию применимости двух теорий, условно говоря, объясняющих две области мироздания — органической и неорганической природы. Деля это, он не ссылается ни на корпускулярную теорию Декарта — Бойля, ни даже на «пластический принцип», с помощью которого Бойль пытался объяснить происхождение жизни из «механически построенной машины» природы, но обращается прежде всего к витальному принципу Я. Б. ван Гельмонта³². В огромном массиве сохранившихся в записных книжках Локка и других неопубликованных материалах записей нет ни одной (!), посвященной законам движения или механического воздействия тел³³.

В отличие от Декарта и Бойля, предлагавших объяснение болезни как проникновения в организм частиц неподходящей формы через «фильтр», или «сито», ван Гельмонт считал причиной болезней чуждые «археи», существа, вторгающиеся в тело и вступающие в конфликт с «*archei insitae*», т. е. с существами, внутренне присущими каждому данному организму и контролирующими его работу через ферменты («*fermenta*»). С помощью алкагеста и некоторых других лекарственных препаратов, например производных от винного камня, считал Я. Б. ван Гельмонт, врач может воздействовать на тело пациента и изолировать нездоровые агенты, обеспечивая гармоничное сотрудничество внедряемых агентов с присущим каждому человеку индивидуальным

31. *Ent G. Apologia pro circulatione sanguinis: qua respondetur Aemilio Parisano medico veneto.* — London, 1661.

32. *Walmsley J. "Morbus" — Locke's Early Essay on Disease // Early Science and Medicine.* 2000. Vol. 5. No. 4. P. 389.

33. *Milton J. R. Locke, Medicine and the Mechanical Philosophy // British Journal for the History of Philosophy.* 2001. Vol. 9. No. 2. P. 221.

«archeus'ом». Выделение в организме особых болезнетворных агентов шло вразрез с нозологией Галена, объяснявшего болезни дисбалансом в организме аристотелевских первичных качеств тепла, холода, влажности и сухости. В «Mogbus» Локк предлагает в качестве дополнительного объяснения болезней «смешение неподходящих ингредиентов», например различных солей, что можно считать неким подобием галенической теории. По этой причине историки медицины часто называют концепцию Локка эклектической.

Сотрудничество с Бойлем началось в 1664 г. В 1666 г. Локк по предложению Бойля приступил к метеорологическим наблюдениям и экспериментам в Сомерсете, пытаясь определить с помощью барометра разницу в давлении воздуха на поверхности, в местных шахтах (в которых, как сообщал Локк Бойлю, встречались красные сурьмосодержащие руды, скорее всего свинцовый сурик) и на близлежащем холме, составлявшем часть Мендипской гряды. Рабочие не пустили Локка внутрь шахты, испугавшись вида оборудования и считая его опасным, к тому же в вакуумную камеру, как оказалось, проник воздух, так что эксперимент не удался, о чем сконфуженный Локк и сообщил Бойлю. К тому времени до Сомерсета дошла эпидемия чумы, так что Локк поспешил в Оксфорд, где продолжил эксперименты по химическому анализу крови, занимаясь ее выпариванием и перегонкой.

В записных книжках Локка того периода кратко описаны и другие эксперименты, посвященные изучению реакций крови с различными химическими веществами и помеченные «г-н Бойль». По мнению Г. Мейнела, которое он высказывает в полемике с К. Дьюхерстом, это не означает, что Локк был в то время ассистентом Бойля. Фрагменты с пометкой «г-н Бойль» представляют собой скорее записи, которые Локк делал в апреле 1663 г. на лекциях Петера Шталья, приглашенного Бойлем в Оксфорд в 1659 г. Как отмечает Мейнел, внимание привлекает прежде всего «экстраординарный калибр» некоторых учеников Шталья, включавших Джона Уоллиса, Кристофера Рена, Ралфа Батхерста, Ричарда Лоуэра и Томаса Миллингтона³⁴. Шталь не только чи-

34. *Meynell G.* Locke, Boyle and Peter Stahl // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 1995. Vol. 49. No. 2. P. 185; *Dewhurst K.* John Locke, Physician

тал лекции, но и создал в Оксфорде собственную химическую лабораторию.

Разумеется, как и Бойль, Локк был убежден в существовании «философской ртути» — необходимого ингредиента философского камня, в возможности ее получения с помощью процессов очистки, а также верил в существование универсального растворителя, алкагеста, «адского огня» алхимии. Интерес к алхимии никогда не покидал Локка, на протяжении всей жизни он собирал информацию и различные формулы промежуточных веществ и растворителей. В 1691 г. Локк стал одним из трех распорядителей научного наследия Бойля, получив от него за несколько месяцев до смерти часть формулы «софического ртути». После смерти Бойля в самом конце 1691 г. Локк консультировался по поводу «философской ртути» со знатоком алхимии Исааком Ньютоном. Когда в 1689 г. Локк вернулся в Англию, Франциск Меркурий ван Гельмонт подарил ему плавильную печь новой конструкции, а в 1693–1694 гг. (с октября по февраль) жил в поместье Машемов, где вместе с Локком пытался разобраться в формуле получения золота из найденной Бойлем (благодаря корреспондентам Лондонского королевского общества) некоей «красной земли». В 1692 г. Роберт Полинг помог Локку и ван Гельмонту найти нужную «красную землю» через слугу Бойля, который знал, где тот хранил многочисленные образцы земли красного цвета.

По словам Питера Анстея, в отличие от Бойля, сам Локк не занимался алхимическими опытами с целью получения золота. Его интересовали лекарства³⁵. При этом чем старше и опытнее он становился, тем все реже рекомендовал своим пациентам прием дорогостоящих и порой вредных лекарств, чаще советуя прогулки, упражнения на свежем воздухе, иногда переезд в другую местность или даже страну и прочие естественные методы избавления от недугов, пропагандировал также методы профилактической медицины,

and Philosopher: A Medical Biography With an Edition of the Medical Notes in His Journals.— London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963.

35. *Anstey P.R.* John Locke and Helmontian Medicine // *The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science* / Ed. by C.T. Wolfe and O.Gal.— Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010. P.113.

короче говоря, как и Гиппократ, верил в целительные силы природы.

В чем-то этот подход был близок сельскохозяйственному «экспериментированию» Самюэла Гартлиба, направленному на получение более высоких урожаев через применение самых простых методов — вроде высевания известных культур на других почвах и в другом климате. В записных книжках Локка описан случай, когда страдавшего от почечной колики пациента удалось вылечить, посоветовав ему по утрам надевать чулки другим способом, не наклоняясь и не напрягая чрезмерно мышцы спины. Примерно таких же взглядов должен был придерживаться и ван Гельмонт, для которого человек был частью живого целого — универсума, — следовательно, и лечение не могло происходить без участия окружающей природы.

Поскольку в приготовлении лекарств в то время часто использовалась ртуть, нет сомнения, что совет Локка воздерживаться от приема дорогих лекарств спас немало жизней доверившихся ему людей.

Локк был полностью погружен в академическую жизнь и не мыслил себя вне университета, однако в середине 1660-х гг. ему пришлось решать, как жить дальше. Он совсем не хотел отказываться от своих научных интересов. Способов добиться этого было несколько, например последовав примеру Ричарда Лоуэра. Пионер процедуры переливания крови Лоуэр родился в 1632 г. в семье корнуоллского джентри, учился в Вестминстерской школе, стал студентом колледжа Крайст-Чёрч, получил степени бакалавра и магистра искусств. Постепенно увлекся медициной и получил в 1665 г. степени бакалавра и доктора медицины спустя несколько лет после того, как потерял место студента в колледже, отказавшись от посвящения в духовный сан. В 1666 г. Лоуэр женился — ключевой момент в его карьере — на состоятельной вдове из Корнуолла, а в 1667 г. переехал в Лондон, где стал членом Лондонского королевского общества и кандидатом в члены Королевской коллегии врачей. Полным членом последней он стал в 1675 г. Поддержка Лоуэром вигов стоила ему практики в начале 1680-х гг., однако после «славной революции» он восстановил свое положение, и лишь преждевременная смерть в январе 1691 г. оборвала его дальнейшую карьеру.

Получить степень доктора медицины можно было и за рубежом, а затем подтвердить ее в Оксфорде, однако для этого необходимо было, во-первых, иметь средства, во-вторых, покинуть стены Оксфорда. В то время самым популярным центром медицинского образования был Лейден, где в разные годы училось около 170 оксфордских выпускников, а 45 из них получили степени докторов медицины. Помимо Лейдена, популярностью пользовались Утрехт, Гронинген, а также французские университеты в Кане и Монпелье. Получение низшей степени бакалавра медицины и врачебной лицензии были в большинстве случаев лишь промежуточным этапом на пути к степени доктора медицины, однако некоторые врачи останавливались и на этом, в дальнейшем выстраивая карьеру на чисто практических успехах³⁶. Именно так поступил Локк, получив в 1675 г. степень бакалавра.

Еще одним примером служит карьера Томаса Сиденхема, который, получив медицинское образование в Монпелье и степень бакалавра, в течение 30 лет практиковал в Лондоне. Возможно, поездка Локка в Монпелье по стопам Сиденхема в конце 1670-х гг. была попыткой получить степень доктора, однако точных свидетельств об этом не сохранилось. В любом случае он провел около полутора лет в одном из крупнейших медицинских центров Франции.

Перед глазами Локка были и многочисленные примеры тех врачей, которым не помешало принятие духовного сана. Тем не менее он не воспользовался предложением жениться, переехать в Дублин, получить приход и начать врачебную практику. Более заманчивой перспективой стало продолжение экспериментов в рамках либо Оксфорда, либо Лондонского королевского общества. И это тоже никак не препятствовало занятиям медициной, которая успешным врачам приносила весьма приличный доход. Например, в конце 1660-х гг. Томас Уиллис, член Лондонского королевского общества с 1663 г., был широко известен в Европе и зарабатывал своей врачебной практикой около 300 фунтов в год, что было, разумеется, пределом мечтаний для начинающего врача — Локка. Томас Миллингтон, получив в 1659 г. ме-

36. *Frank R. G. Medicine // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 510.*

дицинские степени бакалавра и доктора и оставаясь в университете, открыл практику в Лондоне, которая оказалась настолько успешной, что в 1680 г. он был удостоен личного дворянского звания, а позднее занял пост личного врача Вильгельма и Марии, затем и королевы Анны, а также президента Королевской коллегии врачей.

По всей вероятности, даже до получения степени бакалавра медицины и соответствующей лицензии, еще во время пребывания в Оксфорде Локк занимался врачебной практикой — либо в качестве ассистента и партнера своих имевших степени и лицензии коллег, либо самостоятельно, в тех случаях, когда речь шла о легких заболеваниях среди вверенных его попечению учеников.

Впрочем, несмотря на наличие многих подобных вариантов жизненного пути, судьба Локка решалась не только им самим, но и другими людьми.

Среди них был, во-первых, декан Фелл. Вопреки заведенному порядку и по истечении в конце 1665 г. крайнего срока Локк оставался в колледже Крайст-Чёрч еще почти два года, не проходя посвящения в духовный сан. Это означало, что он был на особом счету у Фелла, который, по-видимому, надеялся, что молодой преподаватель все же станет духовным лицом, а может быть, на всякий случай держал при себе талантливого медика, помня о страшной эпидемии чумы в Лондоне, каким-то чудом не перекинувшейся на Оксфорд³⁷.

В Локке был заинтересован не только Фелл. 3 ноября 1666 г. все еще занимавший пост лорда-канцлера и канцлера Оксфордского университета граф Кларендон направил своему подчиненному вице-канцлеру Феллу письмо с просьбой присудить Локку медицинскую степень. Эта рекомендация была проигнорирована — декан не собирался нарушать существующие правила. И тогда 14 ноября 1666 г. Фелл получил прямой приказ от короля, подписанный государственным секретарем, который предписывал «дозволить ему, означенному Джону Локку, оставаться студентом в колледже Крайст-Чёрч, сохраняя все соответствующие права,

37. *Milton J. R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. — Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 31.*

преимущества и вознаграждения, но не становясь духовным лицом».

Фелл отличался легендарным пристрастием к дисциплине и соблюдению университетских правил. Когда позднее, в ноябре 1670 г., лорд Ашли через канцлера Оксфордского университета герцога Ормонда представил Локка к степени почетного доктора медицины (в честь визита в университет Вильгельма, принца Оранского), Фелл и провост Итонского колледжа Ричард Аллестри выразили недовольство навязанной протекцией, после чего Локк сам отказался от выходившего за рамки устава присуждения, попросив Ашли отозвать номинацию. Однако королевский указ 1666 г. был для Фелла законом, который он не мог не исполнить.

Имеется несколько объяснений этого указа. Первое: в обмен на возможность остаться в университете Локку было предложено занять место рядом с набравшим силу лордом казначейства Антони Ашли Купером. Это объясняет то странное положение, которое занимал Локк в дальнейшем: он имел одновременно два дома и две «семьи»: в Оксфорде, в комнатах, принадлежавших колледжу Крайст-Чёрч, и в Лондоне, в комнате, которую ему выделили в доме лорда Ашли. Несомненно, такой поворот событий был выгоден Феллу. Иметь своего человека при лорде Ашли было совсем неплохо.

Второе возможное объяснение связано с Александром Попемом. Роль его в жизни Локка почти не исследована, однако известно, что он был агентом Карла II, обеспечившим беспрепятственное прибытие последнего в Лондон в 1660 г. Одновременно Попем не мог не знать Антони Ашли Купера, причем в течение долгого времени, поскольку был в свое время депутатом парламента от Уилтшира. Можно предположить, что Попем обратился к королю или что Попем обратился к Феллу, а может быть, оба они обратились к королю с просьбой о диспенсации (освобождении) Локка от посвящения в духовный сан, а к лорду Ашли — с просьбой о том, чтобы молодой и талантливый преподаватель и врач получил его покровительство.

Правдоподобно также и третье объяснение. Идея о королевском указе могла исходить от влиятельного в университете и правительстве лорда Роберта Бойля, в 1660–1664 гг. комиссионера Совета по иностранным плантациям.

Бойль был не только ученым, но и политиком и, как впоследствии и Локк, «светским теологом». Он входил в правление Ост-Индской компании, имел доли в Компании Гудзоновского залива, а также председательствовал в Компании Новой Англии — созданного в 1661 г. миссионерского общества, спонсировавшего перевод Библии на алгонкинский язык и реализовавшего решение парламента 1649 г. — Ордо-нанс для продвижения цивилизации и христианства среди индейцев (*Ordinance for the Advancement of Civilization and Christianity among the Indians*), согласно которому было создано Общество по распространению Евангелия в Новой Англии (*Society for the Propagation of the Gospel in New England*). Целью этих усилий Бойля было, разумеется, не только развитие науки, торговли и колонизация новых территорий, но и обращение язычников-индейцев, которое он, как и другие миллениаристы, считал необходимым условием Второго пришествия Христа.

Вскоре после образования Лондонского королевского общества в 1660 г. в его рамках был создан комитет, который должен был заниматься вопросами, касающимися «самых отдаленных частей мира». В него входили Бойль, Уилкинс, Роберт Морей (инициатор и учредитель Лондонского королевского общества), Джон Эвелин и Ольденбург.

Заглянув на пять лет вперед, мы увидим, что в 1673 г. Локк стал преемником на посту секретаря Совета по торговле и зарубежным плантациям многоопытного Бенджамина Уорсли. В 1650 г. Уорсли был секретарем республиканского Совета по торговле, автором плана развития английской экономики через всемерное поощрение торговли, в частности, с колониями. По его убеждению, это позволило бы Англии стать самодостаточной и не зависеть в торговом отношении от Испании, Италии и Турции. Уорсли наверняка был знаком с Шефтсбери, однако их совместная работа началась в 1668 г., когда Уорсли занял, как и Шефтсбери, место члена Совета по торговле, а в 1670 г. стал официальным советником Совета по иностранным плантациям. Уорсли выступал также советником Бекингема и Арлингтона, что делает его связующим звеном между правительством и так называемой невидимой коллегией.

Когда-то Уорсли был наставником Бойля в области алхимии и проводником идей и практики «невидимой колле-

гии» (или «философской коллегии»³⁸) — многочисленных научных собраний, предшествовавших образованию в 1660 г. Лондонского королевского общества. В Англии «невидимая коллегия» появилась благодаря усилиям Самюэла Гартлиба, человека огромного, хотя и во многом неофициального влияния в самых разных кругах Европы и Англии, но при этом культивировавшего собственную анонимность. И Гартлиб, и его партнеры по «невидимой коллегии» были вдохновлены идеей общепротестантского церковного единства, базирующегося на фундаментальных положениях (fundamentals) разумной веры (reasonable faith). Аналогичные организации существовали с начала XVII в. и на континенте.

«Невидимая коллегия» должна была заниматься не только распространением информации, но и привлечением к своей деятельности людей особого рода — прежде всего сыновей или родственников лиц благородного происхождения (persons of quality), а также людей простых, на роль «вольных» (free-man) друзей или членов Общества, но при этом отличающихся мастерством в каком-либо деле или хотя бы изобретательностью и доказавших свои добрые намерения. Среди требований к членам общества были верность профессии и «земледелию» (husbandry — в данном контексте одновременно и более широкий термин, под которым понимается приносящая пользу высокопрофессиональная деятельность). Вступавшие в него лица должны были обещать «за подписью и печатью» оставаться «верными соискателями Таинства и Общества» и при этом не вступать в брак³⁹.

По словам Сары Ирвинг, целью Гартлиба было использование такой коллегии как «институционального средства верификации знания»⁴⁰. Добавим к этому, что «невиди-

38. См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 27; а также: *Leng T. Shaftesbury's Aristocratic Empire* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 113.

39. *Hartlib S. An Essay for Advancement of Husbandry-Learning: or Propositions for the Erecting College of Husbandry.* — London, 1651. P. 9–11. Цит. по: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire.* — London: Pickering & Chatto, 2008. P. 63–64.

40. *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire.* — London: Pickering & Chatto, 2008. P. 63.

мая коллегия» служила еще одной цели — распространению не всякой, а только достоверной информации, исходящей от заслуживающего доверия источника и непременно полезной (способствующей, по выражению Локка, умножению жизненных удобств, *conveniences of life*)⁴¹.

Благодаря деятельности круга Гартлиба, а затем Лондонского королевского общества правительство удалось убедить в том, что знание может быть полезным, ценным, общественно значимым. По сути дела, это была частичная реализация главной идеи Френсиса Бэкона, выраженной в его «Новой Атлантиде», о «Доме Соломона» на острове Бенсалем. Особенно важными представлялись результаты сбора информации о сельском хозяйстве, о различных методах получения высокого урожая в зависимости от климата, почвы, географического расположения. В качестве полигона для экспериментов Гартлиб предлагал использовать плантации в различных колониях, а успешные эксперименты воспроизводить в самой Англии.

При поддержке Бойля Уорсли продолжил дело Гартлиба. А Локк должен был стать преемником Уорсли.

Стоит упомянуть об одной детали, которая объясняет легкость появления королевского указа, освобождавшего Локка от необходимости посвящения в духовный сан и позволявшего ему остаться в Оксфордском университете. В начале 1665 г. в Лондоне и других английских городах начали проявляться первые признаки эпидемии бубонной чумы, а весной все, кто мог, уже покинули столицу, в том числе король вместе со своим двором. В сентябре Карл обосновался в Оксфорде, где чумы по какой-то причине, кстати, очень интересовавшей Бойля и Локка, не было. Если быть совсем точным, двор располагался в колледже Крайст-Чёрч.

41. Добавило это самому Локку жизненных удобств или нет, но он так и не женился, хотя в середине 1660-х гг. был почти согласен сделаться духовным лицом, вступить в брак со своей возлюбленной Элиной Парри, перебраться в Ирландию, стать капелланом ирландского лорда-наместника и продолжать заниматься врачеванием после получения соответствующих степеней и лицензий. По какой причине Локк отказался от этой весьма приятной и выгодной перспективы, неизвестно. Скорее всего, не из-за членства в некоей тайной организации, а вследствие требования устава колледжа Крайст-Чёрч, согласно которому занятие должности даже «факультативного студента» предполагало безбрачие.

Локк несомненно встретил в коридорах колледжа Уильяма Годольфина, секретаря лорда Арлингтона, а также другого своего знакомого по Вестминстерской школе и первым годам в Крайст-Чёрч — тоже секретаря Арлингтона Джозефа Уильямсона (члена Лондонского королевского общества с 1663 г., президента в 1677–1680 гг.; хорошего знакомого Шефтсбери⁴²). Имея столь влиятельных друзей, Локк мог получить и диспенсацию, подписанную госсекретарем Уильямом Морисом. Кроме того, существует версия, что Локк лично познакомился с самим королем, который, возможно, возложил на него некую миссию. Какую — остается только догадываться.

Последняя версия объясняет, почему Локк отправился осенью 1665 г. в Клеве. Ничто в его жизни не указывало на наличие каких-либо дипломатических способностей. Но, может быть, это была первая проверка кандидата на роль государственного служащего. Клеве, город на границе с Нидерландами, входил в курфюршество Бранденбург, и Локк отправился туда в качестве секретаря английского посланника сэра Уолтера Вейна⁴³. Цель этой дипломатической миссии заключалась в том, чтобы уговорить курфюрста сохранить нейтралитет на время второй англо-голландской войны, начавшейся весной 1665 г.

Миссия не удалась, поскольку стороны не смогли договориться о цене вопроса, но по возвращении из Клеве Локку было предложено отправиться с аналогичной миссией в Испанию. Миссия предполагала отсутствие в Англии в течение двух лет, и он отказался. В конце года Локку был предложен пост секретаря посла в Швеции, но он отклонил и это предложение.

В Клеве Локк познакомился с немецким ятрохимиком Иоганном Шардом (или Скардом — Schard) и даже работал в его лаборатории. По возвращении из Клеве Локк вместе со своим другом Дэвидом Томасом, на тот момент препо-

42. The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 438n.

43. Э. де Бир отмечает, что этой поездкой Локк был обязан Уильяму Годольфину, а также что Вейн был подотчетен госсекретарю лорду Арлингтону. См.: The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 225.

давателем оксфордского Нью-колледжа, с которым он познакомился на лекциях Шталя, и еще одним врачом организовал собственную ятрохимическую лабораторию, оборудование которой Томас в конце концов забрал с собой, перебравшись из Оксфорда в Солсбери, где до конца жизни занимался ятрохимическими и алхимическими опытами, следуя указаниям Бойля и Локка.

Возможно, после того как Локк отклонил предложения, связанные с дипломатической деятельностью, Бойль и сыграл свою роль в его судьбе. Поздней весной 1667 г. Локк переехал из Оксфорда, где провел пятнадцать лет, в Лондон, в дом Шефтсбери под названием «Экстер-Хаус». Правда, оставил в своей комнате в Крайст-Чёрч большую часть книг.

Первый раз Локк и Шефтсбери встретились летом 1666 г., когда лорд Ашли приезжал в Оксфорд навестить своего четырнадцатилетнего сына, учившегося в Тринити-колледже. Легенда гласит, что Локк, подменяя врача (по «случайности» — своего ближайшего коллегу в ятрохимических опытах Дэвида Томаса), принес для страдавшего печенью лорда казначейства бутылки с минеральной водой из незадолго до этого обнаруженных Лоуэром и Уиллисом источников в Астропе. Локк сразу понравился лорду Ашли, который едва ли не тут же пригласил его в Лондон, чтобы он стал членом семьи и наставником потомства. По другой версии, Локк не смог принести минеральную воду, о чем и сообщил лорду Ашли, однако тот предложил молодому врачу сопровождать его в Астроп. С этой поездки якобы и начались их близкие отношения.

Хотя Локк несомненно был способен давать медицинские советы как самому лорду Ашли, так и многочисленному и разнородному окружению, членам «семьи», или «дома», а лучше сказать, «семьи-домохозяйства» (household), включавшей как родственников, так и слуг, общим числом в 40 человек, — все же он был приглашен не в качестве лечащего врача, а как наставник юного Ашли Купера. В качестве компенсации за эту услугу Локк получал 20 фунтов каждые три месяца вплоть до своего назначения (после того как лорд Ашли занял высокий пост в правительстве) регистратором по акцизам, на должность, которая должна была приносить ему 175 фунтов в год, так никогда и не выплаченных казной.

Что еще ожидалось от Локка, мы не знаем. Можно лишь предположить, что в дополнение к обязанностям наставника ему было предложено работать в химической лаборатории, которая располагалась в Эксетер-Хаусе⁴⁴. В Лондоне находилась еще одна лаборатория, которую мог посещать Локк (в то время в столице существовало множество такого рода лабораторий, поскольку заниматься алхимией было модно; и хотя это запрещалось законом, алхимическая лаборатория имелась даже у короля). Это была лаборатория Бойля, располагавшаяся неподалеку от того места на Палл-Малл, где жил Томас Сиденхем, а именно в доме, который Бойль делил со своей сестрой, влиятельной леди Екатериной Джонс, виконтессой Рanelэ (Ranelagh, ирл. Рanelлах). Екатерина Рanelэ и Роберт Бойль были центром притяжения англо-ирландского протестантского круга, в который входили также братья Арнолд и Герард Боут, Бенджамин Уорсли и другие гартлибианцы. В последующие пятнадцать лет Локк, по природе своей человек малообщительный, приобрел массу совершенно невероятных знакомств в самых разных кругах — научных, церковных и политических.

Известно, что в доме Шефтсбери — как принято считать, под председательством Локка, но, возможно, под председательством Уорсли — собиралась дискуссионная группа, встречи которой проходили под эгидой Лондонского королевского общества: Шефтсбери, ко всему прочему, был, как и Бойль, членом Совета новообразованного научного института⁴⁵. Другими членами собиравшейся в Эксетер-Хау-

44. Anstey P.R. John Locke and Helmontian Medicine // *The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science* / Ed. by C.T. Wolfe and O. Gal. — Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010. P. 102.

45. Это не означало, что Шефтсбери являлся хотя бы в каком-то самом условном смысле естествоиспытателем. Одним из принципов Лондонского королевского общества было привлечение к своей деятельности представителей власти и влиятельных и богатых людей. В обзоре книги Спрата, напечатанной в очередном выпуске «Философских транзакций», Генри Ольденбург отмечал, что в состав Общества входят «три величайших государя Европы», два архиепископа, четыре епископа, 29 герцогов, маркизов, графов, виконтов и баронов, 35 рыцарей, а также... 14 докторов и бакалавров. См.: Hunter M. *Latitudinarians and the "Ideology" of the Early Royal Society: Thomas Sprat's "History of the Royal Society" (1667) Reconsidered* // *Philosophy, Science, and Religion in Eng-*

се группы были, возможно, Дэвид Томас, Джон Мейплтофт и Томас Сиденхем — т.е. врачи, однако вполне вероятно, что группа состояла из других членов, обсуждавших вопросы торговли и колониальные дела, что тоже предполагало председательство Уорсли.

В доме лорда Ашли, а может быть, и в доме Бойля в Оксфорде Локк встретил своего пациента (которого он начал лечить, если судить по сохранившемуся письму, самое позднее с декабря 1666 г.)⁴⁶ — одного из двенадцати основателей Лондонского королевского общества и знакомого Бенджамина Уорсли сэра Пола Нила, который и предложил Локку стать членом общества⁴⁷. Нил был сыном Ричарда Нила, архиепископа Йоркского и соратника Уильяма Лода. В ноябре 1668 г. Локка избрали в члены Общества и определили в комитет по обсуждению и проведению экспериментов, который возглавлял Роберт Гук, получивший титул «куратора экспериментов». С 1663 г. Гук был также «смотрителем репозитория» — собиравшейся членами Королевского общества и их многочисленными корреспондентами коллекции неизвестных ранее растений и других редкостей из Старого и Нового Света, а также из Азии. Репозиторий размещался в Грешам-колледже в Лондоне.

Главным вкладом Локка в деятельность Лондонского королевского общества стали два отчета о метеорологических наблюдениях, которые он начал проводить систематически, а не время от времени, лишь в 1690-е гг. Основной задачей при этом было выяснение корреляции между изменениями погоды и распространением эпидемий (как предполагалось, через особые болезнетворные частицы, переносимые по воздуху). Эту задачу Бойль поставил перед Локком ле-

land 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 202.

46. The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 300.

47. В конце 1640-х — начале 1650-х гг. Уорсли стал постоянным покупателем продукции Иоганна Визеля — конструктора телескопов из Аугсбурга. В Англии телескопы Визеля вызвали интерес, в частности, со стороны ценителя науки Пола Нила и «кембриджского платоника» Генри Мора. См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 41.

том 1666 г. Помимо Локка и самого Бойля этой задачей занимались Кристофер Рен и Роберт Гук, а в начале 1690-х гг. Чарлз Гудолл⁴⁸.

Одним из близких знакомых и учителей Локка после его переезда в Лондон стал Томас Сиденхем. Локк лично познакомился с ним благодаря своему другу Джону Мейплтофту в 1668 г., но еще в 1666 г. прочитал труд Сиденхема «Метод лечения лихорадок, построенный на основе собственных наблюдений» — краткое практическое руководство, содержавшее помимо процедур лечения заболеваний с высокой температурой (в частности, оспы) критику теории ферментов⁴⁹. Второе издание этого руководства в 1668 г., включавшее новую главу о чуме и предлагавшее в качестве метода лечения флеботомию, было подготовлено уже при участии Локка. Третье издание, вышедшее в 1676 г. и в два раза превышавшее по объему второе, было переработано настолько серьезно, что получило новое название — «Медицинские наблюдения, касающиеся истории и лечения остро протекающих заболеваний» («Observationes medicae circa morborum acutorum historiam et curationem»).

Влияние Сиденхема, считавшего, что медик должен ориентироваться в своих методах не на теорию, а на практику лечения⁵⁰, привело к тому, что Локк, по сути, забросил

48. См.: Dewhurst K. John Locke, Physician and Philosopher: A Medical Biography. — London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963. P. 18–19; Anstey P. R. Locke, Bacon and Natural History // Early Science and Medicine. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 77.

49. Sydenham T. Methodus curandi febres, propriis observationibus superstructura. — London, 1666. Издания 1666 и 1668 гг. посвящены Бойлю, однако обязаны высказанными в них идеями скорее Томасу Уиллису, вторая часть труда которого «Diatribae duae» разбирает вопрос о лихорадках. См.: Anstey P. and Burrows J. John Locke, Thomas Sydenham, and the Authorship of Two Medical Essays // Electronic British Library Journal. 2009. Article 3. P. 19.

50. Сиденхему принадлежит часто цитируемое историками медицины высказывание: «Медицину следует изучать не в университете. <...> В Оксфорд с тем же успехом можно было бы послать для изучения сапожного дела». Или еще: «Анатомия, ботаника — чушь! Сэр, я знаю старуху в Ковент-Гарден, которая разбирается в ботанике лучше всех; что до анатомии, то мой мясник может рассечь сустав не хуже [хирурга]». Цит. по: Meynell G. G. John Locke and the Preface to Thomas Sydenham's "Observationes medicae" // Medical History. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 94.

свои занятия и ятрохимией, и физиологией дыхания⁵¹. Однако это произошло не сразу, и еще в ноябре 1667 г. Локк писал Бойлю: обязанности в Эксетер-Хаусе «не позволяют мне проводить дальнейшие химические эксперименты, хотя в пальцах все еще ощущается рабочий зуд»⁵².

Под руководством Сиденхема Локк написал два оставшихся неопубликованными трактата: «Anatomia» (1668) «De Arte Medica» (1669) (впрочем, иногда их автором называют не Локка, а Сиденхема, а иногда они считаются плодами их совместного труда⁵³). Локку, по-видимому, принадлежит предисловие к трактату Сиденхема «Медицинские наблюдения» («Observationes medicae», 1676)⁵⁴, не говоря уже о том, что он оказал Сиденхему помощь в подготовке этого труда и объединении в единое целое множества записанных ранее фрагментов.

В «Anatomia» Локк осудил применение «анатомических» исследований в медицине, заявив, что выводимые из них заключения являются всего лишь догадками и поводом для нескончаемых дискуссий. Влияние Сиденхема привело также к тому, что Локк полностью отказался от теории ван Гельмонта и гельмонтианской медицины. Ни в одном из набросков будущего «Опыта о человеческом понимании», сделанных в 1671 г., ни разу не упоминаются ферменты или «arghei», нет их и в самом «Опыте», вышедшем в 1690 г. И лишь в поздней работе «Начала натуральной философии» он написал, по форме следуя ван Гельмонту, что «все камни, металлы и минералы на самом деле — овощи, организмы, растущие, как и растения, из подходящих семян»⁵⁵. Впрочем, у Локка это, по мнению Дж. Милтона,

51. *Walmsley J.* John Locke on Respiration // *Medical History*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 474.

52. *The Correspondence of John Locke*. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 315.

53. См.: *Anstey P. and Burrows J.* John Locke, Thomas Sydenham, and the Authorship of Two Medical Essays // *Electronic British Library Journal*. 2009. Article 3.

54. *Sydenham Th.* Observationes medicae circa morborum acutorum historiam et curationem. — London, 1676. См.: *Meynell G. G.* John Locke and the Preface to Thomas Sydenham's "Observationes medicae" // *Medical History*. 2006. Vol. 50. No. 1.

55. *The Works of John Locke*. Vol. II. — London, 1824. P. 430.

скорее метафора, чем свидетельство некоего тайного гельмонтианства.

По мнению того же Дж. Милтона, «не похоже... что влияние Сиденхема укрепило Локка в механицизме: более вероятно, что это произошло во время его пребывания во Франции. <...> Механическая философия, хотя и не столь достоверная, как считали картезианцы, давала хоть какой-то разумный способ объяснения природных явлений. Во всяком случае, это была точка зрения, которую он был готов публично признать в „Опыте“; если он и сохранил какую-то остаточную склонность к гельмонтианской альтернативе, то держал ее при себе»⁵⁶. Правда, в последних работах Питера Анстее предлагается рассмотреть возможность более тесной связи гельмонтианства и «Опыта о человеческом понимании», органического корпускуляризма ван Гельмонта и критики механицизма Локком.

На взгляд Джонатана Уолмсли⁵⁷, влияние Сиденхема сыграло решающую роль в формировании взглядов Локка. Благодаря Сиденхему Локк смог избавиться и от гельмонтианства, и от механицизма как от надуманных спекуляций, не имеющих ничего общего с практическим опытом. Сиденхем сыграл важнейшую роль в становлении взгляда на опыт, отличающегося от представлений Бойля и всей группы химиков, физиков, фармацевтов и других людей, находившихся в то время в авангарде научных исследований.

Понятие «опыта» у Локка привязано не к «теориям» (фантазиям, гипотезам, законность которых он в дальнейшем принципиально отрицал) или «подтверждающим» экспериментам, а к практике. Опыт, по Локку, как бы встроен в совершенно другую картину мира, на первом месте в которой находится взаимодействие с окружающей человека реальностью, а не созерцательное и в то же время *спекулятивное* (в негативном смысле, который этот термин приобрел в английской философии XVII в.) восприятие натурфилосо-

56. Milton J. R. Locke, Medicine and the Mechanical Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2001. Vol. 9. No. 2. P. 243.

57. См.: Walmsley J. Sydenham and the Development of Locke's Natural Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2008. Vol. 16. No. 1.

софа. У Локка мир натуральной философии уступает место миру натуральной истории⁵⁸.

В этом плане важная для понимания генезиса конструкции «первичные — вторичные идеи/качества» статья Джонатана Уолмсли, рассматривающая развитие «механизма/механицизма» в трех последовательных вариантах «Опыта о человеческом понимании» (А, В и С; 1671, 1672 и 1685 гг.), остается в рамках подхода, не учитывающего закрепление Локка на позициях бэкониианской программы. Правда, бэкониианство Локка особого сорта: он противопоставляет натурфилософии не сбор и коллекционирование фактов с последующим выдвижением правдоподобных гипотез (программа Лондонского королевского общества), но практический опыт, соотносимый с вероятностными (или, иначе, *conceivable* — мыслимыми) гипотезами.

Согласно Локку, сказать, что теория является осмысленной, не значит сказать, что она является истинной: осмысленность, или мыслимость, теории (*conceivability*) есть скорее императив, «теоретически должное». Таким образом, история развития локковского «механицизма» заключалась не в переходе Локка (окончательно — в «наброске С» 1685 г.) на позиции механицизма и корпускуляризма, аналогичные бойлевским и декартовским, а в углублении первоначальной позиции — критического анализа познавательных оснований механистическо-корпускулярной экспериментальной натурфилософии с точки зрения медико-практического понимания опытного знания.

В рамках бэкониианской программы «Опыт о человеческом понимании» стал, в частности, критикой гипотетического метода натурфилософии с точки зрения медицинской клинической натураистики. Это не значит, что Локк является прямым последователем Бэкона, как, например, Я. А. Коменский, считавший индукцию общедоступным, хотя и трудоемким путем проникновения в тайны природы (при этом его пансофия ставила более общую задачу — проникновение в суть вообще всех вещей). Например, Питер Анстей доказывает, что бэкониианская программа реализовывалась

58. См.: *Walsley J.* The Development of Locke's Mechanism in the Drafts of the Essay // *British Journal for the History of Philosophy*. 2003. Vol. 11. No. 3. P. 417–449.

в ряде произведений Бойля, применявшего метод натур-истории, тогда как «Опыт о человеческом понимании» не содержит ни одной отсылки к Бэкону. Впрочем, Локк вообще не любил ссылаться и часто не ссылался на чужие работы даже тогда, когда это было бы — с современной точки зрения — просто необходимо. В XVII в. было принято ссылаться на Библию и античных авторов.

В обзорной статье Дж. Милтона показывается, что Локк не использовал и даже не имел в виду в качестве референтной концепции бэконовский индуктивный метод⁵⁹. Единственное место в «Опыте о человеческом понимании», где говорится об индукции, имеет явную критическую направленность: «Возможно, люди пытливые и наблюдательные и могут, с помощью силы *суждения*, проникнуть дальше, [основываясь] на вероятностях, взятых из осторожного наблюдения и намеков, основательно сопоставленных, и часто делают верные догадки о том, чего еще не открыл им опыт. Но это все же лишь гадание, равное мнению и не имеющее той *достоверности*, которая необходима для знания»⁶⁰. Заметим, что для Локка «суждение» противостоит «знанию» и является особой способностью ума — «предполагать, какими являются вещи» (*presuming things to be so*) на основании вероятностных, но недостаточных, неокончательных свидетельств.

«Получение и улучшение нашего знания о субстанциях исключительно с помощью опыта и истории есть все, чего могут достичь наши слабые способности в состоянии *посредственности*, в котором мы пребываем в этом мире», а «гипотезы натурфилософии» в лучшем случае представляют собой сомнительные догадки, «каковыми являются по большей части (я едва не сказал все) *гипотезы* в натурфилософии»⁶¹. Например, «наблюдая, что простое трение двух тел друг о друга с приложением неистовой силы производит тепло, а очень часто даже огонь, мы имеем основание думать, что

59. См.: *Anstey P.R.* Locke, Bacon and Natural History // *Early Science and Medicine*. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 65–92; *Milton J.R.* Induction before Hume // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1987. Vol. 38. No. 1. P. 61.

60. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 588.

61. *Ibid.* P. 645, 648.

то, что мы называем „тепло“ и „огонь“, состоит в сильной ажитации невоспринимаемых мелких частей горящего вещества...»⁶². Второй пример: «Наблюдая, говорю я, такие постепенные и плавные нисхождения в тех частях Творения, которые ниже человека, правило аналогии может сделать вероятным, что то же и в вещах выше нас и нашего наблюдения, и что есть несколько чинов интеллектуальных существ, превосходящих нас на несколько порядков совершенства»⁶³.

Можно даже сказать, что знаменитый принцип исследования «человеческого понимания» Локком, а именно «исторический, простой метод», есть наблюдающий, осторожный и делающий выводы исключительно *по аналогии* способ изучения ума, который рекомендует ставить диагноз и наблюдать за течением болезни, ориентируясь не на определение причины, а на симптомы, признаки, проявления, и делать это, находясь, говоря языком Сиденхема, «у постели больного» и имея в виду больного, а не общее устройство вселенной. Аналогия может приводить к гипотезе (в отрицательном, спекулятивном смысле), но она должна, по Локку, оставаться в пределах (compass) опыта, чтобы быть полезной для человека⁶⁴.

В этом случае чем больше врач (или ученый, или любой человек, занимающийся «пониманием» чего бы то ни было) накапливает описаний разного рода клинических случаев, в том числе и ранее им (или другими учеными) не встречавшихся, тем более «вероятной» становится диагностически

62. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. P. 665–666.

63. Ibid. P. 666.

64. См. также: Yost R. M. Locke's Rejection of Hypotheses About Sub-Microscopic Events // Journal of the History of Ideas. 1951. Vol. 12. No. 1; Yolton J. Locke and the Compass of Human Understanding: A Selective Commentary on the "Essay". — Cambridge: Cambridge University Press, 1970; Romanell P. John Locke and Medicine: A New Key to Locke. — N.Y.: Prometheus Books, 1984; Anstey P. R. Locke on Method in Natural Philosophy // The Philosophy of John Locke. New Perspectives / Ed. by P. R. Anstey. — London — N.Y.: Routledge, 2003. Противоположная и доминирующая точка зрения, делающая из Локка выразителя научного мировоззрения своего времени, продолжателя дела Бойля и Ньютона, изложена в классической статье Лоренса Лаудана: Laudan L. The Nature and Sources of Locke's Views on Hypotheses // Journal of the History of Ideas. 1967. Vol. 28. No. 2.

верная аналогия. Таким образом, речь идет не об индукции, а о накоплении опыта, само количество которого делает его потенциально все более мощным орудием в аналогической логике вероятностных суждений. В отличие от Бэкона, считавшего накопление опыта «предварительным» этапом в развитии экспериментального метода естествознания, Локк полагал наблюдение, обращение к уже накопленному опыту наблюдений и аналогические выводы единственными и фундаментальными инструментами формулирования полезных для человеческой жизни (неспекулятивных) гипотез.

Это был важнейший поворот в интеллектуальной биографии Локка, определивший все его дальнейшее мышление. Главный его труд «Опыт о человеческом понимании» — не панегирик механицизму, а его *критическое* изложение. Вся вторая книга этого главного произведения Локка, посвященная «идеям», есть критика *спекулятивной* гипотезы о наличии в человеческом интеллекте врожденных идей, из которых дедуцируются все возможные истины. По логике Локка, если есть возможность показать генезис идей из опыта, то нет необходимости и, более того, не может быть логического оправдания для предположения о существовании врожденных идей⁶⁵. Но даже «идеи», по Локку, не вполне выражают опытный характер знания. Третья книга «Опыта» посвящена языку, этой параллельной, а может быть, и совпадающей с «идеями» реальности и предмету особой науки, которую Локк назвал семиотикой⁶⁶. Наконец, четвертая книга «Опыта о человеческом понимании» — рассуждение о знании и вере в контексте ключевого для Локка представления об ограниченности человеческого интеллекта и о необходимости своего рода интеллектуального смире-

65. См.: *Locke J. An Essay concerning Human Understanding* / Ed. by P. H. Niddich. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 48.

66. Патрик Романелл замечает, что греческий термин «semiotike», заменивший для Локка термин «логика», возможно, был взят из галеновской традиции, где «semiotic» означала симптоматологию — науку о признаках или симптомах болезней, а локковская логика (учение о знаках) была аналогична диагностике — в данном случае диагностике болезней ума. См.: *Romanell P. John Locke and Medicine: A New Key to Locke*. — N.Y.: Prometheus Books, 1984. P. 143. Об основаниях герменевтики Локка в «Опыте» см.: *Moore J. T. Locke's Analysis of Language and the Assent to Scripture* // *Journal of the History of Ideas*. 1976. Vol. 37. No. 4.

ния, самоконтроля, отказа от выхода за пределы, границы того, что дано человеку Богом или, точнее, чем ему следует довольствоваться после грехопадения.

«Опыт о человеческом понимании» — попытка обсуждения современных Локку идей о восстановлении совершенного знания и первоначального языка — языка Бога, на котором написана книга природы, в том смысле, что сама природа является языком, знаком, следами промысла Божьего; Адам до грехопадения правильно называл вещи, соответственно их сути, а после грехопадения этот язык и понимание были утрачены. В конечном счете «Опыт» — это обсуждение возможности возвращения человека к состоянию до грехопадения, обретения счастливой жизни в новом Эдеме.

Все эти идеи обсуждались и в «круге Гартлиба», который рассматривал и «пансофию», и алхимию как программы возвращения самого Творения в его первоначальный статус «чистого листа», когда земля была «бесформенна и пуста». Этот лист был исписан Словом, «которое было в Начале, и которое было с Богом, и которое было Богом», но текст впоследствии оказался испорчен грехом. «Подобно тому как коменианское образование могло формировать испорченные умы детей в благочестии и подобно тому, как миссионеры могли строить новый Иерусалим на неоскверненной земле Нового Мира, алхимики переписывали Творение, чтобы оно лучше соответствовало первоначальному божественному намерению. <...> Они верили, что Бог предназначил их к тому, чтобы это делать»⁶⁷.

Но только — спрашивает Локк — способен ли человек (а алхимик и пансофист являются людьми), будучи существом ограниченным, в отличие, например, от ангела⁶⁸, к та-

67. Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle. — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 174.

68. Локк, разумеется, знал об идеях математика и придворного конца XVI в. Джона Ди, опубликованных в 1659 г. (*Dee J. A True & Faithful Relation of What Passed for Many Years Between Dr. John Dee... and Some Spirits*. Ed. Meric Casaubon. — London, 1659), а именно о том, что Бога можно и даже желательно просить о помощи, которая будет оказана через ангелов, Его служителей в природном мире и «духоводителей». В частности, Ди говорил о «*medicina dei*», которая, как обещали ему ангелы,

ким делам? Или он должен, понимая свою ограниченность и слабость, довольствоваться полнотой предоставленного ему Богом удела, опираясь на выраженное в Священном Писании откровение? В «Опыте о человеческом понимании» эта тема звучит вполне ясно⁶⁹, а ближе к концу жизни Локка получает развернутое изложение в «Парафразе и примечаниях к посланиям св. Павла» (1706).

Сиденхем ввел Локка в мир профессиональной медицинской практики. Период с 1667 по 1671 г. (особенно 1668 г.) наполнен врачебной деятельностью, по своей интенсивности, не сравнимой с другими этапами в жизни Локка. Тесные контакты Локка с Сиденхемом прекратились лишь в 1671 г., когда Локк начал испытывать дефицит времени из-за своих административных обязанностей на службе у Шефтсбери. Это не означало полного отказа от интеллектуальных занятий: в 1671 г. Локк начал работу над будущим «Опытом о человеческом понимании», которая продолжалась до осени 1672 г. Однако затем, вплоть до конца 1674 г. (т.е. почти два года), он отдавал практически все время административной работе, лишь косвенно связанной с деятельностью научного и медицинского сообщества.

Впрочем, в его новые обязанности входила переписка с британскими подданными, живущими за рубежом, от которых он получал массу новой информации. Локк просил своих корреспондентов не только сообщать обо всем новом, но и присылать образцы растений, лекарства, разного

когда он беседовал с ними с помощью «гадателей» и «через кристалл», излечит природный мир от болезней и несовершенств. О притягательности идей Ди можно судить по тому, что какое-то время ими увлекались многие естествоиспытатели того времени. Бойль, например, верил, что связь натурфилософа с высшими уровнями космоса может помочь в нахождении философского камня, и несколько раз пытался провести опыты, направленные на установление связи с ангелами и обретение «ангельского патрона». С другой стороны, Гук полагал, что Ди был всего лишь шпионом на службе у королевы Елизаветы, а его «разговоры с ангелами» являлись просто зашифрованными донесениями. См.: *Harkness D. E. Alchemy and Eschatology: Exploring the Connections Between John Dee and Isaac Newton // Newton and Religion. Context, Nature, and Influence / Ed. by J. Force and R. Popkin. — Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999.*

69. См.: *Locke J. An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Niddich. — Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 302–303.*

рода редкости, которые он отправлял далее своим друзьям в Лондоне и Оксфорде.

На протяжении всей жизни Локк жадно покупал и читал книги, в которых описывались путешествия в экзотические страны, интересовался жизнью, обычаями и верованиями диких племен всего мира, Индией, Китаем и Америкой. В его архиве — тщательно подобранный гербарий⁷⁰. Чтение таких книг и составление их рефератов являлись уставными обязанностями всех членов Лондонского королевского общества, а особенно имевшегося в его рамках специального комитета по переписке, который прямо обязывал своих членов изучать труды о путешествиях и обнаруженных новых растениях, животных, минералах и т. п.⁷¹

В конце XVII — начале XVIII в. одним из крупнейших коллекционеров образцов флоры был ирландский врач, натуралист и впоследствии основатель Британского музея (открылся для публики в 1759 г.) и президент Лондонского королевского общества (после смерти Ньютона) сэр Ганс Слоун (член Лондонского королевского общества с 1685 г.), коллекции которого на момент его смерти содержали 71 ты-

70. См.: *Gough J. W. John Locke's Herbarium // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990.*

71. С точки зрения натурфилософов (в частности, Бойля), растения занимали в этих поисках особое место по очевидной причине: «Ботаники уже давно обнаружили около 6000 представителей растительного царства и теперь... открывают многочисленные другие ранее не описанные растения; о главном из которых, я надеюсь, мир скоро узнает» (*Boyle R. Some Considerations touching the usefulness of Experimental Natural Philosophy. The Second Tome, Containing the Later Section of the Second Part. — London, 1671. Цит. по: Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire. — London: Pickering & Chatto, 2008. P. 74*). Среди уже сделанных натурфилософами великих открытий Бойль выделял обнаружение магнетита и последующее создание компаса, а также изобретение пороха, значительно повлиявшее на развитие военного искусства. «Полезность» для гартлибианцев, а также для Лондонского королевского общества неизменно включала наряду с применением знаний в различных отраслях деятельности и военные «приложения», а в целом означала восстановление господства над всей природой и всеми земными существами как предназначенным для человека Божьим творением. Главным двигателем в этом провиденциальном универсальном процессе реформации, по Бойлю, были реформированные натурфилософы — «христианские виртуозы», опиравшиеся в своих знаниях на достоверные источники и «людей вдохновения». См.: *Ibid. P. 75–78.*

сячу единиц. Гигантская коллекция была собрана отцом и сыном Традескантами. Джон Традескант был садовником у Карла I и собрал, не выезжая из Англии, огромное число образцов растений. Его сын Джон Традескант-младший продолжил дело отца, однако занимался коллекционированием растений, отправляясь в экспедиции в Новый Свет. Коллекции Традескантов легли в основу Ашмолеанского музея в Оксфорде, названного в честь построившего его члена Лондонского королевского общества с 1661 г. Элиаса Ашмола. Музей был открыт в 1683 г. герцогом Йоркским, членом Лондонского королевского общества с 1665 г.

В доме Шефтсбери Локк прожил восемь лет (с мая 1667 по ноябрь 1675 г.), и за это время известно лишь о двух случаях его пребывания в Оксфорде — в сентябре 1671 г. и в феврале 1675 г. Об этом периоде и о том, каковы были его обязанности, мы знаем мало, поскольку он начал вести дневник лишь в 1675 г., когда отправился во Францию, тем не менее известно, что летом 1669 г. ему было поручено вести предварительные переговоры о женитьбе сына лорда Ашли, будущего второго графа Шефтсбери, на леди Дороти Маннерс, дочери графа Ратленда, а в 1671 г. он принял роды у Дороти Ашли Купер, подарившей миру будущего третьего графа Шефтсбери. По мнению Дж. Милтона, в период с 1672 по 1675 г. его можно было бы назвать главным секретарем Шефтсбери, однако сам Локк отрицал, что когда-либо занимал такую должность в «домохозяйстве», заявляя, что был скорее одним из «домашних» (domestic) и выполнял множество поручений, иногда мелких, а иногда важных. Среди них, безусловно, покупка книг для библиотеки патрона, составление разного рода меморандумов.

Локк оказывал разного рода услуги не только своему патрону, но и дому Нортумберлендов: весной 1671 г. он сопровождал леди Нортумберленд в поездке во Францию. Он был также в курсе дел лорда Холлиса, графа Солсбери и герцога Бекингема. Впрочем, что касается Нортумберлендов, возможно, дело было в том, что в их доме работал в качестве наставника и врача его друг по Вестминстерской школе Джон Мейплтофт, переводчик Сиденхема на латинский язык и его ученик (член Лондонского королевского общества с 1676 г. и, по-видимому, родственник Томаса Фирмина). Помимо Мейплтофта в этом доме жила дальняя родственница Лок-

ка г-жа Маргарет Бломер — жена графского капеллана Тома-са Бломера и компаньонка леди Нортумберленд.

В 1675 г., после того как новый глава правительства граф Данби предложил свой билль о проверке, вызвавший жаркие дебаты в парламенте с последующим перерывом в его работе, Шефтсбери удалился в родовое поместье в Дорсете, возможно взяв с собой и Локка. Вернувшись в октябре, Шефтсбери привез с собой «Письмо знатного лица», опубликованное в начале ноября 1675 г.

Спустя несколько дней после выхода в свет «Письма» Локк отбыл во Францию. Еще в феврале 1675 г. он получил желанную степень бакалавра медицины и лицензию на занятие медицинской практикой и был немедленно зачислен «студентом» медицины по «ирландской» квоте (не благодаря ли Бойлю?), что давало ему официальное право оставаться в Оксфордском университете даже в случае отзыва королевской диспенсации. Его отъезд не был связан с тем, что он опасался за свою жизнь, а стал осуществлением давнего плана.

В любом случае не сохранилось никаких следов, свидетельствующих о том, что Локк, находясь в Дорсете, занимался составлением «Письма знатного лица». Это всего лишь предположение в развитие старой гипотезы Де Мезо и Коллинза, повторенное теми историками, которые считали, что принадлежность к государственной службе и политическое влияние возвышают философа или ученого в глазах читающей публики и являются дополнительным доказательством значения его философских или научных взглядов. Вполне возможно, что в Дорсете он находился даже не в поместье Шефтсбери, а в доме Роберта Бойля. Косвенным подтверждением того, что поездка Локка во Францию не была бегством от неприятностей, служит то, что он отправился на корабле вместе с Джоном Беркли, одним из лордов — собственников Каролины, а теперь посланником короля в Париже.

Находясь во Франции, Локк переписывался со стюардом дома Шефтсбери Томасом Стрингером, и в его письмах не было ровным счетом никакой политики. Графиня Шефтсбери питала большой интерес к садам, и в течение всей своей долгой французской поездки Локк регулярно присылал в Лондон черенки и отводки, которые находили свое место в родовом поместье Шефтсбери, а также соби-

рал информацию о различных плодах — винограде, персиках, оливках и фигах. Но не исключено, что этот интерес Шефтсбери и Локка был связан и с Каролиной.

Прибыв во Францию, Локк почти полтора года жил в Монпелье, на юге страны, в одном из центров европейской медицинской и научной мысли, а также месте расположения одного из шести крупнейших ботанических садов Европы (наряду с Падудей, Лейденом, Оксфордом, Парижем и Упсалой) — этих попыток воссоздать Эдем. Затем он оказался в Париже. Откликнувшись на просьбу богатого торговца из Ост-Индской компании и одновременно члена Лондонского королевского общества сэра Джона Бэнкса, Локк согласился сопровождать его восемнадцатилетнего сына Калеба в так называемом *Grand Tour* — необходимом для образования английского джентльмена долгом путешествии по европейским странам, целью которого было расширение кругозора. Локк воспользовался возможностью попутешествовать и в каждом из городов, которые они посещали (Орлеан, Ларошель, Тулуза, Бордо и многие другие), заводил знакомства с врачами и учеными. К сожалению, из-за тревоги, которую родители Калеба испытывали за своего единственного сына, «*Grand Tour*» сократился до «*Little Tour*».

В Монпелье и Париже Локк познакомился с медиками и учеными, такими как Шарль Барбейрак (учитель Сиденхема) и Пьер Маньоль, и множеством других интересных людей. Среди новых парижских знакомых были библиотечарь и «королевский секретарь» Анри Жюстель, устраивавший еженедельные салоны (член Лондонского королевского общества с 1681 г.), доктор медицины, голландский физик, астроном и естествоиспытатель Христиан Гюйгенс (член Лондонского королевского общества с 1663 г.), путешественник-ориенталист и гассендист Франсуа Бернье (автор имевшегося в библиотеке Локка «сокращенного» изложения идей Гассенди в восьми томах под названием «*Abrégé de la Philosophie de Gassendi*», Lyons, 1678), известный врач Пьер Режис.

С одним из новых знакомых, посетителем салона Жюстеля Николасом Тойнардом Локк долгие годы поддерживал переписку, в которой они обсуждали вопросы астрономии, микроскопии, гигрометрии, фонетики и древней

хронологии. Одним из «полезных» изобретений Тойнарда была пушка, заряжавшаяся с казенной части. Кроме того, через Тойнарда Локку поступала самая разнообразная информация от других медиков и ученых. В круг Тойнарда входил Джон Брисбейн из английского посольства, в 1680 г. ставший секретарем адмиралтейства. Среди новых знакомых были также математики и астрономы аббат Жан Пикар и Олаф Рёмер. В Париже Локк жил у аптекаря и автора фармакологических трудов и знатока ядов Моиза Шараса (Moïse Charas) (вскоре ставшего аптекарем Карла II), а затем у гассендиста Жилия де Лонэ.

Локк познакомился с янсенистской литературой, в 1676 г. перевел три эссе Пьера Николя из его «*Essais de Morale*» (1671)⁷², которые позднее презентовал графине Шефтсбери. Освоив французский язык, Локк прочитал трактат Николя Мальбранша «*De la Recherche de la Verité*» (1674–1676)⁷³. Об интересе Локка к Мальбраншу свидетельствует то, что в его библиотеке было не одно, а несколько изданий «*De la Recherche...*». Во Франции Локк продолжил прерванную работу над будущим «Опытом о человеческом понимании», взяв с собой в путешествие первые его наброски в отдельной папке под названием «*Essay de Intellectu*».

Однако большую часть времени Локк продолжал посвящать медицине, посещал лекции известных врачей, изучал новые рецепты и лекарственные препараты, наконец, занимался врачебной практикой. В Монпелье его пациентами стали коллекционер Уильям Чарлтон и сэр Джон Чичелей, а в Париже — Томас Герберт, позднее восьмой граф Пемброк, страдавший лихорадкой и крайне болезненным

72. «О существовании Бога», «О слабости человека» и «О пути сохранения мира». По мнению Дж. Маршалла, взгляды Пьера Николя, сочетавшего представление о человеке как глубоко греховном существе с критикой предопределения и утверждением свободы воли и необходимостью объединения человеческих усилий с божественной благодатью, были близки арминизму. См.: *Marshall J. Locke and Latitudinarianism // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 271.*

73. [*Malebranche N.*] *De la Recherche de la Verité. Ou l'on traite de la Nature de l'esprit de l'homme, & de l'usage qu'il en doit faire pour éviter l'erreur dans les Sciences.* — Paris, 1674–1678.

орхитом. В записных книжках Локка того времени — описания всего, что он увидел во Франции, от сельского хозяйства и промышленности до устройства французской армии, в деталях, касающихся обмундирования и жалования военнослужащих, а также административного устройства различных французских провинций⁷⁴.

Локк вернулся в Лондон в конце апреля 1679 г. вместе с Олафом Рёмером, которого сразу же представил Бойлю и королевскому астроному Джону Флемстиду (члену Лондонского королевского общества с 1677 г.). Его возвращение произошло вскоре после падения графа Данби и назначения Шефтсбери на пост лорда-председателя Тайного совета, однако не сохранилось никаких данных о том, что в то время он выполнял какие-либо политические поручения своего патрона, поскольку еще в 1676 г. Шефтсбери взял себе нового секретаря. Единственное упоминание о новых поручениях касается внука Шефтсбери, будущего третьего графа, задача воспитания которого, как в свое время и воспитание второго графа, была возложена на Локка.

Врачебный долг вынудил Локка отправиться в Кент к заболевшему малярией Калебу Бэнксу, а по возвращении в октябре в Лондон он начал лечение родственника Дэвида Томаса капитана Гринхилла. В Лондоне Локк время от времени встречался с Бойлем и Сиденхемом (который теперь выполнял обязанности личного врача Шефтсбери), продолжал, через Тойнарда, переписку с французскими медиками, обмениваясь последней информацией о методах лечения различных болезней, особенно с помощью хинина, который также называли перуанской корой, индейской корой и иезуитской корой. В Оксфорде он передал семена около двадцати растений из Монпелье смотрителю Ботанического сада Якобу Боберту, получив взамен семена для Ботанического сада в Париже, которые отослал Тойнгарду.

Дописав трактат об оливках и винограде, Локк до конца апреля 1680 г. занимался опытами в лаборатории Дэвида Томаса в Солсбери, затем вернулся в Оксфорд, после чего

74. См.: Locke's Travels in France, 1675–1679: As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953. Это издание является примером записи «полезной» информации.

провел пару недель в поместье Джеймса Тиррела, жену которого он лечил от лихорадки, детей — от кори, а ребенка одного из слуг пытался спасти от смерти после укуса бешеной собаки.

Иногда Локка привлекали для выполнения разного рода заданий, все же имевших отношение к политике: в 1681 г. он участвовал (как известно, крайне неохотно и будучи больным) в организации сессии Оксфордского парламента, обеспечив Шефтсбери и его окружению место для временного проживания в доме Уоллиса, а после ареста графа в какой-то момент побывал в Тауэре, куда его вызвали для медицинской консультации по поводу ухудшившегося состояния здоровья патрона, страдавшего в тюрьме лихорадкой.

Когда в сентябре 1683 г. Локк отправился в Нидерланды, его встретили там не как члена «семьи» Шефтсбери, а прежде всего как коллегу-врача, натурфилософа и преподавателя из Оксфорда, важного человека из окружения Роберта Бойля. Его обширные связи в мире политики имели значение лишь во вторую очередь, хотя поначалу свою роль играло и то, что Локк как бы представлял одновременно и верхушку англиканской церкви, будучи человеком Джона Фелла. Об истинном положении Локка стало известно лишь после того, как он был исключен из колледжа Крайст-Чёрч. Фелл попытался положить это распоряжение королевской канцелярии в долгий ящик, однако в конце концов должен был выполнить приказ короля. Таким образом, можно сделать вывод, что еще в 1684 г. Локк сохранял дружеские отношения с одним из главных идеологов так называемых торри-англикан. Можно даже предположить, что исключение Локка было предупреждением Феллу и его окружению, которые, вероятно, уже в то время начали игру против вышедшего из англиканской орбиты католического дома Стюартов. Еще одним выводом может быть то, что появление Локка на континенте было вовсе не бегством, а служило некоей заранее спланированной миссии, возможно, как-то связанной с Бранденбургом. Но это всего лишь догадки. В начале 1685 г. умер Карл II, в 1686 г. скончался Фелл, до конца жизни сожалевший об исключении своего «студента», к которому он испытывал чувство глубокого уважения.

Доктор Петер Генелон, с которым Локк познакомился еще в Париже, представил его другим амстердамским вра-

чам. Все указывало на то, что зиму 1683/84 года Локк проведет в доме Генелона, изучая новейшие медицинские трактаты в тепле, у очага, который голландцы топили торфом, а не дымным углем, как англичане. В январе Генелон пригласил его поприсутствовать на вскрытии львицы, замерзшей от холода в зоопарке. Во время этого события, собравшего множество местных врачей, Локк познакомился с ученым-любителем и профессором теологии Филиппом ван Лимборхом, о котором более подробно будет рассказано в следующей главе. В то время большую популярность в Амстердаме получили анатомические театры, которые в свою первую голландскую зиму Локк часто посещал вместе с друзьями-медиками из неофициальной медицинской «коллегии».

Весной Локк отправился в короткий тур по Голландии, посетив университет во Франекере, затем побывал в Леевардене, Гронингене, Девентере (где через Каспара Сибелиуса познакомился с работой эпидемиолога д-ра И. Вепфера), Арнхеме, Нимвегене, Утрехте. В октябре он вернулся в Амстердам и начал посещать собрания «коллегии» (*Collegium Privatum Medicum*), основанной в 1664 г. близким к общине амстердамских сефардов Герардом Блазиусом (Блезом) и собиравшейся регулярно в домах своих участников. Самым знаменитым участником этой «коллегии» был Ян Свамердам, присоединившийся к его работе в 1665 г. (ум. в 1680). Среди восьми участников, которых застал Локк, были Вин, Генелон, Лимборх (единственный теолог), Питер Бернажи, Абрагам Киприанус (которого Локку удалось переманить в 1695 г. в Англию, где он стал членом Лондонского королевского общества в 1700 г.), Абрагам Кина, Мэтью Слейд (псевдоним — Теодерус Алдес, или Англус, в конце концов тоже перебравшийся в Англию, где через Локка был представлен английскому медицинскому истеблишменту). В Голландии именно Слейд рекомендовал Локка «коллегии».

На этом обследование голландского медицинского сообщества не закончилось. Вскоре Локк отправился в Лейден, где находилась знаменитая медицинская школа, и познакомился там с эпидемиологом Лукасом Шахтом, ятрохимиком Кристианом Марграфом, специалистом по восточным и тропическим растениям Полом Херманном, а также с молодым ирландским студентом Томасом Молинё, впослед-

ствии очень известным врачом (членом Лондонского королевского общества с 1686 г.).

Получив сообщение о своем исключении из колледжа Крайст-Чёрч «за виггизм»⁷⁵, без какого-либо разбирательства, предполагавшего его возвращение в Англию⁷⁶, Локк, конечно, расстроился. Беспокоила его и судьба собранной библиотеки. Когда возникла угроза его личной безопасности — его включили в список разыскиваемых английским правительством мятежников, опасных и требующих наказания, — он воспользовался помощью новых друзей, и прежде всего д-ра Вина, в доме которого более года скрывался под именем д-ра Ван дер Линдена, выходя на воздух лишь по ночам. Впрочем, причина смены имени остается неясной, поскольку голландские власти хорошо знали, кто такой Локк и где он скрывается. Но, возможно, это было сделано, чтобы не быть выслеженным английскими агентами.

О медицинской практике не могло быть и речи, поэтому Локк вернулся к своим записям и черновикам под названием «De Intellectu» и в течение года, запертый в четырех стенах, занимался вопросами, ранее остававшимися на периферии его внимания. Благодаря преследованиям английского правительства и был создан знаменитый труд «Опыт о человеческом понимании»⁷⁷. С Локком произошла точно

75. Подробно эта история описана Ф. Милтоном: *Milton Ph. John Locke's Expulsion from Christ Church in 1684* // *Eighteenth-Century Thought*. Vol. IV / Ed. by J. G. Buickerood. — N.Y.: AMS Press, 2009.

76. Локк собирался вернуться, чтобы ответить на обвинения, пока не понял, что речь идет не о судебном, а о политическом преследовании. В следующем году, по сообщениям английских агентов, его даже видели на корабле графа Аргайла, возглавлявшего экспедицию мятежников, а сам он, оказывается, не только осуществлял финансовую поддержку, но и был казначеем заговорщиков — Аргайла и Монмута. Агенты короля явно отработывали заказ. См.: *Woolhouse R. Locke: A Biography*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 208–211, 218–219.

77. В работе, посвященной контекстам политической мысли Локка, было бы неуместно подробно обсуждать это самое известное его произведение. Для тех, кто когда-нибудь решится разобраться в контекстах и смысле «Опыта о человеческом понимании», можно порекомендовать, в дополнение к цитируемым, следующие статьи и книги: *Buickerood J. G. The Natural History of the Understanding: Locke and the Rise of Facultative Logic in the Eighteenth Century* // *History and Philosophy of Logic*. 1985. Vol. 6. No. 1; *Downing L. Locke's Newtonianism and Lockean Newtonianism* // *Perspectives on Science*. 1997. Vol. 5. No. 3; *Schuurman P. Locke's Logic of Ideas*

такая же история, что и с Френсисом Бэконом. Последний никогда не смог бы войти в историю в качестве мыслителя, не пав жертвой интриг герцога Бекингема и не лишившись всех регалий и должностей, что дало ему возможность сосредоточиться на создании программы «великого восстания». Годы изгнания стали самыми продуктивными в его жизни.

Из подполья Локк вышел лишь в мае 1686 г., после чего продолжил сбор информации о лечении различных заболеваний, познакомившись с врачом голландской Ост-Индской компании и известным ботаником и ориенталистом д-ром Тен Райном Батавским и продолжив переписку с Тойнардом. После того как, несмотря на изъятие его имени из списка разыскиваемых лиц, местные власти попросили Локка покинуть Утрехт, где он продолжил работу над «Опытом», он вновь поселился в доме Вина, где и закончил свою книгу.

В начале 1687 г. Локк переехал в Роттердам, в дом Бенджамина Ферли, английского коммерсанта и квакера из Колчестера, давно жившего в Голландии, занимался лечением сына Ферли и перепиской с друзьями, в частности с Уильямом Чарлтоном по поводу его головной боли и головокружений, просил передать некие семена смотрителю Оксфордского ботанического сада Якобу Боберту-младшему, отвечал

in Context: Content and Structure // *British Journal for the History of Philosophy*. 2001. Vol. 9. No. 3; *McCann E.* Locke's Theory of Substance under Attack! // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 106. No. 1/2; *Yolton J. W.* The Two Intellectual Worlds of John Locke: Man, Person, and Spirits in the Essay. — Ithaca & London: Cornell University Press, 2004; *Rogers G. A. J.* Locke, Plato and Platonism // *Platonism at the Origins of Modernity: Studies on Platonism and Early Modern Philosophy* / Ed. by D. Hedley and S. Hutton. — Dordrecht: Springer, 2008; *Scharp K.* Locke's Theory of Reflection // *British Journal for the History of Philosophy*. 2008. Vol. 16. No. 1; *Schuurman P.* Vision in God and Thinking Matter: Locke's Epistemological Agnosticism Used Against Malebranche and Stillingfleet // *Studies on Locke: Sources, Contemporaries, and Legacy: in honour of G. A. J. Rogers* / Ed. by S. Hutton and P. Schuurman. — Dordrecht: Springer, 2008; *Hill J.* Primary Qualities, Secondary Qualities and Locke's Impulse Principle // *British Journal for the History of Philosophy*. 2009. Vol. 17. No. 1; *Allen K.* Locke and the Nature of Ideas // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 2010. Vol. 92. No. 3; *Shapiro L.* Instrumental or Immersed Experience: Pleasure, Pain and Object Perception in Locke // *The Body as Object and Instrument of Knowledge: Embodied Empiricism in Early Modern Science* / Ed. by C. T. Wolfe and O. Gal. — Dordrecht; Heidelberg; London; N.Y.: Springer, 2010.

Дэвиду Томасу на вопросы, касающиеся его алхимических опытов, а также участвовал в семинаре не вполне медицинского характера, «попивая эль и обсуждая политику, философию и медицину»⁷⁸. Об этом семинаре, его целях и участниках более подробно будет рассказано во второй главе.

В конечном счете все преследования прекратились, Локк вычеркнули из черного списка, и он смог возобновить свои поездки по голландским городам — отправился в Гаагу, Лейден, Гарлем и Делфт. В Делфте встретился с Антони ван Левенгуком (членом Лондонского королевского общества с 1680 г.), который продемонстрировал ему результаты своих исследований и возможности новейших микроскопов.

В январе 1688 г., когда в «Bibliothèque Universelle» появилось сокращенное изложение «Опыта», Локк переслал копии Пемброку, Бойлю, Томасу, протеже Сиденхема д-ру Чарлзу Гудоллу, д-ру Хаттону (в будущем главному врачу Вильгельма III и члену Лондонского королевского общества с 1697 г.) и Сиденхему. В том же 1688 г. в Голландию приехал Дэвид Томас, с которым Локк посетил медицинские школы в Лейдене, Утрехте и Амстердаме. В ноябре 1688 г., когда сын Лимборха заболел оспой, Локк направил своему другу рекомендации по лечению этого заболевания методом Сиденхема, и, к счастью, смертельного исхода удалось избежать.

Во время «славной революции» Локк благоразумно дождался ее политического исхода и перебрался на родину после того, как было принято решение о возложении английской короны на Вильгельма и Марию. Гудолл предложил устроить его по приезду в помещениях Королевской коллегии врачей. Багаж Локка, вернувшегося на одном корабле с леди Мордонт, состоял из шестнадцати сундуков, в тринадцати из которых были книги, и переносной плавильной печи. Дьюхерст заключает свое повествование о пребывании Локка в Голландии лаконичной фразой: «За эти пять лет ссылки он значительно расширил свои медицинские познания»⁷⁹.

78. Dewhurst K. John Locke, Physician and Philosopher: A Medical Biography with an Edition of the Medical Notes in His Journals. — London: The Wellcome Historical Medical Library, 1963. P. 230.

79. Ibid. P. 235.

* * *

Даже краткое изложение биографий Шефтсбери и Локка вплоть до 1683 г. показывает гигантскую дистанцию, которая существовала между ними. Это были люди из разных миров. Прислушаемся к оценке знаменитого канадского врача и основателя современного медицинского образования Уильяма Ослера (получившего титул «канадского Гиппократ»): «Ни один представитель нашей профессии, ни в одну эпоху и ни в одной стране не внес такого большого вклада в философию и практическую политику, как д-р Локк»⁸⁰. Пусть это отчасти шутка, и все же чуть более ста лет назад Локк воспринимался медицинским цехом прежде всего как коллега.

Судьба его сложилась так, что стремление остаться в университетской среде не принесло желаемых результатов: несмотря на получение искомой степени, Локк вынужден был отойти от научных занятий. Сколько при этом потеряли медицина и естествознание, никто не знает, но, по-видимому, немало, если судить по блестящему началу его академической карьеры. Конечно, и Шефтсбери был причастен, пусть и косвенно, к миру науки, будучи членом Совета Лондонского королевского общества и председателем Совета по торговле и плантациям — институции, активно использовавшейся научным и медицинским сообществом для своих собственных целей. Характер их связи определялся тем, что и Шефтсбери, и Локк были вовлечены в один и тот же проект «великого восстановления». Подобно тому как политик Шефтсбери был частью проекта реформы образования, науки, медицины, торговли, промышленности и других областей жизни, врач и ятрохимик Локк был невольной частью политического проекта Шефтсбери. Но это не означает, что Шефтсбери был ученым, а Локк политиком. Каждый из них выполнял свою собственную роль в «общем деле». Более того, как гартлибианец Локк должен был придерживаться особой политической линии — «невмешательства» и в этом смысле занимать аполитичную позицию. Именно об этом он

80. Osler W. An Address on John Locke as a Physician // *The Lancet*. 1900, October 20. См. также: *A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All* / Ed. by J. S. Yolton. — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990.

и писал Пемброку в известном письме. Надо думать, Пемброк его прекрасно понял.

По своему призванию Локк был врачом и на протяжении всей жизни не прекращал занятия практической медициной, собирал рецепты, консультировал пациентов, не только приходя к постели больного, но и через обширную переписку. В последние 14 лет после возвращения в Англию в феврале 1689 г. его медицинская практика постепенно сошла на нет, хотя репутация продолжала расти. Все его друзья (а их было очень много) просили совета, и на все их просьбы он так или иначе отвечал в своих письмах, хотя и считал, что врач должен находиться в непосредственном контакте с больным, чтобы оценить соответствие (или несоответствие) его недуга аналогичным случаям и найти подходящее лечение. В его подходе многие видели проявление скептицизма и агностицизма, однако и то и другое — концепции созерцательные, а Локк был врачом и не считал правильным ни воздержание от суждения, ни воздержание от помощи больному. Его рекомендации сводились к тому, чтобы соблюдать осторожность при диагностировании и не экспериментировать с лекарствами, которые могли навредить пациенту или даже стать причиной его смерти.

Разумеется, он был врачом для всей многочисленной семьи Машемов, вместе с которыми жил после возвращения в Англию (в том числе для матери леди Машем), и даже для жителей располагавшейся рядом с поместьем деревни, а также детей и жен своих многочисленных знакомых, не говоря уже о покровителях — Мордонте, Пемброке, Сомерсе. В какой-то момент, в январе 1698 г., пациентом Локка стал даже Вильгельм III, который вызвал его для медицинской консультации (возможно, в ходе их встречи ему был предложен некий важный пост, скорее всего пост госсекретаря, от которого Локк, сославшись на плохое самочувствие, отказался). Локк продолжал интенсивную переписку со своими зарубежными друзьями, прежде всего Тойнардом во Франции и Вином и Генелоном в Голландии, обмениваясь новейшей медицинской информацией.

Несмотря на высокие оценки Локка как врача, кажется очевидным, что он мог достичь большего в этой области и оставить заметный след в истории медицины, сопоставимый, например, с вкладом Ричарда Лоуэра. С этой точки

зрения граф Шефтсбери и его окружение невольно сыграли роковую роль в судьбе Локка. С другой стороны, потеряв врача, история приобрела политического мыслителя, и это не могло произойти помимо Шефтсбери, хотя бы потому, что вовлеченность в политику позволила Локку накопить «полезный» политический опыт. После ноября 1684 г., исключенный из колледжа Крайст-Чёрч «за виггизм» тем же способом, каким он в свое время был там оставлен (т.е. высочайшим королевским указом, подписанным на этот раз госсекретарем Сандерлендом), Локк был вынужден приложить все силы, чтобы выжить, а затем и подтвердить ту высокую репутацию мыслителя, которую он заслужил в период совместной работы с Робертом Бойлем и Томасом Сиденхемом.

Дискуссия о датировке

ГЛАВНЫМ научным результатом Питера Ласлета, изложенным в обширном предисловии к его изданию «Двух трактатов о правлении», стала гипотеза, что это произведение написано, в его основном содержании, не в канун и не во время «славной революции» 1688–1689 гг., но в 1679–1680 гг., а дополнения сделаны в период, непосредственно предшествовавший возвращению Локка в Англию в феврале 1689 г. При этом второй трактат, считает Ласлет, был написан раньше, чем первый, поскольку «логически ему предшествует»: критика Роберта Филмера, развернутая в первом трактате, не могла появиться без предварительно выработанной Локком собственной позиции по многим обсуждаемым в первом трактате вопросам.

Аргументация Ласлета являет собой сплав из общей ссылки о логическом первенстве второго трактата и разнообразных косвенных свидетельств, касающихся книг из библиотеки Локка, которые могли быть использованы при написании этого сочинения, а также ссылок в тексте этого произведения на те или иные исторические события, позволяющие сделать предположения о времени его написания. В целом Ласлет продолжает линию, намеченную в XVIII в. «Коллекцией» Де Мезо и Коллинза, на сближение Локка с Шефтсбери и придание «Двум трактатам о правлении» смысла, соотносимого с «кризисом исключения». По сути дела, для Ласлета и ряда других историков вопрос о датировке равносителен вопросу о точном контексте и смысле этого важнейшего произведения Локка.

Данная концепция в 1980–1990-х гг. была подвергнута частичной критике Ричардом Ашкрафтом, а затем Дэвидом

Вуттоном¹. Эти историки выдвинули другие интерпретации, впрочем не затрагивающие самой сути выводов Ласлета. Джон Милтон присоединяет к числу этих критиков Джона Маршалла², позиция которого по этому вопросу мало чем отличается от концепции Ашкрафта: отодвигая время создания второго трактата на чуть более поздний срок, Маршалл остается в смысловых рамках, ставящих Локка в один ряд с представителями «радикального сопротивления» режиму Карла II. К числу умеренных критиков Ласлета можно отнести и Марка Голди, автора предисловия к изданию «Двух трактатов о правлении» 1993 г.³ и многих других работ, концепция которого в дальнейшем изложении будет обсуждаться неоднократно.

В сжатом виде позиция Ашкрафта может быть изложена так: первый трактат был написан в 1680–1681 гг., а второй — в 1681–1682 гг. Аргументируя свой вывод, Ашкрафт выступает с критикой аргументов Ласлета. В свою очередь, отвечая на критику Ашкрафта, Ласлет замечает, что, подвергая критике частности, Ашкрафт не видит главного: во-первых, в любом случае датировка сдвигается примерно на десять лет, в чем оба исследователя сходятся; во-вторых, остается в силе аргумент о «логическом предшествовании» второго трактата, не затрагиваемый критикой «частностей»⁴. Прежде чем перейти к более подробному анализу полемики о датировке и контекстах «Двух трактатов», посмотрим, что же было обнаружено Ласлетом при подготовке им критического издания, ставшего за прошедшие пятьдесят лет современной классикой и даже в каком-то смысле историко-графической догмой.

1. Wootton D. Introduction // Locke, J. Political Writings / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003.

2. Marshall J. John Locke: Resistance, Religion and Responsibility. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

3. Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by M. Goldie. — London: J. M. Dent, 1993.

4. Laslett P. Addendum to Introduction, 1987. The Dating of the Composition of Two Treatises and the Question of Whether the Second Was Composed Before the First // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 124.

Ласлет предлагает следующую интерпретацию. Согласно его гипотезе, когда «Два трактата о правлении» были опубликованы в 1689 г., главной особенностью первого издания, как и всех последующих, стало то, что напечатано было не все произведение, а лишь его «остаток». Как объясняет сам Локк в предисловии к «Двум трактатам», значительная часть книги, а именно средняя часть, между «началом» и «концом», была утеряна; и по объему она была «значительнее», чем то, что осталось. Известно, что печатание книги в 1689 г. было приостановлено после того, как наружились многочисленные ошибки набора, но, возможно, это произошло именно из-за того, что типография потеряла часть рукописи. В те времена это случалось. Из этого, кстати, следует, что копии «Двух трактатов» не существовало, а печать производилась с единственного экземпляра рукописи.

В 1694 г. тираж первого издания, составлявший тысячу экземпляров, был распродан, и встал вопрос о втором издании. Эдвард Кларк передал издателям — братьям Черчиллям экземпляр первого издания, содержащий исправления, внесенные рукой Локка, общим числом около 150. Однако качество набора второго издания оказалось хуже первого, некоторые исправления не были учтены, в тексте было много пропусков. Тем не менее тираж, напечатанный в 1694 г., был тоже в конечном счете распродан. Третье издание состоялось в 1698 г., однако Локк и на этот раз не был удовлетворен. В один из экземпляров этого третьего издания им было внесено множество мелких грамматических и орфографических, а также смысловых исправлений. В дальнейшем поправки были, по-видимому, скопированы в экземпляр, взятый, по мнению Ласлета, из тиража второго издания. Вся история прижизненных изданий сопровождалась постоянными исправлениями, которые вносил в них Локк.

В сохранившемся экземпляре на нескольких первых страницах исправления были сделаны, по мнению Ласлета, рукой Локка, остальные — рукой Пьера Коста, за исключением немногих поправок, сделанных Локком далее по тексту (хотя в данном случае почерк Локка достоверно не атрибутируется). «Имеются указания, — пишет Ласлет, — что Кост копировал исправления с другого контрольного экземпляра

книги»⁵. По неясной причине четвертое издание, появившееся в 1713 г., уже после смерти Локка, повторяло третье, но не содержало внесенных поправок.

Последовавшие новые издания и перепечатки привели к новым ошибкам и пропускам, пока в 1764 г. Томас Холлис не приобрел экземпляр Коста, по которому было осуществлено «новое» издание. Одна из книг напечатанного тогда тиража была передана кембриджскому Крайст-колледжу. Собственно говоря, именно этот экземпляр, названный Ласлетом «экземпляром Крайст-колледжа», и послужил основой для его ставшего классическим научно-критического издания 1960 г.

В XIX в. издатели, осознавшие наличие нескольких разных изданий, но не разобравшись в их последовательности и истории исправлений (а понять это было совсем не просто, да и не входило в обязанности типографов), печатали тексты «Двух трактатов», в которых объединялись издания разных лет. Гипотетический контрольный экземпляр самого Локка до сих пор не найден, хотя, как подчеркивает Ласлет, именно он должен был бы стать основой для достоверного текста «Двух трактатов о правлении»⁶. Увы, сегодня мы имеем дело с одной из промежуточных версий. Последняя и, как полагают историки, серьезно переработанная Локком версия этого произведения пока не найдена. А она несомненно существовала. Можно даже предположить, что именно эту версию Локк намеревался все же опубликовать под своим именем, а не анонимно, как предыдущие издания «Двух трактатов о правлении».

Согласно гипотезе Ласлета, первоначально «Два трактата о правлении» представляли собой единое, цельное произведение, которое Локку на всем протяжении бурных 1680-х гг. пришлось прятать от властей и которое в его переписке с близкими друзьями получило условное наименование «*De Morbo Gallico*» («французская болезнь», «сифилис», т.е. абсолютизм, завезенный из Франции)⁷. Это единое,

5. Laslett P. Introduction // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 10.

6. Ibid. P. 11.

7. Более внимательное (или менее пристрастное) прочтение выявило ошибку Ласлета: в рукописи, найденной при аресте Шефтсбери в июле

цельное произведение имело, по словам Ласлета, не два названия для каждой из частей, а одно общее название — «Рассуждение о светском правлении». Что же касается деления на «два» трактата, то это произошло уже после того, как были отпечатаны гранки. Ради сохранения хотя бы внешней логики была вставлена страница с новым титульным листом для второго трактата. В результате пришлось пожертвовать как минимум одной (последней) страницей первого трактата, и текст этого последнего так и дошел до наших дней оборванным на середине абзаца⁸.

Согласно Ласлету, оба трактата или, точнее, обе части этого единого произведения были направлены против Роберта Филмера, защищавшего в своем трактате «Патриарх, или Природная власть королей»⁹ концепцию монарха как правителя, имеющего по праву наследования от Адама божественную санкцию отца нации. Главными задачами книги Локка, возможно писавшейся, как считает Ласлет, по заказу графа Шефтсбери, были доказательство несостоятельности концепции Филмера, поднятой в 1680 г. на щит противниками вигов — партией тори, а также защита позиции, занятой вигами по вопросу об «исключении» из линии престолонаследия брата Карла II — герцога Йоркского, будущего короля Якова II.

В 1689 г., т. е. примерно через десять лет после написания «Двух трактатов о правлении», которые в свое время так и не были опубликованы, Локк написал предисловие к этому сочинению, обращенное к только что занявшему английский

1681 г., говорится не о «Mors Gallicus», а о «Mars Gallicus», запрещенной во Франции книге, в которой подвергалась критике внешняя политика кардинала Ришелье. Этот труд был опубликован под псевдонимом в 1635 г. Корнелиусом Янсенем, епископом Ипра и основателем янсенизма (полное название — «Mars Gallicus, seu de justitia armorum et foederum regis Galliae, libri duo»). См.: *Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 169–170.

8. Полное название «Двух трактатов о правлении»: *Two Treatises of Government: In the former, The false Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, And his Followers, Are Detected and Overthrown. The latter is an Essay concerning the True Original, Extent, and End of Civil Government.* — London, 1690.

9. *Filmer R. Patriarcha; or the Natural Power of Kings.* — London, 1680.

ский трон Вильгельму III. По этой причине, с точки зрения Ласлета, его труд долгое время считался оправданием «славной революции» и доказательством законного права нового короля на английскую корону.

Однако, согласно гипотезе Ласлета, основная часть того, что впоследствии было названо «Вторым трактатом», была написана поздней осенью и зимой 1679–1680 гг., а в начале 1680 г., после появления в печати филмеровского «Патриарха...», Локк добавил часть, которая стала называться «Первым трактатом». На тот момент она была значительно больше по объему, чем опубликованный в 1689 г. «остаток». Летом 1681 г. «Второй трактат», как предполагал Ласлет, подвергся существенной ревизии после приобретения Локком книги Ричарда Гукера¹⁰, которую он обильно цитировал; тогда было добавлено 50 параграфов, главы XVI–XVIII и часть главы VIII; дальнейшие исправления (часть главы XVIII и последняя глава) были внесены в 1682 и 1683 гг., а затем в 1689 г., когда были добавлены главы I, IX и XV.

Таковы главные выводы, сделанные Ласлетом на основании отчасти смыслового, но в основном биобиблиографического анализа текста¹¹.

Датировка Ласлета, вызвавшая настоящий фурор в обществе историков и локковедов, подверглась критике со стороны Ричарда Ашкрафта, предложившего во многом альтернативную концепцию того, как создавались «Два трактата о правлении». По его убеждению, «Второй трактат», посвященный вопросу о революции, о праве общества и индивида на вооруженное сопротивление тирании, не мог быть написан в 1679 г., поскольку в то время главным вопросом политической повестки дня было «исключение» католика герцога Йоркского, брата Карла II, из линии престолонаследия. Именно в связи с этим возникло непримиримое противостояние между королем, а также роялистами-тори, опиравшимися на англиканское духовенство, с одной сторо-

10. Hooker R. Of the Laws of Ecclesiastical Polity.— London, 1593. В 1593 г. были изданы книги I–IV, в 1597 г. — книга V, в 1648 г. — книги VI и VIII, в 1662 г. — книга VII. Известно, что Локк читал и изучал Гукера в первые годы пребывания в колледже Крайст-Чёрч.

11. См.: Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise // History of Political Thought. 1995. Vol. 16. No. 3. P. 357–362.

ны, и вигами во главе с Шефтсбери — с другой. В тот период, считает Ашкрафт, Локком был написан не «второй», а именно «первый трактат», работа над которым была закончена или прервана в марте 1681 г., после роспуска Карлом II Оксфордского парламента.

В изложении Ашкрафта последнее событие, вместе с провалом билля об исключении в палате лордов в конце 1680 г., означало, с точки зрения вигов и Шефтсбери, что король перестал соблюдать законы и перешел грань, отделявшую конституционное правление от режима абсолютной власти. С точки зрения вигов, это означало также неминуемую победу «папства» в лице будущего короля, а ныне наследника престола Йорка, и в перспективе — реставрацию католицизма с последующей французской оккупацией. Легальные средства влияния на короля, которые применяли до этого виги, чтобы убедить его пойти на «исключение» Йорка из порядка престолонаследия (в том числе с помощью петиций, памфлетов и трактатов), потеряли смысл. Наступил новый этап, требовавший более радикальных методов. В это время, по мнению Ашкрафта, и был написан «Второй трактат о правлении», и процесс его создания мог продолжаться вплоть до бегства Локка в 1683 г. в Голландию и совпадал по времени с подготовкой заговора с целью убийства или похищения короля и его брата и всеобщего мятежа.

С точки зрения Ашкрафта, кардинальный поворот в политической стратегии вигов произошел в июне 1681 г., что нашло подтверждение в документе, найденном при аресте Шефтсбери 2 июля 1681 г. Это был призыв к созданию протестантской «Ассоциации» и сопротивлению рекатолизации Англии.

Супруга Карла II Екатерина Браганца оказалась бесплодной¹², у Карла не было законных детей, поэтому ближайшим наследником трона становился Йорк. В середине 1673 г. стало известно о переходе Йорка в католицизм, а осенью о его

12. В декабре 1680 г. в палате лордов Шефтсбери даже заявил, что Йорк и его тесть первый граф Кларендон знали о бесплодии Екатерины и специально устроили женитьбу на ней Карла, чтобы Йорк стал «несомненным наследником». См.: *Harris T. Shaftesbury and Scotland and Ireland* // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 197.

втором (после смерти первой жены, протестантки и дочери графа Кларендона Анны Хайд) браке — с итальянской принцессой католичкой Марией Моденской.

По мнению Ашкрафта, практические шаги по спасению страны от «католического рабства» были предприняты Шефтсбери и его окружением спустя год после роспуска Оксфордского парламента, а именно после того, как произошла организованная правительством кампания по замене шерифов Лондона на ставленников Карла II. Несмотря на то что в июле 1681 г. Шефтсбери был помещен в Тауэр, он был освобожден в ноябре того же года, а еще через несколько месяцев обвинение против него было снято решением присяжных-вигов, не усмотревших в его действиях состава преступления. Но осенью 1682 г. Шефтсбери уже не мог рассчитывать на судебную систему и, предупрежденный о новом аресте, сначала скрывался в Англии, а затем бежал из страны и вскоре объявился в Нидерландах.

По логике короля, если Шефтсбери действительно замыслил убийство его самого и герцога Йорка, то бегство в Голландию указывало и на источник угрозы, которая должна была исходить от заинтересованного лица. Таким лицом была, по мнению Ашкрафта, Мария, старшая дочь Йорка и законная наследница престола¹³.

Таковы выводы Ричарда Ашкрафта.

По гипотезе Дэвида Вуттона, в целом согласившегося с доводами Ашкрафта, но предложившего собственную датировку, «Первый трактат» мог быть написан до марта 1681 г., хотя работа над ним, возможно, продолжалась вплоть до сентября 1681 г. Что касается «Второго трактата», то он мог быть написан в течение лета 1681 г., когда вопрос о революции обсуждался все еще в «интеллектуальной», а не практической плоскости. Непосредственным поводом для его написания стал выход в свет работы Джеймса

13. Свидетельств о каких-либо интригах в этот период с ее участием или с участием ее супруга Вильгельма нет, или они не сохранились. См.: См.: Glassey L. Shaftesbury and the Exclusion Crisis // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 267–268. С другой стороны, куда еще мог бежать Шефтсбери, над которым сгустились тучи? Кроме того, у него, по-видимому, не было никакого желания возвращаться в Тауэр и снова сидеть там в ожидании теперь уже, скорее всего, смертного приговора.

Тиррела «Патриарх — не монарх», напечатанной анонимно в мае 1681 г.¹⁴ Собственно говоря, результаты сопоставления двух текстов — Тиррела и Локка — и являются главным доводом Вуттона в пользу такой датировки «Двух трактатов о правлении». Вуттон повторяет высказанные ранее выводы Дж. Гоуфа: «Аргументы Тиррела во многом сходны с аргументами Локка. Некоторые из них были заимствованы у Гроция или Пуфендорфа, но трудно поверить, что Локк и Тиррел продумывали их совершенно независимо друг от друга»¹⁵.

Речь у Вуттона идет даже не столько о датировке, сколько о содержании «Двух трактатов о правлении». По сути дела, Вуттон превращает вопрос о датировке в вопрос об авторстве и даже о плагиате. Для начала Вуттон цитирует Ашкрафта: «Параллелей между „Patriarcha non Monarcha“ Джеймса Тиррела и „Вторым трактатом“ слишком много... чтобы их здесь перечислять. Не только понятия „состояния природы“ или „великого закона природы“, по которому всякий человек должен делать все возможное для общего блага человечества, но также распад правительства, состояние войны, „молчаливое согласие“, частная собственность, возникающая из „труда и усердия“ индивида, пример индейцев, живущих в Америке, и многие другие характерные части локковской аргументации впервые появились в работе Тиррела»¹⁶.

Заметим, что после этих слов Ашкрафт в своей книге, не обсуждая характер «связи» между произведениями Локка и Тиррела, показывает, что понятия и аргументы, использованные Локком, имели широкое хождение в многочисленных памфлетах, печатавшихся в период «кризиса

14. Полное название труда Тиррела: *Patriarcha non Monarcha. The Patriarch Unmonarch'd: Being Observatons on a late Treatise and divers other Miscellanies, Published under the Name of Sir Robert Filmer Baronet. In Which the falseness of those Opinions that would make Monarchy *Jure Divino* are laid open: And the true Principles of Government and Property (especially in our Kingdom) asserted. By a Lover of Truth and of his Country.* — London, 1681.

15. Gough J. W. James Tyrrell, Whig Historian and Friend of John Locke // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. No. 3. P. 586.

16. Ashcraft R. Revolutionary Politics and Locke's "Two Treatises of Government": Radicalism and Lockean Political Theory // *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 4. P. 444.

исключения», так что речь здесь не могла идти о каком-то прямом плагиате. По этой логике, и Тиррела, повторявшего ранее высказанные идеи, можно было бы обвинить в плагиате (например, идей Аристотеля).

Не поднимая вопроса о плагиате, Ашкрафт обращает внимание на совпадение формулировок Локка и Роберта Фергюсона, капеллана Шефтсбери и автора радикальных памфлетов¹⁷, а впоследствии сторонника свергнутого Якова II. В истории Фергюсон остался также под именем «Заговорщика» (*The Plotter*), а за его голову после раскрытия заговора в Рай-Хаусе английское правительство назначило награду. «Аргументы и фразеология Фергюсона, — пишет Ашкрафт, — необычайно близки Локковым»¹⁸. С точки зрения Ашкрафта, в революционной ситуации сочинение памфлетов, трактатов, прокламаций и т. п. политической литературы происходило постоянно и осуществлялось людьми, не слишком задумывавшимися об авторстве. В какой-то момент заговорщики начали обсуждать новую конституцию Англии, идеологом которой Ашкрафт называет Локка, а автором республиканца Джона Уайлдмана (по словам Мориса Ашли, «заговорщика равно против Карла I, Кромвеля, Карла II, Якова II и Вильгельма III»¹⁹).

В отличие от Ашкрафта, стремившегося показать включенность Локка в революционную деятельность, Вуттон хочет показать вторичность Локковых идей. Проведя сопоставление двух произведений, Локка и Тиррела, Вуттон заключает: «Почти все принципы, которые мы считаем специфически локковыми, на самом деле заимствованы Локком у Тиррела»²⁰. Впрочем, сама эта «адаптация», если пользоваться термином Вуттона, была совершена та-

17. Например, [*Ferguson R.*] *No Protestant-Plot, or, The present pretended Conspiracy of Protestants against the King and Government: Discovered to be a Conspiracy of the Papists Against the King and his Protestant-Subjects.* — [London, 1681.]

18. *Ashcraft R.* *Revolutionary Politics and Locke's "Two Treatises of Government": Radicalism and Lockean Political Theory* // *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 4. P. 457.

19. Цит. по: *Milton Ph.* *Locke the Plotter? Ashcraft's "Revolutionary Politics" Reconsidered* // *Locke Studies*. 2007. No. 7. P. 51.

20. *Wootton D.* *Introduction* // *John Locke: Political Writings* / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. P. 83.

ким образом, что получилось нечто гораздо более радикальное, чем исходный текст Тиррела. В другом месте Вуттон называет «Два трактата о правлении» не адаптацией, а «радикальной реконструкцией». Спустя пятнадцать лет Дж. Рудольф, в целом соглашаясь с Вуттоном, сделала основанный на собственных аргументах вывод: «Не Джон Локк, а Джеймс Тиррел является теоретиком... вигов»²¹.

На взгляд Вуттона, вполне возможно, что после того, как Шефтсбери просмотрел написанные Локком «Два трактата о правлении», а может быть, и сделал замечания, повлекшие за собой «радикализацию», труд этот, публикация которого по каким-то неясным причинам задержалась, был положен в долгий ящик в буквальном смысле слова, поскольку именно в сундуке красного цвета, не раз упоминавшемся в переписке с друзьями (в частности, с Тиррелом), это произведение и пролежало сначала в доме Тиррела, а затем в доме Эдварда Кларка вплоть до возвращения Локка в Англию в начале 1689 г.

По словам Вуттона, Тиррел, служивший в 1704 г. посредником в отношениях между оксфордским библиотекарем Хадсоном и Локком, одним из первых узнал о содержании завещания и кодицилла, которые и выполнил в части, касавшейся передачи в Бодлеанскую библиотеку книг, авторство которых Локк ранее отрицал (в том числе «Двух трактатов о правлении»). Согласно Вуттону, Тиррел, разумеется, знал, как была написана эта книга, и даже оправдывал ее появление в печати «общим благом человечества». И все же Тиррела огорчало отсутствие ссылки на его «*Patriarcha non Monarcha*». Речь при этом могла идти даже о простом упоминании, а не о цитировании, поскольку «традиционно точные ссылки давались только на авторитеты, главным образом на античных авторов и Библию»²².

По мнению Дж. Милтона, тоже считающего, что «имеются несомненные параллели между „*Patriarcha non Monarcha*“

21. *Rudolph J.* Revolution by Degrees: James Tyrrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. — London: Palgrave Macmillan, 2002. P. 148.

22. *Korkman P.* Locke's Civil Philosophy in the Early Eighteenth-Century "République des Lettres": an Important Footnote // *The Continuum Companion to Locke* / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London — N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 305.

и „Вторым трактатом“, и принимая во внимание значительное количество контактов между Тиррелом и Локком в первой половине 1681 г. (а на самом деле и ранее), вряд ли можно предполагать, что Локк познакомился со взглядами Тиррела лишь после того, как приобрел экземпляр его книги»²³.

Милтон ссылается при этом на Джона Маршалла²⁴. Маловероятно, что Локк был способен написать «Два трактата» в течение трех летних месяцев, учитывая объем возложенных на него дополнительных задач, связанных с юридической защитой Шефтсбери в 1681 г. Еще одним аргументом служит тот факт, что летом 1681 г. Локк был занят написанием меморандума о принципах отбора большого жюри присяжных²⁵, что должно было отнять немало времени, необходимого для работы над таким сложным и достаточно объемным произведением, как «Второй трактат», даже если идеи последнего лежали прямо перед ним на столе в виде только что выпущенного в свет трактата Тиррела.

Вторым претендентом на роль жертвы плагиата является в современном локковедении Алджернон Сидней, автор «Рассуждения о правлении». О возможности идейной связи Сиднея и Локка пишет Джонатан Скотт²⁶. Потомок древней аристократической семьи, Сидней во время гражданских войн примкнул к парламентской армии и был ранен в сражении при Марстон-Муре. В 1646 г. он стал членом Долгого парламента, выступил против казни Карла I, заявив, что король не подлежит суду, и по этой причине вызвал недовольство Кромвеля. По-настоящему активным политиком Сидней стал в 1652 г., особенно отличившись во время англо-голландской войны против «полупапистов-голландцев», а также сыграл важную роль на переговорах, проло-

23. Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise // History of Political Thought. 1995. Vol. 16. No. 3. P. 381.

24. Marshall J. Resistance, Religion and Responsibility. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 236–237.

25. См.: Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 283–287.

26. Scott J. Algernon Sidney and the Restoration Crisis, 1677–1683. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Scott J. England's Troubles. Seventeenth-Century English Political Instability in European Context. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

живших путь кромвелевскому объединению Англии и Шотландии. Разгон «Охвостья» в 1653 г. Сидней расценил как узурпацию власти, назвав протекторат «монархией в маскарадном костюме».

В 1660 г. Сидней приветствовал Реставрацию, но после предпринятой новой властью конфессиональной и антиреспубликанской чистки изменил свое отношение к Карлу II и обвинил новый режим в коррупции и репрессиях. Переехав в Италию, он жил сначала в Риме, а затем в провинции. В 1664 г., прибыв в Нидерланды, Сидней призвал Яна де Витта использовать английских беженцев для вторжения в Англию и мятежа. Эта идея не нашла понимания у голландцев, и по совету друзей Сидней обратился к французам, предложив Людовику XIV свои услуги в качестве командира полка, составленного из английских беженцев, для захвата власти в Англии. Однако эта идея не встретила понимания и у Людовика, который посчитал ее слишком дорогостоящей: Сидней просил 100 тысяч экю, а король не решался дать больше 20 тысяч. В 1667–1677 гг. Сидней жил во Франции, в Некаре, где стал влиятельной фигурой среди французских гугенотов.

Когда в 1677 г. он прибыл в Англию, его арестовали и посадили в тюрьму на полгода как злостного должника. Позже Сидней близко сошелся с Уильямом Пенном, обсуждал с ним конституцию Пенсильвании, полученную в 1681 г. по патенту от Карла II.

В 1683 г. Сидней был арестован по подозрению в государственной измене: заговоре с целью убийства короля и организации мятежа. В ходе суда над Сиднеем стороной обвинения были предъявлены бумаги, найденные в его кабинете во время ареста в июне 1683 г. Это были фрагменты или наброски рукописи «Рассуждения о правлении».

Выступая в суде, Сидней заявил, что его труд касается «общих принципов», а не текущих событий, и является плодом личных раздумий, записанных «давным-давно», «возможно, двадцать или тридцать лет назад»²⁷. Тем не менее бумаги были приобщены к делу и фигурировали в суде вместо по-

27. См.: Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. 1985. Vol. 24. No. 1. P. 29.

казаний второго свидетеля (!), по закону необходимого для вынесения обвинительного приговора. Первым свидетелем стал «заговорщик», а на самом деле, как выяснилось впоследствии, информатор правительства лорд Говард Эскрикский. Несмотря на свой статус и услуги, которые он оказывал правительству, лорд был настолько напуган происходящим, что, когда его, как и остальных «заговорщиков», пришли арестовывать, спрятался в камине. Этот факт был использован в качестве еще одного «доказательства» заговора.

По мнению Джонатана Скотта, «Рассуждения о правлении» Сиднея и «Два трактата о правлении» Локка, «написанные в одном и том же месте, в одно и то же время, будучи ответом на идеи одного и того же автора и одни и те же события... являются единственными работами, имеющими одни и те же полемические и практические интенции: опровержение „Патриарха“ сэра Роберта Филмера и оправдание восстания»²⁸. Скотт далее отмечает сходство работ Сиднея и Локка: их похожие структуру и объем (если следовать оценке самого Локка, писавшего в своем предисловии к «Двум трактатам» о пропаже «середины», равной по объему всему остальному) и даже одинаковые названия (в предисловии Локка к «Двум трактатам о правлении» отмечается: «перед тобою здесь начало и конец «Рассуждения о правлении»²⁹), не говоря уже о многочисленных более или менее идентичных деталях содержания.

Разумеется, были и различия. Главное из них касалось общего отношения к власти и государству. Для Сиднея «объявление войны» со стороны власти означало немедленное начало ответных военных действий. По сути дела, Сидней говорил следующее: *народ не просто имеет право, но обязан не подчиниться дурным законам и свергнуть тирана; если представится возможность, тиран должен быть отдан под суд, но если сделать это невозможно, то необходимо применить «внесудебные» методы.* Для Локка же объявление властью «войны» означало, до какого-то момента, продолжение политической борьбы; он не допускал разрушительных для государства беспорядков.

28. Scott J. The Law of War: Grotius, Sidney, Locke and the Political Theory of Rebellion // History of Political Thought. 1992. Vol. 13. No. 4. P. 570.

29. Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 137.

рядков, если это не вызвано чрезвычайной необходимостью, диктуемой опасностью для жизни граждан или самой нации.

И все же иногда это различие трудноуловимо: в параграфе 155 «Второго трактата о правлении» содержится не менее «опасный», хотя и несколько иной тезис: «Лучшим лекарством от произвола является противодействие силе — силой же. Применение силы, не имея на то права, всегда ставит того, кто ее использует, в *состояние войны*, превращая его в агрессора, и заставляет поступать с ним соответствующим образом»³⁰. Локк говорит здесь о том, что государю надо, вообще-то, сильно постараться, чтобы довести дело до этого плачевного состояния войны с народом³¹, но он *не призывает к применению силы*. Он считает, что существует масса способов не допустить этой войны. И поэтому главное, о чем должна заботиться власть, — это достижение согласия во *всем* обществе и предупреждение насилия. Для этого власть не должна преступать закон³², а государь должен пользоваться своей «прерогативой» только в целях общественного блага.

Быть может, лучше всего различие позиций Сиднея и Локка видно в главе XIV «Второго трактата» — «О прерогативе». «В некоторых случаях, — пишет Локк, — сами законы должны уступать место исполнительной власти»³³. Речь, таким образом, идет о соблюдении властью законов и о *гра-*

30. Locke J. Two Treatises of Government. P. 370–371.

31. «Революции не происходят при всякой незначительной ошибке в государственном управлении. Грубые ошибки правящей партии, многочисленные ошибочные и мешающие жить законы и все проступки, вызванные человеческой слабостью, народ вытерпит, не устраивая мятежа и не высказывая недовольства. Но если длинный ряд злоупотреблений, служебных проступков и махинаций, ведущих в одном и том же направлении, делает замысел ясным для людей, которые не могут не чувствовать, что происходит наверху, и не видеть, куда все идет, то нет ничего удивительного в том, что они восстанут». См.: Ibid. P. 415.

32. «Если кто-либо из должностных лиц превышает власть, данную ему законом, и распространяет на подданного находящуюся в его распоряжении силу, не дозволяемую законом, то он в этом перестает быть магистратом, и, поскольку он действует без полномочий, ему можно оказывать сопротивление, как и любому, кто силой захватывает право другого человека». См.: Ibid. P. 400–401.

33. Ibid. P. 375.

ницах и мерах прерогативы, выхода за пределы закона, правом на которое обладает правитель.

С точки зрения Сиднея, «прошения, советы и увещевания», хотя и должны применяться там, где это возможно, безнадежны в случае «магистрата, презиравшего закон». Англичане, несущие огромную ответственность как перед «славными предками», так и перед «потомками», должны исполнить свою роль и сделать это «вовремя», писал Сидней, ибо, как показывает история, перейдя определенную грань, разложение становится неизлечимым. «Что касается народа, послушно покоряющегося гнету, то у него точно нет никаких шансов выжить»³⁴.

Сидней был в общем мнении республиканцем, однако на самом деле исповедовал концепцию «смешанной монархии» (власть трех сословий — монархии, аристократии и демократии), отвергая как чистую демократию, так и чистую монархию. Его идеал — республика с элементами монархии, наподобие института римских консулов или венецианских дождей, искусно осуществляющая функции исполнительной власти.

Подробный анализ сходства и различия двух трактатов, Локка и Сиднея, — важная задача истории политической мысли, решение которой еще предстоит. Сейчас же зададимся вопросом, который ставил Гоуф: а были ли политические идеи самих Тиррела и Сиднея их собственным изобретением, не заимствованы ли они, в свою очередь, у третьих авторов?

Как признает Вуттон, демонстрируя сходство идей Локка и Тиррела, «некоторые» аргументы Тиррела не вполне оригинальны. Тиррел, пишет он, был «в большом долгу у Пуфендорфа в том, что касается его теории природной свободы, часть теории сопротивления была взята у Хантона»³⁵.

34. Sidney A. Discourses of Government // The Works of Algernon Sidney / Ed. by T. Hollis and J. Robertson. — London, 1772. P. 479–480. Цит. по: Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. 1985. Vol. 24. No. 1. P. 16–18.

35. Wootton D. Introduction // Locke J. Political Writings / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. P. 83. Работа Филиппа Хантона, провоста основанного Кромвелем и недолго просуществовавшего университетского колледжа в Дареме, «Трактат о монархии» (Hunton Ph. The Treatise of Monarchie, 1643) была переиздана в Лондоне

В своем труде Филипп Хантон доказывал, что английская монархия носит ограниченный, а не абсолютный характер, основана на договоре и согласии подданных, а три сословия королевства — духовные лорды, светские лорды и члены палаты общин — имеют право на сопротивление королю в том случае, если тот скатывается к тирании. Теорией природного права на наказание, по словам Вуттона, «Тиррел был обязан Гроцию»³⁶.

Гуго Гроций и Самуэль Пуфендорф, если судить по каталогу библиотеки Локка, были его любимыми авторами. Столь же любимы они были и Сиднеем, который, как нетрудно догадаться, почитал также Никколо Макиавелли. В то же время сам Гроций и его ученик и впоследствии критик, сын лютеранского пастора Самуэль Пуфендорф в трактатах «О законе природы и наций» («*De jure naturae et gentium*», 1672) и «Об обязанностях человека и гражданина согласно природному закону» («*De officio hominis et civis juxta legem naturalem*», 1673) в свою очередь опирались на традицию «природного закона» (часто называемого также традицией «естественного права»), получившую дополнительный импульс к развитию в XVI в. в ходе религиозных войн во Франции. Сама традиция восходила к схоластике, в частности к Аквинату. А первоисточником служил, разумеется, Аристотель. Следует также заметить, что сочинения Гуго Гроция отнюдь не были какой-то запрещенной литературой; более того, их изучение входило в программы и Кембриджского, и Оксфордского университетов, а сам он почитался как крупнейший авторитет в области юриспруденции и библеистики.

В основе теории «природного закона» лежало представление об иерархии законов, принадлежавшее Фоме и развитое неотомистами второй половины XVI в., такими,

в 1680 г. и сожжена по указанию Оксфордского университета в 1683 г., но скорее речь идет о реакции Филмера на критику со стороны Хантона в «Анархии ограниченной или смешанной монархии» (*Filmer R. The Anarchy of a Limited or Mixed Monarchy*. — London, 1648). См.: *Locke J. Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 379n.

36. *Wootton D. Introduction* // *Locke, J. Political Writings* / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. P. 83.

например, как Франсиско Суарес. Квентин Скиннер описывает неотомистскую иерархию законов следующим образом: «Первым идет *lex aeterna*, по которому действует сам Бог. Далее *lex divina*, который Бог открывает непосредственно человеку в Писании и на котором основана церковь. Далее — закон природы, или *lex naturalis* (иногда называемый *ius naturale*), который Бог «внедряет» в людей, чтобы они были способны понимать его замыслы и намерения в отношении мира. И, наконец, позитивный человеческий закон [действующее право. — А.Я.], обозначаемый по-разному — как *lex humana*, *lex civilis* или *ius positivum*, который люди сами себе предписывают и сами устанавливают, чтобы осуществлять правление государствами, которые они создают»³⁷.

Традиция обсуждения «природного закона» была, в частности, продолжена в Нидерландах, а затем в Англии. Локк и Тиррел, «сочиняя» свои трактаты, имели все необходимое для своих построений, так сказать, готовый идейный материал, и прежде всего опирались на Гуго Гроция и его труд «О законе войны и мира» («*De jure belli ac pacis*», 1625), главной темой которого была «праведная» война. Согласно Гроцию, по «закону природы», война — долг всякого христианского солдата — должна вестись против тех, кого невозможно обуздать с помощью обычного закона. Гроций имел в виду войну между нациями, но его аргументы были перенесены на внутреннюю политику и использованы в борьбе против стремления превратить английскую монархию из ограниченной в абсолютную. Посмотрим, как это понятие использовал Локк.

«Состояние природы» у Локка есть «состояние свободы», но не «состояние вседозволенности», потому что, даже если люди в этом состоянии и не связаны волей другого человека, они все же должны подчиняться «закону природы», т. е. природным (естественным) моральным предписаниям.

«*Природная свобода* человека — в том, чтобы быть свободным от любой высшей власти на земле и не находиться под волей или законодательной властью человека, но руководствоваться только законом природы. *Свобода человека в обще-*

37. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Volume Two: The Age of Reformation. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 148 и далее.

стве — в том, чтобы не быть под какой бы то ни было иной законодательной властью, кроме той, которая установлена, через согласие, в государстве, и не находиться под господством чьей бы то ни было воли, и не быть ограниченным каким-либо законом, кроме того, который будет введен в действие законодательным органом в соответствии с доверием, которое мы ему оказываем. *Свобода*, следовательно, — это не то, о чем говорит нам сэр Р[оберт] Ф[илмер] <...> [а именно] „Свобода для каждого — делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никакими законами“. *Свобода людей под властью правительства* — в том, чтобы иметь постоянный закон, по которому можно было бы жить, общий для каждого в этом обществе и установленный законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моей собственной воле во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть подчиненным непостоянной, изменчивой, непредсказуемой капризной воле другого человека. В то время как *природная свобода* — в том, чтобы не быть ограниченным ничем иным, кроме закона природы»³⁸.

Это общее положение Локк применяет к ситуации неприимимого конфликта. «Когда нет правосудия на земле для разрешения конфликтов между людьми, судьей становится Бог на небесах: он один, поистине, является судьей правоты. Но каждый человек сам должен рассудить в этом, как во всех остальных случаях, поставил ли себя другой в состояние войны с ним, и должен ли он воззвать к верховному судье, как это сделал Иеффай»³⁹. Речь в данном случае идет о вооруженной борьбе с властью, поставившей себя своими действиями вне закона, ставшей агрессором. Решение об объявлении войны противоречит человеческим законам, законам общества. Но оно не противоречит закону природы, предписанному Богом. И только Бог, судья строгий и судящий судом праведным, может оправдать крайние меры. К библейской истории об Иеффее Локк неоднократно возвращается во «Втором трактате о правлении»,

38. См.: *Locke J. Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 283–284. Ср.: *Локк Дж. Сочинения* в 3 т. — М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 274–275.

39. *Ibid.* P. 427.

это ключевой момент в его аргументации, опирающейся на представления о законе природы и о свободе человека.

Описывая ситуацию, складывающуюся тогда, когда власть и правитель преступают закон, а в обществе отсутствует правосудие, Локк пишет: «Ибо, где бы это ни происходило, когда любые два человека не имеют ни постоянного правила, ни общего судьи, к которому можно обратиться на земле для разрешения разногласий и определения правоты каждого, там они все еще находятся в состоянии природы со всеми его неудобствами, с одной той лишь прискорбной разницей для подданного или, скорее, раба абсолютного государя: в то время как в обычном состоянии природы он обладает свободой судить о своей правоте и, насколько в его силах, защищать ее, теперь же всегда, когда на его собственность посягают воля и указы его монарха, ему не только некуда обратиться... но он лишен свободы судить о своей правоте и защищать ее, как если бы он был низведен со своего прежнего положения разумного существа на низшую ступень; и, таким образом, оказался подвержен всем лишениям и неудобствам, каких может опасаться человек со стороны того, кто, находясь в ничем не ограниченном состоянии природы, еще и развращен лестью и вооружен властью»⁴⁰.

«Спрашивать о том, как защититься от вреда или несправедливости с той стороны, где их творит самая сильная рука, значит сегодня присоединиться к голосам раздора и мятежа. Как будто люди, оставив состояние природы и вступив в общество, договорились, что все, кроме одного, должны находиться под ограничениями законов, но что один должен оставить себе всю свободу, которая имела у него в состоянии природы, а затем была усилена властью и превращена во вседозволенность и безнаказанность. Это все равно что считать людей глупыми и думающими о том, как бы избежать возможного ущерба, причиняемого хорями или лисами, но довольными... нет, убежденными, что безопасность в том и состоит, чтобы их пожирала львы»⁴¹.

40. *Locke J.* Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 326–327.

41. *Ibid.* P. 328.

Нет никаких свидетельств, что Сидней и Локк вообще когда-либо встречались, хотя это и не исключено, поскольку в 1675–1677 гг., будучи во Франции, Локк находился в тех же местах, где постоянно жил Сидней, а именно на гугенотском юго-востоке страны; в 1683 г. они оказались в центре одного и того же, так или иначе объединившего их политического кризиса. Локк наверняка имел доступ к рукописи «Рассуждений о правлении» Сиднея во время своего почти пятилетнего пребывания в Нидерландах. Библиотека английского квакера Бенджамина Ферли в его доме в Роттердаме содержала самые разнообразные, и прежде всего запрещенные книги и рукописи.

В начале 1683 г., после смерти Шефтсбери, Сидней встал во главе предприятия, объединившего его сторонников и, возможно, остатки команды графа Шефтсбери. Речь шла о заговоре с целью убийства короля и его брата (или их похищения) с последующим всеобщим мятежом, который предполагалось осуществить при помощи отряда шотландцев во главе с графом Аргайлом⁴². Заговорщики составили «совет шести», в который вошли Монмут, Рассел, Эссекс, лорд Говард Эскрикский, Алджернон Сидней и Джон Хампден (ранее осуществлявший связь между Сиднеем и Шефтсбери). Специальную группу, которая должна была арестовать короля и его брата по их возвращении со скачек в Ньюмаркете, возглавлял Роберт Уэст (после раскрытия заговора и ареста сдавший всех своих товарищей). Переговоры с шотландцами, прибывшими в Лондон под предлогом покупки земель в Каролине, вел Сидней, но «договориться» ему так и не удалось. Мятеж провалился, даже не начавшись.

Дж. Скотт пишет: «Трудно представить себе более опасную книгу, чем „Рассуждения“, или более опасный период в жизни Локка. Его крайнее беспокойство во время процесса над Сиднеем и последовавшей казнью хорошо известно. От человека, не способного признать себя автором собственной книги, трудно было бы ожидать признаний в том, что она имеет что-либо общее с книгой Сиднея»⁴³. Блэр Уорден

42. Арчибальдом Кемпбеллом, девятым графом Аргайлом (1629–1685), членом Лондонского королевского общества с 1663 г.

43. Scott J. P. The Law of War: Grotius, Sidney, Locke and the Political Theory of Rebellion // History of Political Thought. 1992. Vol. 13. No. 4. P. 584.

приводит дополнительное объяснение «беспокойства» Локка, как и любого другого сочинителя того времени. В ходе суда в ответ на заявление Сиднея, что человек вправе «записывать, чтобы не забыть, все что ему заблагорассудится, находясь в собственном кабинете, и никто не может быть призван за это к ответу, если это не опубликовано», сторона обвинения настояла на том, что факт преступления имеет место, поскольку «мысли и фантазии по поводу умерщвления короля являются действием ума и изменой сердца»⁴⁴. И этот довод был признан судом в качестве решающего для признания Сиднея виновным в государственной измене.

Рукопись «Рассуждений о правлении» Сиднея, как и рукопись «Двух трактатов о правлении» Локка, не сохранилась. Не вполне ясна и история публикации «Рассуждений о правлении», осуществленная только в 1698 г. Известно, что издал труд Сиднея Джон Толанд, мало считавшийся с текстами авторов, тем более — умерших, и редактировавший их по своему усмотрению и в соответствии с собственными взглядами. И поэтому каким был исходный авторский текст — мы не знаем.

В своем введении к изданию «Двух трактатов о правлении» Ласлет отмечает, что текст предисловия Локка предположительно написан в августе 1689 г., после подготовки к печати всей рукописи, но до изменения титульных страниц. В то же время, начиная со строки 31, оно «до такой степени напоминает „Предисловие“ Тиррела к „Patriarcha non Monarcha“ 1681 г., что последние пассажи могли быть написаны и раньше»⁴⁵. Это примечание не было замечено Вуттоном, хотя могло бы стать дополнительным доводом в его аргументации, однако привлекает наше внимание по другой причине. Почему бы не предположить, что написанное «ранее» (т. е., допустим, в 1681 г.) произведение тоже имело предисловие, аналогичное опубликованному в 1689 г.?

«Предисловие», написанное Локком в 1689 г., посвящено Вильгельму III — «нашему великому восстановителю» (по словам Локка). Гипотетическое предисловие 1681 г.,

44. Worden B. The Commonwealth Kidney of Algernon Sidney // Journal of British Studies. 1985. Vol. 24. No. 1. P. 29.

45. Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 137n.

не говоря уже о гипотетическом предисловии более раннего времени, а именно 1679–1680 гг., на которых настаивает Ласлет, датируя «Два трактата о правлении», вполне могло быть и даже наверняка было посвящено Карлу II, которого тоже можно было бы назвать восстановителем (*Restorer*), т. е. автором реставрации. Более того, «*Restorer*» гораздо больше подходило именно к Карлу II. Что, собственно, «восстанавливал» Вильгельм III? Его скорее можно было бы назвать воителем и реформатором, а не «восстановителем».

Ашкрафт, а за ним и Вуттон исходят из тезиса о радикализации вигов после неудачи их пропагандистской программы под названием «кризис исключения». Однако имела ли место радикализация в случае самого Локка? По гипотезе Дж. Милтона, «если бы Локк намеревался опубликовать „Два трактата“ как свой вклад в революцию, единственным отдаленно правдоподобным временем» для этого мог быть период *после* ее успешного окончания, когда военный успех необходимо было бы закрепить идеологическим оправданием мятежа. «В конце концов, именно такими были обстоятельства, в которых он наконец опубликовал их [„Два трактата“] в 1689 г.»⁴⁶

Однако, по мнению Милтона и ряда других историков, «Два трактата о правлении» никак не напоминали памфлет или манифест, а тем более программу действий, которые предназначались для публикации непосредственно *перед* переворотом или в *первой его фазе*. В качестве же оправдания некоего радикального действия наподобие мятежа или цареубийства «Два трактата» о правлении тоже не подходили — в них не хватало радикализма и необходимых для такого рода произведений конкретных деталей, разоблачающих существующую власть. Не было в них и присущей политическим трактатам хлесткости выражений. К тому же их автор не был революционером.

В 1660 г. Локк писал: «Нет никого, кто относился бы к власти с большим уважением и благоговением, чем я. <...> И это, я полагаю, возлагает на меня обязанность... склонять человеческие умы к послушанию правительству, кото-

46. Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise // History of Political Thought. 1995. Vol. 16. No. 3. P. 385.

рое принесло с собой спокойствие и порядок»⁴⁷. Речь шла о реставрации монархии. Прошло двадцать лет, и не было ни одной причины для того, чтобы Локк изменил свои взгляды. Часто используемый довод, что он якобы мог написать свой текст «по заказу», не выдерживает критики. Локк не был профессиональным политическим писателем, таким, например, как Фергюсон. Трудно представить себе Шефтсбери, заказывающего такого рода произведение врачу и натурфилософу, да еще и «студенту» оксфордского колледжа К्राйст-Чёрч и доброму другу Джона Фелла.

По одной из версий, объясняющих появление «Письма знатного лица», Локк, якобы принимавший участие в его сочинении, вынужден был даже уехать из страны под страхом ареста и тюремного заключения. Однако достоверных свидетельств, говорящих о связи этих двух событий, не существует, более того — скорее всего, это выдумка, имеющая своим «первоисточником» все тех же Коллинза и Де Мезо. Если бы Локк принимал участие в составлении «Письма», это, конечно, стало бы известно независимо от того, уехал он из страны или нет. Локк направился во Францию, надеясь подлечиться, потому что был твердо уверен в скорой смерти от туберкулеза, в свое время убившего его брата Томаса.

В конце апреля 1679 г., когда Локк вернулся из Франции, кризис был в самом разгаре. По мнению Марка Найтса, именно в контексте напряженной политической борьбы того времени и следует рассматривать известный тезис Локка во «Втором трактате»: «Использование силы против народа в отсутствие на то прав и в противоречии с доверием, оказанным тому, кто это делает, есть состояние войны с народом, который имеет право восстановить законодательный орган своею властью»⁴⁸. Таким образом, заключает Найтс, «на большую часть глав 13 и 15 „Второго трактата“, по-видимому, повлияла политика того времени», и Локк мог уже зимой 1679/80 года записать мысли, включенные в трактат.

Однако тезис Локка является простым повторением всем известных афоризмов Гуго Гроция, с которыми знакомил-

47. *Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 7.*

48. *Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1688. P. 370.*

ся каждый студент, изучавший юриспруденцию. Не имея прямой отсылки к конкретному событию или лицу, приведенный тезис носил абстрактный характер и мог быть как привязанным, так и не привязанным к текущему моменту и контексту.

В одном из писем Джона Хоскинса, стряпчего Шефтсбери, сообщается, что он доставил графу некий трактат от Локка, и тот начал его «жадно пролистывать». Однако в комментарии Эсмонда де Бира отмечается, что, скорее всего, это был трактат о винах и оливковых деревьях⁴⁹ с посвящением графу Шефтсбери от 1 февраля 1679 г., за написание которого Локк засел, прибыв в Лондон в октябре 1679 г. из Кента, где лечил своего пациента и подопечного Калейба Бэнкса⁵⁰. Ничто не говорит о том, что в это время Локк был занят написанием важной политической работы по заказу Шефтсбери.

Был ли Локк замешан в политической деятельности, которой занимались Шефтсбери и Сидней? Был ли он искренен, когда писал свое известное письмо Пемброку, где утверждал, что уехал из Англии, чтобы поправить здоровье и иметь время для литературной работы? Сегодня благодаря Ашкрафту, а точнее, благодаря *критике* его фундаментального труда, причислившего Локка к «радикалам» и несомненным «активным участникам заговора», вопрос можно считать закрытым: Локк не принимал равным делом никакого участия ни в заговоре 1683 г., ни в восстании Монмута в 1685 г. Неубедительность аргументов Ашкрафта показана в статьях Ф. Милтона⁵¹.

Это не означает, что Локк был политически невинным автором, однако лишает всяких документальных оснований

49. *Locke J.* Observations upon the Growth and Culture of Vines and Olives: the Production of Silk: the Preservation of Fruits // *The Works of John Locke*. Vol. IX. — London, 1824.

50. *Knight M.* Petitioning and the Political Theorists: John Locke, Algernon Sidney and London's "Monster" Petition of 1680 // *Past & Present*. 1993. Vol. 138. P. 109. Найдется ссылка на второй том переписки Локка: *The Correspondence of John Locke*. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 154n.

51. *Milton Ph.* John Locke and the Rye House Plot // *The Historical Journal*. 2000. Vol. 43. No. 3; *Milton Ph.* Locke the Plotter? Ashcraft's "Revolutionary Politics" Reconsidered // *Locke Studies*. 2007. No. 7.

концепцию Ашкрафта о Локке как активисте, тайно переправлявшем в Англию оружие и финансировавшем так называемую экспедицию графа Аргайла в Шотландию (май — июнь 1685 г.) и восстание герцога Монмута (июнь — июль 1685 г.). И тем не менее Джон Локк, «секретарь милорда Шефтсбери», был включен в список разыскиваемых английским правительством лиц, и ему пришлось скрываться и переезжать из города в город во время пребывания в Нидерландах.

Спустя столетие подтверждается оценка Фокс-Борна, который был убежден в политической непричастности Локка к Рай-Хаусскому заговору. Возможно, что он стал жертвой своей фамилии и службы графу Шефтсбери: его приняли за другого человека, а именно за Николаса Локка, лондонского табачника и анабаптиста, который щедро спонсировал Аргайла и Монмута. Автором декларации Монмута, обещавшей ежегодные сессии парламента, роспуск постоянной армии и равные права для всех протестантов, был вовсе не Локк, а Роберт Фергюсон. Еще одна версия заключается в том, что гонения исходили от самого короля, поверившего слухам о причастности Локка к политическому соращению Монмута, а также о том, что он автор трех «подрывных» работ: «Никакого протестантского заговора» («No Protestant Plot», 1681), «Расследование варварского убийства графа Эссекса» («An Enquiry into the Barbarous Murder of the Late Earl of Essex», 1684) и «Беспристрастный анализ отправления правосудия в Англии» («An Impartial Enquiry into the Administration of Affairs in England», 1684). Агенты короны в Нидерландах сообщали, что Локк встречался с заговорщиками Фергюсоном и лордом Греем.

Локк покинул Англию в конце августа 1683 г., когда еще не был вынесен приговор Сиднею, не желая принимать участия в происходящем. И это была его позиция с того момента, когда он понял, что Шефтсбери в своей пропагандистской кампании, направленной на «исключение» Йорка, перешел грань, вступив в опасный контакт с окружением Сиднея (т. е. с группой настоящих радикалов). Момент этот наступил в конце 1681 г., после того как Шефтсбери был освобожден из Тауэра, но с него еще не были сняты обвинения. Локк принял решение дистанцироваться от «семьи» и «дома» и практически все время проводил не в Лондоне,

в доме Шефтсбери, а в своей комнате в Оксфорде. Дистанцирование от «дома» Шефтсбери наблюдалось уже после его возвращения в Англию из Франции в 1679 г.: тогда Локк проводил более половины времени в Оксфорде или в поместье Оукли в нескольких милях к северу от Оксфорда, вместе со своим другом Джеймсом Тиррелом⁵², а административной работой занимался, помогая Шефтсбери, другой человек — Самюел Уилсон.

Вполне возможно, что в это время и создавалась первая часть «Двух трактатов», однако в самый критический для заговорщиков период, когда происходили их важнейшие встречи и совещания, с конца сентября по начало декабря 1682 г., Локка не было в Лондоне — он находился в Оксфорде. В тот момент, когда Шефтсбери, после избрания новых шерифов Лондона в конце сентября 1682 г., вынужден был скрыться, Локка рядом с ним не оказалось: он вернулся в Лондон лишь в ноябре, спустя две недели после бегства патрона, переодетого в пресвитерианского пастора, в Нидерланды. Заметим, что Локк не отправился в бега вместе с Шефтсбери, как его ближайшее окружение. Не был он упомянут и в завещании графа.

После внезапной кончины Шефтсбери в конце января 1683 г. начался совершенно новый этап в жизни Локка, освобожденного этой смертью от любых обязательств в отношении своего патрона. Локк переехал из дома Шефтсбери к доктору Чарлзу Гудоллу в Королевскую коллегия врачей, затем пытался обосноваться в Оксфорде, отправив туда свои вещи из Лондона. Однако в июне начался новый виток разоблачений: к властям обратился баптист Джосая Килинг, сообщивший о планах мятежа. Первоначально его донос был расценен как еще одна провокация, зеркальное отражение дела о «папском заговоре». Все выглядело как месть со стороны «папистов», однако после допросов первых арестованных (в частности, сдавшего властям Роберта Уэста) выяснилась причастность к подготовке мятежа Сиднея, и делу был дан ход: начались аресты — лорда Рассела, Сиднея, графа Эссекса и других, — судебные процессы

52. См.: *Milton J. R. and Milton Ph. General Introduction // Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. — Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 9.*

и казни. Монмут скрылся в доме любовницы, и, хотя властям было известно, где он, никто его не тронул. В ноябре Галифаксу как будто удалось помирить отца с сыном в обмен на согласие Монмута предоставить информацию о заговоре и мятеже.

Что касается Локка, то, почувствовав опасность, он уладил дела в Сомерсете, встретился с Кларком, перевез одну часть вещей к Тиррелу, другую к Полингу, а затем, заехав по пути к Томасу, пропал из виду. В конце августа в письме к Кларку Локк отдал последние перед отъездом инструкции, касающиеся имущества, рукописей и т. п., в том числе предложил в дальнейшей переписке пользоваться шифром при упоминании графини Шефтсбери, Томаса, Кларка, Полинга, Тиррела и его сомерсетского поверенного Уильяма Страттона.

В сентябре 1683 г. Локк уже был в Роттердаме, а оттуда перебрался в Амстердам, город, известный, как и Утрехт, своим доброжелательным отношением к беженцам. Однако репрессии продолжились и в Нидерландах. Английское правительство составило список разыскиваемых в связи с заговором лиц и развернуло в Голландии целую сеть агентов, сообщавших об обстановке среди политических эмигрантов, об их встречах друг с другом и передвижениях по стране. В число поднадзорных в скором времени попал и Локк.

И Карл II, и оппозиция, настаивавшая на «исключении» Йорка, как выяснилось гораздо позднее, спустя столетие, получали деньги от Людовика XIV и были, в разной степени, марионетками европейской сверхдержавы, хотя сами они, по-видимому, считали марионеткой или, скорее, инструментом французского короля. Карл дал обязательство стать католиком и посадить на трон католика. Первую часть этого обязательства он исполнил перед самой смертью, а для выполнения второй части сделал все возможное в конце жизни, чтобы подавить сопротивление в зародыше, возможно даже зная, откуда оно на самом деле исходит.

Был ли замешан в получении французских субсидий Шефтсбери, мы не знаем. Но что же Локк? Марк Голди в комментарии к избранной переписке Локка отмечает: «К декабрю 1677 г. Локк находился в Париже и был вызван к графине Нортумберлендской, страдавшей воспалением тройничного нерва. Графиня к тому времени была замужем за английским послом Ралфом Монтегю, который служил посредни-

ком при передаче секретных субсидий короля Людовика XIV Карлу II, а также членам английской оппозиции. Столетие спустя политические наследники вигов были повергнуты в смятение, когда обнаружилось, что защитники английских свобод виги — точно так же, как монарх-тиран Карл II, — получали деньги от Людовика XIV». «Крайне невероятно, — иронично замечает Голди, — чтобы Локк питал хотя бы малейшие подозрения относительно операций Монтегю»⁵³.

Факт остается фактом: будучи вовлечен в орбиту политической деятельности Шефтсбери, Локк так или иначе участвовал в политических событиях своего времени. Возможно, что сам он не вполне понимал, что происходит. Это всегда случается с теми, кто вовлечен во что-то, но не видит всей картины в целом. Следует помнить, что Локк не был политиком, он был врачом и ученым. Как следует из уже неоднократно упоминавшегося письма Пемброку, происходившие вокруг него события ему не нравились, и он старался держаться от них как можно дальше. Но это не всегда получалось.

Какова же была общая политическая картина? В рамках всех политических манипуляций задача Алджернона Сиднея, по-видимому, заключалась в том, чтобы вовлечь в «заговор» Монмута, поссорив его с благоволившим к нему отцом. «Кризис исключения» в Англии был на руку Людовику, который даже перестал на время субсидировать Карла, чтобы повысить ставки в политической игре, и усилил финансирование оппозиции. «Заговор» был раскрыт, Карл продемонстрировал, что владеет ситуацией. Субсидии возобновились. Роль и судьба Шефтсбери как лидера оппозиции понятна: он должен был стать главным обвиняемым и главной жертвой. Так и случилось бы, если бы не его неожиданная смерть в самый разгар «заговора».

«Рассуждения о правлении» Сиднея были осуждены как изменнические, Рассела казнили, Эссекс покончил с собой (или был убит) в Тауэре. Сиднею, уже после вынесения вердикта 26 октября/7 ноября 1683 г., был предложен побег, от которого он по неведомой причине — разве только для того, чтобы доказать потомкам, что не в деньгах дело, — от-

53. *Locke J. Selected Correspondence* / Ed. by M. Goldie. — Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 54.

казался, и был казнен через повешение, волочение по земле и четвертование⁵⁴.

В тот же день Монмут получил формальное помилование и 4 тысячи фунтов в подарок от отца. Однако, когда новости о его «сдаче» королю появились в прессе, Монмут публично заявил, что ничего не знал о заговоре. Спустя несколько дней король попытался заставить его подписать документ, в котором он должен был выразить свое раскаяние, однако Монмут, опасаясь, что это будет использовано в обвинении его друга Джона Хампдена, отказался поставить подпись.

Когда в январе 1684 г. Монмуту пришла повестка в суд как свидетелю по делу Джона Хампдена⁵⁵, он бежал на континент, а год спустя, уже после смерти Карла II и возвышения Якова II, высадился с отрядом в Англии, объявил себя королем, был разгромлен и по приказу своего дяди казнен с особой жестокостью: несмотря на немалые деньги, переданные палачу, тому «не удалось» отрубить голову ни с первого, ни со второго раза, и лишь на пятый раз голова Монмута покатилась с плахи.

* * *

Подводя итоги дискуссии о датировке «Второго трактата о правлении», Дж. Милтон подчеркивает, что ни для одной из выдвигаемых гипотез нет «окончательных» свидетельств, которые достоверно подтверждали бы то или иное реше-

54. См.: *Milton Ph. John Locke and the Rye House Plot* // *The Historical Journal*. 2000. Vol. 43. No. 3; см. также: *Pocock J. G. A. England's Cato: The Virtues and Fortunes of Algernon Sidney* // *The Historical Journal*. 1994. Vol. 37. No. 4.

55. Джон Хампден был арестован в июле 1683 г., в ноябре был отпущен под залог в 30 тысяч фунтов, в феврале 1684 г. попал под следствие, был осужден, оштрафован на 40 тысяч фунтов и посажен в Тауэр. После возвышения Йорка и восстания Монмута Хампдена вновь судили, на этот раз за государственную измену, и приговорили к смертной казни. После просьбы о помиловании приговор был заменен штрафом в 6 тысяч фунтов. Хампден отверг предложение Якова II о сотрудничестве. В мае 1689 г., выступая в парламенте, Хампден заявил о необходимости распространения толерантности на всех протестантов, а не только на тринитариев. Хампден был не только политиком, но и талантливым филологом, поддерживавшим тесные связи с выдающимся библеистом, одним из основателей историко-критической школы Ришаром Симоном.

ние, поскольку не найдены ни рукопись «Двух трактатов», ни подготовительные материалы, ни какие-либо упоминания и следы в архиве Локка, в архиве Шефтсбери и в других архивах.

И все же в исследованиях 1990-х гг. удалось изменить главное — однозначную привязку «Двух трактатов о правлении» к «славной революции» 1688–1689 гг. Заслуга в расшатывании этой историографической догмы принадлежит прежде всего Ласлету, который, по-видимому, именно этого и добивался. В одном из своих интервью Квентин Скиннер вспоминает разговор с Ласлетом в 1962 г. Обсуждая с Ласлетом его книгу и научное открытие (новую датировку «Двух трактатов о правлении»), говорит Скиннер, «я был поражен тем, как он сам оценивает значение [своего открытия]. По его мнению, он показал, что трактат Локка был, по сути дела, партийно-политическим памфлетом. Ласлет считал, что, показав, каким образом он [трактат] вырос из частного политического кризиса, он понизил его в ранге, лишил места в каноне, поставив под сомнение его якобы внеисторический характер и особое значение. Насколько мне помнится, по его словам, он показал, что Локк не должен ставиться в один ряд с такими систематическими авторами, как Гоббс, в отношении которого подобного рода анализ невозможен»⁵⁶.

Можно понять и Джона Кеньона, писавшего о весьма слабом знании и понимании политической мысли эпохи Вильгельма III и королевы Анны: «Политическая мысль того времени объясняется главным образом в соотнесении с сочинениями Джона Локка, дополняемыми иногда трудами Гоббса, Гаррингтона и Алджернона Сиднея. Предполагается, что политические лидеры виггизма после 1689 г. разделяли детально разработанную „локковскую“ идеологию, дающую народу право смещать королей согласно условиям Первоначального Договора. <...> Трудно понять, почему тогда теории Локка столь редко упоминались на ранних стадиях революции, до 1692 г., и еще реже впоследствии. <...> Трудно также понять, почему виговские политики, которых

56. Quentin Skinner: On Encountering the Past: Interviewed by Petri Koikkalainen and Sami Syrjämaeki // Redescriptions. 2002. Vol. 6. P. 42.

считают его почтительнейшими учениками, столь неохотно на него ссылались. Его ближайшим другом и патроном среди лидеров „хунты“ был Джон Сомерс. Однако во всех многочисленных политических памфлетах, приписываемых Сомерсу, его [Локка] имя называется всего один раз, и то по специальному поводу. <...> Локк ни разу не упоминается в „Истории моего времени“ Бернета»⁵⁷.

Стремясь опровергнуть одну догму, Ласлет и его последователи породили другую, почти однозначно привязывающую «Два трактата о правлении» к контексту «кризиса исключения». Стремление «отодвинуть» Локка на более раннюю стадию политического процесса, к «кризису исключения», освобождало от фигуры Локка контексты 1690-х гг., но одновременно, вопреки желанию Ласлета, не снижало его возможного значения как политического мыслителя. Если Ласлет стремился, следуя Де Мезо и Коллинзу, сделать из Локка фигуру, близкую к «скользкому политикану» Шефтсбери, то работа Ашкрафта, напротив, делала из него героя-революционера, наследника самых радикальных республиканских традиций. Такая интерпретация, по-видимому, стала для Ласлета неожиданностью. Новая датировка не дала необходимого эффекта, не сработала. Ашкрафт показал возможное значение идей Локка в контексте «кризиса исключения» и подготовки революции.

Неудача с датировкой на самом деле ничего не означала. Похоже, что «Два трактата о правлении» не сыграли приписываемой им политической роли ни в контексте 1690-х гг., как было принято считать ранее, ни в контексте конца 1670-х — начала 1680-х гг., как пытался показать Ашкрафт. И это несмотря на то, что части и фрагменты «Двух трактатов» соотносимы и с этими, и с другими контекстами.

Слишком многое указывает на то, что *значение Локка как политического мыслителя принадлежит не его собственному времени, а следующей исторической эпохе*. И это несмотря на то, что его фигура сегодня все чаще рассматривается не в контексте раннего Просвещения, а в ряду последних деятелей Реформации.

57. *Kenyon J. P. Revolution Principles: The Politics of Party, 1689–1720.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 1–2.

Кроме того, выявление исторических контекстов не равносильно определению роли политических идей и произведений. В этом смысле проект Ласлета по низведению Локка с пьедестала как таковой не выдерживает критики, хотя, с другой стороны, он стал исследовательской программой целого поколения локковедов. В результате работы этих историков в конечном итоге стало ясно, что «Два трактата о правлении» состоят из фрагментов, соотносимых с множеством контекстов в историческом промежутке 1668–1689 гг.

В ходе дискуссий о датировке был поставлен вопрос о структуре «Двух трактатов», прежде всего о том, насколько единым является это произведение. Несмотря на программный постулат Ласлета о существовании исходного единого произведения, его рассуждения основывались в том числе и на раздельной датировке «Первого трактата» и «Второго трактата». Из этого исходили и другие историки, пытавшиеся предложить иную датировку «Двух трактатов». При этом всегда держалось в уме, что существовала рукопись, в которую входила пропавшая «средняя» часть. Следующим шагом стала начатая Ласлетом раздельная датировка различных частей — глав и параграфов «Второго трактата», поскольку в отношении «Первого трактата» установилось общее мнение о его относительно единообразном характере и датировке, соотносящейся в основном с первой фазой кризиса «исключения» (1679–1680 гг.).

«„Второй трактат“, — пишет Дж. Милтон, — почти наверняка имеет более сложную историю»⁵⁸. Далее он замечает, что на это соображение наводит история написания Локком других своих трудов, в частности «Опыта о человеческом понимании», первые наброски которого были сделаны в 1671 г., а публикация серьезно переработанного текста состоялась лишь в 1689 г. В окончательной версии «Опыта» временная неоднородность его различных частей незаметна, в нем нет, по выражению Милтона, «швов», и поэтому «любая попытка выделить различные текстуальные слои во „Втором трактате“ должна начинаться с анализа методов, которые Локк применял при его композиции»⁵⁹.

58. *Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise // History of Political Thought. 1995. Vol. 16. No. 3. P. 363.*

59. *Ibid. P. 364.*

Милтон делит все работы Локка на две категории. Первая — *полемические работы*, написанные относительно быстро (второе и третье «Послания о толерантности», два оправдания «Разумности христианства» и три письма Стилингфлиту по поводу «Опыта о человеческом понимании»; сюда следует отнести также и «Первый трактат», хотя значительный промежуток между его написанием и публикацией оставляет возможность того, что некоторые его части были добавлены позднее).

Вторая категория — *работы «конструктивные»*, писавшиеся долго, к которым, наряду с «Опытом» и «Некоторыми мыслями об образовании», принадлежит и «Второй трактат о правлении». Работы, писавшиеся *долго*, основывались на особом методе организации материала, состоявшем в использовании многочисленных записных книжек и других записей. Содержание последних, согласно придуманному Локком «методу ведения записей», было разбито на тематические единицы, в которые заносились мысли, приходившие Локку в голову при чтении различных книг, а также в ходе обсуждений и дискуссий с друзьями. Разговоры с друзьями он считал ключевым моментом в процессе выражения мысли. Записи Локка организованы таким образом, чтобы иметь возможность хранить информацию, а затем дополнять ее другой, не имея ограничений, накладываемых, например, линейным расположением текста в дневнике или в рукописи будущего трактата⁶⁰. «С незначительными вариациями это тот способ, с помощью которого Локк написал все свои работы после „варианта А“ „Опыта“, и весьма высока вероятность того, что рукописи как первого, так и второго из „Двух трактатов“ были написаны аналогичным образом»⁶¹.

Вторым важным моментом, на который обращает внимание Дж. Милтон, является способ оформления библейских ссылок. В своих ранних работах, еще до путешествия во Францию в 1675–1679 гг., Локк везде, ссылаясь на главы,

60. См., например: *Yeo R. John Locke on Conversation with Friends and Strangers // Parergon. 2009. Vol. 26. No. 2; Yeo R. Before Memex: Robert Hooke, John Locke, and Vannevar Bush on External Memory // Science in Context. 2007. Vol. 20. No. 1.*

61. *Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise // History of Political Thought. 1995. Vol. 16. No. 3. P. 365.*

использует арабскую нумерацию (например: Judg. II. 27). В «Опыте о человеческом понимании» и других работах, написанных после 1680 г., везде используются в основном римские цифры (например: 1 Tim VI. 17). Милтон указывает также на позднюю работу Локка «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла», в которой, комментируя «Послание к Ефесянам», он использует арабские цифры. Переводчику «Парафразы» хорошо видны и другие особенности текста, структурные и стилистические, которые отличают комментарии на «Послания к Ефесянам» от комментариев Локка на другие послания святого Павла. Это может служить еще одной «аналогией» — вдобавок к тем, что привел Милтон. Если ее развить, то можно сделать вывод, что комментарии на «Послания к Ефесянам» могли быть написаны задолго до всех остальных комментариев из «Парафразы и примечаний к посланиям св. Павла».

По заключению Милтона, Локк использует «старый стиль» до 1678 г., а затем, по возвращении в Англию в 1679 г., арабские цифры встречаются редко: в период с 1679 по 1683 г. из нескольких сотен библейских ссылок не более десятка даются в арабской нумерации. «Эти выводы... поднимают серьезную проблему: оба трактата из „Двух трактатов“ содержат очень большое количество ссылок в старом стиле. По меньшей мере можно предположить, что [гипотетический. — А.Я.] набросок „Второго трактата“, включающий материал из глав III, VI и VIII, был сделан до 1675 г.»⁶² Арабскую нумерацию библейских ссылок содержит и глава V.

Наконец, еще одним существенным аргументом, говорящим в пользу гипотезы о различных временных слоях в тексте «Второго трактата», является характер главы V. Об особом статусе этой главы говорилось неоднократно и до появления специальных текстологических и археографических изысканий. Много раз отмечалось, что эта глава («О собственности») выглядит чем-то чуждым в общей аргументации «Второго трактата». И поэтому неудивительно, что именно к этой главе был применен новый, «структурно-контекстуальный» подход. Теперь, вместо того чтобы заниматься поисками одного или, скорее, двух контекстов, по числу

62. *Milton J. R. Dating Locke's Second Treatise. P. 373.*

трактатов, историк должен был бы заняться поисками такого их количества, которое соответствует числу выявляемых текстуральных и временных слоев. Первой в поисках такого рода стоит именно глава V. Кроме того, с ней связана вторая важная работа, включенная Де Мезо и Коллинзом в их «Коллекцию», а именно «Основные законы Каролины».

Локк служил неофициальным секретарем лордов-собственников колонии Каролина⁶³ с 1669 по 1675 г., будучи членом «семьи», или «дома», графа Шефтсбери, а в 1673–1674 гг. — официальным секретарем и казначеем государственного Совета по торговле и зарубежным плантациям. Согласно патенту на территорию, занимавшую большую часть современных Северной и Южной Каролины, а также Джорджии, и пожалованную в 1663 г. Карлом II лордам-собственникам, в числе которых был Антони Ашли Купер, они должны были «перевезти [поселенцев] и создать многочисленную колонию из наших подданных... в частях Америки, земля которых доньше не культивировалась и не засеивалась, а лишь была заселена неким варварским народом, не имеющим представления о Боге Всемогушем»⁶⁴.

В апреле 1671 г. Локк был возведен лордами-собственниками в наследственное дворянское звание ландграфа Каролины, получив соответствующий патент, в котором отмечались его благоразумие, знания и усердие в выработке формы правления колонии. Согласно патенту, ему было выделено

63. Первая заявка на американскую землю была сделана сэром Хамфри Гилбертом в 1583 г., а еще через три года сэр Уолтер Рали основал колонию на острове Роанок («пропавшую колонию»), однако эти попытки оказались неудачными. В 1606 г. Яков I выдал патент на восточное побережье Северной Америки (от 34 до 35 градусов с. ш.) так называемой Виргинской (или Плимутской) компании, после чего началось активное заселение американских земель. Не менее активно англичане осваивали острова Карибского бассейна — Барбадос, Бермуды. Английские поселения возникли на островах Сент-Китс, Невис, Барбуда и Антигуа, Ангилья. В 1655 г. войска Оливера Кромвеля под командованием Уильяма Пенна-старшего изгнали испанцев с Ямайки. Управление колониями постоянно вызывало нарекания, и поэтому в период между 1650 и 1657 г. правительство создало несколько Комитетов по торговле, которые были заменены в 1660 г. Советом по торговле и Советом по плантациям. В 1672 г. эти два совета были объединены в Совет по торговле и плантациям.

64. Цит. по: *Armitage D. John Locke, Carolina, and the "Two Treatises of Government" // Political Theory. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 618.*

четыре баронских владения по 12 тысяч акров каждое, что ставило его в очередь на получение титула лорда-собственника в случае смерти одного из пожизненных владельцев Каролины. Именем Локка в 1674 г. был назван остров в устье реки Ашли, впоследствии переименованный в остров Эдисто (Южная Каролина).

Кроме того, в 1672–1676 гг. Локк получил немалые доли в компании «Багамские предприниматели» («Bahamas Adventurers»), которая вела торговлю между Багамскими островами и американским материком, в Королевской африканской компании (Royal African Company) — английской монополии на торговлю рабами на западном побережье Африки⁶⁵. По подсчетам Германа Лебовица, к концу жизни половина всех доходов Локка была получена с помощью этих инвестиций⁶⁶. Наконец, в 1696–1700 гг. он был назначен на пост «комиссионера» в Совете по торговле, образованном Вильгельмом III по образцу Совета по торговле и зарубежным плантациям, и занимался вопросами, связанными с делами колоний.

Ссылки на Америку встречаются в семи из восемнадцати глав «Второго трактата», и более половины из них приходятся на главу V («О собственности»). Встает вопрос, когда именно появились эти ссылки. Если согласиться с аргументацией Милтона, то и эти ссылки, и части текста, в которых они встречаются, могли быть написаны ранее 1675 г. (хотя *вставлены* в текст «Двух трактатов» они могли быть и после 1683 г.), а сам текст писался частями начиная с 1669 г. Глава «О собственности» могла быть вставлена на позднем этапе написания «Двух трактатов», поскольку по содержанию она весьма отличается от предыдущей главы IV («О рабстве») и последующей главы VI («Об отцовской власти»), а если представить себе, что ее как бы вообще нет на ее теперешнем месте, то аргументация Локка выстраивается более логич-

65. О вложениях Локка в компании, занимавшиеся работоторговлей, а также о его взглядах на рабство см. работы Джеймса Фарра: *Farr J. "So vile and miserable an Estate": The Problem of Slavery in Locke's Political Thought // Political Theory. 1986. Vol. 14. No. 2; Farr J. Locke, Natural Law, and New World Slavery // Political Theory. 2008. Vol. 36. No. 4.*

66. *Lebovics H. The Uses of America in Locke's "Second Treatise of Government" // Journal of the History of Ideas. 1986. Vol. 47. No. 4. P. 576.*

ным и «бесшовным» образом. В главах IV и VI обсуждаются общие для них темы форм власти и разновидностей свободы и равенства. В главе V эти темы вообще не затрагиваются. Это служило постоянным камнем преткновения для историков, пытавшихся привести *весь* текст «Двух трактатов о правлении» к контексту «кризиса исключения» 1679–1683 гг.⁶⁷

«Колониальный» контекст прослеживается начиная с 1669 по 1700 г., т. е. присутствует в работах Локка на протяжении более 30 лет, охватывая все его главные труды и концепции. Джеймс Фарр обращает внимание на американский контекст в «варианте В» «Опыта о человеческом понимании», датированном 1671 г., а также считает, что к этому времени относится еще один написанный Локком текст, условно названный «Рассуждением о Каролине»⁶⁸.

Дэвид Армитедж подчеркивает постоянный интерес Локка к конституции Каролины, что доказывается его перепиской с Николасом Тойнардом и Анри Жюстелем в 1679–1681 гг., а также записными книжками, в которых эта тема имеет сквозное наименование «Atlantis» (1676–1679). В переписке несколько раз обсуждается вопрос о «бегстве» в Каролину, правда в шутовском тоне; пребывание Локка во Франции, по мнению Армитеджа, может быть объяснено своего рода сельскохозяйственным шпионажем в пользу лордов-собственников Каролины, вылившемся, в частности, в трактат о вине, оливах, фруктах и шелке⁶⁹.

Однако это, конечно же, было стандартное поведение графлибианца и члена Лондонского королевского общества

67. По словам Дэвида Армитеджа, по сравнению с предыдущими главами Локк в главе о собственности использовал совершенно иной язык: «Понятия власти и права, свободы и равенства поразительным образом отсутствуют в главе V, ключевыми терминами которой вместо них служат „труд“, „усердие“ и „собственность“». Эта непоследовательность в слове заставляет предположить, что глава „О собственности“ была написана независимо [от других частей „Второго трактата“], и Локк вставил ее там, где ему удалось найти место в уже существовавшем рассуждении» (Armitage D. John Locke, Carolina, and the “Two Treatises of Government” // Political Theory. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 617).

68. Farr J. Locke, “Some Americans”, and the Discourse on “Carolina” // Locke Studies. 2009. No. 9. P. 19–96.

69. Armitage D. John Locke, Carolina, and the “Two Treatises of Government” // Political Theory. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 602–627.

с целью сбора информации и ее дальнейшего распространения. Объем и характер официальной переписки Локка в годы его службы в качестве секретаря лордов-собственников Каролины и Совета по торговле и плантациям позволяют сделать вывод, что политическая часть его работы была подчинена главной цели — сбору полезной информации, и прежде всего информации о Новом Свете.

Среди корреспондентов Локка — преподобный Джеймс Блэйр из Виргинии; заместитель Шефтсбери на острове Нью-Провиденс на Багамах, губернатор Каролины и компаньон Шефтсбери Джозеф Уэст; один из лордов-собственников Каролины, а также собственник одной из крупнейших невольничьих плантаций на Барбадосе сэр Питер Коллетон (член Лондонского королевского общества с 1677 г.). Все они писали Локку не только о политической ситуации в Америке, но и о ее природе, о необычных явлениях, растениях, животных и минералах.

Локк получал соответствующие письма и отчеты, а также образцы растений и лекарственных средств. Например, Коллетон сообщал ему о разнообразии растительного мира Барбадоса, используемого в медицине америндов, и отослал «китайский корень» (сегодня называемый корой хинного дерева), «битумное масло», которым местные лечат ишиас, и «корень тарара» (маранты), используемый в качестве противоядия. Еще один корреспондент с Багамских островов сообщал о «маслах», получаемых из змей и аллигаторов, прекрасно помогающих при подагре, а также о ядовитых рыбах — весьма интересовавших Локка⁷⁰. Локк настолько интенсивно занимался сбором информации о Каролине, что приобрел репутацию эксперта по этой колонии и другим заморским территориям.

Известен также постоянный интерес Локка к сельскохозяйственным культурам, образцы которых он, будучи во Франции, а потом в Нидерландах, регулярно отправлял своим друзьям, а те, возможно, переправляли за океан (хотя, скорее всего, по большей части оставляли в Англии: создание коллекций было одной из главных целей Лондонского

70. Подробнее см.: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire*. — London: Pickering & Chatto, 2008. P. 120–125.

королевского общества). Примечательна цитата, приводимая Армитаджем: многие гугеноты, прибывшие в колонию в апреле 1680 г., «были искусны и имели опыт в производстве вин, шелков и масел»⁷¹, что наводит на мысль об одной из целей пребывания Локка во Франции. Более того, когда Шефтсбери освободился из Тауэра в 1681 г., его первой заботой стала ревизия «Основных законов Каролины» в направлении, которое способствовало переселению потенциальных мигрантов, а именно французских гугенотов и шотландских пресвитериан⁷².

Одна из самых интересных трактовок «Двух трактатов о правлении» принадлежит Ричарду Таку, по мнению которого «Второй трактат» был написан в полемике с «Системой правления Пенсильвании» Уильяма Пенна, которому Карл II пожаловал грамоту на колонию в 1681 г. в счет огромного долга короны его отцу, сэру Уильяму Пенну⁷³.

Не исключено, что при жизни и какое-то время после смерти Локка воспринимали прежде всего как идеолога колониализма и империи, во всяком случае об этом свидетельствуют некоторые оценки его современников. Сторонники Локка подчеркивали идеи веротерпимости, заложенные в эту конституцию (несмотря на то, что англиканская церковь называлась там государственной, в документе имелся пункт, согласно которому группа в семь и более человек могла создать свою собственную церковь, а «евреи, язычники и другие диссентеры, расходящиеся с чистотой христианской религии», получали религиозную свободу⁷⁴). Противники Локка имели не столь радужные о нем представления. «„Основные законы“ предполагали существование рабства и закрепляли за рабовладельцами абсолютную власть над жизнью и смертью рабов. В „Основных законах“ устанавливалась также пер-

71. *Haley K. H. D.* The First Earl of Shaftesbury. — Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 533. См.: *Armitage D.* John Locke, Carolina, and the “Two Treatises of Government” // *Political Theory*. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 611.

72. *Armitage D.* John Locke, Carolina, and the “Two Treatises of Government” // *Political Theory*. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 612.

73. *Tuck R.* The Rights of Peace and War: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. — Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 177–178.

74. *Locke J.* Political Writings / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. P. 41–43, 228–229.

вая на североамериканской земле наследственная аристократия. Что могло быть хуже для репутации философа, чем план антидемократического рабовладельческого общества с доминирующей ролью „тиранической аристократии“?»⁷⁵

В рамках полемики с Ашкрафтом в 1992 г., когда «колониальный контекст» только начинал широко обсуждаться, Вуттон писал: «В каком вообще смысле Шефтсбери был радикальным эгалитаристом в традиции левеллеров? Даже если предположить, что он был таковым... на момент своей смерти, можно ли себе вообразить, что это было в 1667 г. (когда он был в правительстве) или в 1675 г. (когда он защищал привилегии палаты лордов)? <...> До 1660 г. он являлся убежденным противником левеллеров и республиканцев. В 1660 г. был членом специальной комиссии, приговорившей царевубийц к смерти. В 1669 г. вместе с Локком установил для Каролины, колонии, находившейся практически под его единоличным контролем, систему правления, которая предполагала не только рабство, но и наследственное крепостное право, аристократию (крепостные, называемые в „Основных законах Каролины“ литменами, не имели даже права на апелляцию вне рамок суда своего лорда, в котором и должны были разбираться все дела об их преступлениях: таким образом, они находились даже в худшем положении, чем крепостные английского средневековья). „Основные законы Каролины“ знамениты тем, что предусматривали религиозную терпимость... оговаривая, что даже рабы могли пользоваться религиозной свободой. Но это не должно заслонять от нас того, что в них полностью отвергается понятие неотъемлемых юридических и политических прав индивида»⁷⁶.

Более того, по мнению Вуттона, даже «Письмо знатного лица» должно рассматриваться в контексте защиты наследственных прав палаты лордов: «Письмо защищает ту самую социальную группу, которую Шефтсбери хотел видеть у власти в Каролине, — наследственную аристократию»⁷⁷. В 1674 г., когда лорды-собственники начали испытывать беспокойство

75. *Armitage D.* John Locke, Carolina, and the “Two Treatises of Government” // *Political Theory*. 2004. Vol. 32. No. 5. P. 607.

76. *Wootton D.* John Locke and Richard Ashcraft’s “Revolutionary Politics” // *Political Studies*. 1992. Vol. 40. No. 1. P. 82.

77. *Ibid.* P. 85.

по поводу колонистов в Каролине, которые не смогли оправдать вложенные в них деньги, губернатору Андрию Персивалю были даны указания создать новую колонию на «острове Локка», которая находилась бы в полной власти лендлордов, а точнее, тех, кто был способен выплачивать лордам-собственникам долги и обеспечивать доходы. Колонисты могли (имели право, согласно указаниям Шефтсбери и Локка) продать себя в литмены, чтобы избежать голода. Губернатору поручалось склонять к этому наиболее бедных колонистов⁷⁸.

* * *

Кратко обозначим еще одну линию рассуждений, имеющую отношение к вопросу о датировке главы V. По мнению Патрика Хайда Келли, решающее влияние на экономические взгляды Локка оказал его бывший начальник в Совете по торговле и плантациям Бенджамин Уорсли, которого Локк сменил на посту секретаря после того, как Уорсли отказался пройти процедуру проверки на лояльность церкви. Впрочем, и после того, как это произошло, Уорсли, возможно, не перестал работать на Шефтсбери, а Локк был своего рода проводником идей подавшего в отставку и якобы удалившегося от дел Уорсли.

Одним из главных выводов Келли, который пытался разобраться в логической связи экономических идей Локка, стало то, что глава V «Второго трактата о правлении», «О собственности» (1689), *должна логически следовать за его работами о ссудном проценте* (1691). Таким образом, последние должны были существовать, в том или ином виде, *прежде*, чем глава о собственности. А поскольку, как мы знаем, эти идеи (о ссудном проценте) были вчерне сформулированы в 1668 г., то почему бы не предположить, что будущая глава V «Двух трактатов о правлении» создавалась в том же самом или очень близком по времени контексте?

И глава о собственности, и работы о ссудном проценте могли быть написаны сразу после окончания второй англо-голландской войны (т. е. в конце 1660-х гг.). В это время происходило дипломатическое урегулирование спорных вопро-

78. Ibid.

сов о собственности, в частности касавшихся английской колонии Суринам, основанной в 1651 г., а к 1663 г. имевшей уже 4 тысячи поселенцев. В марте 1667 г. колония была захвачена голландцами, затем в октябре отвоевана англичанами. Однако по условиям мирного договора, заключенного в Бреде, Суринам отошел Нидерландам (в обмен на Новый Амстердам, захваченный англичанами в 1664 г. и переименованный в Нью-Йорк в честь герцога Йоркского), причем голландское правительство лишило английских поселенцев не только собственности, но и права покинуть колонию.

В конце 1668 г. вопрос о Суринаме поступил на рассмотрение Совета по торговле, и тот заявил о нарушении условий передачи колонии, среди которых, в пункте V договора, были записаны права поселенцев на свободную продажу собственности и выезд за пределы колонии. Результатом работы Совета стала подача петиции Карлу II в мае 1669 г., а затем ответ Яна де Витта в июле 1669 г. Это послание было передано из королевской канцелярии лорду Арлингтону, который в свою очередь поручил Бенджамину Уорсли составить ответ голландцам. Написанный Уорсли документ под названием «Критика документа милорда де Витта» был затем переписан Локком в одну из записных книжек вместе с рядом других текстов, принадлежавших секретарю Совета по торговле.

В своем ответе Уорсли, высоко оценивая зрелость и силу аргументации де Витта, которую он называет «*De iure Grotium*» (т.е. составленной «по Гроциеву праву»), соглашается с тем, что суверенитет неделим, и отмечает, что альтернативная его трактовка противоречила бы и английским интересам в Новом Амстердаме. Однако, хотя сам суверенитет не может быть ограничен, он не может распространяться на права собственности и свободу передвижения, а посему английские поселенцы могут апеллировать к Карлу II по вопросам, касающимся их собственности и свободы выезда, не задевая голландского суверенитета⁷⁹.

Напрашивается аналогия с главой V «Второго трактата о правлении», где обсуждается тот же комплекс вопро-

79. *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 157–159.

сов в рамках того же «*ius Grotium*», однако в применении не к Суринаму, а к Англии, только что оккупированной Вильгельмом. Отличие этих двух случаев состоит в том, что англичане в Суринаме могли апеллировать к Карлу II, в то время как англичанам в самой Англии не оставалось ничего другого, как апеллировать к Богу, как об этом и говорит Локк, в частности, в главе XIX «Второго трактата о правлении».

Призыв к Вильгельму III не нарушать «консенсуса» с оккупированной нацией сопровождается на всем протяжении «Второго трактата» аргументами, доказывающими право на сопротивление «магистрату», «неоднократно» («неоднократно» оставляет возможность для отдельных, «законных» для оккупанта экспроприаций) нарушающему законы страны и «консенсус» и, как следствие, вполне подлежащему «высшему» суду — революции, судить победителей в которой может один только Бог в последний день.

Локкова «теория» вряд ли могла противостоять захватническим побуждениям нации, пережившей на протяжении последних сорока лет три войны с Англией, и это соображение, по-видимому, лежало в основе решения в срочном порядке произвести Вильгельма Оранского в короля Вильгельма III, превратив факт оккупации в факт провиденциального наследования короны⁸⁰.

Изучение идей и деятельности Бенджамина Уорсли — ключ к пониманию того, что делал Локк в 1690-х гг. на службе в акцизном ведомстве, а затем в Совете по торговле. Приведем краткое его жизнеописание, в котором можно обнаружить нити, связывающие идеи Уорсли с идеями Локка. Само включение Уорсли в контекст «Двух трактатов о правлении» дает основание и для предположений о датировке целого ряда локковских текстов, в частности — фрагментов «Двух трактатов о правлении».

80. В дополнение к идентичной с Гроциевой теорией собственности Локк оправдывает права собственности «трудовой теорией стоимости», под которой имеется в виду риторическая фигура — «труд поколений». См. об интерпретации Локком понятий и самого строя рассуждений «*De iure Grotium*»: *Olivecrona K. Appropriation in the State of Nature: Locke on the Origin of Property // Journal of the History of Ideas. 1974. Vol. 35. No. 2; Olivecrona K. Locke's Theory of Appropriation // The Philosophical Quarterly. 1974. Vol. 24. No. 96.*

Карьера Уорсли на государственной службе началась в 1640 г., когда он стал членом «дома Страффорда», лорда-наместника Ирландии, а затем занял пост генерал-хирурга английской армии в Дублине. После падения и казни Страффорда Уорсли не был изгнан, но остался в армии и продолжил службу, однако затем переехал в Лондон. В 1648–1649 гг. находился в Амстердаме, где пытался наладить сотрудничество с Рудольфом Глаубером, алхимиком и изобретателем плавающих печей новой конструкции, а также был приобщен Адамом Борелем и Иоганном Морианом к каббале, познакомился с Менассе бен Израэлем, трудами ремонстрантов Епископия и Арминия⁸¹.

Его служба в период Республики началась в 1650 г., когда он по протекции Самюэла Гартлиба (с которым познакомился в 1645 г.) стал секретарем недолго просуществовавшего республиканского Совета по торговле (1650–1651) и опубликовал анонимный и выражающий точку зрения государства памфлет «Адвокат» в защиту Акта о мореплавании 1651 г., в подготовке которого участвовал. В состав памфлета входил отчет Совета по торговле перед государственным советом, а предисловие было написано в столь агрессивно-миллениаристском духе, что это заставляет некоторых современных историков называть Акт о мореплавании примером «апокалиптической экономики». И все же это был всего лишь инструмент светской политики, направленной на избавление от торговой зависимости в ситуации недостаточно ясной «провиденциальной судьбы» нового режима⁸².

Нет ничего удивительного, что примером для подражания при этом для Уорсли служили Объединенные Провинции, а также республики Флоренция и Генуя. В то же время, поскольку Нидерланды являлись главным препятствием на пути торгового могущества Англии, у Бенджамина Уорсли формируется необычное для круга Гартлиба (с его идеалом протестантского единства) сочетание восхищения Голланди-

81. В сохранившемся каталоге его библиотеки можно увидеть также труды английских арминиян: Джона Козена, Ричарда Монтегю, Томаса Джексона, Генри Хаммонда, Уильяма Чаппела, Джорджа Сандиса, Джона Хейлса, Томаса Броуна. И одновременно — Джона Уилкинса, Эдварда Фоулера, Эдварда Стилинглита и Джона Тиллотсона. См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 47.

82. См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 75–77.

ей с английским патриотизмом, диктовавшим как единственный выход объявление войны и уничтожение голландской монополии на транспортировку товаров из английских колоний.

В то же самое время Уорсли при поддержке Гартлиба и Джона Дьюри (обратившихся с этими идеями к президенту государственного совета Джону Бадшоу, посланнику парламента в Гааге Уолтеру Стрикланду, а через него к сэру Генри Вейну) выступил за развитие самих колоний, прежде всего Виргинии, и изменение принципа их управления в сторону усиления роли метрополии и парламента и в ущерб влиянию крупных частных торговцев. По мысли Уорсли, не частные торговцы, а государство должно иметь решающий голос в осуществлении «государственного интереса»: государство — отец и мать народа, защищающие благополучие каждого отдельного гражданина⁸³.

В период существования Совета по торговле в него поступило предложение соратников Гартлиба Уильяма Поттера и сэра Чейни Калпепера об учреждении национального банка, земельного банка (к идее последнего Уорсли относился со скепсисом) и о введении кредитных инструментов, таких как государственные облигации. Фигурой, на которую опирались Уорсли и другие члены круга Гартлиба в период Республики, был сэр Генри Вейн, республиканец, толерационист и сторонник отделения церкви от государства. Судьба самого Совета по торговле, вынашивавшего планы тесного союза Англии и Нидерландов, была предрешена начавшейся в июле 1652 г. войной.

В период протектората, в октябре 1653 г., Уорсли был назначен генеральным инспектором по оценке природных и экономических ресурсов и землемерной, геодезической и топографической съемки в Ирландии, проводившейся по указанию Кромвеля. Изначально речь шла о перераспределении земли, конфискованной у ирландских мятежников, однако затем этот проект стал полигоном для аналогичной оценки других территорий, в том числе и колоний. Пост генерального инспектора Уорсли занимал до января 1658 г., хотя в процессе работы эта задача была «перехвачена» другим членом круга Гартлиба — Уильямом Петти (членом Лондонского королевского общества с 1660 г.).

В 1659 г., в борьбе против кромвелевского режима в Дублине в лице Генри Кромвеля (секретарем которого стал Петти),

83. Ibid. P. 155.

Уорсли встал на сторону республиканца сэра Генри Вейна. Несмотря на то что он фактически выступил против кромвелевского режима, в котором другие гартлибианцы видели надежду на воссоединение протестантов, а также несмотря на подозрения в подготовке мятежа (что привело к аресту Уорсли в 1661 г. вместе с квакерами, баптистами и членами секты «Пятая монархия» и заключению его в Ньюгейтскую тюрьму), в период Реставрации ему удалось вернуться в правительство благодаря связям с семьей Роберта Бойля. В 1660–1664 гг. Бойль служил, как и ряд других членов Лондонского королевского общества (таких, например, как Генри Ольденбург), комиссионером Совета по иностранным плантациям.

Важную роль в судьбе Уорсли сыграла сестра Бойля Екатерина Ранелз, с которой он начиная с 1640-х гг. и в течение всей жизни состоял в дружеских отношениях. Тетка Екатерины Дороти вышла замуж за Джона Дьюри, и Уорсли сблизился и с этой парой, и с более широким семейным кругом, в который входил старший брат Роберта Бойля Роджер, лорд Брогхилл, ставший графом Оррери в награду за свою роль в реставрации Стюартов. В близкий круг леди Ранелз издавна входили также неоплатоник Джон Садлер и его патрон лорд Брук. Этот круг Екатерины Ранелз оказал в начале 1650-х гг. влияние на молодого Роберта Бойля, только начинавшего свою карьеру экспериментатора.

Таким образом, несмотря на то, что Уорсли давно отошел от научного сообщества, он был поддержан ключевыми фигурами Лондонского королевского общества и будущим «кабальным» правительством (Шефтсбери, Арлингтоном, Бекингемом), которые пытались перенять опыт республики и протектората в области торговли с колониями и строительства империи. Большую роль сыграли и личные усилия Уорсли, которому удалось получить аудиенцию у короля и убедить его в «полезности» своего проекта выращивания «александрийского листа», санны, на Барбадосе, а не импортировать ее, как и целый ряд других товаров подобного рода, из Турции и других стран, главным образом — из Голландии, этого универсального склада, «магазина» всех товаров мира. По мысли Уорсли, такой «магазин» следовало устроить в Англии.

Уорсли настаивал также на необходимости развития в Вест-Индии, в частности на Ямайке, производства сахара, которым, в случае правильной организации дела, можно было бы обеспечить не только Англию, но всю Европу («сахарный проект» Уорсли пытался продвинуть через Бекингема).

Следует также заметить, что, находясь в Ирландии в 1652–1659 гг., Уорсли не прекращал занятий своей «сельскохозяйственной химией» и изучения полезных для роста и плодородия растений свойств селитры и поддерживал постоянную связь с Гартлибом и «философом-садовником» Джоном Билем (членом Лондонского королевского общества с 1663 г.), обсуждая проекты совершенствования земледелия.

В 1657 г. Уорсли написал свое самое известное натурфилософское сочинение «Физико-астрологическое послание» («Physico-Astrological Letter»), опубликованное анонимно в посмертном и подготовленном к печати Локком труде Бойля «Общая история воздуха» (1692). В этой работе Уорсли предлагал реформу астрологии. Исходя из убеждения о влиянии небесных тел на земные организмы, в частности на растения, он составил проект натуральной истории, основанной на наблюдении различных метеорологических и атмосферных явлений в соотношении с положением звезд на небе. По его замыслу, это позволило бы оценить влияние планет на погодные условия и вывести полезные для сельского хозяйства рецепты плодородия. В какой-то мере эти идеи получили выражение в произведении Бойля «Трактаты о космических качествах вещей» («Tracts about the Cosmical Qualities of Things», 1671).

В письме Бойлю в конце 1658 — начале 1659 г. Уорсли обрисовал также свое понимание реформы медицины, предложив тщательно изучать течение болезней и составлять их «истории», что напоминало подход, развитый позднее Томасом Сиденхемом. На взгляд Уорсли, главным вопросом является «причина смерти в каждом человеке». В самом конце жизни он заявлял, что бессмертие достижимо и человечество уже стоит на пороге этого открытия.

В постановке этого вопроса Уорсли следовал Джону Эварду («Some Gospel-Treasures Opened», 1653) и его идее достижения «богоподобия» (deiformity), или единства с Богом, а также Иоганну Генриху Альстеду, Коменскому и множеству других мыслителей, видевших задачу человечества в возрождении совершенства человеческих способностей: через «энциклопедическое образование» (пансофию) и внутреннюю работу духа, направленную на восстановление образа Божия в его первоначальном виде, через духовную рефлекссию, внутреннюю реформацию, духовную битву и победу над мраком внутри человеческого «Я», через восстановление духовного «центра». Победу над смертью можно одержать, но это предполагает глубокую внутреннюю работу, направленную на достижение «целебной воды вечного источника», энер-

гии, «сперматической жидкости, производимой природой для питания всех вещей. Освобождение человека от смерти вернет его в состояние до грехопадения, и реформация индивида может стать основой для реформации мира.

Во второй половине 1660-х гг. Уорсли стал советником по торговле у лорда Ашли Купера, герцога Бекингема и лорда Арлингтона. В 1668 г. — членом образованного в октябре Совета по торговле, а в 1670 г. — помощником Генри Слингсби (члена Лондонского королевского общества с 1663 г.), секретаря Совета по иностранным плантациям под председательством графа Сандвича (член Лондонского королевского общества с 1663 г.). После смерти в 1672 г. Сандвича, ставшего одной из первых жертв третьей англо-голландской войны, Совет по иностранным плантациям поглотил остановивший работу Совет по торговле и затем был преобразован в Совет по торговле и иностранным плантациям во главе с Шефтсбери, а Уорсли был повышен в должности до секретаря с жалованием в 500 фунтов в год. Его помощником стал Джон Локк.

Будучи диссентером, в 1673 г. Уорсли, как и герцог Йорк, отказался от присяги в соответствии с процедурой Акта о проверке и в сентябре подал в отставку, объяснив это расхождением во взглядах на пресуществление с англиканской церковью, после чего удалился в свое поместье и занимался алхимическими опытами, в конце концов заявив в письме Бойлю от 25 августа 1677 г.⁸⁴, что нашел «дух жизни», некое философское «зеленое масло». Кроме того, он был занят сочинением изданного в Лондоне труда «Третья часть чистой правды» («The third part of naked truth», 1681), в котором отстаивал идею отделения церкви от государства, обосновывая это государственными же интересами.

В этом трактате можно обнаружить примерно те же обвинения англиканского духовенства в расколе нации, что и в памфлете Шефтсбери «Письмо знатного лица своему другу в деревне» (1675). В своей критике политики репрессий как очевидном признаке «ложной церкви» Уорсли повторял Роджера Уильямса и предвосхищал идеи Локка, изложенные в полемике с Джонасом Простом в 1690-х гг. Как позже и Локк, Уорсли возлагал главную ответственность за исправление положения на «государя», который, по его мнению, должен поставить духовенство на подобающее место. Речь в его трактате идет не об угрозе «папства и произвольного правления»,

84. См.: *Leng T. Op. cit.* P.182–183. По предположению Томаса Ленга, Уорсли сделал Бойля наследником своих достижений в алхимических исследованиях, что, возможно, является нитью для поисков его архива.

но о необходимости соответствующих шагов со стороны высшей светской власти, а именно о возвращении к политике снисхождения и толерантности образца 1672 г. Как и Локк, Уорсли видит в католицизме воплощение «духа гонений», которым, по его мысли, оказался заражен и протестантизм, рискующий в результате стать «протестантским папством».

Умер Уорсли в 1677 г., оставив после себя огромную библиотеку. Поскольку у него не было наследников, неясно, кто стал хранителем его архива, который до сих пор не обнаружен. Известно лишь, что, помогая нуждающемуся Уорсли, Бойль купил за 250 фунтов долю в его библиотеке, поэтому после книжного аукциона, устроенного в 1678 г., по меньшей мере часть книг и рукописей могла отойти именно ему.

В декабре 1683 г. Бойль получил письмо от Бенджамина Ферли, главной темой которого была «книга г-на Уорсли», по-видимому, небольшой анонимный памфлет под названием «Опыт об улаживании разногласий между христианами», с предисловием, имевшим свое собственное название — «Призыв к христианскому единству» и помеченным датой 13 июля 1678 г. Впоследствии в книжных каталогах этот до сих пор не найденный памфлет приписывался Роберту Бойлю⁸⁵.

* * *

Какие еще соображения можно высказать в связи с этим по необходимости кратким обзором дискуссий о датировке «Двух трактатов о правлении»?

Например, можно сказать, что сами контексты не являются историческими константами и могут задаваться по-разному в зависимости от того или иного видения исторической ситуации. Так, Джонатан Скотт задает контекст «кризиса исключения», имея в виду временные рамки 1678–1683 гг., в то время как Питер Ласлет и Ричард Ашкрафт имеют в виду 1679–1681 гг. Чарлз Тарлтон расширяет временные рамки «исключения», говоря о сходстве контекстов конца 1670-х — начала 1680-х гг. и конца 1680-х гг. Ашкрафт, стремясь доказать радикализм «Двух трактатов», связывает его появление с заговорами и мятежами 1682–1685 гг.

Но главное все же в том, что ни одна датировка на сегодняшний момент не может считаться окончательной, по-

85. Ibid. P. 175–176.

сколько нет главного — рукописи «Двух трактатов о правлении» или каких-либо документов, указывающих на конкретное время написания этого труда.

Если привлекать к рассмотрению, в рамках обсуждения вопроса о датировке, другие работы Локка или работы, приписываемые Локку, то это приводит к расширению временных рамок написания «Двух трактатов о правлении», вынуждая переносить их на еще более ранние даты. Например, если, следуя Де Мезо и Коллинзу, включать в анализ «Письмо знатного лица», то это заставляет принимать во внимание период после 1675 г. и, соответственно, дает возможность видеть в «Двух трактатах» политический памфлет, а если считать релевантными «Основные законы Каролины», опять же следуя Де Мезо и Коллинзу, то на первый план выходит 1669 г., а «Два трактата» тогда можно рассматривать как теорию империи (такую трактовку пытается предложить, в частности, Дэвид Армитедж). Идеи П. Келли заставляют задуматься о связи главы V с событиями 1668 г. Рассмотрение Марком Голди «Двух трактатов о правлении» в контексте борьбы с «англиканским роялизмом» делает возможной еще более широкую трактовку, охватывающую весь период Реставрации (т.е. с 1660 по 1688 г.) и распространяющуюся далее на 90-е гг. и начало XVIII в.

Ни одна датировка не может считаться окончательно установленной, как не может считаться единственно верным и любой из подходов, предлагающих тот или иной контекст в качестве *главного*, поскольку все они основываются на косвенных данных, догадках и даже фантазиях. Каждый из подходов в этом смысле плодотворен, открывая простор творческому воображению историка. Последнее и оказывается решающим фактором в конкуренции различных концепций, что хорошо видно на примере популярности центрального труда Ашкрафта и ярких работ представителей «колониального» подхода (в частности, Антони Пагдена⁸⁶, Дункана Айвисона⁸⁷, Фарра, Армитеджа и

86. Pagden A. The Struggle for Legitimacy and the Image of the Empire in the Atlantic to c. 1700 // The Oxford History of the British Empire, Volume I: The Origins of Empire / Ed. by N. Canny. — Oxford: Oxford University Press, 1999.

87. Ivison D. Locke, Liberalism and Empire // The Philosophy of John Locke: New Perspectives / Ed. by P. Anstey. — London and N.Y.: Routledge, 2003.

Барбары Арнейл⁸⁸, а также их предшественника Джеймса Тулли⁸⁹).

По-видимому, оправданно было бы сделать следующий вывод: все предлагаемые историками контексты этого произведения одинаково правдоподобны (или одинаково неправдоподобны). В сознании самого автора эти контексты существовали не порознь, а в некоем смысловом единстве. И поэтому, конечно, можно говорить не о различных, хотя и связанных друг с другом контекстах, а о едином, но сложном контексте. Если при этом учесть способ, с помощью которого Локк писал свои «длинные» работы, постепенно накапливая материал и записывая возникавшие по ходу дела мысли, то можно сделать вывод и о датировке: подготовка к написанию «Двух трактатов о правлении» происходила в период Реставрации и завершившей его «славной революции» (т. е. в 1660–1689 гг.). Контекстом же служил весь период Реставрации и то, что ему предшествовало. А поскольку события в Англии не происходили в безвоздушном историческом пространстве, то, как настаивают сегодня многие историки, понять их невозможно *внеевропейского контекста*.

Вполне возможно, что текст «Первого трактата», как предполагал Ласлет, был написан в 1680 г. в сотрудничестве с Тиррелом, хотя мог быть написан и позже, например, в 1687 г., когда Локк, работая в библиотеке Бенджамина Ферли, имел доступ не только к «*Patriarcha non Monarcha*», но и к рукописи «Рассуждений о правлении» Сиднея. Пропавшая «средняя» часть могла быть написана в любое время после 1680 г., хотя нам и не известно достоверно, каким было ее содержание, из чего логически следует, что она могла быть написана и раньше. Иначе говоря, мы о ней ничего не знаем. Что касается «Второго трактата», то, не смотря на массу вставок (например, главы V «О собственно-

88. *Arneil B.* Trade, Plantations, and Property: John Locke and the Economic Defense of Colonialism // *Journal of the History of Ideas*. 1994. Vol. 55; *Arneil B.* The Wild Indian's Venison: Locke's Theory of Property and English Colonialism in America // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 1; *Arneil B.* John Locke and America: The Defence of English Colonialism.— Oxford: Clarendon Press, 1996.

89. *Tully J.* An Approach to Political Philosophy: Locke in Contexts.— Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

сти»), которые, возможно, принадлежали к разным периодам и поначалу находили свое место в записных книжках и других подсобных подготовительных материалах, к сожалению, не сохранившихся ни в архиве Локка, ни в других архивах, это произведение, хотя и может рассматриваться через призму различных не совпадающих друг с другом контекстов, могло быть написано, в смысле придания ему окончательной формы, в 1687–1689 гг. или в течение одного лишь 1689 г.

Если «Второй трактат» был написан именно в этот период, то черновики попросту могло и не быть: текст создавался с опорой на имевшиеся в распоряжении Локка работы Тиррела и Сиднея, на одном дыхании, а необходимый дополнительный материал черпался из многочисленных публиковавшихся в то время памфлетов и трактатов, а также из *универсального идейного контекста XVI–XVII вв.*, который можно было бы назвать также интеллектуальным или мыслительным контекстом, интеллектуальным «воздухом». Свою роль могли сыграть «разговоры с друзьями» в Нидерландах, «кружки», собиравшиеся интеллектуалами «*République des Lettres*», в работе которых Локк принимал активное участие в 1687 — начале 1689 г.

В любом случае, когда бы ни создавались эти части и фрагменты, произведение Локка, опубликованное в конце 1689 г., является одним из важнейших документов периода «славной революции» *по самому факту его публикации*. Локк опубликовал «Два трактата о правлении» в 1689 г., такова была его воля, и этот труд стал в силу своего появления именно в это время теоретическим оправданием «славной революции» и предупреждением Вильгельму III об опасностях авторитаризма и о необходимости сохранения согласия в обществе и доверия к власти. Опубликованный анонимно, он обращался равно к тори и вигам, к англиканской церкви и диссентерам и рассматривался автором как работа, направленная на «общее благо».

«Два трактата о правлении» не получили того непосредственного отклика, на который, вероятно, рассчитывал Локк. Настоящий интерес к этому произведению появился лишь в следующем, XVIII в., уже после смерти Локка и распространения, усилиями Жана Ле Клерка через «*République des Lettres*», информации о содержании кодицилла к заве-

щению, в котором и был назван настоящий автор. Разумеется, у всякого правила есть исключения. М. Голди принадлежат две статьи, в которых фиксируются первые отклики на «Два трактата о правлении»⁹⁰. Интересно, что оба отклика принадлежали людям, не сомневающимся в том, что автором «Двух трактатов» являлся именно Джон Локк.

90. См.: Goldie M. The Earliest Attack on Locke's "Two Treatises of Government" // The Locke Newsletter. 1999. No. 30; Goldie M. John Locke, Thomas Beconsall, and Filial Rebellion // Studies on Locke: Sources, Contemporaries, and Legacy: in honour of G. A. J. Rogers / Ed. by S. Hutton and P. Schuurman. — Dordrecht: Springer, 2008.

В преддверии «славной революции»

В АВГУСТЕ 1685 г. граф Пемброк писал Локку, что «не упускает ни одной возможности для опровержения всех ложных доносов королю» и, далее, «настолько убедил короля, что он заверил меня, что никогда не будет верить дурным о вас сообщениям; он просил написать вам, чтобы вы приезжали; я сказал ему, что тогда приведу вас поцеловать ему руку... Надеюсь, что вы не отнесетесь ко мне с недоверием, и уверен, что никто не станет сомневаться в слове короля»¹. Речь шла о короле Якове II, герцоге Йоркском, который занял трон после смерти своего брата Карла II, дав слово «поддерживать и защищать» английские законы и англиканскую церковь.

Казалось, что дорога в Англию открыта и можно безбоязненно вернуться. Однако Локк остался в Нидерландах. И только через три года произошли события, изменившие его решение, а именно вторжение в Англию голландской армии, бегство Якова II во Францию и возведение на английский трон статхаудера и принца Вильгельма Оранского и его супруги Марии.

Почему же Локк не возвращается в Англию после смерти Карла II, имея столь мощную поддержку в виде Томаса Герберта (восьмого графа Пемброка и пятого графа Монтгомери) — бывшего его ученика по Оксфорду, умеренного тори, лорда-наместника Уилтшира, члена (1685) и будущего президента (1689–1690) Лондонского королевского общества? Помимо этого, Пемброк был участником подавления восста-

1. The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 729.

ния Монмута, что дало ему возможность наладить отношения с новым королем. По просьбе Эдварда Кларка (в 1675 г. Кларк женился на родственнице Локка Марии Джепп) Пемброк поставил перед королем вопрос о помиловании Локка. Стремясь убедить Пемброка в том, что он всегда был далек от политики, а его интересы лежали совсем в другой области, Локк посылал графу наброски и части будущего трактата «Опыт о человеческом понимании». «Опыт» вышел в свет в 1689 г. с посвящением высокому покровителю и другу.

Вернуться Локка просили и близкие друзья, отмечавшие изменения в политической атмосфере Англии и настаивавшие на том, что его возвращение будет встречено с благосклонностью². Кроме Пемброка, влиятельной фигурой, на поддержку которой стоило рассчитывать, был Уильям Пенн, лидер квакеров, советник и фаворит короля, однако убедительных свидетельств его участия в судьбе Локка и его «помиловании» не существует³.

Письмо Пемброка Локку можно расценивать как предложение поддержать Якова II в обмен на прощение. Примерно об этом же писал Локку и Тиррел: «Мне хотелось бы, чтобы вы послали за заметками в красном сундуке, нашими совместными сочинениями; из них подготовили рассуждение о толерантности и гонениях, которое, уверяю вас, будет встречено с благодарностью всеми нынешними партиями, кроме одной, ибо я не знаю никого из всех партий, кроме ц[ерковной], кто был бы этим оскорблен»⁴.

Эти слова можно рассматривать и как намек на содержание «утраченной» средней или второй части «Двух трактатов о правлении», если считать, что само произведение первоначально называлось «Рассуждение о правлении» и содержало не две, а три части. Напомним: первая часть посвящена критике Роберта Филмера, работа которого «Патриарх» была опубликована по инициативе и при поддержке архиепископа Кентерберийского Санкрофта и защищала концепцию

2. См.: *Goldie M.* John Locke's Circle and James II // *The Historical Journal*. 1992. Vol. 35. No. 3. P. 568.

3. См.: *Milton P.* John Locke, William Penn, and the Question of Locke's Pardon // *Locke Studies*. 2008. No. 8.

4. *The Correspondence of John Locke*. Vol. 111 / Ed. by E. S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 92.

божественного происхождения и наследования и абсолютной и патриархальной власти короны. Вторая часть, следуя *логике авторского рассуждения*, должна была содержать критику концепций «нетерпимости» и «единообразия», принятых на вооружение национальной церковью. Третья часть посвящена обсуждению принципов *светского* правления.

* * *

Политика Якова II не была продолжением политики Карла II. В ее центре находились, во-первых, провозглашение королем Декларации о снисхождении, а во-вторых, фактическая отмена *королевской прерогативой* принятого в 1673 г. Акта о проверке. Отменялись также штрафы, полагавшиеся за нарушение англиканской церковной монополии.

При этом уже со второй половины 1686 г. Яков II начал продвигать на посты в армии и госаппарате католиков, которые получали от него «диспенсации» («освобождения») от присяги. В Англии лорд Беласайс был назначен первым лордом казначейства, лорд Арундель — лордом хранителем печати, в Тайный совет был введен иезуит отец Петри. Яков даже устроил публичный торжественный прием в честь папского нунция. К началу 1688 г. на три четверти были заменены все мировые судьи, все министры-тори, унаследованные от Карла II, и большинство лордов-наместников. Вместо них были назначены если не католики, то преданные Якову люди. В Ирландии под контролем католиков оказалась армия, они занимали там и большую часть административных постов.

После подавления восстаний Аргайла и Монмута, которые не нашли поддержки у населения, воодушевленного и успокоенного «словом короля», т. е. обещаниями, данными Яковом при восхождении на трон, о поддержке и защите английских законов и национальной церкви, в стране осталась постоянная армия. Эта армия не зависела от финансирования со стороны парламента, но при этом была увеличена более чем в два раза по сравнению с предшествующим периодом — до 19 тысяч, а к 1688 г. выросла до 40 тысяч человек. Яков сохранил в ней около ста офицеров-католиков, призванных на службу в чрезвычайной ситуации подавления мятежей 1685 г.

В дальнейшем, с введением особого *военного права*, армия практически выводилась из-под контроля парламента

и норм гражданского законодательства. Это давало повод к подозрениям. Все обсуждали действия армии Людовика XIV с целью подавления гугенотов, практику расквартирования армии Людовика XIV в домах французских протестантов (так называемые драгоннады), приводившую к разорению гугенотов, не говоря уже о произволе и унижениях, которым они при этом подвергались. Более того, постоянную армию воспринимали как своего рода способ правления, альтернативный парламентскому.

Выступая в палате общин в ноябре 1685 г. по вопросу о постоянной армии, тори-англиканин Томас Кларджес, входивший в парламенты периода «исключения», заявил, что, если память ему не изменяет, виги предсказывали, что папистский наследник пожелает создать «папистскую армию», и разъяснил, что его собственное неприятие билля об исключении основывалось в свое время на убеждении, что осуществление Акта о проверке делает невозможным проникновение «папистов» на какие-либо государственные посты⁵.

Вопрос о постоянной армии в мирное время носил отнюдь не отвлеченный характер на фоне других непривычных для английского общества действий власти. При Якове II повсюду в Англии началось возведение католических храмов. В них не хватало священников, поэтому Яков II распорядился открывать иезуитские школы и начал назначать своими мандатами деканов ведущих теологических колледжей, заменяя протестантов на католиков и везде нарушая существовавший в университетах порядок избрания или назначения руководства. В частности, на пост декана колледжа Крайст-Чёрч в 1686 г., после смерти Джона Фелла, пришел католик Джон Масси (после «славной революции» 1688 г. бежавший во Францию), на территории колледжа — оплота англиканской церкви — была построена католическая часовня. Магдален-колледж постепенно трансформировался в католическую семинарию.

В начале 1687 г. процесс зашел настолько далеко, что даже Исаак Ньютон вышел из состояния затворничества и, не закончив работу над «*Principia Mathematica*», публично вы-

5. См.: *Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720.* — London: Penguin Books, 2006. P. 97.

ступил против попытки назначения бенедиктинского монаха отца Олбана Франсиса главой кембриджского колледжа Сидней-Сассекс.

Действия Якова II сопровождались заверениями, которые должны были убедить общество в широте его взглядов. И действительно, если сравнить Декларацию о снисхождении, предложенную Яковом II в 1687 г., и Вильгельмов Акт о толерантности 1689 г. (устоявшееся в исторической науке название — «Акт о толерантности», хотя закон был скорее похож на все предшествующие акты о снисхождении⁶), можно увидеть, что Декларация 1687 г., в отличие от Акта 1689 г, не требовала разрешений на открытие нонконформистских часовен и молельных домов, не содержала осуждения антитринитариев и отменяла ограничения, наложенные на католиков.

По условиям же Акта о толерантности 1689 г., диссентеры-тринитарии, принесшие клятвы в лояльности и признании супрематии короны, а также получившие разрешения на свои собрания, *всего лишь освобождались от наказаний*, предусмотренных елизаветинским Актом 1593 г. и Актом о тайных собраниях 1670 г. Нонконформисты, признававшие 36 из 39 статей Книги общей молитвы, получали освобождение от наказаний, которые предусматривались Актом о единообразии и Актом о пяти милях. Баптистам разрешалось не соблюдать статью о крещении младенцев, квакерам же — не давать клятв, а вместо этого произносить заявления. Однако при этом католики, а также все, кто отрицал учение о Троице, были лишены провозглашенных свобод⁷.

6. На самом деле этот акт назывался «An Act for Exempting Their Majesties Protestant Subjects, Dissenting from the Church of England, from the Penalties of certain Laws», т. е. был «актом об освобождении от наказаний»: ни в названии, ни в самом тексте Акта нет даже самого слова «толерантность». Впрочем, как отмечает Н. Тияке, в протоколах заседаний палаты общин и палаты лордов 1689 г. проекты билля назывались «предложениями о толерантности», а в одном случае проходили под рубрикой «толерантность графа Ноттингема». См.: *Tyacke N. The Legalizing of Dissent, 1571–1719 // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 40–41.* В этом же издании приводится факсимиле отпечатанного типографским способом Акта о толерантности.

7. См.: *Watts M. R. The Dissenters: From the Reformation to the French Revolution. Vol. I. — Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 259–260.*

Таким образом, Декларация о снисхождении 1687 г. сама по себе, если отвлечься от целей, которые преследовал католический монарх, была более толерантной, чем Акт о толерантности, провозглашенный на пике «славной революции». Однако, как и во всех других случаях, когда мы имеем дело с политическими текстами, исторический ее смысл определялся контекстом. Декларация о снисхождении 1687 г. имела целью полностью прекратить действие Актов о проверке, принятых в правление Карла II, и это сразу же поставило под вопрос законность такого шага короля.

Для введения «всеобщей диспенсации» (вместо диспенсаций, удовлетворяющих индивидуальные прошения) имелся прецедент. В 1673 г. аналогичная декларация была издана Карлом II, однако после настоятельной просьбы палаты общин она была отозвана: король признал, что его власть отменять законы не распространяется на церковные вопросы. В 1687 г., предлагая с помощью «прерогативы» свою Декларацию, Яков II тем самым ломал традиционные границы между светскими и церковными вопросами.

Чтобы соблюсти законность, Якову II требовалось согласие парламента, поэтому в июле 1687 г. он объявил о роспуске старого парламента, не созывавшегося с ноября 1685 г., и приступил к подготовке новых выборов, намеченных на осень 1688 г. «Подготовка» вылилась в массовую замену тех, от кого зависело волеизъявление избирателей, на «своих» людей. С точки зрения англиканской церкви эти действия в недалекой перспективе имели целью рекатолизацию Англии, а провозглашение толерантности вело к расколу и ослаблению английского протестантизма. И партия тори, и англиканская церковь, естественно, были против инициатив Якова II, подрывавших фундаментальные принципы строительства *англиканского государства*.

С другой стороны, позиция церкви, защищавшей свой собственный статус и *status quo* государства, противоречила принципам отношения государства и церкви, которые ранее защищали и тори, и «твердые англикане». Король был главой англиканской церкви, среди основных доктрин которой значились несопротивление и «пассивное послушание»⁸. Со-

8. По словам Скиннера, эти доктрины восходили к концепции «*fiducia*» раннего английского лютеранства: «полностью пассивной веры в правед-

гласно этой концепции, тирании и деспотии нельзя сопротивляться, ее следует терпеть, понимая как наказание Божье. Вы можете, не поступая против закона Божия, отказываться выполнять распоряжения власти, но вы не можете, если вас за это наказывают, сопротивляться наказанию. Отсюда фундаментальный принцип английского законодательства: король — глава церкви — не может совершить ничего дурного или противоправного, будучи лицом святым и неприкосновенным.

В 1683 г. Оксфордский университет принял декрет, в котором подтверждал эту общую позицию. В разгар репрессий, последовавших за разоблачением Рай-Хаусского заговора, университет принимал активное участие в антивиговской кампании первой половины 1680-х гг., и «декрет» наверняка сыграл не последнюю роль в решении Локка на время уехать из страны. Декрет был составлен королевским профессором богословия и заместителем декана колледжа Крайст-Чёрч Уильямом Джейном после консультаций со специально созданным деканом Феллом советом, который рекомендовал осудить 27 «богопротивных и вредных» тезисов.

В декрете главными врагами власти и церкви были объявлены виги, диссентеры, гоббисты и паписты.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ДЕКРЕТ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПРИНЯТЫЕ НА ЕГО КОНВОКАЦИИ 21 ИЮЛЯ 1683 Г., ПРОТИВ НЕКОТОРЫХ ПАГУБНЫХ КНИГ И ПРЕДОСУДИТЕЛЬНЫХ ДОКТРИН, НАНОСЯЩИХ УЩЕРБ СВЯЩЕННЫМ ОСОБАМ ГОСУДАРЕЙ, ГОСУДАРСТВУ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

*

Почитая святую и единую Троицу, ради сохранения кафолической истины в церкви и дабы защитить Его Величество Короля от открытых и кровожадных врагов и от махинаций вероломных еретиков и схизматиков, мы, вице-канцлер, доктора, прокторы и главы колледжей, ридженты и неридженты, собрались в конвокацию, соответственно обычаю, вре-

ность Бога и следующей из этого возможности искупления и оправдания Его милостивой благодатью». См.: *Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Volume Two: The Age of Reformation.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 8.

мени и месту, в субботу 21 июля года 1683, чтобы обсудить некоторые пропозиции, содержащиеся в различных книгах и сочинениях, опубликованных на английском языке, а также на латыни, и несовместимые со Священным Писанием, постановлениями Соборов, сочинениями Отцов, с верой и исповеданием Первоначальной Церкви, а также наносящие ущерб королевскому правительству, угрожающие безопасности особы Его Величества, общественному спокойствию, законам природы и узам человеческого общества; по единодушному одобрению и согласию, мы определили и осудили по стилю и форме следующие [пропозиции]:

Пропозиция 1. Всякая светская власть возводится первоначально к народу.

2. Существует взаимный договор, молчаливый или явный, между государем и его подданными, и если он не выполняет своих обязательств, то они освобождаются от своих.

3. И если законные правители становятся тиранами или правят иначе, чем по законам Божиим и человеческим, не как должно, то теряют право на правление.

Lex, Rex. Бьюкенен, *de jure Regni, Vindiciae Contra Tyrannos.*

Bellarmino, De Conciliis, de Pontifice. Milton. Goodwin.

Baxter, H [oly] C [ommonwealth].

4. Суверенитет Англии — в трех сословиях, а именно Короля, Лордов и Общин. Король обладает равной им властью, и его решения могут быть отвергнуты двумя другими [сословиями].

Lex, Rex. Хантон, Об ограниченной и смешанной монархии.

Бакстер, Н.С., Политический катехизис.

*

9. Не существует обязательства, вынуждающего христиан к пассивному послушанию, когда государь приказывает что-либо, противное законам нашей страны; и первоначальные христиане избирали скорее смерть, чем сопротивление, потому что христианство еще не было установлено законами Империи.

Юлиан Отступник.

*

11. В состоянии природы нет различия между добром и злом, правдой и неправдой; состояние природы есть состояние войны, в котором всякий человек имеет право на всё.

Гоббс. *De Cive*, Левиафан.

*

26. Король Карл Первый был законно предан смерти, а его убийцы являлись благословенными инструментами Божьей Славы.

Мильтон. Гудвин. Оуэн.

27. Король Карл Первый вел войну со своим парламентом; и в таких случаях королю можно оказывать сопротивление, более того, он перестает быть королем.

Бакстер.

Мы выносим постановление, решаем и объявляем эти пропозиции, все вместе и каждую в отдельности, ложными, бунтарскими и нечестивыми; и большинство из них также еретическими и богохульными, бесчестящими христианскую религию и наносящими вред всякому правлению, церковному и государственному.

Мы далее постановляем, что книги, содержащие выше-названные пропозиции и нечестивые учения, направлены на подрыв благопристойного поведения, разложение умов доверчивых людей, возбуждение мятежей и беспорядков, свержение государств и королевств и приводят к восстанию, убийству государей и даже атеизму. И поэтому мы запрещаем всем членам университета читать названные книги под страхом наказаний согласно [университетским] статутам. Мы приказываем также публично сжечь вышеуказанные книги рукой нашего надзирателя во внутренних дворах колледжей»⁹.

После окончания Оксфордской конвокации рядом с Бодлеанской библиотекой был устроен костер, и в присутствии многочисленных зрителей, с удовлетворением воспринимавших происходящее, были сожжены следующие находившиеся в библиотеке книги: «Левиафан» Томаса Гоббса¹⁰, «О праве шотландцев на королевство» Джорджа Бьюкенена¹¹, «Святая

9. См.: The Stuart Constitution, 1603–1688. Documents and Commentary. Ed. by J. P. Kenyon. — Cambridge: Cambridge University Press, 1966. P. 471–474. Перевод приводится с сокращениями.

10. *Hobbes Th. Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Common Wealth, Ecclesiastical and Civil.* — London, 1651.

11. *Buchananus G. De jure regni apud Scotos dialogus.* — Edinburgi, 1579.

республика» Ричарда Бакстера¹², «Проповедь, прочитанная перед цареубийцами» Джона Оуэна¹³, «Трактат о монархии» Филиппа Хантона, «Защита народа Англии» Джона Мильтона¹⁴, «De Conciliis» и «De Romano Pontifice» Роберта Беллармина¹⁵, «Протестантский примиритель» Даниела Уитби¹⁶ и «Юлиан Отступник» Самюэла Джонсона¹⁷. «Взятые вместе, они охватывали сто лет активной оппозиции правлению Стюартов и представляли собой различные интеллектуальные течения — философские, религиозные и политические». Карлу эта акция пришлась по душе, и он просил канцлера Оксфордского университета Ормонда поблагодарить «ученое и всегда лояльное сообщество» за «столь ценное и своевременное проявление любви к нему лично и к правительству», при которых они, как заверил их канцлер Ормонд, «разумеется, обретут всяческую защиту и покровительство», которые заслужили¹⁸.

Во «Втором трактате о правлении» Локка содержались почти все «угрожающие безопасности пропозиции», а именно, что политическая власть имеет своим источником народ; что между государем и подданными заключен договор; что тираны утрачивают право на власть и что народ имеет право на сопротивление тирании и деспотии. При сравнении «декрета» и «Второго трактата» иногда возникает ощущение, что Локк писал свой текст, заглядывая в «декрет» и опровергая содержащиеся в нем тезисы.

12. *Baxter R.* A Holy Commonwealth. — London, 1659.

13. *Owen J.* A Sermon Preach'd to the Honourable House of Commons, in Parliament Assembled, on January 31th, 1648/49. — London, 1649.

14. *Milton J.* Defensio pro Populo Anglicano. — London, 1651.

15. Вероятно, части главного труда Беллармина: *Disputationes de controversiis Christianae fidei adversus hujus temporis haereticos*. Vol. I–III. — Ingolstadt, 1586–1593.

16. *Whitby D.* The Protestant Reconciler, Humbly Pleading for Condescension to Dissenting Brethren, in Things Indifferent and Unnecessary, for the Sake of Peace, And Shewing How Unreasonable it is to Make Such Things the Necessary Conditions of Communion. — London, 1683.

17. [*Johnson S.*] Julian the Apostate, Being a Short Account of His Life, the Sense of the Primitive Christians About His Succession and Their Behaviour Towards Him: Together With a Comparison of Popery and Paganism. — London, 1682.

18. *Beddard R.A.* Tory Oxford // *The History of the University of Oxford*. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 897.

Локк даже позволил себе посмеяться над концепцией «пассивного послушания», говоря, что, конечно же, «честные люди не могут противодействовать разбойникам или пиратам, поскольку это может вызвать беспорядок или кровопролитие». «Пещера Полифема дает нам прекрасный образец такого мира и такого правления, когда Улисс и его спутникам не оставалось ничего другого, как тихо и спокойно позволить себя пожрать. И, разумеется, Улисс, который был человеком благоразумным, восхвалял пассивное послушание, наставлял в безгласной покорности, разъясняя, сколь важен для человечества мир, и показывая, какие неудобства могут возникнуть, если они решат сопротивляться Полифему, который теперь над ними властвовал»¹⁹.

Но продолжим наше повествование о политике нового короля, Якова II, позиции англиканской церкви и о том, как последняя попала в ловушку, которую сама себе расставила.

В последние годы правления Карла II, в 1683–1685 гг., верх взяла доктрина неподотчетности короля — ни парламенту, который не собирался с марта 1681 г., ни тем более народу, к которому как к единственному легитимному источнику власти в период кризиса «исключения» апеллировали виги. Согласно некоторым лояльным королю и церкви теоретикам, все иные формы правления (в том числе аристократия и демократия) сами возникли лишь в результате узурпации первоначальной единоличной монаршей власти и поэтому не могли считаться равными последней.

Важную роль в теоретическом обосновании репрессий сыграли идеи Роберта Филмера, работа которого «Патриарх, или Природная власть королей», написанная еще до периода гражданских войн, в 1628 г., была опубликована в 1680 г., через много лет после смерти автора в 1653 г. Филмер не просто защищал теорию божественного права королей, но считал, что Бог при сотворении мира передал этот мир исключительно Адаму и *его наследникам*, а не всему человечеству в целом²⁰. Власть короля равна власти, которой располагал

19. Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 417.

20. Интересным и важным аспектом теории Роберта Филмера была также его, так сказать, «маскулинная» направленность, нашедшая отражение,

когда-то Адам как супруг, отец, собственник и царь, а монаршая власть равна отцовской и поэтому является абсолютной. Короли получают власть по праву наследства от Адама, а не через выборы и не потому, что их наделяет властью парламент или народ. История, считал Филмер, показывает, что в Средние века парламенты подчинялись короне. Монарх располагает абсолютной властью, поскольку является, подобно Адаму — праотцу человечества, — отцом нации, а подданные — это его дети, жизнью и имуществом которых он единолично распоряжается по праву, данному ему Богом.

Конечно, лоялисты не были наивными людьми. Характерной особенностью теорий абсолютного правления было то, что, как утверждалось, абсолютность (т. е. полнота, нераздельность и неподотчетность) власти короля не означает, что он может нарушать законы и действовать произвольно, следуя своим прихотям и капризам. В отличие от турецких или французских деспотов, заявляли сторонники абсолютизма, английский монарх правит, ограниченный законом. И поэтому некоторые теоретики даже считали неправильным говорить, что английская корона располагает абсолютной властью, хотя при этом и опровергали альтернативную теорию, по которой король со-равен двум палатам парламента, а также теорию о существовании некоей «древней конституции». Лоялисты доказывали, что парламенты — не изначальная форма правления, а более позднее, сред-

в частности, в названии его труда — «Патриарх». Помимо защиты божественной власти королей, это была и защита принципа наследования по мужской линии. Одним из пунктов критики Локком теории Филмера был именно этот момент, в частности, как писал Локк, своеобразная «половинная» трактовка пятой заповеди как «почитай отца своего», опускающая указание на «мать» («Почитай отца твоего и мать твою». Исх 20: 12; «Кто будет злословить отца своего или мать свою». Лев 20:9; «Бойтесь каждый матери своей и отца своего». Лев 19: 3; «Дети, повинуйтесь своим родителям». Еф 6: 1 и т. д.). В 1680 г. «Патриарх» мог читаться как критика возможных притязаний Марии на корону и отставание такого права за герцогом Йоркским. В 1689 г. критика «Патриарха», развернутая Локком, тоже могла быть воспринята как защита права все той же Марии на английский трон. Возможно, именно это он сам и имел в виду. А если вспомнить контекст 1628 г., когда Филмер писал своего «Патриарха», то всплывает история с женитьбой Карла I на католичке Генриетте-Марии, вызвавшая в обществе подозрения в прокатолической ориентации нового короля и опасности перехода власти к католической династии и реставрации «папства».

невековое изобретение, они создавались короной и первоначально были не более чем продолжением королевского совета²¹.

Важным способом различения абсолютной монархии, с одной стороны, и тирании с деспотией — с другой, служило также то, что, с точки зрения лоялистов, тиранию следует трактовать не как тип правления, но в терминах моральной правоты. Все виды политики, настаивали лоялисты, включая аристократию и демократию, могут стать деспотическими, и они становились таковыми, когда переставали преследовать цели, диктуемые общественным благом и моральным законом.

Итак, в трактатах и памфлетах абсолютистов последнего периода правления Карла II речь шла скорее о противопоставлении деспотического, абсолютного суверенитета — такого, каким располагает турецкий султан или французский король, — королевско-отцовскому суверенитету английского короля, при котором, как торжественно заявлялось, счастливо жили многие поколения английских подданных. По утверждению одного из теоретиков «англиканского роялизма» — Уильяма Шерлока, английская монархия не является абсолютной в смысле турецкого или французского абсолютизма, поскольку, *во-первых*, разделяет доктрину пассивного послушания, разрешающую не выполнять распоряжений, противоречащих законам Божиим и законам природы, распоряжений злых самих по себе, *malum in*

21. Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. — London: Penguin Books, 2005. P. 227–228. Кроме труда Филмера, в этот период появились лоялистские работы — такие, как «Christian Loyalty» (1679) Уильяма Фолкнера, «Plato's Demon» (1684) Томаса Годдарда, «Discourse of the Sovereign Power» (1682) Джорджа Хикса, «Excellency of Monarchical Government» (1686) Натаниела Джонстона, «Common Interest of King and People» (1678) Джона Налсона, «The Case of Resistance» (1684) Уильяма Шерлока, «Defence of Sir Robert Filmer» (1684) Эдмунда Бохуна. Доказательству того, что средневековые короли сами решали, кого назначать в парламент, были посвящены работы историка Роберта Бреди «Full and Clear Answer» (1681) и «Introduction to the Old English History» (1685). По словам М. Голди, все эти теоретические работы содержали одни и те же идеи, которые в дальнейшем тиражировались в многочисленных проповедях и памфлетах. См.: Goldie M. Restoration Political Thought // The Reigns of Charles II and James VII & II / Ed. by L. Glassey. — London: Macmillan Press, 1997. P. 19, 24.

se, а во-вторых, доктрину пассивного сопротивления, прямо разрешающую сопротивляться — но не королю, а министрам, если они служат своему господину, нарушая закон²².

Закон, заявляли абсолютисты, защищает страну и в том случае, когда существует опасность, исходящая от самого короля, — например, когда королем становится католик. В этом смысле в «исключении» католика из линии престолонаследия нет никакой нужды, поскольку противовесом потенциальной угрозе служит сила закона. Кроме того, доказывали лоялисты, произвольное, авторитарное правление невозможно без применения силы, а протестантский парламент никогда не предоставит папистскому правителю финансовых средств на содержание постоянной армии.

Итак, в теории король не мог нарушать законы. На это и рассчитывала англиканская церковь и партия тори. Но это была теория, а в реальности новый король Яков II стал серьезной угрозой для англиканской церкви, долго и терпеливо воссоздававшей конфессиональное государство после двух десятилетий «смуты» 1641–1660 гг. Церковь сама дала себя обмануть, хотя, быть может, у нее не было выхода: Якова привел к власти Карл — глава церкви, и церковь не могла не принять Йорка в качестве короля. Кроме того, были и обнадеживающие признаки, что он сохранит status quo. Йорк хорошо себя показал в должности вице-короля в Шотландии во время своей временной «ссылки» с ноября 1679 по февраль 1680 г., а затем с октября 1680 по март 1682 г., проявив стойкую ненависть к пресвитерианам и заключив союз с местными епископами. Это настолько впечатлило шотландских епископов, что они даже написали несколько посланий своим английским братьям, заверив их, что герцог Йоркский — добрый друг англиканской церкви.

Весной 1683 г., спустя год после своего триумфального возвращения в Лондон, Йорк посетил Оксфордский университет вместе со своей супругой и дочерью от первого брака Анной. Это был символический визит — в университет прибыл не просто брат короля, но наследник короны. Официальной целью визита было открытие Ашмоллеанского музея, одна-

22. *Sherlock W. The Case of Resistance of the Supreme Powers Stated and Resolved.* — London, 1690.

ко настоящая цель заключалась в том, чтобы продемонстрировать публике поддержку Йорком англиканской церкви. Во время обхода колледжей Йорк, дойдя до капеллы Эксетер-колледжа, сделал замечание, что престол расположен не по линии восток — запад, а по линии север — юг, что было воспринято окружающими его деканами и другими руководителями университета как забота о старом порядке, введенном при Карле I. Прошел еще год, и Йорк был введен Карлом II в состав Тайного совета и назначен главой адмиралтейства.

Однако теперь, через год после своей коронации в 1685 г., Яков II, обещавший защищать государство и церковь «в соответствии с принятыми законами», начал проводить политику, которая шла вразрез с фундаментальными принципами Реставрации. И вот по иронии судьбы англиканская церковь и ее политическое орудие — партия тори оказались уже в конце 1686 г. в оппозиции и готовы были встать на ту же платформу, которую ранее, в период, когда поднимался вопрос об «исключении», занимали виги. Именно эту позицию они всего несколько лет назад клеймили как изменническую.

Учитывая дальнейшее развитие событий, а именно «славную революцию» 1688 г., можно сказать, что Яков II оказался заложником политики Карла II, направленной на установление монополии «англиканского роялизма». Решить свою основную задачу — насаждения в стране католичества — Яков не мог, опираясь на англиканскую церковь, которая была настроена против возрождения «папизма» в любых его проявлениях. Королю требовалась поддержка более широких кругов английского общества, поэтому в стране совершенно неожиданно, после гонений последних четырех лет правления Карла II и первого года правления Якова II, развернулась масштабная кампания поддержки вигов и неконформистов, в том числе на выборах в местные органы власти и в парламент.

Позже, в преддверии «славной революции» 1688–1689 гг., непримиримые враги — тори и виги — оказались едины в желании сместить короля Якова. Более того, появились признаки сближения англиканской церкви и диссентеров, которым обещали более толерантный режим после устранения католической угрозы. Но в 1686 г. искушение было слишком велико. И когда корона предложила покровительство, многие виги и диссентеры согласились на сотрудничество. Появились и суперколлорационисты — из числа тори, не просто

искавшие покровительства, но порой даже переходившие из англиканства в католицизм. После «славной революции» многие из них вернулись в англиканскую церковь. В этом была своя логика. Многие виги после событий 1688–1689 гг. тоже предпочли как можно быстрее стереть из собственной памяти и памяти окружающих свой «коллорабационизм», обвинив в своем падении злонамеренных агентов короля, служивших «папству» и «рабству».

Среди коллаборационистов, впрочем, так и не оказалось Локка, который весьма негативно реагировал на любые попытки уговорить его вернуться в Англию и поддержать политику Якова II.

Как отмечает Голди, Локк не только осуждал манипуляции агентов короля на выборах в местные органы власти и в парламент, напоминая прежние манипуляции Карла II, но и предложил в двух местах «Второго трактата» (параграфах 216 и 222) аргументы, доказывавшие противоречие этой процедуры с волей «народа» и предупреждавшие об угрозе, которую она представляет для общественной безопасности. Эти два места, а также целый ряд других, в частности параграф 239, в котором Локк ссылается на «египетских надсмотрщиков», соотносимы с реалиями правления Якова II. Кроме того, если Локк что-то знал о готовящемся вторжении Вильгельма Оранского (а он, как и многие другие осведомленные люди того времени, был в курсе этого предприятия), его отказ сотрудничать с королем диктовался не только неприятием политики Якова II.

Среди коллаборационистов было много друзей Локка из числа вигов, вероятно не видевших другого выхода, кроме сотрудничества с короной. Многим это сотрудничество стоило дальнейшей карьеры. После революции началось преследование Уильяма Пенна, заподозренного в переходе в католицизм и заговоре с целью свержения власти и восстановления на троне Якова II. В заговор якобы входили, кроме Пенна, «неприсягнувший» епископ Френсис Тернер и дядя Марии II ультра-тори (и член Лондонского королевского общества с 1684 г.) второй граф Кларендон²³.

23. *Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War.* — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 48.

В случае Пенна дело было, разумеется, не в поддержке самого Якова II и не в переходе в католицизм, а в использовании возможностей, которые давала «Декларация о снисхождении». Уильям Пенн был сыном адмирала Уильяма Пенна, входил в парламентскую делегацию, эскортировавшую Карла II во время его возвращения в Англию в 1660 г.; он был также комиссионером английского флота и другом лорда-адмирала герцога Йоркского.

Благодаря своему происхождению и несмотря на исповедуемые взгляды, Уильям Пенн был «своим» человеком и для Карла II (отказавшись поддерживать вигов по вопросу об «исключении» после того, как получил от короля в марте 1681 г. патент на Пенсильванию), и для Якова II, поэтому смог убедить нового короля в лояльности диссентеров. В марте 1686 г. Яков II объявил о всеобщем помиловании, и примерно 1200 квакеров были освобождены из тюрем. Это было реальное достижение, стоившее потери репутации. Можно представить себе, что происходило в голове Пенна, когда он взвешивал на своих «внутренних» весах личную репутацию и жизнь и свободу брошенных в тюрьмы людей.

«Коллаборационисты» не замечали, или не хотели замечать, что «Декларация о снисхождении» Якова II — всего лишь часть общей политики насаждения католицизма. Локк видел это очень хорошо, как и то, что Якову II противостояла англиканская церковь. И еще он понимал, что публикация в этот момент совместного, его и Тиррела, трактата о толерантности была бы, разумеется, расценена как жест в защиту политики рекатолизации.

И хотя, по словам Голди, «не монархию, но церковь периода Реставрации Локк... обвинял в самой последовательной и догматической репрессивности»²⁴, тем не менее он не мог занимать позицию, которая была бы направлена *против* англиканской церкви. В современной историографии имеется не менее десятка гипотез об «истинных» религиозных взглядах Локка, однако ни одна из них не является достаточно обоснованной, чтобы отнести его к какой-либо

24. Goldie M. John Locke and Anglican Royalism // Political Studies. 1983. Vol. 31. No. 1. P. 62.

иной церкви, кроме англиканской: как и большинство современников, Локк был англиканином.

К англиканской церкви принадлежали и тори, и виги различных «направлений». И тори, и почти все виги были «роялистами», т. е. не сомневались в суверенитете короны и выражали свою ей приверженность (в ситуации конституционного кризиса 1688–1689 гг. это привело к появлению роялистов, лояльных либо одному Вильгельму, либо только Якову). Вигов к середине 1690-х гг. стало принято разделять на «вигов страны» («country whigs», которые настаивали на том, что парламент должен быть не департаментом милитаризованного государства, роль которого сводится к постоянному повышению налогов, но осуществлять контроль за деятельностью исполнительной власти) и «вигов двора» («court whigs», которые считали оправданными любые способы управления парламентом, в том числе через подкуп и убеждение, ради достижения целей исполнительной власти), а тори — на непримиримых (как правило, «не присягнувших» и склонных к яковитству) и умеренных, способных сотрудничать с новой властью, но тоже выступавших при этом с резкой ее критикой. Однако никто, кроме почти не сохранившихся республиканцев, не отрицал самого института монархии.

Понятие «англиканский роялизм», на котором настаивает Голди, следует скорее соотносить с особым феноменом «priestcraft», т. е. с политикой церкви, направленной на подчинение светской власти. В этой политике высшее духовенство опиралось на короля как главу церкви. Борьба, которую, по мнению Марка Голди, Локк вел с «англиканскими роялистами», происходила скорее *внутри* «англиканского роялизма» за то или иное его толкование и за тот или иной политический курс.

Толкований этих было множество, и они тоже не сводились к простым политическим дихотомиям, таким как «виги — тори». Можно, конечно, сказать, что Локк выступал против репрессивной политики, которую называл «папизмом». Но обвинения в «папизме» выдвигались не только вигами в отношении тори, их выдвигали и тори в отношении вигов. Долгое время некоторые историки вообще обсуждали вопрос, кем был Локк — вигом или тори? Если не считать позиции Ашкрафта, который относил Локка

к радикалам и республиканцам, и позиции Филипа Абрамса²⁵, который склонялся к трактовке политической позиции Локка как консерватора, близкого к тори, общее мнение сегодня заключается в том, что Локк был все же вигом. Но что это означает?

«Во время кризиса исключения виги выступали как борники антипапства, изображая себя защитниками английских законов, свобод и собственности и противниками замыслов убить короля, отменить конституцию, ввести папскую тиранию и вернуть земли средневековой церкви восстановленной католической иерархии. При этом пропагандисты-тори ловко использовали этот термин [«папизм»] в своих целях. Для тори угроза исходила от вигов. Это виги были замаскированными бунтовщиками, республиканцами и сектантами, в прошлом цареубийцами, а ныне разжигателями еще одной гражданской войны. <...> Они угрожали нации тиранией народного правления и возвратом к пуританской теократии»²⁶.

Важной частью пропаганды, за которой стояло высшее англиканское духовенство, было обвинение вигов в том, что их идеи производны от концепций римско-католической церкви; в войне памфлетов часто повторялся тот аргумент, что «паписты» и виги добиваются одного и того же, а именно лишения короны власти и передачи ее или папе, или «народу» (т.е. парламенту). Несмотря на попытки некоторых вигов опереться в обосновании своих идей на «древнюю конституцию» Англии, генеалогия их взглядов возводилась в оценках англиканского духовенства 1660–1680-х гг. к Сугресу и неотомистам, а в конечном счете к Аквинату.

В ходе собственного рассуждения, различая в «смысле» любого исторического текста причины его появления и собственно «содержание», которое может быть привязано к различным «традициям», современный историк Гордон Шошет замечает: «Локк в „Двух трактатах“ опирался на целый ряд „традиций“ рассуждения. В частности (но совсем

25. См.: *Abrams Ph.* Introduction // *Locke, J. Two Tracts on Government* / Ed. by Ph. Abrams. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

26. *Spurr J.* Shaftesbury and the Politics of Religion // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. — Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 144.

не обязательно исключительно), это были: доктрина природного закона, восходящая через Гроция и, в другом повороте, через Гукера, в конечном счете — к Аквинату (и, возможно, к Аристотелю); теория собственности, от Гроция и Пуфендорфа и, возможно, в негативном плане, если вообще об этом можно говорить, от Филмера, но также опираясь на схоластическую родословную, восходящую к св. Фоме; доктрина революции/распада, имеющая менее определенную историю... но, предположительно, включающая Джорджа Лоусона, Джорджа Бьюкенена, «*Vindiciae contra Tyrannos*» и — вновь — Фому Аквинского; и концепция политического обязательства как согласия/общественного договора, имеющая столь же разнообразных предков, через Гроция, Пуфендорфа, Гукера и *Vindiciae*, в глубине Средневековья»²⁷.

По замечанию К. Скиннера, тезис о том, что «любая легитимная политика должна происходить из акта согласия, была, разумеется, общим местом схоластики... последователей и Аквината, и Оккама»²⁸. Парадоксальным образом Локк, по оценке К. Скиннера, «повторяет ряд центральных положений иезуитских и доминиканских авторов. Он соглашается с их анализом *ius naturale*... с их трактовкой решающей роли *ius naturale* в любом легитимном политическом обществе, описывая его как „вечное правило для всех людей“ и настаивая на том, что все акты наших законодателей должны „сообразовываться“ с его требованиями»²⁹. Согласно Скиннеру, существует интеллектуальное единство неотомизма эпохи контрреформации, прежде всего идей Ф. Суареса, и основных посылок «Двух трактатов о правлении» Джона Локка.

Первое же знакомство с идеями контрреформации показывает их близкое родство как со средневековой схоласти-

27. Schochet G. J. Radical Politics and Ashcraft's Treatise on Locke // Journal of the History of Ideas. 1989. Vol. 50. No. 3. P. 509.

28. Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. Volume Two: The Age of Reformation. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 163.

29. Ibid. P. 174. Скиннер ссылается также на анализ этого вопроса Джоном Данном: Dunn J. The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the "Two Treatises of Government". — Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 87–95; 187–202.

кой, так и со многими идеями реформации, которые использовались католиками в аргументации, направленной, казалось бы, на прямо противоположные цели. Локк повторяет аргументы доминиканцев и иезуитов, и в то же время его «Два трактата о правлении» — «классический текст радикальной кальвинистской политики», в котором «мы находим тот же набор заключений», защищаемых в весьма значительной степени с помощью «того же набора аргументов»³⁰.

Вопрос о содержании понятия «виги» не очевиден, во всяком случае для 1680-х гг. Некоторые историки вообще подвергают сомнению сам факт существования вигов как партии в период до «славной революции» и даже в первые годы после того, как она произошла, усматривая в утверждении этого факта попытки последующих поколений политиков выстроить исторически безупречную родословную.

С учетом этого, что мы знаем о Локке? С конца 1660-х гг. он находился в орбите Шефтсбери, стал государственным служащим. Верно служил короне, пока не пал жертвой политических манипуляций. Несколько лет находился в эмиграции. После смены власти был восстановлен, а затем повышен в должности. Локк никогда не заседал в парламенте, не участвовал в партийной борьбе. В последнее время историки все чаще обращают внимание на то, что он был «вигом двора». Но и это понятие запутывает суть дела. Виги действительно пользовались в 1690-х гг. влиянием при дворе и в парламенте. Друг и родственник Локка Эдвард Кларк был вигом. Вигом был патрон Локка Джон Сомерс. В отличие от них, Локк не был политиком или партийным идеологом. Он был в лучшем случае экспертом или привлекался в качестве эксперта по экономическим вопросам как чиновник, имевший опыт работы в комиссиях и советах конца 1660-х — начала 1670-х гг. Кроме того, власти было выгодно иметь в своих рядах мыслителя, имевшего европейскую репутацию и обширные связи на континенте.

30. *Skinner Q.* Op. cit. P. 239.

Реформация Вильгельма: политика, церковь, война, деньги и Локк

В НАЧАЛЕ 1687 г. ранее разнонаправленные силы начали складываться в единый вектор. «Англиканы должны были решить, как действовать, стратегия выживания перестала служить оправданным выбором. Подобно этому диссентеры не могли далее высчитывать шансы, им необходимо было занять ту или иную сторону. А Вильгельм Оранский должен был решить, может ли он позволить Англии, Шотландии и Ирландии, входившие в наследство его жены, попасть под власть потенциально бесконечной династии католических монархов и вступить в прочный альянс с главным врагом Объединенных Провинций — Францией»¹. Несмотря на геополитическую очевидность, диктовавшую необходимость вторжения, принц Оранский колебался: перед его глазами еще стояла судьба восстаний Аргайла и Монмута, не нашедших поддержки в английском обществе.

Впрочем, время шло, и неуверенность начала казаться непозволительной роскошью. С точки зрения многих английских подданных (в том числе в высших эшелонах власти), в конце XVI и в XVII столетиях протестантизм начал отступление во всей Европе в результате успехов, достигнутых силами контрреформации в религиозных войнах и Тридцатилетней войне (1618–1648). «Последними оплотами протестантизма на северо-западе Европы были стюартовские королевства Англии и Шотландии, а также Объединенные Провинции, которые сталкивались в лице Франции с агрес-

1. *Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720.* — London: Penguin Books, 2006. P. 258.

сивным соседом, имевшим очевидные экспансионистские амбиции»². В апреле 1688 г. Вильгельм дал знать о своих намерениях сочувствовавшим англичанам, однако широкую известность его планы превентивной оккупации Англии получили только в сентябре 1688 г.

Непосредственным поводом к вторжению стал арест в конце сентября во французских портах всех голландских судов. Это подорвало торговые позиции крупнейших городов Нидерландов, и бюргеры наконец дали согласие на полномасштабное финансирование военной операции. Впрочем, подготовка к вторжению шла уже летом и не могла остаться незамеченной. Информация о концентрации военного флота поступила Якову II и Людовику XIV не позднее середины августа 1688 г. В отличие от Людовика, пригрозившего в случае вторжения объявить войну Нидерландам, Яков II поначалу отказывался верить в очевидное, видимо считая все это обычными политическими маневрами.

Пока Нидерланды готовились к вторжению, Яков II как будто нарочно делал все, чтобы окончательно подорвать свои позиции внутри страны. 27 апреля 1688 г. он вновь выступил с Декларацией о снисхождении, на этот раз добавив к ней приказ огласить декларацию в ближайшие два воскресенья в англиканских церквях. Духовенство отказалось зачитывать декларацию, а семь епископов (в их числе и архиепископ Кентерберийский) подали королю петицию с протестом. Яков пришел в ярость, заявив, что это «шаг к восстанию». Тем не менее по всей стране Декларация была прочитана не более чем в 200 церквях (из более чем 9 тысяч). Позицию епископов поддерживали умеренные диссентеры, прежде всего из числа пресвитериан, которые увидели в реакции короля атаку на протестантизм в целом и признаки возвращения к репрессиям эпохи Марии Тюдор.

В начале июня епископы оказались в Тауэре. На суде они были обвинены в заговоре с целью «ослабления королевского авторитета и королевской прерогативы, власти и правления», в составлении «под видом петиции» «пагубной и подрывной клеветы». Согласно обвинению, сам факт, что

2. *Harris T.* Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. — London: Penguin Books, 2005. P. 164.

они принесли королю петицию, означал ее опубликование. Мнения судей на процессе разделились, однако присяжные вынесли вердикт «невиновны», вызвав ликование собравшихся на прилегавших к суду улицам многочисленных лондонских жителей.

Это, разумеется, был вызов, однако все-таки не сопротивление и не прямое непослушание. И все же англиканская церковь оказалась в опасности. Решение следовало принять быстро. И оно было принято: если сопротивление королевской воле, по всем законам страны и церкви, невозможно, то остается одно — оккупация внешней силой. В день вынесения вердикта граф Девоншир (член Лондонского королевского общества с 1663 г.), граф Данби, епископ Комптон (лишившийся поста епископа Лондона), граф Шрусбери и лорд Ламлей (смещенные со своих постов в армии), Эдвард Рассел и Генри Сидней (представители флота) направили письмо голландскому статхаудеру принцу Вильгельму Оранскому с приглашением вмешаться во внутренние дела Англии.

Это обращение не носило какого-то официального характера и не может считаться настоящей причиной последующих событий, вызванных прежде всего стремлением Вильгельма восстановить баланс в Европе и защитить Голландскую Республику от притязаний Людовика XIV. Однако письмо стало дополнительным поводом и фактически предлагало в случае вторжения поддержку части английского истеблишмента.

5 ноября 1688 г. Вильгельм высадился на побережье Девона в составе армии, состоявшей из регулярных голландских войск, а также английских, шотландских, голландских и французских (гугенотских) добровольцев. И уже к концу года военная кампания, подкреплённая заговорами в армии и на флоте и предательством близких Якову людей — в частности, его фаворита Джона Черчилля и младшей дочери принцессы Анны с мужем, принцем Георгом Датским, а также нескольких пэров, — достигла успеха. Яков II бежал во Францию, последовали созыв конвента, принятие Декларации прав и возведение на «покинутый» и «неожиданно опустевший» трон королевской четы Вильгельма III и Марии II.

В первый же год после начала «славной революции» часть поддержавших ее политиков, исповедовавших радикальные республиканские взгляды (такие, например, как

Джон Уайлдман, Джон Хампден и Самюел Джонсон), испытали глубокое разочарование ее итогами, прежде всего потому, что, по их мнению, созданный в январе 1689 г. конвент не выполнил стоявших перед ним задач. Вместо того чтобы изменить саму систему правления, он в срочном порядке, диктуемом соображениями безопасности государства, преобразовал себя в обычный парламент, который и проголосовал за новых монархов. Вильгельм III, по мнению радикалов, предпочел практически тех же советников, какие были у Якова II, и обнаружил явную склонность к стилю правления своих предшественников.

По словам Уайлдмана, почти дословно повторившего фразу из еще не изданной книги Локка, если «отъезд короля» означает распад правления, то власть возвращается к «народу», который может создать новую систему правления «либо по старой модели, если ему так уж захочется, либо по любой другой, какая ему понравится и будет одобрена как наилучшая»³. Некоторые радикально настроенные политики в начале 1690 г. решили выйти из правительства и даже начали переговоры с лагерем Якова II.

Недовольные были и среди консерваторов, которые начали действовать точно так же — вступили в переговоры с Яковом II, оскорбленные голландским «уклоном» нового короля и его холодностью и презрительным отношением к новообретенным английским подданным.

На всем протяжении своего правления Вильгельму приходилось учитывать иногда еле тлевший, а иногда сильно разгоравшийся костер яковитских настроений. Кульминацией стал заговор начала 1696 г., который должен был предотвратить высадку Якова II и вторжение Людовика XIV в Англию. Агент Якова II бывший армейский офицер Джордж Барклай, которому поручили организацию мятежа, решил в нарушение инструкций дополнительно совершить убийство Вильгельма во время проезда его кареты по Ричмондскому парку, но был выдан одним из сообщников. Военная операция французов тоже не удалась, поскольку предупре-

3. [Wildman J.] Some Remarks upon Government, and Particularly upon the Establishment of the English Monarchy Relating to this Present Juncture. 1689. P. 27. Цит. по: Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. — London: Penguin Books, 2006. P. 317.

жденные англичане сосредоточили в месте высадки 12-тысячного отряда Людовика значительные силы флота. После провала заговора сотни английских якобитов были арестованы, а общественные настроения качнулись в сторону намеченной жертвы — Вильгельма III.

Избавление короля от смерти трактовалось как еще один пример чудесного промысла. Неудача заговора стала также одной из причин подписания полтора года спустя Рисвикского мирного договора с Францией и нанесла удар по якобитам, поскольку одним из пунктов договора стало обещание Людовика XIV не оказывать военной помощи врагам Вильгельма III.

Разочарование в Вильгельме можно было понять. В ходе кризиса 1688–1689 гг. оппозиционеры всех оттенков выступили на стороне принца Оранского и в самом начале его правления получили ключевые должности в правительстве. Пост госсекретаря получил граф Шрусбери. Деламер, Хампден и Мордонт были назначены в руководство казначейством, а Уайлдман стал главным почтмейстером. В Тайный совет вошел Уильям Харборд.

В современной историографии этот расклад сил по традиции рассматривают как противостояние вигов и тори, хотя эти группировки только начинали складываться в качестве партий. Однако надо же как-то описывать положение дел в политике после «славной революции»! Во всяком случае, пока не появились исследования, в которых были бы подробно описаны источники и объем финансирования партии вигов, которая в конце концов заняла доминирующие позиции в парламенте и правительстве. Но ясно, что на этот раз и речи не было о манипуляциях и финансовых вливаниях со стороны Людовика XIV.

И все же примем и будем использовать в дальнейшем изложении традиционные исторические категории «виги — тори», понимая их во многом условный характер и трудности с точным определением понятий. В самые первые годы после «славной революции» эти группировки несомненно существовали, но границы между ними оставались все же достаточно зыбкими и основывались на разногласиях, имевших место в прошлом. Новая политическая ситуация во многом, если не полностью, изменила характер непримиримого противостояния пропагандистов «исключения»

и сторонников концепции национального англиканского государства. Этой ситуацией была война с Францией.

Как пишет К. Роуз, «если виги смотрели на короля Вильгельма как на *своего* короля, то сам новый монарх не имел никакого желания быть королем вигов»⁴. Поскольку главной задачей Вильгельма был успех в войне с Францией, внутренняя политика строилась таким образом, чтобы обеспечить политическую стабильность. Вильгельму совершенно не хотелось отталкивать от себя тори, хотя он и знал об их симпатиях к Якову II. Виги же вызывали его подозрения тем, что выступали за ограничение королевских prerogatives. Так, например, пост второго госсекретаря получил умеренный тори Даниел Финч (граф Ноттингем). Новым лордом хранителем печати стал «триммер» Джордж Савиль — маркиз Галифакс (член Лондонского королевского общества с 1675 г.). В руководство казначейства был назначен лорд Годольфин. Все трое были в свое время выбраны Яковом II для переговоров с наступающим на Лондон принцем Оранским. Наконец, лордом-председателем Тайного совета стал Томас Осборн, только что получивший титул маркиза Кармартена, а ранее известный как граф Данби.

Важным элементом политики стабильности стал предложенный королем билль об освобождении от ответственности за прошлые преступления («о забвении»).

В январе 1690 г. король распустил парламент и назначил новые выборы, на которых, по мнению современников, верх взяли сторонники «церковной партии» (т.е. тори). В результате в отставку в апреле подал госсекретарь Шрусбери, в марте 1691 г. от своей должности был освобожден Джон Уайлдман. Состав правительства заметно изменился, пополненный умеренными тори.

Парадоксальным следствием этой политики стало появление в начале 1690-х гг. так называемых революционных яковитов, одним из первых представителей которых стал Роберт Фергюсон. Контакты с двором Якова II установили и такие в прошлом «пылкие» виги, как граф Монмут (т.е. Мордонт), поссорившийся с двором в конце 1693 г.,

4. Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 71.

а в 1697 г. посаженный в Тауэр по обвинению в заговоре, и Джон Уайлдман (впрочем, умерший уже в 1693 г.). В отличие от них Джон Хампден, потерявший место в парламенте в результате выборов 1690 г., не пошел по пути своих друзей, удалился от дел и, постепенно впад в полное отчаяние, в декабре 1696 г. перерезал себе горло. Это произошло в том же году, когда Локк принял приглашение лорда Сомерса войти в королевский Совет по торговле.

Вильгельм не стремился к подавлению вигов, как не был заинтересован и в возвышении тори. Многие виги были его сторонниками, получив наименование «вигов двора» (к коим по убеждениям и положению принадлежал и Локк). Среди них были канцлер казначейства Ричард Хампден (отец Джона Хампдена) и заместитель генерального атторнея, а в скором времени и генеральный атторней Джон Сомерс. Благодаря «вигам двора» и их прагматичной преданности короне партия вигов вновь получила шанс на власть в 1693 г. Сомерс внес в парламент билль о наказании всех, кто заявлял, что король и королева являются монархами всего лишь *de facto*. Предлагался также текст новой клятвы, включавший отречение от экс-короля.

Политика угождения всем партиям, которую проводили Вильгельм и вильгельмиты, в какой-то момент перестала служить своей главной цели — стабильности. Помимо набиравших силу «вигов двора», в конце концов взявших верх и получивших наименование «хунты» («*junto*»), важную роль начал играть Роберт Спенсер, граф Сандерленд, бывший госсекретарь при Якове II и архитектор политики сближения короля-католика с диссентерами. В свое время, чтобы понравиться королю Якову, он принял католицизм, однако после революции быстро перешел назад в англиканство, представив себя в качестве главного и тайного борца за дело протестантизма. Вернувшись из Нидерландов, куда он бежал после 1688 г., в 1690 г. Сандерленд вошел в доверие к Вильгельму. Именно Сандерленд, исповедовавший концепцию политической «целесообразности», посоветовал королю сделать ставку на молодое поколение вигов (т.е. на Сомерса). Напомним, что Сандерленд был членом Лондонского королевского общества с 1662 г.

В 1693 г. Вильгельм назначил Сомерса лордом-хранителем печати, а пост второго госсекретаря отдал Джону Трен-

чарду, в свое время стороннику герцога Монмута. В том же 1693 г., подстегнутый военными неудачами на суше (поражением при Ландене во Фландрии) и на море (захватом французами английского торгового флота, следовавшего в турецкий порт Смирну), Вильгельм сместил Ноттингема и назначил командующим флотом Эдварда Рассела. В марте 1694 г. на свой пост вернулся Шрусбери. Летом того же года таможенное и акцизное управления были обновлены назначением в них вигов. Руководство акцизного управления (особенно интересного тем, что в нем служил Локк), во главе которого встали Эдвард Кларк (с марта 1690 г. член парламента) и Фут Онслоу, осуществило масштабную чистку и привело это учреждение в соответствие с голландской моделью, согласно которой акцизы были главным налоговым инструментом. Наряду с адмиралтейством, военным министерством, казначейством и таможенной акцизное ведомство стало элементом новой военно-фискальной системы государственного управления.

Тори восприняли смену внутриполитической ориентации короля как нечто аналогичное событиям 1687–1688 гг.: король якобы вступил в сговор с диссентерами-фанатиками под руководством мошенника графа Сандерленда⁵. Однако при этом, в соответствии с принципом «целесообразности», в правительстве было сохранено большое число ставленников Кармартена (Данби). Новые выборы, проведенные в ноябре 1695 г., пополнили парламент оппозиционными «хунте» новыми вигами, заявлявшими о себе не как о сторонниках двора, а как о выразителях интересов всей «страны» («country whigs»). В глазах короля такое развитие событий ставило под сомнение способность «хунты» в полной мере управлять парламентом и правительством и обеспечить поступление денег на военные нужды.

Ситуацию на какое-то время спас яковитский заговор с целью убийства короля, раскрытый в феврале 1696 г., и обнаружившиеся планы французского вторжения. В новых обстоятельствах союз «вигов страны» с тори ради борьбы с «хунтой» выглядел малоаппетитно, и «новые виги» (в число которых входил лорд Ашли Купер, внук первого графа

5. *Rose C. Op. cit. P. 95.*

Шефтсбери), напуганные угрозой со стороны французов и яковитов, не решились продолжить кампанию дискредитации правительства. Впрочем, последовавший мирный договор с Францией 1697 г. вновь привел к расколу в лагере вигов и нарушил временный баланс сил.

После отставки выполнявшего важные посреднические функции Сандерлерда и ухода Шрусбери виги в лице лорда-канцлера Сомерса остались без дополнительной страховки в ведении дел с королем. Фатальную роль сыграл спор о постоянной армии, который разгорелся в парламенте в 1697–1699 гг. После Рисвикского мира война, как считалось, закончилась и необходимости в большой постоянной армии не было. Однако король, опасаясь новой войны с Францией, все же хотел сохранить не менее 35 тысяч солдат. При этом он не называл правительству желательной цифры, а парламент был настроен на сокращение постоянной армии до 10 тысяч человек. Свою роль в дискуссиях сыграли «новые виги», выступившие против «хунты» и Сомерса, в частности лорд Ашли Купер и англо-ирландец Роберт Молсорт (член Лондонского королевского общества с 1698 г.), считавшие постоянную армию угрозой для английских свобод. «Что, если они [военные] выйдут... и скажут: вы должны выбрать этих и этих людей вашими представителями? И где тогда будет ваш выбор?! — восклицал Джон Тренчард в памфлете, написанном в начале парламентской сессии 1697–1698 гг. — Что, если они скажут: парламенты — подрывные и раскольнические собрания и потому должны быть ликвидированы?!»

Друг лорда Ашли Джон Толанд писал в предисловии к вышедшему тогда же изданию мемуаров Эдмунда Ладлоу: «Люди могли бы извлечь из кромвелевской тирании тот урок, что свобода и постоянная наемная армия несовместимы»⁶. Под давлением и тори, и новых вигов, заявлявших о том, что «хунта» предала принципы свободы, встав на сторону тиранического двора, влияние «вигов двора» в парламенте постепенно ослабевало, и в декабре 1698 г. парламент проголосовал за сокращение постоянной армии до 7 тысяч человек.

6. Ibid.

Еще одной «неудачей» «вигов двора» стал принятый в апреле 1700 г. Акт о возвращении (восстановлении), направленный против передачи конфискованных в 1691 г. ирландских земель в руки голландских фаворитов короля. Английское общество не только помнило, что в последние пятьдесят лет Англия и Нидерланды вели три войны (1652–1654, 1665–1667, 1672–1674) и между ними имело место жестокое торговое соперничество. Многие англичане испытывали самую настоящую антиголландскую ксенофобию, порой доходившую до обвинений Нидерландов в том, что после разгрома французов они сами хотели бы установить «универсальную монархию» и низвести Англию и другие государства до положения наций-рабов.

Наконец, свою роль сыграло парламентское расследование финансовой деятельности правительства и двора. Принятые в свое время решения о финансировании войны с Францией — не ограничиваться взиманием налогов, а найти дополнительные источники финансирования в виде высоких акцизов, государственных облигаций Банка Англии и голландских кредитов — вызвали подозрения. Разве не привели эти решения к повышению финансовой мощи двора, а возможно, и к злоупотреблениям? Разве не ограничили они свободу в принятии решений теми, кто стал держателем выгодных ценных бумаг? — ставила вопросы новая оппозиция.

Для этой оппозиции появление новой элиты, состоявшей из держателей облигаций и занимавшейся извлечением прибыли из сотрудничества с государством, означало усиление ее влияния на исполнительную власть. В отличие от землевладельцев, заявляли оппозиционеры, новый класс не мог быть независимым и, следовательно, выполнял все требования власти, что грозило нарушить баланс сил внутри страны. В памфлетах на эту тему говорилось, что большинство «вигов двора» были «ником» до 1688 г.: люди, возникшие из неизвестности, «как грибы», недостойные типы, в одночасье превратившиеся в богачей, «негодяи, ставшие весьма состоятельными джентльменами», разъезжающими в богатых каретах и наживающимися на своей стране, а именно на системе государственного финансирования войны⁷.

7. См.: *Claydon T. William III and the Godly Revolution.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 219–220.

Известный памфлетист Чарлз Давенант нарисовал в своих произведениях выскочку, парвеню и карьериста Тома Дабла (условно говоря — Тома Двучлиного), олицетворявшего новую «прохунтовскую» элиту. Как и все его коллеги, Том Дабл возвысился за счет английских граждан: используя ситуацию после 1688 г., набил карманы при помощи манипуляций с национальным долгом и новыми налогами. В свое время, при Якове II, он был уволен за мошенничество, но все же пробился в высшее общество и теперь живет жизнью лорда. Том Двучличный одержим деньгами, его мысли заняты шлюхой, которую он содержит в загородном доме, и развратными вечеринками, устраиваемыми для привлечения на свою сторону аристократов⁸.

И Давенант, и Тренчард доказывали, что разложение королевского двора по традиции перешло от министров Карла II и Якова II к правительству «хунты», и предостерегали, что и во времена Карла морально распущенные министры, пользовавшиеся его благосклонностью, чуть не обрekli государство на папство и рабство⁹.

В апреле 1700 г. уставший от скандалов Вильгельм потребовал от Сомерса уйти в отставку с поста лорда-канцлера; в декабре назначил Годольфина первым лордом казначейства, а графа Рочестера лордом-наместником Ирландии. В том же месяце король распустил парламент и назначил новые выборы. Маятник качнулся в сторону тори, которые в апреле 1701 г. потребовали отставки Сомерса, Эдварда Рассела и Чарлза Монтегю. В сентябре 1701 г. стало ясно, что новая война с Францией неизбежна. Сандерленд, к которому король вновь обратился за советом, заявил о необходимости начать немедленные переговоры о возвращении в правительство Сомерса. В ноябре по требованию (!) Со-

8. См.: Ibid. P. 220, 222; [*Davenant Ch.*] The True Picture of a Modern Whig, Set Forth in a Dialogue Between Mr. Whiglove and Mr. Double, Two Under-Spur-Leathers to the Late Ministry, 1701; [*Davenant Ch.*] Tom Double return'd out of the country: or the True Picture of a Modern Whig Set Forth in a Second Dialogue Between Mr. Whiglove and Mr. Double, 1702.

9. [*Trenchard J.*] A Letter From the Author of the Argument Against a Standing Army. 1697. P. 14; [*Davenant Ch.*] An Essay on the Probable Methods of Making a People Gainers in the Ballance of Trade. 1699. P. 237. Приводится по: *Claydon T.* William III and the Godly Revolution. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 223–224.

мерса Вильгельм распустил парламент и назначил вторые за 1701 г. выборы.

Однако жить Вильгельму оставалось недолго, а с его смертью в 1702 г. закончилась и история «вигов двора», которые на протяжении всех 1690-х гг. проводили активную и прагматичную политику, оказывая влияние и даже давление на Вильгельма, фактически заставляя короля выполнять главные рекомендации «хунты».

* * *

Итак, суть происходивших во время «славной революции» и после нее событий заключалась вовсе не в противостоянии вигов и тори, не в борьбе партий. Главное заключалось в том, что Англия объявила войну Франции, а ставкой в этой войне была не только она сама и оккупировавшие ее Нидерланды, но и судьба европейской реформации. 1690-е гг. по праву называют реформацией Вильгельма. И поэтому, пытаясь понять политическую позицию Локка, необходимо учитывать именно этот общеевропейский контекст, а не разногласия бывших политических противников. Предваряя дальнейшее изложение, можно сказать, что Локк решительно поддерживал политику Вильгельма и в этом смысле был вильгельмитом. Однако он не был идеологом «славной революции» и 1690-х гг., на эту роль по праву должны претендовать другие люди. Главным идеологом «славной революции» была англиканская церковь, исчерпавшая свои возможности сдерживания католических монархов. Однако очень скоро события приняли оборот, которого церковь не предвидела.

В последний месяц своего правления Яков II, напуганный вторжением Вильгельма, отменил все не устраивавшие англиканскую церковь распоряжения и попытался вернуть ситуацию к status quo. Важным эпизодом «славной революции» стали беспорядки в Лондоне 11 декабря 1688 г., в день бегства Якова, когда толпы людей, явно имевшие четкий план действий, разгромили все католические храмы, даже принадлежавшие иностранным посольствам, а также дома католиков. Несколько дней спустя, 16 декабря, когда после первой неудачной попытки побега Яков вернулся в Лон-

дон, его встречали ликующие граждане, освободившиеся от «папства» и «рабства».

Возможно, тогда до Якова наконец дошло, что речь все время шла не о нем лично как короле, а о его религиозной принадлежности. 17 декабря на встрече с епископами он обещал соблюдать законы, сохранять церковные привилегии, англиканскую монополию, передать принцу Оранскому контроль над церковными вопросами и право объявления войны и мира. Однако время для соглашения с церковью было упущено, она не приняла примирительных шагов короля.

С другой стороны, церковь неверно оценила мотивы и намерения Вильгельма. Неудавшееся и трусливое первое бегство короля показало, что существует иной, более радикальный путь для осуществления целей статхаудера, и он устроил второе, на этот раз успешное, бегство короля во Францию, оставившее английский трон вакантным. Оккупация не предполагала узурпации власти, однако Яков фактически сам подсказал Вильгельму план дальнейших действий. Учитывая, что главным мотивом Вильгельма была защита Голландской Республики и родной Фландрии, принять решение о захвате власти было психологически нетрудно.

В Англии Вильгельма первоначально приветствовали как «освободителя», но не как будущего короля. В своей «Декларации», выпущенной в конце сентября 1688 г., статхаудер сообщал, что придет освободить короля Якова от «дурных советников», поддержать протестантскую религию и проследить за тем, чтобы в стране собрался «свободный» парламент. Важной частью «Декларации» было также объявление о намерении провести парламентское расследование обстоятельств рождения наследника — Якова Стюарта, принца Уэльского, и законности его права на трон. Все эти шаги не противоречили позиции англиканской церкви, а, возможно, были согласованы с ней через одного из авторов декларации — Гилберта Бернета.

Главной и единственной целью Вильгельма осенью 1688 г., когда произошло вторжение в Англию, было не свержение английского короля, а недопущение союза Англии с Францией. Даже в конце января 1689 г., когда ситуация окончательно прояснилась, конвент продолжал называть принца Оранского всего лишь «славным орудием

великого избавления этого королевства от папства и произвольной власти»¹⁰.

Впоследствии, спустя несколько лет, в качестве оправдания смещения Якова II и возведения на трон Вильгельма III англиканская церковь использовала аргумент «завоевания», приводившийся еще Гуго Гроцием: захватчик имеет законное право на трон, поскольку заслужил его победой в справедливой войне. «Справедливой» же война называлась потому, что Яков пытался лишить Вильгельма прав на наследование с помощью изменения системы правления и ребенка, выдаваемого за законного наследника. Таким образом, Вильгельм имел не просто *de facto*, но и *de jure* право на трон. Что же касается английских подданных, то они, согласно этой концепции «завоевания», никогда не участвовали в каких-либо акциях вооруженного сопротивления короне, запрещенных законом и церковью¹¹. Вторым важнейшим аргументом, оправдывавшим смещение Якова II, был тезис о божественном провидении: вторжение в Англию, узурпация власти и лично Вильгельм послужили орудиями Божьего промысла, позволившими англичанам избежать царства антихриста.

Однако в конце 1688 г., когда Яков, а еще ранее его супруга с младенцем бежали во Францию, церковь попала в трудную ситуацию. Не менее трудными оказались и дебаты в конвенте. Предложения о том, чтобы бежавший Яков все же продолжал считаться королем, а Вильгельм и Мария были назначены «гарантами» и «регентами», или чтобы королевой стала только Мария, но не Вильгельм, — все эти предложения были отвергнуты статхаудером. Принц пригрозил вернуться в Нидерланды, если ему не будет предоставлен трон, и оставить Англию на милость короля Якова и его защитника — короля Франции.

Этот ультиматум и заявление Марии, что она не претендует на первенство, привели к уникальному конституционному решению о совместном суверенитете двух монархов. Согласно этому решению, в случае смерти Марии Вильгельм продолжал править как король, однако любые дети от его сле-

10. См.: *Harris T.* Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy. — London: Penguin Books, 2007. P. 321.

11. См.: *Ibid.* P. 361–362.

дующего брака должны были идти в порядке наследования за принцессой Анной и ее отпрыском¹². Уже 13 февраля 1689 г. Вильгельм и Мария получили предложение конвента занять трон, приняв от обеих палат Декларацию прав, ставшую законом (Биллем о правах) в декабре 1689 г., в которой подтверждалась традиционная система отношений между короной и парламентом, нарушенная «оставившим трон» Яковом II.

Казалось, что восстановлены и отношения между короной и церковью. Однако это было не так. Церковь уже не могла осуществлять контроль над королем. В лучшем случае речь могла идти о влиянии на Вильгельма через Марию. Однако и это продолжалось недолго. Но самое главное заключалось в том, что все попытки церкви сохранить свое влияние через так называемых церковных вильгельмитов, идеологом которых стал Бернет, потерпели неудачу после принятия Акта о толерантности 1689 г. и — что очень важно — после *непринятия билля о «включении»*. Война с Францией стала частью общеевропейского геополитического контекста, а не внутренним делом Англии и ее национально-государственной церкви. Теперь не она определяла ход событий, а «протестантский интернационал». Церковь могла либо отказаться от участия в протестантском сопротив-

12. После неожиданной смерти Марии II в декабре 1694 г. наследницей престола стала Анна, за ней должен был следовать ее единственный сын Уильям, герцог Глостерский. Однако после смерти последнего от оспы в июле 1700 г. линия протестантского наследования в династии Стюартов вновь оказалась под угрозой, и в качестве альтернативы осталась София, вдовствующая курфюрстина Ганноверская, 70-летняя внучка короля Якова I. Насколько ненавистен к тому времени стал Яков II и его сын английскому истеблишменту, выяснилось после почти единогласно принятого в следующем году Акта о престолонаследии в пользу лютеранской Ганноверской династии. В достигнутом урегулировании, однако, нашло свое выражение и недовольство правлением Вильгельма: в будущем ни один монарх, не родившийся в Англии, не мог принять решение об объявлении войны ради защиты территорий, не принадлежащих короне, без согласия парламента. Иностранцы не могли также входить в Тайный совет и парламента, занимать иные должности при дворе и получать в дар королевские земли. Король не мог без разрешения парламента покидать пределы своего королевства. Эти «пункты должны были гарантировать, что никогда более английский государственный корабль не станет подчиняться командам иностранного кормчего» (*Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War.* — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 61).

лении, либо возглавить его. Последнее она и попыталась осуществить с помощью бывших латитюдинариев, а ныне «церковных вильгельмитов».

В 1689 г. парламент принял Акт о толерантности, а билль о «включении» даже прошел чтение в палате лордов. Однако затем палата общин, откликнувшись на предложение члена Тайного совета сэра Уильяма Харборда созвать конвокацию, обратилась к Вильгельму с петицией о передаче вопроса на рассмотрение синода. Петиция стала инструментом компромисса, согласно которому парламент принимал Акт о толерантности в обмен на непринятие билля о «включении» и отказ от планировавшейся частичной отмены законов о проверке на лояльность (Test Acts). Вильгельм пообещал передать вопрос о «включении» в церковную конвокацию.

В течение лета 1689 г. Тиллотсон и назначенная королем церковная комиссия, в которую вошли также Стиллингфлит, Патрик, Шарп, Киддер и Тенисон, работали над проектом изменения литургии и канона, уступок диссентерам и соответствующих поправок в Книге общей молитвы. Этот проект должен был стать основой для последующей отмены части законов о единообразии и о проверке на лояльность. Самым трудным вопросом была реординация, т. е. посвящение в духовный сан пресвитериан по англиканским правилам и англиканским епископом. Предлагался компромисс: сан пресвитерианина-иностранца признавался имеющим силу, но «несовершенным», и тот, кто стремился к продвижению по службе в англиканской церкви, должен был «усовершенствовать» его через рукоположение епископа. Что касается английских пресвитериан, то те из них, кто желал принадлежать к национальной церкви, должен был пройти обряд, в ходе которого епископ произносил следующую формулу: «если ты до сих пор не посвящен в духовный сан, то я тебя посвящаю». Предлагалось также разрешить принимать причастие, не становясь на колени (что, по мнению пуритан, означало следование папистскому культу поклонения телу Христову), разрешить епископам назначать по просьбе прихожан альтернативных церковнослужителей, а также сделать необязательным крестное знамение во время крещения¹³.

13. *Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War.* — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 167, 170.

Важнейшим событием, изменившим планы комиссии, казавшиеся «включения», стала ликвидация с согласия Вильгельма в июне 1689 г. англиканского епископата в Шотландии. Это радикализировало ту часть духовенства, которая видела в проекте «включения» попытку внести раскол в англиканскую церковь. Впрочем, не были от него в восторге и диссентеры. В самой идее «включения» содержались элементы и мягкого приглашения, и все того же принуждения, склонения к единообразию что, например, хорошо понимал Джон Хампден, «опасавшийся, что включение станет предлогом для сворачивания толерантности»¹⁴.

В октябре члены комиссии, выступавшие против принятия поправок, фактически сорвали ее работу, отказавшись посещать заседания, а на выборах в конвокацию претендовавший на пост пролокутора (спикера нижней палаты конвокации, т.е. представителей более широких слоев духовенства, не епископов) Тиллотсон был забаллотирован. В результате проект «включения» был отвергнут церковью и никогда более не ставился в повестку дня парламента.

Что касается короля Вильгельма, то он, по-видимому, не разделял идею «включения», выступая за толерантность, что могло стать одной из причин провала билля о «включении» сначала в парламенте в 1689 г., а затем в конвокации в начале 1690 г.¹⁵

За выборами в конвокацию (ноябрь 1689 — начало 1690 г.) и ее пророгацией (т.е. фактическим роспуском) в январе 1690 г. последовали всеобщие выборы в парламент (февраль — март 1690 г.), на которых виги были отодвинуты в сторону. Таким образом, то, что первоначально задумывалось как всего лишь дополнение к «включению» (Акт о толерантности), стало единственной и — для церкви — как бы «временной» мерой.

И действительно, как уже отмечалось, Акт о толерантности 1689 г. всего лишь приостанавливал действие тех пунктов законов о единообразии, которые касались наказаний и штрафов. Сами законы не отменялись, на своем месте оставалось

14. Ibid. P. 171.

15. См.: *Claydon T. William III and Godly Revolution.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 165.

и обвинение диссентеров в расколе государственной церкви. От диссентеров требовалось принесение клятвы в лояльности и признание супрематии короны, а также принятие англиканского исповедания веры — «Тридцати девяти статей», за исключением статей, касавшихся церковного устройства, и, в случае баптистов, статьи о крещении младенцев. Квакерам разрешалось не произносить клятву-присягу, которая специально для них заменялась декларацией о лояльности.

По сути дела, Акт о толерантности не нравился ни «конформистам», которые считали его слишком щедрым в отношении диссентеров, ни диссентерам, которые надеялись на большее. И все же, по оценке современных историков, принятие Акта о толерантности 1689 г. «ликвидировало если не привилегии, то юридическую монополию церкви. С этого времени Церковь Англии, оставаясь признанной, или государственной церковью, утратила всякое право считать себя истинно *национальной церковью*»¹⁶.

Эта оценка, в принципе верная, все же является некоторым преувеличением, особенно если вспомнить о принятом парламентом Акте о богохульстве 1698 г. («An Act for the more effectual suppressing of Blasphemy and Profaneness»), в котором для тех, кто отрицал Троицу, не признавал авторитет Священного Писания или истинность христианской религии, в первый раз предусматривалось наказание в виде увольнения со светской, военной или церковной службы, а во второй раз соответствующие высказывания карались потерей всех гражданских прав и заключением в тюрьму на три года. Этот закон был отменен только в 1813 г. Права диссентеров не были окончательно подтверждены и в период правления королевы Анны (1702–1714). Даже после 1720 г. диссентеры подвергались дискриминации. Акт о проверке и Акт о корпорациях были окончательно отменены лишь в 1828 г. Вплоть до 1870 г. диссентеры, хотя и могли учиться в Оксфорде и Кембридже, не имели права по окончании обучения получать дипломы этих университетов.

Что касается католиков, то в 1700 г. был принят Акт против папства, по которому католики, отсылавшие своих де-

16. Spurr J. Religion in Restoration England // The Reigns of Charles II and James VII & II / Ed. by L. Glassey. — London: Macmillan Press, 1977. P. 97.

тей на учебу за границу, подлежали штрафам. Католики не имели также права на приобретение поместий; в том случае, если они отказывались присягнуть Вильгельму III, их наследство доставалось не прямому наследнику-католику, а ближайшему протестантскому родственнику. Первый Акт об отмене ограничений против католиков, восстанавливавший право католиков на земельную собственность, был принят лишь в 1778 г. и даже тогда вызвал протесты, сопровождавшиеся убийствами, насилием, погромами, разрушением католических часовен, домов и школ. Во время беспорядков погибло 285 человек. Преследования католиков продолжались в течение всего XIX в., несмотря на принятие в 1791 г. второго Акта об отмене ограничений против католиков.

Лишь во второй половине XIX в. английские евреи получили полноту гражданских прав. В 1858 г. им было разрешено избираться в парламент, а в 1870 г. получать дипломы Оксфорда и Кембриджа.

Атеисты добились признания за ними этих прав еще позднее.

Так что должно было пройти еще очень много времени, прежде чем насилие, принуждение и гонения на «схизматиков» и «еретиков» стали рассматриваться как нечто дикое, варварское и несовместимое с христианством. И тем не менее, как отмечает Н.Тияке в отношении Акта о толерантности 1689 г., отвечая на его критику, «в реальном мире... Англии конца семнадцатого века это было поразительное достижение. Пресвитериане, индепенденты, баптисты и квакеры — все получили законное право на свободное вероисповедование. <...> Отвергая старую идею религиозного единства в пользу плюрализма, гарантируемого государством, Акт о толерантности в полном смысле слова заслуживает наименования революционного»¹⁷.

Поражение вильгельмитов в 1689–1690 гг. в какой-то момент обернулось невольной, но важной победой, одержанной благодаря не присягнувшим новой власти шести епископам и более чем четыремстам священнослужителям

17. *Tyacke N. The Legalizing of Dissent, 1571–1719 // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 7.*

(nonjurors) (все англиканское духовенство составляло на тот момент около 10 тысяч человек). Среди «неприсягнувших» был архиепископ Кентерберийский Уильям Санкрофт. Санкрофт был лидером церковной оппозиции Якову II в 1688 г., отказался осудить выпущенную накануне голландского вторжения, в октябре 1688 г., «Декларацию» принца Оранского, подписал манифест «временного правительства», который объявлял о готовности признать справедливыми меры принца Оранского, направленные на спасение нации от «неминуемой угрозы папства и рабства».

Более того, Санкрофт, по-видимому, поддерживал политику вильгельмитов. В июле 1688 г. он направил духовенству послание, в котором призывал к «Божьей любви» между всеми реформированными церквями, в том числе между англиканами и диссентерами, к «всеобщему благословенному союзу всех реформированных церквей как в нашем отечестве, так и за рубежом, против наших общих врагов». В письме говорилось также о предпочтительности единой церкви, а не всеобщей толерантности¹⁸.

Примечательно, что группа Бернета включала Стиллингфлита и Тиллотсона, в эпоху Карла II стоявших на эрастианских позициях, что позволило им впоследствии примириться с удивительным феноменом одновременной принадлежности английских монархов к различным деноминациям: находясь в Нидерландах, Вильгельм был членом голландской реформатской церкви; находясь в Шотландии — главой шотландской пресвитерианской церкви; в Англии же он был главой англиканской церкви. Первые представители династии Ганноверов на английском троне, оставаясь правителями Ганновера, были лютеранами в своих германских владениях.

В конце 1690-х гг., опасаясь полного контроля со стороны государства, церковь даже выступила с программой автономизации. Ведь, в конце концов, церковь — это «общество, образованное для достижения духовной цели, и как таковое должно обладать неотъемлемым правом на самоуправ-

18. *Sanicroft W.* The Articles Recommended by the Arch-Bishop of Canterbury to All the Bishops, 1688. P. 4. Цит. по: *Claydon T.* Europe and the Making of England, 1660–1760. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 318.

ление»¹⁹. В 1703 г. тори подняли вопрос о запрете неискреннего конформизма (*occasional conformism*, конформизма по случаю), практиковавшегося в том числе голландскими и французскими протестантами (т.е. кальвинистами), аргументируя это тем, что «чужаки» могут оказаться частью континентального заговора против англиканства. В ответ «виги двора» в лице лорда Хавершема и Бернета заявили, что это расколел протестантский фронт против международного папства, а также что соответствующий билль, запрещающий практику принятия причастия только раз в год для того, чтобы иметь возможность занимать ту или иную государственную должность, внесен теми, кто считает, что папская церковь Франции ближе англиканам, чем церковь реформированная.

В 1705 г. появилось предложение пригласить в Англию наследницу престола курфюрстину Софию Ганноверскую. Это был проект, восходивший к давним идеям объединения англиканской и лютеранской церквей, которые имели, по мнению авторов проекта, много общих черт, а если бы София стала патронессой этого слияния, епископальная церковь могла получить новые приходы в Германии. Переговоры с лютеранами в этот момент далеко не продвинулись, однако были продолжены в 1714 г. Уильямом Уэйком (с 1716 г. архиепископом Кентерберийским). В прошлом горячий почитатель Джона Фелла и поборник «пассивного сопротивления» политике Якова II, Уэйк пытался наладить переписку с духовником курфюрста Бранденбургского Даниэлем Яблонски (членом Лондонского королевского общества с 1713 г. и внуком Яна Амоса Коменского), дабы найти способ объединения английской и прусской церквей.

Впрочем, задача, которую ставил Уэйк, была шире и касалась не одних лютеран: с аналогичной целью он переписывался и с известным сорбоннским священником Луи дю Пенном, обсуждая с ним возможность выхода «галликанской» церкви из-под власти Рима и ее объединения с Церковью Англии. Речь шла и в случае лютеран, и в случае «галликан» об объединении церквей, имевших общую епископаль-

19. [Atterbury F.] A Letter to a Convocation Man, 1697. P. 18–19. Цит. по: Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 331.

ную структуру. Впрочем, переговоры ничем не закончились, а Уэйк навлек на себя подозрения во флирте с папством.

Но вернемся к Санкрофту. Поддержав вторжение Вильгельма в 1688 г., дальше этого архиепископ Кентерберийский не пошел, что выразилось в его демонстративном отсутствии на заседаниях конвента в начале следующего года, непризнании парламентской резолюции об «отречении» короля Яков II и в отказе принести клятву верности новым монархам — Вильгельму III и Марии II. Из «семи епископов», отказавшихся подчиниться Якову II в 1688 г., пятеро стали «неприсягнувшими» (*nonjurors*). Несмотря на это, Вильгельм, не желавший никаких конфликтов и надеявшийся на достижение компромисса с Санкрофтом и другими «неприсягнувшими», оставил вакантными «освободившиеся» церковные посты. Это продолжалось вплоть до конца 1690 г., когда выяснилась причастность к яковитскому заговору «неприсягнувшего» епископа Тернера (одного из «семи епископов», оказавших сопротивление Якову II).

Последовали жесткие меры. В апреле 1691 г., следуя совету Бернета и при поддержке Марии, Вильгельм назвал примасом англиканской церкви настоятеля собора св. Павла Джона Тиллотсона. При помощи последнего были заполнены и другие освободившиеся места, их заняли люди, близкие по взглядам Бернету и Тиллотсону: Джон Шарп (архиепископ Йоркский с 1691 г.), Саймон Патрик (епископ Чичестерский в 1689 г. и епископ Илийский с 1691 г.), Эдвард Стиллингфлит (епископ Вустерский с 1689 г., Эдвард Фоулер (епископ Глостерский с 1691 г.) и Томас Тенисон (епископ Линкольнский в 1691 г., преемник Тиллотсона на посту примаса с 1695 г. и самый влиятельный человек в церкви до 1701 г., когда на центральные роли выдвинулся Шарп). Кроме Фоулера, никто в этом списке не был вигом, к тому же все принадлежали к окружению графа Ноттингема. В центре же нового церковного ближнего круга была сама королева Мария II, за которой Вильгельм III, занятый войной с Францией, оставил решение церковных вопросов²⁰.

20. Известно, что Вильгельм получил строгое кальвинистское воспитание: его наставником был один из столпов голландского кальвинизма, сын знаменитого антиремонстранта Якобуса Тригланда — Корнелиус Триг-

Тиллотсона в ходе всей этой борьбы за церковную власть называли еретиком и схизматиком, отмечали его дружбу с торговцем тканями и лондонским филантропом унитарием Томасом Фирмином (членом Лондонского королевского общества с 1680 г.). Припоминали ему и пресвитерианское прошлое: в 1660 г. он входил в пресвитерианскую делегацию на так называемой Савойской конференции, которая предложила Карлу II принципы широкого англикано-пресвитерианского консенсуса, так и не принятые англиканской церковью. В какой-то мере Тиллотсон стал фигурой, позволявшей английской церкви выглядеть толерантной в глазах и короля, и «протестантского интернационала».

* * *

Что касается Вильгельма, то он добился своей главной цели — контроля над ключевым ресурсом в войне с Францией. Скорость, с которой это произошло, застала врасплох Людовика XIV, однако он попытался наверстать упущенное, поставив во главе передового отряда возмездия Якова II. Слабым местом была Ирландия, куда и прибыл в марте 1689 г. Яков в сопровождении французских военных советников. Еще через несколько недель французские корабли доставили вооружение и провиант для ирландской армии. 7 мая 1689 г. новый король Англии Вильгельм III объявил войну королю Франции.

Стратегия Якова заключалась в том, чтобы использовать Ирландию в качестве трамплина для дальнейшего захвата Шотландии, а затем и Англии. Однако в июне 1690 г. этим планам помешал Вильгельм, прибывший в Ольстер с подкреплением, состоявшим из голландцев, датчан и французских гугенотов и увеличившим численность армии до 37 тысяч человек. В битве при реке Бойн, к северу от Дублина,

ланд. Став королем Англии, Вильгельм, как и другие голландские политики, прибывшие вместе с ним в Лондон, иногда отпускал саркастические и пренебрежительные замечания в адрес англиканской церкви, что не осталось незамеченным. См.: *Israel J. I. William III and Toleration // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England* / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 131.

ирландцы и французы потерпели сокрушительное поражение, а сам Яков вновь бежал во Францию. В сентябре 1690 г. Людовик XIV вывел свои войска из Ирландии. Чуть позже военные действия в Ирландии возобновились, и вновь якобиты были разгромлены, а в начале октября 1690 г. капитулировали.

Добившись главной цели — использовать материальные и человеческие ресурсы Англии в войне с Францией, Вильгельм принял стратегическое решение сконцентрировать войска во Фландрии. Однако в июне — июле 1690 г. война все еще продолжалась на два фронта, и во Фландрии, и в Ирландии. Силы были рассеяны, и летом Вильгельм потерпел ряд поражений на континенте и в Ла-Манше. Неудачи преследовали союзников и в 1691–1692 гг., когда французы захватили крепости Монс и Намюр. После окончания ирландской кампании все силы были брошены во Фландрию.

Война требовала денег — к 1693 г. численность всей армии Вильгельма составляла более 90 тысяч человек, — и в декабре 1692 г. парламент проголосовал за выделение на нужды армии 4 миллионов фунтов. Однако добиться перелома не удалось и в 1693 г. Более того, в июле 1693 г. армия потерпела поражение при Ландене, а французы под командованием маршала Люксембурга захватили еще одну крепость — Шарлеруа. Неудачи преследовали и на море: в апреле 1693 г. было отбито нападение английского флота на Мартинику, а два месяца спустя французы захватили и частично потопили у берегов Португалии нагруженный до отказа торговый конвой, следовавший в сопровождении английских военных кораблей в турецкую Смирну.

Сомнения не оставляли правительство, и главным их выразителем стал государственный секретарь граф Ноттингем, предупредивший короля в конце 1693 г., что парламент не склонен голосовать за дальнейшее выделение денег на войну. Это привело к отставке госсекретаря и изменению ориентации — король заменил тори на вигов, которые обещали обеспечить поступление денег, что и произошло на сессии 1693–1694 гг., когда парламент проголосовал за увеличение военных расходов до 5 миллионов фунтов и дополнительное усиление военного контингента на 20 тысяч солдат. Вильгельм не столкнулся с денежными проблемами и в следующем году. Принятые меры по увеличению финансиро-

вания принесли результат — в сентябре 1695 г. удалось отвоевать Намюр, а в начале 1695 г. английский флот установил контроль над западной частью Средиземного моря.

Парламент продолжал выделять на войну огромные суммы, и в конце концов это привело к истощению английских ресурсов и поставило страну перед необходимостью найти новые способы извлечения доходов. Резко активизировалась деятельность правительства по сбору налогов и пошлин, а также акцизного ведомства, в руководстве которого состоял Локк.

* * *

Локк прибыл в Англию в феврале 1689 г. Его патронировали одновременно два высокопоставленных чиновника: президент Лондонского королевского общества, он же первый лорд адмиралтейства, а впоследствии лорд хранитель печати, лидер палаты лордов, лорд-адмирал, лорд-председатель Тайного совета, восьмой граф Пемброк (которому посвящен «Опыт о человеческом понимании») и член военной экспедиции Вильгельма Чарлз Мордонт, назначенный сразу же после революции на пост первого лорда казначейства, члена Тайного совета и получивший титул графа Монмута. Ходили слухи о возможном назначении Локка на пост военного секретаря (т.е., говоря современным языком, министра обороны). Но это был слух, связанный с назначением Пемброка в адмиралтейство, а речь, вероятно, могла идти лишь о том, чтобы Локк согласился на пост личного секретаря лорда-адмирала. Было или нет сделано такое предложение, мы не знаем. По возвращении в Англию Локк подал через Мордонта прошение об оплате его службы на посту секретаря Совета по торговле и плантациям, который он занимал еще при Карле II и лорде-канцлере Шефтсбери и за который не получил ни фартинга, а также о восстановлении его в колледже Крайст-Чёрч.

Локк так и не получил компенсации за прошлую службу, не имела успеха и его попытка вернуться в Оксфорд: в глазах оксфордских теологов он перестал быть «своим», являлся представителем враждебной оккупационной силы, пользовался влиянием при дворе и потому был опасен. Найти предлог, чтобы помешать его возвращению в колледж Крайст-Чёрч, не составило труда. Получить назначение с по-

мощью королевского мандата по какой-то причине не получилось. Более того, по-видимому, Локк сам в марте 1690 г. прекратил добиваться своего восстановления в колледже Крайст-Чёрч.

Согласно еще одной легенде, Локк якобы отказался от предложенных Вильгельмом, через Мордонта, должностей — посла в Бранденбурге при курфюрсте Фридрихе III, или в Вене при императоре Леопольде I, или даже «в любой другой стране» — на том основании, что не выносит необходимого в дипломатической работе алкоголя. И действительно, Локк старался не пить ничего, кроме чистой воды, которую специально фильтровал через подходящие, как он полагал, для этой цели пористые камни.

Вполне возможно, что все эти «предложения» скорее были отзвуком неудавшихся попыток Мордонта как-то пристроить Локка. В конце концов тот все же получил назначение, став членом комиссии по апелляциям при акцизном ведомстве и заняв должность, приносящую 200 фунтов в год. Следует помнить, что Локк прибыл в Англию по просьбе Мордонта, сопровождая супругу последнего леди Мордонт (а не будущую королеву Марию, как долгое время было принято считать), и поначалу был вхож именно в окружение лорда казначейства. Пылкий характер Мордонта (по характеристике королевы Марии, он был «безумцем», как и его жена, «которая им вертит»), однако, не позволил ему работать в одной команде с тори, и менее чем через год он лишился своего поста, а позднее был заподозрен, помимо всего прочего, в контактах с врагами государства яковитами и на какое-то время посажен в Тауэр. В дальнейшем его карьера наладилась, и он снова пошел в гору по военной линии.

Должность, которую получил Локк, не избавляла от необходимости устроиться попрочнее, ибо на родину он вернулся без гроша в кармане, да еще и накануне войны. В 1690 г. Локк согласился на предложение сэра Френсиса Машема, вига, члена парламента и мужа леди Дамарис Машем (Кедворт): сначала на то, чтобы «попробовать воздух» в их краях, а затем и вовсе переехать из Лондона, где он временно жил на квартире у своего друга Роберта Полинга²¹,

21. В конце 1670-х — начале 1680-х гг. Полинг был мэром города Оксфорда. На протяжении всего XVII в. город Оксфорд и Оксфордский универ-

в родовое поместье Машемов Хай-Лавер в Оутсе (графство Эссекс)²².

Плата за проживание в двух предоставленных ему комнатах была вполне терпимой, 20 шиллингов в неделю, а воздух гораздо лучше лондонского, что было немаловажно для астматика. В Оутсе Локк прожил до конца жизни, время от времени наезжая в Лондон по делам, но в основном занимаясь литературной работой — отвечая на критику собственных произведений, дополняя «Опыт о человеческом понимании» новыми главами, реанимируя старые наработки и сочиняя новые трактаты. В течение всего этого времени леди Дамарис Машем принимала активное участие в обсуждении идей Локка и его произведений²³. В Оутс Локк привез и свою библиотеку из двух тысяч томов, число которых к концу его жизни увеличилась вдвое.

Период пребывания в Оутсе — с 1691 г. и до самой смерти Локка в 1704 г. — стал одним из самым продуктивным в его жизни, сопоставимым с периодом его вынужденного затворничества в Голландии. Помимо обширных дополнений и исправлений, которые Локк внес в «Опыт о человеческом понимании», он написал и опубликовал за это время первое, второе и третье издания «Некоторых мыслей об образовании» (1693, 1695 и 1699), «Разумность христианства, как оно

ситет находились в состоянии вражды. В 1681 г. университет лишил Полинга права на торговлю со студентами, что практически привело к разорению мэра. Полинг подвергся этой репрессивной мере за то же, за что три года спустя был исключен из колледжа Крайст-Чёрч и Локк, т.е. за «виггизм», вылившийся, в частности, в публичное обвинение епископа Фелла в лицемерии.

22. Сэр Френсис Машем был внуком известного парламентария и кромвеллианца Уильяма Машема, в поместье которого Хай-Лавер в 1629 г. в качестве капеллана семьи Машемов служил Роджер Уильямс — в будущем знаменитый американский проповедник и толерационист, а также последователь Я.А. Коменского. О влиянии Коменского см.: *Irving S. Natural Science and the Origins of the British Empire*. — London: Pickering & Chatto, 2008. P. 57.

23. Подробнее см.: *Broad J. A Woman's Influence? John Locke and Damaris Masham on Moral Accountability // Journal of the History of Ideas*. 2006. Vol. 67. No. 3. В статье обсуждается также вопрос о возможном использовании Локком, через обсуждение соответствующих идей с леди Дамарис Машем, архива «кембриджского платоника» Ралфа Кедворта, по-видимому хранившегося в поместье Машемов. По мнению Жаклин Брод, эти идеи могли войти в главу «О потенции» («Of Power»).

возвещено в Писании» (1695, второе издание — 1696), первую и вторую «виндикации» (оправдания) «Разумности христианства» (1665 и 1697), три ответа Эдварду Стиллингфлиту (1697–1698). Второе издание «Опыта о человеческом понимании» в мае 1694 г. содержало новую главу «О тождестве и различии» («Of Identity and Diversity»); Локк внес серьезные изменения в главу «О потенции» («Of Power»)²⁴, четвертое издание 1700 г. содержало две новые главы: «Об энтузиазме» («Of Enthusiasm») и «Об ассоциации идей» («Of the Association of Ideas»). Кроме того, в этот же период развернулась его полемика с Джонасом Простом.

Подтверждением финансовой компетентности Локка, занявшего должность в акцизном ведомстве, стал опубликованный в 1692 г. (анонимно) памфлет «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения ценности денег»²⁵, переделанный из рукописи, оставшейся от времени его работы на Шефтсбери в конце 1660-х гг., а именно «Some of the Consequences that are like to Follow upon Lessening of Interest to Four Per Cent» (1668). И в рукописи 1668 г., и в памфлете 1692 г. Локк выступил, следуя Бенджамину Уорсли²⁶, против предложения управляющего Ост-Индской компании Джосайи Чайлда понизить ссудный процент с шести до четырех, считая, что такое снижение, особенно проведенное решением правительства и без учета положения на рынке денег, не приведет к оживлению торговли и отрицательно повлияет на рынок денежных заимствований.

В дальнейшем этот тезис послужил основанием для того, чтобы назвать памфлеты Локка о ссудных процентах про-

24. Перевод термина «power» на русский язык сталкивается с трудностями. «Power» включает в себя одновременно смыслы нескольких терминов, используемых в русском языке: «мощь», «мощность», «энергия», «сила», «способность», «власть». Переводить его, ограничиваясь одним смыслом, было бы неправильно. И поэтому мы предлагаем достаточно условный перевод с помощью неопределенного, вне рамок средневековой схоластики, термина.

25. Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest and Raising the Value of Money. In a Letter to a Member of Parliament. — London, 1692.

26. См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 156–157.

возвещением экономического либерализма. На деле же предложение «не вмешиваться» привело (особенно после образования Банка Англии) к концентрации денежного капитала в Лондоне, что стало не стимулом, а тормозом для экономической активности в стране в целом — в остальных крупных английских городах и в провинции. 18 февраля 1695 г. в письме Джону Фреке и Эдварду Кларку²⁷ Локк писал также об угрозе монополизации рынка лондонскими торговцами: «Я склонен думать, что наибольшая часть нашей торговли в самом ближайшем времени, посредством тайных комбинаций, попадет в руки узкой группы людей именно через эту монополию на деньги»²⁸.

С другой стороны, общий тезис, развивавшийся еще Бенджамином Уорсли в 1669 г. в полемике с Чайлдом и поддержанный тогда же Шефтсбери, содержал спасительное здоровое зерно. Согласно Уорсли, входящее в национальные интересы Англии всемерное развитие торговли должно осуществляться силами как частных лиц, так и государства, а решающую роль в этом должна играть торговля с колониями²⁹.

Собственно говоря, в этой идее не было ничего нового, их высказывал еще Томас Ман, а за ним Джосайя Чайлд. В памфлетах Локка точно так же чувствуется влияние трудов управляющего Ост-Индской компании Джосайи Чайлда («Краткие наблюдения касательно торговли и процентного дохода с рекомендацией снизить стоимость денег до 4 процентов» и «Новые рассуждения о торговле, где рекомендуются несколько весьма важных пунктов»³⁰), а также трактатов бывшего директора Ост-Индской компании Томаса Мана («Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс

27. Джон Фреке был барристером (т.е. адвокатом, имевшим право выступать в высших судах), кузеном Уильяма Пенна и человеком, впервые познакомившим Локка с Джоном Сомерсом (в 1689 г.).

28. *The Correspondence of John Locke*. Vol. V / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 271–272.

29. *Kelly P.H.* Introduction // *Locke on Money* / Ed. by P.H. Kelly. Vol. I. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 6–7.

30. *C[hild] J.* Brief Observations concerning Trade, and Interest of Money, wherein the Reduction of Money to 4 per centum is recommended. London, 1690; A New Discourse of Trade, Wherein is recommended several Weighty Points. — London, 1693.

нашей внешней торговли как принцип нашего богатства» и «Рассуждение о торговле с Ост-Индией, содержащее ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее»³¹).

Не новой была и идея о создании специального координирующего совета, состоящего не из торговцев, а из представителей самого государства. Такой совет обеспечивал бы правительство точной информацией о положении дел в колониях, о развитии торговли и снабжал власть эффективными рекомендациями. Никто лучше Бенджамина Уорсли, продолжателя дела Самюэла Гартлиба, не понимал значения информации и новых знаний. Локк стал проводником экономических идей своего наставника — теперь уже во второй половине 1690 г. Главная задача виделась правительству, на этот раз «вигам двора», в создании английской торговой империи, но теперь такой план не вызывал и не мог вызывать противодействия со стороны Нидерландов: эпоха англо-голландских войн и серьезных торгово-экономических противоречий осталась в прошлом.

Главным врагом и препятствием на пути создания империи была Франция. Совет по торговле, учрежденный королем Вильгельмом в мае 1696 г., должен был обеспечить поступление в казну новых ресурсов для продолжения войны. По просьбе Сомерса одним из восьми членов Совета король назначил Локка, положив ему жалованье в 1000 фунтов в год. Секретарем Совета стал Уильям Попль, одним из клерков — личный секретарь Локка Сильвестр Браунауэр. В 1698 г. Виргиния получила нового губернатора, рекомендованного Локком. Все это достаточно ясно показывает стремление Сомерса подчинить королевский Совет правительству «хунты». В 1698 г. Сомерс стал членом и президентом Лондонского королевского общества (1698–1703), сменив на этом посту Чарлза Монтегю (графа Галифакса) (1695–1698), а затем передал полномочия Исааку Ньютону (1703–1727).

В полном согласии с идеями Уорсли и Чайлда Локк проводил линию на ограничение, вплоть до полного запрета,

31. *Mun Th.* England's Treasure by Forraign Trade, Or, the Ballance of our Forraign Trade is the Rule of our treasure. — London, 1664; *T.M.* A Discourse of Trade: from England unto the East-Indies, answering to diverse objections which are ususally made against the same. — London, 1621.

самостоятельных торговых отношений Ирландии, Шотландии и английских колоний с иностранными державами. Одним из решений Совета по торговле стал запрет на экспорт Ирландией своих шерстяных товаров с тем, чтобы защитить английскую шерстяную промышленность. При этом предлагалось, чтобы взамен шерстяного производства Ирландия развивала льняное. В 1698 г. против этих решений выступил друг и корреспондент Локка Уильям Молинё (член Лондонского королевского общества с 1686 г.), обосновавший свою позицию ссылкой на «Два трактата о правлении» и его тезис о необходимости получать «согласие народа».

Автор «Двух трактатов о правлении» вдруг оказался на стороне тех, кто осуществлял экономическое подавление «гласа народа». В 1701 г. на стороне репрессивных сил оказался друг Локка лорд Белломонт, губернатор Нью-Йорка, отменивший указы о передаче ряда земельных участков в дар колонистам. Эти действия Белломонта вызвали протест; был выпущен памфлет, в котором опять же цитировались «Два трактата о правлении», где, как указывал автор памфлета, «сказано», что правительство должно защищать, а не нарушать право собственности. В памфлете специально отмечалось, что автор «Двух трактатов» — член Совета по торговле. Впоследствии аргументация со ссылкой на Локка использовалась во время войны за независимость американских колоний.

Следуя тезису Чайлда о том, что богатая страна — это страна с высокой численностью населения, Локк поддержал в 1697 г. решение о всеобщей натурализации иммигрантов, в том числе из Нидерландов³².

Помимо этого, одним из самых известных его предложений, озвученных в Совете по торговле, стал «Опыт о Законе о бедных» (1697), в котором Локк, следуя Чайлду, а также Самюэлу Гартлибу³³, рекомендовал создать широкую сеть работных домов. Правда, его предложение о том, чтобы в таких работных домах использовался труд малолет-

32. О взглядах Локка можно судить по рукописи 1693 г. «О всеобщей натурализации». См.: *Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 322–326.

33. *Turnbull G. H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius.* — Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 62.

них детей (начиная с трехлетнего возраста), Совет все же отклонил³⁴.

Летом 1694 г. по инициативе лондонских торговцев и одного из руководителей казначейства Чарлза Монтегю был учрежден государственный Банк Англии, акционером которого, как и многие другие чиновники, стал Локк. Целью создания Банка, скопированного с Банка Амстердама, было предоставление короне кредитов под твердый процент и на неопределенно долгий срок. Одним из следствий его создания стало повышение доверия к платежеспособности государства по краткосрочным кредитам благодаря банковским чекам, которыми корона расплачивалась с военными подрядчиками. Впрочем, уже через три года банк столкнулся с проблемами ликвидности, хотя и выполнил свою первоначальную задачу и привлек примерно одну седьмую часть средств, которые в тот момент были необходимы для ведения военных действий.

Еще одной проблемой, с которой столкнулась военная экономика, стал так называемый кризис перечековки. С начала 1690-х гг. английская валюта подвергалась систематической порче мошенниками, которые обрезами краев серебряных монет и затем продавали эти обрезки ювелирам или скупщикам. До какого-то момента это не бросалось в глаза, но по мере того, как все больше денег перевозилось во Фландрию, масштабы мошенничества росли, и вскоре, к 1695 г., когда некоторые серебряные монеты потеряли до 40–50% своего металлического содержания, доверие к наличности серьезно упало. На этом фоне упал и обменный курс фунта стерлингов. Требовалась перечековка испорченных монет.

В январе 1696 г., после года обсуждений, в которых по просьбе госсекретаря Уильяма Трамбулла (члена Лондонского королевского общества с 1692 г.) и Сомерса принимал участие и Локк, парламент принял решение об изъятии испорченных монет из обращения, их переплавке и новой чеканке королевским монетным двором без девальвации. Возобладала точка зрения Локка: альтернативные предложения включали девальвацию либо перечековку с одновре-

34. См.: *Locke J. An Essay on the Poor Law // Locke, J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 182–198.*

менной девальвацией, т.е. эмиссию монет с более низким содержанием серебра. В этом контексте — противостояния с секретарем казначейства Уильямом Лоундесом, причины которого остаются неясными, а возможно, и противостояния с комиссией под руководством Чарлза Монтегю — Локк опубликовал две новые работы: анонимный памфлет «Краткие наблюдения»³⁵ и вышедший с именем автора на обложке памфлет «Дальнейшие соображения»³⁶, оба в 1695 г., а также в 1696 г. второе исправленное издание «Некоторых соображений»³⁷.

В них Локк, собственно говоря, развивал аргументацию в поддержку точки зрения Вильгельма, которая была заранее сообщена Сомерсу, а в какой-то момент публично высказана королем и после этого оформлена в качестве решения парламента. Практические последствия оказались плачевными.

4 мая 1696 г. было установлено в качестве даты, когда подрезанные монеты последний раз принимались для уплаты налогов и сборов. Однако при этом новых монет в обращение не поступило, перестали ходить и старые неиспорченные монеты. В Банк Англии устремились вкладчики, которые требовали вернуть им деньги. Не способно было помочь и казначейство, оставшееся без наличности. В июле Банк Англии не смог исполнить требований кредиторов, доверие к английским кредитам сошло на нет, и в армейском казначействе во Фландрии не осталось ни пенни. Поправить положение, грозившее катастрофой, помогло нидерландское правительство, предоставившее Банку Англии крупный кредит.

В результате финансового кризиса, как и ряда последствий самой войны (в особенности ослабления или даже исчезновения целых направлений во внешней торговле,

35. Short Observations in a Printed Paper, Intituled, *For encouraging the Coining Silver Money in England, and after for keeping it here.* — London, 1695.

36. Further Considerations Concerning Raising the Value of Money. Wherein *Mr. Lowndes's* Arguments for it in his late Report concerning *An Essay for the Amendment of the Silver Coins*, are particularly Examined. — London, 1695.

37. См.: *Fay C. R.* Locke versus Lowndes // *Cambridge Historical Journal*. 1933. Vol. 4. No. 2; *Appleby J. O.* Locke, Liberalism and the Natural Law of Money // *Past & Present*. 1976. Vol. 71; *Kelly P.* General Introduction // *Locke on Money*. Vol. 1. — Oxford: Clarendon Press, 1991; *Kleer R. A.* «The Ruine of their Diana»: Lowndes, Locke, and the Bankers // *History of Political Economy*. 2004. Vol. 36. No. 3.

а внутри страны — падения доверия к правительству), встал вопрос о возможности продолжения военных действий. В начале 1697 г. начались переговоры с Францией, завершившиеся заключением в сентябре 1697 г. мирного договора в голландском городе Рисвик. Согласно договору, стороны отказывались от завоеванных в ходе войны территорий и возвращались к границам 1688 г. Для Англии самым важным был пункт, по которому Франция отказывалась поддерживать врагов короля Вильгельма, что означало фактическое признание Францией оккупации 1688 г.

В письмах Локка этого времени — призывы к возобновлению войны: он на стороне вигов, считавших Рисвикский мир предательством и попыткой умиротворения французского тирана. Письма пестрят такими фразами, как «европейские свободы», «протестантский интерес» и «баланс сил». Когда группа граждан из Кента обратилась к палате общин с петицией, в которой требовала прислушаться к «гласу народа» и возобновить войну, Сомерс опубликовал собственный памфлет в защиту петиции, процитировав то место в «Двух трактатах о правлении», где говорилось о праве народа выражать недовольство и протест. Как пишет М. Голди, «в совершенно особом полемическом сопряжении Локк был мгновенно объединен с великими публицистами Даниелем Дефо и Джонатаном Свифтом, общими усилиями защищавшими интересы... „народа“ в борьбе с упирающимся парламентом тори»³⁸.

В феврале 1701 г. французские войска, получив «приглашение» от испанского правительства, вошли во Фландрию. В июне парламент поддержал короля, предложившего восстановить военный союз с Объединенными Провинциями и Австрией «ради сохранения свобод Европы, процветания и мира Англии и ослабления непомерной мощи Франции»³⁹. В начале сентября, после провала мирных переговоров с Францией, союз был официально восстановлен в Гааге.

38. Goldie M. The Life of John Locke // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 32.

39. Rose C. England in the 1690s: Revolution, Religion and War. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 147.

Девять дней спустя умер король Яков II. В тот же день в нарушение Рисвикского договора Людовик XIV объявил его тринадцатилетнего сына королем Яковом III Английским и королем Яковом VII Шотландским. Это сделало неизбежной новую войну, которая началась в 1701 г.⁴⁰

Вильгельму требовалось найти очень веские причины, чтобы оправдать объявление войны страной, практически истощенной предыдущей девятилетней кампанией, которая так и не принесла ощутимых результатов: Рисвикский мир оставил за Людовиком большую часть его довоенных приобретений. В этот момент была использована концепция «баланса сил», появившаяся во внешнеполитическом дискурсе еще в середине 1690-х гг., когда стало понятно, что война с Францией быстро не закончится. Она заменила воинственную риторику начала 1690-х гг. насчет погрязшего в грехе Версаля и «великого турка». Декларация об объявлении войны, обнародованная королевой Анной в 1702 г., содержала характерные выражения: война нужна для сохранения свободы, европейского баланса и ослабления чрезмерной силы Франции.

Впрочем, бывшие вильгельмиты (такие, как Бернет или Фоулер) продолжали говорить о том, что это кара Божья Людовику, опьяневшему от крови праведников, и победа «протестантского интереса». И все же место «священной войны» занял «баланс сил» как высший моральный принцип, направленный на сдерживание греховных амбиций и заставляющий правителей держать свое слово.

В течение всего своего правления Вильгельм последовательно проводил политику сдерживания Франции, подчинив этой задаче всю внутреннюю политику, которая отличалась крайним прагматизмом. Английские политики отвечали ему тем же. Все это, разумеется, не могло способствовать его личной популярности, что в полной мере проявилось в марте 1702 г. после его смерти в результате не-

40. Война за испанское наследство закончилась лишь в 1713 г. В 1714 г. английский трон перешел к лютеранским курфюрстам Ганноверам (и оставался у них вплоть до смерти королевы Виктории в 1901 г.), а еще через год умер Людовик XIV. Подавление яковитского мятежа 1715 г. против Георга I и нестабильная ситуация в Париже привели к заключению англо-французского альянса, продолжавшегося с 1716 по 1731 г.

счастливого случая: перелом ключицы привел к воспалению легких, что стало для короля, всю жизнь страдавшего астмой, слишком тяжелым испытанием.

Смерть Вильгельма III вызвала бурную радость яковитов, породила новые надежды у тори, была встречена с почти повсеместным равнодушием в рядах вигов (скорбел только Сомерс) и не слишком оплакивалась обществом. После смерти Марии легитимность Вильгельма в качестве английского короля поддерживалась в общественном мнении исключительно его ролью в войне с Францией, а любые попытки голландцев закрепиться в Англии, получив в собственность земли и поместья, встречали враждебное отношение со стороны английского общества и отвергались парламентом. По сути дела, Англия, хотя и была оккупирована, все же не стала голландской территорией. Огромные денежные средства, полученные Вильгельмом III и потраченные на войну с Францией, в которой защищались интересы Нидерландов, спасли страну от оккупации Людовиком XIV. Какой могла стать французская оккупация, никто не знает, зато всем известно, что, смирившись с голландской оккупацией, Англия *de facto* сохранила свой суверенитет.

Локк и вильгельмиты

РАБОТА в Совете по торговле, как и в акцизном ведомстве, тяготила Локка, и если в первый год он присутствовал почти на всех его заседаниях, то в дальнейшем его можно было видеть на них все реже и реже, пока в конце концов он не обратился к королю с просьбой об отставке по состоянию здоровья. Каждый приезд в Лондон, где воздух был пропитан дымом и гарью, стоил Локку с его астмой очень дорого. Эффективных средств против изнуряющего кашля в то время еще не придумали, и в 1698 г. очередной приступ чуть не свел его в могилу: кашель был настолько сильным и продолжительным, что Локк не мог даже прилечь и несколько недель провел, сидя в постели.

Локк вышел из Совета по торговле в 1700 г., вскоре после отставки своего патрона Сомерса, однако в течение всего периода правления Вильгельма III начиная с 1689 г. он выступал в качестве последовательного защитника интересов короны. Более того, «Локк, остающийся для многих современных читателей тотемным теоретиком минимального государства и либертарианской враждебности к „большому правительству“, был активным конструктором появившегося на свет исполнительного и фискального аппарата. Примерно в 1698 г. Локк записал на полях своего экземпляра „Двух трактатов“, что аплодирует „мудрому и богоподобному“ государю, который руководит людьми и ресурсами государства, осуществляя „великое искусство управления“»¹.

1. Goldie M. The Life of John Locke // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London — N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 32. Голди ссылается на издание: *Locke J. Two Treatises of Government* / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 298.

Это относится и к тексту «Двух трактатов о правлении», который можно было бы назвать трактатом о принципах завоевания властью лояльности и доверия общества, даже в том случае, если эта власть является оккупационной. По мнению Ч. Тарлтона, главной целью, которую ставил Локк, публикуя в 1689 г. «Два трактата о правлении», было предупреждение Вильгельма III об опасности абсолютизма как политики, потенциально присущей системе «корона-в-парламенте». Что же хотел сказать своей работой Локк, обращаясь к королю? Тарлтон пишет: «С точки зрения Локка, главной причиной провалов в конституционных отношениях между королем и парламентом была невозддержанность королевской стороны»; в идеале система должна была бы работать так: парламент доносит до короля проблемы, стоящие перед страной, а король, проявляя ответственность, признает ошибки и исправляет их, делая это в атмосфере сотрудничества и уважения к ограничивающему его власть парламенту.

«Два трактата о правлении», с точки зрения Тарлтона, — это «книга о слабостях, присущих монархической системе, и об очень трудной задаче, состоящей в том, чтобы заставить эту систему работать. Это — трудная задача, требующая, чтобы монарх... проявлял экстраординарный самоконтроль, признавал самого себя „необходимым злом“ и избегал искушения злоупотреблять властью, которой он наделен, для получения еще большей власти»².

В своих выводах Тарлтон опирается, в частности, на заметку Локка под названием «Конституция древней Англии», которую Фокс-Борн датировал 1695 г. и в которой Локк говорил о необходимости извлечь урок из эпизода, когда Елизавета выразила благодарность своему парламенту, указавшему ей на ее ошибки³. Таким образом, «Два трактата о правлении» были своего рода инструкцией, как себя вести в ситуации, когда, как это представлял Локк, имело место нарушение «согласия» (consent) или утрата «доверия» (trust) между короной и «народом».

2. *Tarlton C. D.* "The Rulers now on Earth": Locke's "Two Treatises" and the Revolution of 1688 // *The Historical Journal*. 1985. Vol. 28. No. 2. P. 296.

3. См.: *Fox Bourne H. R.* *The Life of John Locke*. Vol. II. — London: Henry S. King & Co, 1876. P. 318–319.

Важно ли для Локка, кто именно тот «законодатель» или «правитель», о котором он пишет? По-видимому, нет, как ранее это было неважно и для Гоббса. Локк обращается (если на время отвлечься от «Предисловия», а взять сам текст «Двух трактатов») не лично к Вильгельму III, а к «короне», т. е. к институту монархии, а может быть, даже и к власти вообще (магистрату), стремясь донести до ее представителей, как именно они должны себя вести, чтобы обеспечить мир и покой в государстве. «Два трактата о правлении» — это труд о принципах эффективного функционирования конституционной монархии независимо от того, какая династия при этом находится у власти, и — что очень важно — независимо от того, какого она вероисповедания. По своему содержанию это не медицинские и психологические советы наподобие тех, какие давал Локк родителям в «Некоторых мыслях об образовании», и не проекты конституционных статутов, а рассуждение о принципах светского, *постконфессионального* государства. При этом в труде Локка имеются прямые отсылки на правление Вильгельма и Марии, а также попытки оправдать оккупацию и узурпацию власти необходимостью сохранения разумной системы правления и недопущения анархии.

Точка зрения Тарлтона подтверждается документом, обнаруженным в 1982 г. и посвященным «славной революции» и достигнутому в ее ходе урегулированию. Одиннадцать страниц, написанных рукой Локка, оставались в руках семьи Кларков вплоть до 1922 г., пока не были проданы на аукционе «Сотбис». По сообщению Ласлета, рукопись видели в 1940-х гг., однако вновь она была выставлена на продажу под названием «Призыв к единству нации» лишь в начале 1980-х гг. и приобретена Бодлеанской библиотекой. Из документа следует, что он был написан примерно через год после (как пишет Локк) «спасения» Англии Вильгельмом. Публикаторы Джеймс Фарр и Клейтон Робертс датируют рукопись апрелем 1690 г.

На этот момент Вильгельм III уже год как был королем. Европа была охвачена войной. Достигнутое урегулирование казалось непрочным, английское общество продолжало обсуждать вопрос о легитимности нового короля. Страна пребывала в состоянии «слабости, разброда и деморализации». Английские солдаты, воевавшие в Ирландии, погибали

от голода, а французские корабли с оружием и довольствием регулярно и беспрепятственно прибывали в Шеннон, куда еще в марте 1689 г. высадился Яков II.

В своей рукописи Локк, выражая крайнюю озабоченность происходящим, видит главную проблему в расколе английского общества. Вопреки условному названию, придуманному нашими современниками, текст не содержит призыва к единству. Локк призывает к публичному отречению от Якова II и признанию Вильгельма III законным королем. В 1690 г. на рассмотрение парламента были предложены билли об отречении (от Якова) и о полном признании (Вильгельма и Марии), однако, как ни парадоксально, они не были приняты из-за сопротивления короля, который считал их раскалывающими страну. В мае 1690 г. Вильгельм III направил в обе палаты королевский Акт о милости, который был немедленно принят парламентом.

По замечанию Фарра и Робертса, в рукописи Локка «нет ничего демократического или республиканского. Нет обоснования радикальных идей о сопротивлении, распаде или восстановлении государства народом. <...> Мы не слышим призыва к толерантности. Более того, отсутствуют некоторые характерные для Локка идеи. Нет ссылок на „первоначальный договор“, „состояние природы“. Не находим мы и упоминаний о законе природы или природном праве. Молчание царит и по поводу теории собственности». Публикаторы задаются вопросом, а был ли Локк вигом, поскольку взгляды, нашедшие выражение в рукописи, выдают в нем скорее «вильгельмита»⁴.

Смысл рукописи Локка — в призыве к восстановлению баланса, согласия, которого можно достичь, поставив оппозицию перед необходимостью подтверждения своей политической лояльности. Характеризует ли это его как сторонника Вильгельма? Вопрос о том, был ли Локк виль-

4. *Farr J. and Roberts C. John Locke on the Glorious Revolution: A Rediscovered Document // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. No. 2. P. 391, 389.* В приложении к статье публикуется и сама рукопись, обозначенная в каталоге Бодлеанской библиотеки как MS Locke c. 18. В сборнике политических работ Локка под редакцией М. Голди документ публикуется под названием «О лояльности к революции» (*Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 306–312*).

гельмитом, имеет принципиальное значение для понимания «Двух трактатов о правлении». С одной стороны, Локк в своем предисловии фактически присягает в верности «избавителю», и вся дальнейшая деятельность Локка, прибывшего в Англию на пике «славной революции» в феврале 1689 г., говорит о том, что он последовательно поддерживал проводившуюся правительством Вильгельма политику, однако, с другой стороны, сам текст «Двух трактатов о правлении» разительно отличается от политических и «пропагандистских» произведений, которые публиковались в то время в поддержку Вильгельма.

Вернемся еще раз к ситуации, сложившейся в начале 1689 г. По закону, любой парламент должен был созываться королевским указом, а в созванном парламенте должен был находиться, в качестве неотъемлемой его части, царствующий монарх. При созыве конвента и в его работе оба необходимых элемента отсутствовали, поэтому было непонятно, на каких основаниях конвент проводит свои заседания. Далее, выбор конвентом Вильгельма в качестве короля нарушал принцип наследственного права английской короны. В этом смысле коронация Вильгельма выглядела как грубое попрание существующего конституционного порядка. Если Яков оставил трон, бежав из страны, право наследования должно было перейти к его младенцу-сыну. Если «сын» был обманом и фальсификацией, тогда корона должна была перейти к дочери Якова — Марии.

Следовало найти веские основания тому, что произошло на самом деле. За решение этой задачи взялся человек, роль которого в так называемой Вильгельмовой реформации все еще серьезно недооценена. Речь идет о Гилберте Бернете, англиканском богослове родом из Шотландии, вошедшем в английскую политику в начале 1670-х гг. благодаря связям с лордом Лодердейлом и членству в Лондонском королевском обществе. Во времена Карла II Бернет стал известен как автор антикатолических произведений, таких как «История реформации Церкви Англии»⁵ (с посвящением королю). При Якове он вынужден был покинуть Англию. По-

5. *Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. Vols. 1–11.* — London, 1679; 1681.

сле поездки по европейским странам в 1685–1686 гг. Бернет осел в Голландии, где был принят статхаудером Вильгельмом и, став его капелланом, вошел в ближний круг принца; написал целый ряд памфлетов против Якова II, подвергнув сомнению законность его политики.

В 1688 г. Бернет стал не только соавтором (вместе с пенсинарием Гаспаром Фагелем) «Декларации» Вильгельма, в которой формулировались цели вторжения, но и архитектором пропагандистской программы, цель которой заключалась в том, чтобы убедить английское общество в богоизбранности принца Оранского и провиденциальной сути происходящих событий. Бернет сразу понял, что аргументация, развитая в «Декларации», перестала выглядеть убедительной с того момента, как Вильгельм решил занять английский трон. Конституционные доводы больше не работали и должны были уступить место проповеди Божьего благословения, полученного Вильгельмом на осуществление Высшего промысла.

Согласно Бернету, изложившему свой взгляд на происходящие события 23 декабря 1688 г. в проповеди в Сент-Джеймском дворце, принц Оранский — не обычный государь, но государь Божий (Godly Prince), являющийся инструментом Божьей воли в борьбе двух церквей — истинной небесной церкви (Иерусалима) и земной ложной сатанинской церкви (Вавилона), полностью разложившейся и заслуживающей уничтожения. В отличие от Лютера, считавшего в свое время Вавилоном Рим, Бернет, смещая акцент с вероисповедания на насилие и фанатизм, имел в виду «жестокий и кровожадный» Версаль. Орудием Сатаны, не только подчинившего себе католическую церковь, но и сеющего зло повсюду, является имморализм, поэтому задачей Божьего государя должна стать коренная реформа нравов. После 1660 г., говорил Бернет, Англия вошла в состояние упадка, а сатанинские силы приняли облик высокопоставленных лиц, в действительности же папских агентов, которые стремились подорвать истинную веру. 1688 год стал годом Божьего избавления, и теперь, когда Яков бежал, народ должен принять дар свыше, последовать за своим новым христианским государем в деле искоренения порока, чуть было не приведшего страну к катастрофе, и восстановить святость, которая снизошла на Англию после разрыва с Римом.

В еще одной проповеди, прочитанной Бернетом на коронации Вильгельма и Марии в апреле 1689 г., специально отмечалось, что, хотя монархи не должны переступать границ своей власти, нарушать права народа и придумливать новые прерогативы или превышать полномочия, по-настоящему справедливое правление не ограничивается следованием конституции. «Когда мы видим, что короли становятся... истинно христианскими философами, тогда можно ожидать, что мы увидим Град Божий, *Новый Иерусалим*, который вскоре низойдет с небес и установится среди нас»⁶.

В декабре 1688 г. в письме Вильгельму Бернет настаивал на том, что все придворное духовенство (а при дворе было 48 королевских капелланов, окружавших Якова) должно оставить свои должности. При этом он назвал лиц, которые могли бы стать проводниками новой политики. Среди них: Джон Тиллотсон, декан Кентерберийского собора и проповедник в Линкольнз-Инн; Саймон Патрик, настоятель собора св. Павла; Эдвард Фоулер, ректор церкви Сент-Джайлз в Криплгейте; Томас Тенисон из церкви Сент-Мартин-ин-де-Филдз; Джон Шарп из церкви Сент-Джайлз-ин-де-Филдз; Эдвард Стиллингфлит; Уильям Уэйк и Антони Хорнек, харизматичный проповедник из Савойской церкви.

Все это были друзья Бернета, помогавшие ему при составлении и публикации «Истории реформации» в конце 1690-х гг. и получившие известность благодаря своим трудам и проповедям. С начала января 1689 г. группа Бернета приступила к реализации плана, нацеленного на поддержку будущего короля: Тиллотсон убедил принцессу Анну не делать резких заявлений по вопросу о наследовании, Тенисон пытался убедить Санкрофта не дистанцироваться от принца-избавителя. Все они читали проповеди перед Вильгельмом и его окружением, в соборе св. Павла, в Линкольнз-Инн. К Бернету присоединились Уэйк и Хорнек, которые стали капелланами принца Оранского.

6. Цит. по: *Claydon T. William III and the Godly Revolution.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 63.

Не остался в долгу и Вильгельм. В ближайшие два года все поддерживавшие его лица получили повышение, и прежде всего Бернет, ставший главным королевским капелланом, отвечавшим за церковные назначения. В апреле 1689 г. на этом посту его сменил Тиллотсон. В скором времени Бернет получил пост епископа Солсберийского, Стиллингфлит — епископа Вустерского, Саймон Патрик стал главой епархии Чичестера. Тиллотсон получил пост декана собора св. Павла, а Джон Шарп сменил его в качестве декана Кентерберийского собора.

В начале 1690 г. Вильгельм выдвинул на высокие посты в епархиях Тиллотсона — взамен Санкрофта, Патрика — на пост епископа Илийского, Фоулера — на пост епископа Глостерского. Шарп (впоследствии наперсник королевы Анны), ответивший решительным отказом на предложения занять место одного из «неприсягнувших», все же был назначен архиепископом Йоркским после смерти прежнего главы епархии. К тому времени как Тенисон получил в конце 1691 г. назначение архиепископом Линкольнским, все лица из списка Бернета уже занимали ключевые посты в англиканской иерархии.

Прислушиваясь к Марии, Вильгельм в какой-то мере доверял этой группе, поручив ей после подавления яковитского мятежа в Ирландии заняться восстановлением ирландской церкви. После смерти Марии в 1694 г. они стали отвечать и за церковные назначения. Разумеется, поддержка Вильгельма англиканской церковью не ограничивалась только этой группой. В число новых его сторонников вошли Ричард Киддер, Уильям Ллойд, Ральф Баркер, Джордж Ройс, Джон Хартклиф. В орбиту новой власти поначалу попал также епископ Лондонский Генри Комптон, который в марте 1689 г. рукоположил нового епископа Солсберийского, а в апреле короновал Вильгельма и Марию. Комптон дистанцировался от Бернета и его круга лишь после того, как его соперник Тиллотсон получил пост архиепископа Кентерберийского.

В группу поддержки Вильгельма, иначе говоря — вильгельмитов, входили, разумеется, не только духовные лица, которых можно было бы назвать церковными вильгельмитами, но также политики и литераторы — вильгельмиты светские. Среди них самую активную роль в 1689–1693 гг. иг-

рал государственный секретарь граф Ноттингем — давний патрон Шарпа, Тенисона, Стиллинфлита и Тиллотсона, в свое время оказавший помощь Бернету при издании его «Истории реформации в Церкви Англии». Во второй половине 1690-х гг. место Ноттингема в группе сторонников Вильгельма занял Сомерс. К пропаганде политики Вильгельма были привлечены профессиональные памфлетисты, например Даниель Дефо.

Одной из главных задач Бернета и его круга стала, если можно так выразиться, «национализация» короля-иностранца, попытка справиться с антиголландской ксенофобией, активно подогревавшейся яковитской пропагандой. Последняя предупреждала англичан, что в планы голландцев входит ликвидация английского образа жизни, введение собственной тиранической версии республики, распрощание безбожной пресвитерианской религии, подрыв национальной торговли, введение новых — иностранных и грабительских — налогов и акцизов. Одной из важнейших линий аргументации яковитов стало изображение Якова как «отца народа», а Вильгельма и Марии — как неблагодарных, эгоистичных и амбициозных, жадных до власти детей.

В ответ на эти обвинения Бернет заявлял, что английский народ является богоизбранным, новым Израилем (т.е. народом Божиим), однако поражен грехом и обречен на гибель в случае неподчинения Божьей воле. Таким образом, патриотизм, в изображении вильгельмитской пропаганды, заключался не в защите «отца народа» Якова, поскольку и «отец», и «народ» погрязли в грехе, а в принятии «очищающего» правителя — истинного патриота Англии, воплощения Англии безгрешной — государя, действия которого спасут весь народ, оправдав его в глазах карающего Бога.

Второй важнейшей задачей стала «национализация войны», которую очень многие в Англии считали не «своей», а «голландской», отнимающей у англичан массу средств, практически обескровливающей страну. Отвечая на это, вильгельмиты изображали английскую реформацию как часть общего процесса очищения и панъевропейской борьбы за освобождение от разложения и греха, — даже, как диктовала логика, частью некоей универсальной истинной церкви, «протестантского интернационала», борющегося с «ложной церковью», «папизмом» в его французском обличье.

В пропаганде вильгельмитов английский патриотизм обретал черты некоего высшего национализма, в смысле той роли, которую он должен был играть в союзе наций, действующих во имя общей миссии. Вторжение в Англию описывалось как часть интернационального протестантского крестового похода, в котором Нидерланды и Англия были партнерами. Соответственно Вильгельм представлялся как командующий Божьими интернациональными вооруженными силами, действующими равно в Ирландии, Фландрии и на других полях сражений за рубежом.

При этом, учитывая существование антифранцузской Лиги, в которую входили католические Австрия и Испания, а также, по сути дела, — как ни парадоксально — подержавший вторжение Ватикан, пропагандисты Бернета делали важную поправку, заявляя, что война должна вестись не против католицизма как такового, а против французского двора и «государя тьмы». Смягчению позиции по отношению к католикам служил также тот аргумент, что они не являются злом как таковым, но представляют собой людей заблуждающихся. Таким образом, по мысли Бернета, главным врагом является не католическая религия сама по себе, а некие злые, жестокие силы, в настоящий момент воплощенные в режиме Людовика (антихриста) и в Версале (Вавилоне). Английские войска за рубежом, по выражению Томаса Тенисона, воюют «во имя того Бога, который воистину есть Бог воинств небесных»⁷.

В 1690-х гг. Англия и Нидерланды под командованием короля Вильгельма III в составе Аугсбургской лиги, или, лучше сказать, Великого альянса, в который входили также Австрия и Испания, вели Девятилетнюю войну против Франции, начавшуюся (еще без участия Англии) в сентябре 1688 г. Альянс был многоконфессиональным и включал, помимо англикан, нидерландских кальвинистов, бранденбургских лютеран и габсбургских католиков.

7. *Tenison Th.* Sermon Against Self-Love &c Preached Before the Honourable House of Commons on 5 June 1689, Being the Fast Day. P. 23, 27. Цит. по: *Claydon T.* William III and the Godly Revolution. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 144.

Еще до своего вторжения в Англию принц Оранский обещал императору Леопольду I обеспечить толерантное отношение к католикам-рекьюзантам, а в январе 1689 г. заверил испанского и австрийского послов, а через них и римского папу, что со временем католики получат права на полную толерантность и что вторжение в Англию направлено против короля Франции, а не против католиков. Вильгельм не мог допустить создания католической лиги, а для этого ему необходимо было поддерживать союзнические отношения с теми европейскими государствами, во главе которых стояли католики.

В 1680-х гг. Людовик XIV вступил в конфликт с папой Иннокентием XI по вопросам, связанным с контролем над французской церковью, правами французского посольства в Риме и избранием архиепископа-курфюрста Кёльна. К осени 1688 г. отношения с Римом испортились до такой степени, что во французской прессе была развернута кампания очернения папы. Людовик даже подумывал о нападении на папское государство и с этой целью держал в Средиземном море флот. Именно по этой причине, к которой следует добавить заговор на английском флоте, голландский флот смог беспрепятственно пересечь Ла-Манш, а французский король оказался неспособен поддержать Якова II. Со своей стороны, Иннокентий XI одобрил вторжение принца Оранского в Англию и «славную революцию», сочтя эти события ударом по Людовику. В ответ Людовик обвинил папу в пособничестве Вильгельму в деле смещения законного католического монарха.

Надо сказать, что в конце 1680-х гг. Вильгельм оказался в уникальной ситуации. С одной стороны, находясь в окружении католических государств, он должен был всячески доказывать, что причиной вторжения в Англию является не защита протестантизма, а необходимость противостояния французскому экспансионизму. С другой стороны, в самой Англии ему и его соратникам приходилось доказывать, что он действует, защищая протестантизм — в широком, европейском смысле — против католической угрозы. Когда в сентябре 1688 г. голландцы приняли решение о вторжении в Англию, было решено одновременно проводить две разные политико-пропагандистские стратегии.

Чтобы обеспечить поддержку англикан, было сочтено необходимым представить принца Оранского защитником престолонаследия и не акцентировать его приверженность толерантности. При комплектовании войск перед вторжением в Англию офицеры и солдаты католического вероисповедания были оставлены защищать голландскую землю, а вместо них призваны гугеноты. В то же время необходимо было обеспечить поддержку английских диссентеров, которые получили соответствующие заверения в толерантности. Вообще говоря, не было ни одной конфессии, которой Вильгельм не пообещал бы толерантность, в том случае если это шло на пользу военным действиям.

Вторая линия пропаганды, напротив, была направлена на то, чтобы не акцентировать приверженность Вильгельма англиканской супрематии и подчеркивать вместо этого его приверженность толерантности, распространенной и на католиков. Эта линия была крайне необходима Нидерландам: Вильгельм больше всего опасался, что, пока его войска и флот будут завоевывать Англию, сухопутные границы республики окажутся незащищенными. «Толерантность» была жизненно необходима и голландским Генеральным штатам, и статхаудеру, а убеждать в приверженности именно этой политике приходилось не только Австрию и Испанию, но всю Европу в целом, в том числе папское государство, Бранденбург, Ганновер и германские княжества, в 1672 г. выступавшие союзниками Людовика в войне с Нидерландами.

В отсутствии сугубо протестантских мотивов необходимо было убедить и голландских католиков. Для этого городские советы в Нидерландах дали гарантии католическому духовенству, что они сами, их церкви и приходы находятся под защитой государства. Одновременно бургомистры вызвали к себе проповедников-кальвинистов и пригрозили им серьезными неприятностями в случае антикатолических выступлений. В Амстердаме и нескольких других городах было разрешено открыть новые католические храмы.

Сразу после вторжения в ноябре 1688 г. Людовик объявил войну Нидерландам (война Англии была объявлена в мае 1689 г.) и развернул активную контрпропагандистскую кампанию, которая должна была убедить католическую Европу, что Голландская Республика и ее статхаудер вместе с протестантскими союзниками начали религиозную войну с целью

ликвидации католицизма. К началу 1689 г. пропагандистская война охватила всю Европу.

Важнейшим шагом, убедившим католиков Европы в том, что Вильгельм выполнит свои обещания, стало подавление антикатолических беспорядков в Лондоне. Вопреки призывам его английских советников не вводить в Лондон войска, он поступил прямо противоположным образом, чтобы не допустить широкомасштабной резни католиков. За вводом войск последовала декларация, которая призывала всех католиков, не проживавших постоянно в городе, покинуть его пределы ради сохранения мира и порядка.

Вторым важнейшим шагом в этом направлении стал принятый в мае 1689 г. Акт о толерантности и неразрывно с ним связанное объявление войны Франции. «Ибо в кратко-, средне- и, вероятно, долгосрочной перспективе занятие принцем трона Англии, а также Шотландии и Ирландии могло быть поддержано Объединенными Провинциями, его католическими союзниками и хотя бы некоторыми англичанами (возможно, он мог обойтись без шотландцев и ирландцев) только в том случае, если сопровождалось войной с Францией и введением действенной религиозной толерантности в Англии — толерантности, распространенной также и на католиков»⁸.

И император, и Испания не спешили признавать Вильгельма и Марию, сделав это только в июле 1689 г., после дополнительных разъяснений со стороны Вильгельма, славшегося на «дикую и импульсивную природу» английской нации, упрямство англиканской церкви и парламента, не желавших толерантности ни к диссентерам, ни к католикам. Вильгельм заверил союзников в том, что в будущем католики в этой стране будут пользоваться полной толерантностью, защищаемой законом. В чрезвычайных обстоятельствах военного противостояния Акт о толерантности был нужен Вильгельму лишь как предлог для проведения королевской властью *реальной, практической политики толерантности* — зачастую вопреки закону и в обход его статьям, но в согласии с данными обещаниями.

8. Israel J. I. William III and Toleration // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 151.

Англиканская церковь была ослаблена, потеряв многих прихожан; диссентеры, напротив, усилили позиции, открыв свои академии и школы; католики больше не преследовались. В конце концов, все это весьма напоминало прагматичную политику, которую Вильгельм проводил в родной Голландии: законы, даже строгие, — это одно, а реальность правоприменения — нечто совершенно другое.

Итак, с точки зрения яковитов и тех, кто указывал на цену «чужой» для англичан войны, перекачка ресурсов за границу представляла собой предательство и грех. Однако как только англичане изображались как народ, заключивший завет с Богом, помощь зарубежным протестантам начинала выглядеть высочайшим национальным долгом. «Сам их [англичан] статус как избранного народа требовал, чтобы они приняли Божьего воителя, даже если он иностранец по рождению; он требовал также, чтобы они действовали, встав во главе всех протестантов и поддерживая битвы за Божье дело за пределами своих границ»⁹.

Третьей задачей, которую попыталась решить группа вильгельмитов, было политическое объединение вигов и тори, что бы ни означали эти понятия. Первое английское правительство Вильгельма попыталось примирить недавних оппонентов. Однако объединения под общими знаменами не произошло, и до конца своего правления в 1702 г. Вильгельм наблюдал борьбу двух лагерей, разделенных, как и прежде, по конституционным вопросам, по вопросу об отношении к диссентерам, а кроме того, стремившихся, каждый по отдельности, добиться благосклонности короля. Опора на одну партию, а именно на тори, которые находились у власти в 1690–1693 гг., тоже не принесла успеха, завершившись парламентским кризисом в результате активной политической кампании вигов. Последним удалось убедить короля, что тори не способны эффективно снабжать корону деньгами для продолжения военных действий. Приход к власти вигов содействовал

9. *Claydon T. William III and the Godly Revolution.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 147.

консолидации тори, сумевших в конце концов вновь расшатать только что стабилизировавшееся положение. И так продолжалось на протяжении всего правления Вильгельма.

В итоге власти пришлось перейти к третьей стратегии, а именно к постоянному маневрированию и частой замене министров, чтобы поддерживать баланс сил, обеспечивающий политическую стабильность. Эффективное осуществление такой стратегии предполагало выработку двором компромиссных позиций по разделявшим вигов и тори вопросам с тем, чтобы обеспечить широкую свободу собственного политического маневра. Церковные вильгельмиты (в частности, Бернет и Тиллотсон) принялись всячески подчеркивать греховность «разделений», «партий» и «старых разногласий» перед лицом Божьей миссии. Однако этого было недостаточно. Необходимо было находить не просто пропагандистские приемы, но и заключать реальные компромиссы.

Первый шаг в этом направлении сделал в феврале 1689 г. граф Ноттингем, предложивший изменить текст присяги и принять такую формулировку, которая могла быть произнесена и вигами, и тори. Предлагалось исключить из присяги слова «законный и полноправный», а также обещание подчиняться наследникам и преемникам этого монарха, чтобы англичане, которые негативно оценивали смещение Якова, могли подчиниться новому правителю, не поступая против совести. Ноттингем призывал всех англичан присягнуть новому монарху как королю *de facto*.

На протяжении нескольких месяцев вильгельмиты пытались также ограничить круг лиц, приносящих присягу. В частности, Бернет настаивал на освобождении от присяги духовных лиц. Эта инициатива не имела успеха, однако в целом тори все же удалось убедить в том, что новая «провиденциальная» власть не выступает против признания монарха *de facto*, — разумеется, если это не означает нелояльности.

Вся политика вильгельмитов была направлена на достижение компромисса и смягчение противоречий между партиями, выдвижение приемлемых для всех решений. И поэтому некоторые вопросы вообще обходились, как, например, вопрос о монаршем титуле или о наследовании, а религиозное урегулирование, после того как не удалось добиться принятия билля о «включении», осталось делом

в принципе не решенным, или допускавшим неоднозначное толкование.

В этой связи вернемся к понятию «латитюдинаризма», часто употребляемому в отношении вильгельмитов. Как правило, латитюдинарии рисуются как группировка или иногда как некая тенденция, которая в эпоху Реставрации находилась в меньшинстве и боролась с превалирующей тенденцией церкви к «единообразию». В этом своем историографическом образе и этой трактовке латитюдинарии якобы оказывали поддержку диссентерам и противостояли нетерпимым и настроенным на репрессии тори-англиканам. Кроме того, символ веры латитюдинариев якобы состоял в «простом» определении истинной религии, нацеленном на преодоление различий между христианами, и отличался верой в разум, способный устранить непонимание между различными деноминациями. Согласно этой концепции, в эпоху Вильгельма латитюдинарии пришли к власти в качестве меньшинства, противостоявшего всей остальной англиканской церкви.

Созданная этой историографией картина предполагала также наличие у Вильгельма и его сторонников скрытого «виггизма», политику которого якобы приходилось проводить в сложных условиях борьбы с партией тори. Из этого следовало, что латитюдинарии были крипто-вигами, как и правительство, что позволяло изобразить «славную революцию» и 1690-е гг. как предысторию побед вигов и их прогрессивных идей в XVIII в., а затем — уже в XIX в. — как предысторию либерализма.

Однако факты говорят о том, что подбор Вильгельмом членов правительства диктовался не партийными, а персональными и прагматическими предпочтениями и соображениями. Более того, с середины 1690-х гг. резкие грани, разделявшие вигов и тори, начали постепенно сглаживаться, особенно после прихода к власти вигов, которые позиционировали себя как «виги двора», но с точки зрения «истинных вигов» 1680-х гг., т.е. вигов, пострадавших от репрессий Карла II, во всем напоминали правительство графа Ноттингема.

Таким образом, на самом деле, и об этом напоминают Дж. Спарр и Т. Клейдон, картина была иной: латитюдинарии не были вигами, по своим подходам это были ско-

рее умеренные тори (в изображении виговских историографов — воплощения политического недомыслия). Как и группа Бернета и других вильгельмитов, умеренные тори периода Реставрации придерживались тех же идей провидения и особой миссии, включавшей моральное преобразование английской нации как способ избежать гнева Божьего и проклятия Англии. Тиллотсон, Патрик и Стиллингфлит защищали концепцию монополюльной национальной церкви и в период Реставрации внесли свой вклад в изображение неконформистов как схизматиков и сепаратистов.

Патрик еще в 1662 г., доказывая лояльность «латитюдинариев», описывал неконформистов как людей, апеллирующих к страстям, использующих риторические приемы и другие безумные фанатические трюки, чтобы обмануть толпу. Самюел Паркер в 1670 г. писал о необходимости «выкорчевывания» диссентерских принципов, выявления и наказания всех, кто их публично исповедует, как врагов общества и предателей государственных интересов. Эдвард Фоулер в 1670 г. писал, что только неразумные, слабые на голову и неконтролируемые люди могут отказываться от причастия в англиканской церкви. Джозеф Гланвил в 1676 г. обвинял неконформистов в неразумии и утверждал, что по этой причине убедить их в том, чтобы они перестали быть врагами церкви и государства, невозможно. Диссентеры, на его взгляд, — лицемерные фанатики и защитники тирании, поэтому к ним необходимо применять самые жесткие меры наказания для возвращения их в лоно истинной церкви. Эдвард Стиллингфлит в 1681 г. тоже писал о диссентерах как о предателях и врагах церкви и государства. Даже Джон Тиллотсон в своих проповедях обвинял неконформистов в «великом лицемерии» и безрассудстве и говорил о праве магистрата наказывать «упорствующих и непослушных» как единственном остающемся способе подавления зла¹⁰.

10. См. подробнее с указанием соответствующих источников: *Ashcraft R. Latitudinarianism and Toleration: Historical Myth versus Political History // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 157–159.*

После 1688 г. официальной политикой англиканской церкви была провозглашена борьба с аморализмом, дебоширством и «содомией», под которыми подразумевались не только вольности, процветавшие при дворах католиков — Карла II, Якова II и Людовика XIV, но и общая моральная деградация англичан.

Не сумев добиться принятия парламентом и синодом решения о «включении», бывшие латитюдинарии, а ныне вильгельмиты начали кампанию за нравственность в церкви и обществе. Эту кампанию должны были вести *межконфессиональные* (т.е. объединявшие англикан и диссентеров) организации — общества за реформацию нравов, главной целью которых была борьба с грехом и богохульством¹¹. Таким образом, речь теперь шла не о схизматиках и не о еретиках, а о грешниках.

11. В рамках этой кампании в 1693 г. появился получивший широкую известность труд Локка «Некоторые мысли об образовании», основанный на письмах Эдварду Кларку и его супруге Марии в 1684–1691 гг. по поводу воспитания их сына Эдварда и других детей. Главной целью «Мыслей» является изложение программы воспитания моральной личности. Это своего рода учебник для родителей, озабоченных будущим своих чад. Трактат переиздавался с исправлениями в 1695, 1699 и 1705 гг. Главный тезис трактата: личность на девять десятых сформирована воспитанием, а моральная личность является результатом постепенного преодоления порочных наклонностей и привычек и формирования моральных добродетелей. Впрочем, по мнению ряда исследователей, «Некоторые мысли об образовании» были критикой системы образования, сложившейся в английских университетах того времени и нацеленной не на формирование полезных для жизни навыков, а на получение бесполезного и начетнического «общего образования». Практически все локковеды отмечают сильное влияние на Локка идей Я.А. Коменского. У Коменского можно встретить многие идеи, обычно приписываемые Локку: о сознании как нетронutom воске, чистой доске, об опытных данных, передаваемых через органы ощущения и объединяемых в сознании с помощью «внутренних чувств», и т.д. Впрочем, все эти идеи можно встретить и у Аристотеля, однако и Коменский, и Локк исходили из общей посылки о грехопадении и последовавшей ограниченности и слабости человеческого познания. Чем тяжелее представлялись последствия, тем менее врожденными представлялись и идеи, принципы и тому подобная амуниция человеческого ума. См.: *Locke J. Some Thoughts concerning Education* / Ed. by J. W. Yolton and J. S. Yolton. — Oxford: Clarendon Press, 1989; *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 105, 114.

Впрочем, как отмечает Тони Клейдон, многое говорит за то, что самые первые общества за реформацию нравов возникли и продолжали существовать независимо от кампании, предложенной латитюдинариями, продвигались «независимыми реформаторами» и были оппозиционно настроены ко двору, в котором традиционно видели оплот греха¹². Причиной создания подобных обществ была проявившаяся после принятия Акта о толерантности 1689 г. тенденция к ослаблению англиканских и иных приходов: многие прихожане воспользовались отменой наказаний за непосещение церкви и вообще перестали посещать богослужения, оправдывая свое поведение тем, что они — диссентеры (требование обязательного посещения не распространялось на тех, кто был диссентером). Еще одним новым явлением стала практика «неискренного конформизма», т.е. формального принятия причастия раз в год, дававшая диссентерам и людям любых взглядов право претендовать на занятие должностей в органах власти.

Одним из первых, уже во второй половине 1691 г., инициативу создания обществ по реформации нравов поддержал Эдвард Стиллингфлит. Среди активных покровителей этих обществ был и друг Локка Эдвард Фоулер. Общества за реформацию нравов стали популярными и получили поддержку со стороны власти. С одной стороны, их отличал екуменизм, с другой — они охотно прибегали к помощи информаторов, в том числе из числа диссентеров, которые сообщали констеблям и мировым судьям о проявлениях греха. Немало нетерпимой риторики и практики добавили беженцы-гугеноты, общим числом примерно в 50 тысяч человек, прибывшие в Англию после отмены Нантского эдикта и считавшие англиканскую церковь слишком толерантной — не только к католикам, но и к диссентерам. Некоторые гугеноты вступали в англиканскую церковь и даже получали приходы, охотно выполняя все условия и произнося необходимые клятвы.

12. *Claydon T. William III and the Godly Revolution.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 114.

Как пишет Т. Клейдон, «вильгельмитская платформа морального и религиозного обновления не была альтернативой укоренившимся англиканским идеалам, но скорее была продолжением крестового похода, начатого той самой институцией, которую защищали тори». Язык греха, провидения и покаяния был близок к «риторике реставрационного духовенства, а многие реформаторские инициативы в период правления Вильгельма можно обнаружить в деятельности церкви эпохи Карла II»¹³.

Уже в январе 1689 г. Шарп, Тиллотсон, Тенисон, Патрик и Фоулер встретились в доме Стиллингфлита в Лондоне для обсуждения возможных уступок диссентерам с тем, чтобы, обновив в соответствии с требованиями момента персональный состав церковной иерархии, сохранить доминирующее положение церкви в государстве. Речь шла не о реализации некоей радикальной программы, которую по старой памяти называли латитюдинаризмом, а о новом подходе, автором которого летом 1688 г. стал Уильям Санкрофт, архиепископ Кентерберийский, когда, обращаясь к лидерам диссентеров, высказал идею, что англикане могли бы рассмотреть возможность уступок для того, чтобы усилить позиции в борьбе с папизмом Якова II.

Следовательно, и предложения Ноттингема, и сам подход группы Бернета имели своей целью сохранение монопольного статуса церкви, причем главная роль отводилась биллю о «включении», целью которого было присоединение к англиканской национальной церкви всех, кроме самой непримиримой группы диссентеров. Идея состояла в том, что «диссентеры должны отказаться от своего сепаратизма в этот провиденциальный момент»¹⁴. Собственно говоря, позиция Бернета в 1689 г. практически ничем не отличалась от его позиции начала 1660-х гг. Как и большинство его коллег того времени, он считал диссентеров гордецами и своенравными людьми, ставящими свою пустячную щепетильность выше интересов праведной церкви. В трактате «Рассуждение о пастырской заботе» (1692) Бернет писал, что, хотя закон больше не обязывает посе-

13. *Claydon T. William III and the Godly Revolution. P. 163.*

14. *Ibid. P. 166.*

щать церковь Англии, Евангелие, возвещающее христианское единство, безусловно, к этому призывает¹⁵.

Лондонской встрече предшествовала делегация из девяноста диссентеров, которые пришли к Вильгельму, чтобы заверить его в своей лояльности и поблагодарить за спасение протестантской религии. В отличие от значительной части англиканской церкви, диссентеры на всем протяжении 1690-х гг. оказывали поддержку всем инициативам короны. Для диссентеров «моральная революция», провозглашенная вильгельмитами, звучала как их же старые лозунги, а призывы к широкому пониманию истинной церкви и подчеркивание несчастий, связанных с расколом протестантизма, представлялись гарантией от преследований. Более того, характерное для диссентеров реформационное моральное рвение и служение были доказательством их принадлежности к «Божьему народу» и делали их такими же английскими патриотами, какими по определению были члены национальной англиканской церкви.

Итак, был ли Локк вильгельмитом? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. В «Двух трактатах о правлении» нет ни одного признака, который бы на это указывал. Напротив, выражая в предисловии свою лояльность новому королю и называя его избавителем, Локк сразу же, в «Первом трактате о правлении», дает опровержение теории божественного и патриархального права, а следовательно, отвергает всю линию аргументации Бернета и его группы.

Обсуждение Локком во «Втором трактате» понятий состояния природы, политического общества, собственности, тирании, рабства, сопротивления и т. п., помимо того что имеет континентальную идейную родословную, основываясь преимущественно на трудах Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа и ряда других авторов (в том числе и английских), принципиально не затрагивает злободневных конституционных вопросов, хотя и посвящено происхождению и принципам функционирования государства и общества. И это вовсе не «эзопов язык».

15. Burnet G. The Discourse of the Pastoral Care. 1692. P. 203. Цит. по: Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 79.

В таком случае правомерно поставить вопрос: не являются ли «Два трактата о правлении» произведением, направленным *против* Бернета и вильгельмитов? И на него вновь придется ответить отрицательно, поскольку у Локка речь идет не о злободневных политических вопросах, не о способах пропаганды и риторических приемах, имеющих целью поддержку нового короля и новой власти, а о *другом подходе к их обсуждению*. Локк, по сути дела, предлагает разобраться в способах сохранения власти через механизмы общественного согласия и доверия.

Вот что он говорит, например, о главе исполнительной власти, который действует в нарушение закона, когда пытается навязать свою деспотическую волю в качестве закона общества. «Он также действует вопреки оказанному ему доверию, когда либо использует силу, казну и административный аппарат для разложения (corruption) представителей и переманивания их на свою сторону, либо открыто заранее диктует свой выбор избирателям, которых он посредством подкупа, угроз, обещаний или иным каким-либо способом обратил в своих сторонников и использует для привлечения во власть тех, кто заранее обещает, за что будет голосовать и какие принимать законы. Но разве регулировать отбор кандидатов, влиять на избирателей и вводить избирательный процесс нового образца не значит подрезать государственное правление под корень и отравить сам источник государственной безопасности? Ведь люди, оставив за собой право выбирать своих представителей как барьер, защищающий их собственность, не могли сделать это для какой-либо иной цели, кроме как для того, чтобы эти представители всегда могли свободно избираться и, избранные таким образом, принимать, после рассмотрения и серьезного обсуждения, независимые решения и высказывать рекомендации, диктуемые интересами государства и общественного блага. Этого не способны делать те, кто отдает свой голос, не дожидаясь обсуждения и не взвесив доводов сторон. Подготовка такого рода собрания и стремление выдать явных пособников... в качестве настоящих представителей народа и законодателей, несомненно, является грубейшим злоупотреблением доверием и открытой декларацией о намерении ниспровергнуть государство. Если прибавить к этому награды и наказания, нагло используемые для той же цели, и все

приемы, позволяющие извратить закон для того, чтобы убрать и уничтожить всех, кто стоит на пути к осуществлению этого злого умысла и не подчинится, не станет соучаствовать в предательстве свобод своей страны, то не останется никаких сомнений в том, что именно происходит»¹⁶.

Кого здесь Локк имеет в виду? Разумеется, не Вильгельма. Однако, рисуя безрадостную картину деятельности парламентов в правление Карла II и Якова II, Локк предупреждал новую власть и напоминал, чем закончились попытки подчинить законодательную ветвь власти авторитарной власти верховного правителя. *«Два трактата о правлении» — это предупреждение, а не пропаганда.*

В этой связи интересна судьба, постигшая французский перевод «Двух трактатов о правлении», вернее, одного лишь «Второго трактата», опубликованного на французском языке уже в 1691 г.¹⁷ В Англии «Два трактата о правлении» практически не были замечены, и причины этого лежали на поверхности: в отличие от многочисленных памфлетов «за» и «против» «славной революции, к тому же выходявших иногда тиражами в несколько десятков тысяч экземпляров, в труде Локка, вышедшем тиражом всего в одну тысячу (впрочем, в те времена такой тираж был стандартным для первых изданий, тогда как вторые и последующие тиражи, если книга пользовалась популярностью, могли быть выше), вопросы, волновавшие английское политическое сословие, выражались на ином, по сути, даже не политическом языке. Для английских современников Локка революция 1688–1689 гг. не требовала для своего оправдания особой, экстраконституционной апелляции к природному закону или природному праву, в то время как для Локка именно эти понятия играли решающую роль в его аргументации»¹⁸. Что

16. *Locke J.* Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 413.

17. См.: *Savonius S.-J.* Locke in French: The “Du Gouvernement Civil” of 1691 and its Readers // *The Historical Journal*. 2004. Vol. 47. No. 1.

18. См.: *Thompson M. P.* Significant Silences in Locke’s “Two Treatises of Government”: Constitutional History, Contract and Law // *The Historical Journal*. 1988. Vol. 31. No. 2. P. 289–290; а также: *Dunn J.* The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the Two Treatises of Government. — Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 50–51.

и обусловило скромный «рейтинг» «Двух трактатов о правлении» в Англии.

К этому следует добавить, что с точки зрения новой власти и ее пропагандистской машины апелляция к конституции в любом виде — как через понятие «древней конституции», «старого порядка», так и через «закон природы» — не могла принести успеха, поскольку не выдерживала критики, сталкиваясь с очевидным фактом узурпации власти. В качестве легитимации Вильгельма «Два трактата о правлении» были обречены, здесь требовались другие способы убеждения, которые и оказались более или менее успешно использованы новым церковным истеблишментом — вильгельмитами — в теории и на практике.

Совсем иначе, чем английской аудиторией, книга Локка была воспринята в среде французских беженцев в Голландии, Англии и других странах. После ее выхода в свет в самом начале 1691 г. в переводе на французский язык, сделанном анонимно гугенотом Давидом Мазелем, в прессе появились обзоры и критические отклики на книгу. Уже в июне обзоры и рекламу можно было прочитать в журналах Баснажа де Боваля и Жака Бернара (с последним, как и с Ле Клерком и Ле Сеном, Мазель учился в Женеве). Сама книга была напечатана в типографии Абрахама Вольфганга, издателя «Bibliothèque Universelle» Ле Клерка.

Что же произошло? Объяснение лежит на поверхности. Книга подверглась существенной трансформации. Опубликован был перевод лишь «Второго трактата», причем первая глава этого второго трактата, связывавшая его с критикой Фильмера в «Первом трактате», была переводчиком опущена. Не было и предисловия Локка с посвящением Вильгельму III — вместо него появилось, как и в случае с «Посланием о толерантности», о котором речь пойдет в следующей главе, предисловие переводчика, в котором «Du Gouvernement Civil», по сути дела, представлялся в качестве трактата, направленного против Томаса Гоббса. Последний изображался теоретиком абсолютизма.

В течение XVIII в. французский перевод «Второго трактата» издавался не менее десяти раз и использовался в качестве прототипа для переводов на другие европейские языки (немецкий, итальянский, испанский, шведский). Даже американское издание середины следующего века ориентиро-

валось на французский перевод, и в нем точно так же были опущены «Первый трактат», первая глава «Второго трактата» и предисловие Локка.

В результате книга Локка стала восприниматься не как альтернатива идеям Роберта Филмера, и не как оправдание голландской оккупации Англии и смещения короля Якова II, и не как предостережение новому королю об опасностях авторитарного стиля правления и необходимости поддержания согласия и доверия в обществе, а как альтернатива «Левиафану» Томаса Гоббса¹⁹, т. е., иначе говоря, как критика тирании и произвола абсолютной монархии и апология суверенитета народа. Представление о том, что Локк написал свой «Второй трактат о правлении», выступив против Гоббса, настолько укоренилось в истории политической мысли, что самоочевидный тезис Питера Ласлета (о Филмере как предмете критики Локка) в конце 1950-х — начале 1960-х гг. был воспринят как какое-то революционное открытие.

В отличие от Франции, в Англии в 1690-х гг. Локка и вообще часто считали сторонником и последователем Гоббса, а не его критиком. Локку даже пришлось отвечать на обвинения в гоббизме, выдвинутые против него в 1696 г., после выхода в свет его трактата «Разумность христианства».

19. См.: Goldie M. Restoration Political Thought // The Reigns of Charles II and James VII & II / Ed. by L. Glassey. — London: Macmillan Press, 1997. P. 20–21, 28. Смысловой трансформации подвергся и Гоббс, «Левиафан» которого, опубликованный в 1651 г., являлся не оправданием абсолютизма, а, скорее, призывом к признанию республики. Гоббс осторожно заявлял, что суверенитет может принадлежать «монарху или собранию». Его концепция — призыв к послушанию власти, существующей *de facto*. В отличие от патриархалиста Филмера и вопреки традиционным теориям «божественного права королей», Гоббс считал правление результатом договора свободных граждан, а не наследием «вселенского монарха» Адама.

Часть II

«Послание о толерантности»

«T.A.R.P.T.O.L.A.» и «P.A.P.O.I.L.A.»

В КОДИЦИЛЛЕ к завещанию Локк признал себя автором не только «Двух трактатов о правлении», но и памфлета «*Epistola de Tolerantia*» и его английского перевода «Послание о толерантности» (1689). Большинство исследователей склоняются к тому, что «*Epistola de Tolerantia*» была написана в 1685–1686 гг. При этом до сих пор неясно, кому адресована «*Epistola*»; и, наконец, бросается в глаза, что текст памфлета, подобно тексту «Двух трактатов о правлении», не вписывается полностью ни в один «точный» и «единственный» контекст — будь то контекст середины 1680-х гг. или постреволюционный «английский» и «нидерландский» контексты. Как и «Два трактата о правлении», в «*Epistola*» несколько различных временных слоев, и, соответственно, она принадлежит к нескольким отличающимся друг от друга контекстам.

Джин Йолтон датирует написание «*Epistola*» «зимой 1685/86 г.»¹. Жан Ле Клерк², а вслед за ним Фокс-Борн полагают, что оно было написано в Амстердаме в период между первыми числами ноября и второй половиной декабря 1685 г. Впрочем, Ле Клерк прямо не называет дату, говоря, что «латинское послание» было «написано в доме д-ра Вина», куда он «вернулся в начале ноября из Клеве». С точки зрения Мориса Кранстона, «Послание» составлялось в течение 1686 г. в Утрехте³.

1. *Yolton Jean S.* John Locke: A Descriptive Bibliography. — Bristol: Thoemmes Press, 1998. P. 1.

2. *Le Clerk J.* The Life and Character of Mr. John Locke, Author of the Essay concerning Humane Understanding. — London, 1706. P. 13.

3. *Cranston M.* John Locke: A Biography. — London: Longmans, Green and Co, 1968. P. 259.

В любом случае этот памфлет, написанный на латыни, вышел в свет анонимно в Гауде (Тергоу), торговом городке неподалеку от Роттердама, в апреле — начале мая 1689 г., был озаглавлен «*Epistola de Tolerantia*» и имел посвящение с зашифрованными именами адресата и отправителя: «Т.А.Р.Р.Т.О.Л.А.» и «Р.А.Р.О.І.Л.А.». Первым эти аббревиатуры попытался расшифровать для публики Ле Клерк в 1705 г. в своей — тоже первой — биографии Локка. По мнению Ле Клерка, аббревиатуры означали: «*ad Clarissimum Virum Theologiae apud Remonstrantes Professorem, tyrannidis osorem, Limburgium Amstelodamensem*» (*клариссиму* профессору теологии у ремонстрантов, врагу тирании Лимборху из Амстердама) и «*scripta à pacis amico, persecutionis osore, Joanne Lockio Anglo*» (*написанное* приверженцем мира, врагом преследований Джоном Локком, англичанином).

Впрочем, в письме самого Филиппа ван Лимборха к леди Машем, написанном 24 марта 1705 г.⁴, уточняется, что вместо *Limburgium Amstelodamensem* следует читать *Libertatis Amantem* (приверженцу свободы). В том же письме Лимборх, рассказывая историю «*Epistola*», говорит о некоем реальном письме Локка, которое тот ему когда-то написал, и о разговорах, которые они вели в Амстердаме и которые, собственно, и легли в основу «*Epistola*». Локк не знал голландского, Лимборх не знал английского, не вполне владел французским, так что остается предположить, что общались они на латыни.

Марио Монтуори отмечает странность поправки Лимборха, поскольку, казалось бы, только он и мог раскрыть истинное значение аббревиатур Ле Клерку, а Ле Клерк почему-то обратился с вопросом о расшифровке к Дамарис Машем. В то же время в 1705 г., после смерти Локка, леди Машем, отвечая на запросы Ле Клерка и Пьера Коста, касающиеся деталей пребывания Локка в Нидерландах, обратилась за разъяснениями к Лимборху⁵. Значит, леди Машем все-таки не знала

4. См.: *Simonutti L.* Religion, Philosophy, and Science: John Locke and Limborch's Circle in Amsterdam // *Everything Connects: in Conference with Richard H. Popkin: Essays in His Honor* / Ed. by J. E. Force and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. P. 295–324.

5. См.: *Simonutti L.* Political Society and Religious Liberty. Locke at Cleves and in Holland // *British Journal for the History of Philosophy*. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 418.

значения аббревиатур. И таким образом, все как будто замыкается на фигуре Лимборха⁶, который... отрицал, что является адресатом послания. Итак, должен был существовать некий настоящий адресат. Об этом косвенно свидетельствует и то, что из английского перевода и издания «Epistola» эти аббревиатуры были вообще исключены.

Как и в случае с «Двумя трактатами о правлении», нет следов, которые могли бы дать ясное и полное представление об истории написания и публикации «Epistola».

Однако, если обстоятельства создания «Epistola» остаются неизвестными, дальнейшая история этого произведения известна очень хорошо. Памфлет был переведен на английский язык Уильямом Поплем, получив название «Послание о толерантности» («A Letter concerning Toleration»), и издан Оншемом Черчиллем в октябре 1689 г. Второе издание перевода с многочисленными мелкими исправлениями вышло в марте 1690 г.

Именно английский перевод, сделанный Поплем, вошел в историю мировой политической мысли. Латинский вариант почти не переиздавался, если не считать двух из-

6. Локк встретился с Лимборхом в январе 1684 г., завязав знакомство через Петра Генелона, благодаря которому получил убежище в доме тестя Генелона — доктора Эгберта Вина. У Вина, к которому Локк перешел из дома Якоба ван дер Вельде, книготорговца и покровителя английских беженцев, он и жил в первые два года своей голландской ссылки. Возможно, стоит добавить, что жена Вина была внучкой Якоба Арминия. Филипп ван Лимборх родился в 1632 г. в Амстердаме. Внучатый племянник Симона Епископия, он был учеником Герарда Фоссия и Этьена де Курселя. В 1657 г. получил назначение пастором в Гауду, а в 1667 г. в Амстердам, где год спустя занял кресло профессора теологии Ремонстрантской семинарии. Лимборх — издатель трудов Епископия (1661) и де Курселя (1675); автор труда «Theologia Christiana ad praxin pietatis ac promotionem pacis Christianae unice directa» (1686) — наиболее полного на тот момент изложения арминиянской теологии; а также получившего европейскую известность и включенного в 1694 г. в ватиканский индекс запрещенных книг трактата по истории инквизиции — «Inquisitionis, cui subjungitur Liber sententiarum Inquisitionis Tholosanae ab anno Christi 1307 ad annum 1323» (1692). Лимборх переписывался с Ралфом Кедвортом и стал одним из ближайших друзей и корреспондентов Локка, благодаря которому тот познакомился с идеями и трудами ремонстрантов, прежде всего с рукописью «Theologia Christiana», последние четыре главы которой посвящены вопросам толерантности. В ближайший круг Лимборха входил и Жан Ле Клерк.

даний Томасом Холлисом четырехтомного собрания «Трудов» Локка — в 1765 и 1768 гг., в то время как английский перевод выдержал несколько десятков изданий в течение XVII–XVIII вв. Не латинский текст, а именно текст перевода фигурирует в полемике Локка и Проста, именно его формулировки защищает Локк. Английская версия Попля, пишет Монтуори, заслуживает «такого же, если не большего уважения и доверия, чем латинское издание, вышедшее в Гауде. Латинский текст был написан на языке, который, как об этом всего несколько лет спустя сожалел Локк, он знал недостаточно хорошо, и был опубликован Лимборхом в отсутствие Локка, через несколько месяцев после его отъезда в Англию. Наоборот, перевод Попля возвращал „*Epistola*“ к родному языку Локка, делался на его глазах и был, несомненно, опубликован после его проверки самим Локком. <...> Ле Клерк, знаток латыни и хороший переводчик с английского, предпочел опереться в своем французском переводе „*Epistola*“ на английскую версию Попля, а не на латинский текст, опубликованный в Гауде»⁷.

Уильям Попль, племянник Анджо Марвелла, автор памфлетов и трактатов, а также переводчик, в течение долгого времени занимался виноторговлей в британском поселении в Бордо, однако после отмены Нантского эдикта переехал в Англию. Сам переезд оказался непростой задачей, поскольку протестантов, не сумевших бежать сразу, не выпускали из страны и заставляли под страхом смерти или лишения прав и имущества принимать католическую веру. Попль обратился за помощью к Уильяму Пенну, который в свою очередь обратился к Якову II, и в 1688 г. вопрос о переезде Попля в Англию был урегулирован с французскими властями.

В Англии Попль продолжил занятия литературным трудом. Среди его работ: «Рациональный катехизис»⁸ (1687), «Три письма, стремящиеся доказать, каким образом защита этой нации от всякого будущего религиозного преследования заключается в отмене нынешних карательных зако-

7. *Montuori M.* John Locke on Toleration and the Unity of God. — Amsterdam: J. C. Gieben Publishers, 1983. P. XLI.

8. *Popple W.* A Rational Catechism: or an Instructive Conference between a Father and a Son. — London, 1687.

нов... и установлении нового закона универсальной свободы совести»⁹ (1688), «Письмо г-ну Пенну»¹⁰ (1688) и «Рассуждение о человеческом разуме в связи с религиозными вопросами»¹¹ (1690). Попль перевел «Трактат о человеческом разуме» Мартина Клиффорда¹², снабдив его пространным предисловием. Он был почитателем архиепископа Джона Тиллотсона, работы которого полагал истинным проявлением христианства. С 1696 по 1707 г. Попль — секретарь Совета по торговле. Принято считать, что этим постом он был обязан Локку.

Локк мог познакомиться с Поплем в Бордо, куда приезжал дважды в период 1675–1679 гг. Кроме того, Попль был другом Бенджамина Ферли (переводчика некоторых работ Пенна на голландский язык), в доме которого Локк жил в 1687–1689 гг. В 1688 г. Локк делал выписки из опубликованного в том же году труда Попля «Рациональный катехизис». Попль был и секретарем неофициального клуба под названием «Dry Club»¹³, основанного Локком в начале 1692 г. в Лондоне по образцу голландского «Laantern» для обсуждения вопросов религиозной свободы. Клуб быстро завоевал популярность, его собрания привлекали множество участников, приверженцев самых разных взглядов, что и было главной целью организаторов¹⁴.

9. *Popple W.* Three letters tending to Demonstrate how the Security of this Nation against all Future Persecution for Religion lyes in the Abolishment of the Present Penal Laws... and the Establishment of a New Law for Universal Liberty of Conscience. — London, 1688.

10. *Popple W.* A letter to Mr Penn. — London, 1688.

11. *Popple W.* A Discourse of Human Reason with relation to matters of Religion. — London, 1690.

12. *Clifford M.* A Treatise of Humane Reason. — London, 1674.

13. Клуб был назван «Dry» («трезвым») для того, по-видимому, чтобы подчеркнуть серьезность обсуждавшихся вопросов. См.: *Coudert A. P.* John Locke and Francis Mercury van Helmont // *Everything Connects: in Conference with Richard H. Popkin: Essays in His Honour* / Ed. by J. E. Force and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill. 1999. P. 91.

14. Например, членом клуба был пресвитерианский пастор и ятрохимик Даниел Фут, в 1680-е гг. выполнявший функции личного секретаря ван Гельмонта. По мнению Аллисон Кудерт, Попль мог познакомиться с Локком через ван Гельмонта. См.: *Coudert A. P.* John Locke and Francis Mercury van Helmont // *Everything Connects: in Conference with Rich-*

В предисловии к переводу «*Epistola*» Попль сообщал читателям, что «*Epistola*» «уже переведена» на голландский и французский языки, однако это не соответствовало действительности: если такие планы и существовали, то так и не были реализованы. Французский перевод появился лишь в 1710 г., что касается перевода на голландский, то, хотя он и был опубликован, ни один экземпляр его не сохранился. Голландское издание 1734 г., вышедшее в Амстердаме, опирается не на первое — гипотетическое — голландское издание, а на английский перевод¹⁵. За пределами Нидерландов, если не считать английского перевода, «*Epistola*» получила известность благодаря сокращенной французской версии, опубликованной Ле Клерком в декабре 1689 г. в «*Bibliothèque Universelle et Historique*».

Разберем теперь вопрос о контекстах «*Epistola de Tolerantia*» и «Послания о толерантности».

Согласно Монтюори и многим другим исследователям, контекстом составления «*Epistola*» послужили два события, произошедшие в это время во Франции и Англии. Во Франции в октябре 1685 г. эдиктом Фонтенбло был отменен Нантский эдикт 1598 г., гарантировавший светские и религиозные права французских протестантских подданных. Это привело к репрессиям и убийствам, насильственному обращению в католицизм, иногда под пыткой, примерно 700 тысяч и бегству около 200 тысяч гугенотов из Франции в другие страны Европы, прежде всего в Англию и Нидерланды, к уничтожению во Франции всех протестантских храмов и самого протестантского вероисповедания.

При этом отмена Нантского эдикта была лишь кульминацией репрессий, начавшихся с приходом Людовика XIV к власти и резко усилившихся в начале 1680-х гг., когда вышел королевский эдикт о детях, которых при нежелании родителей-протестантов переходить в католичество забирали из семей и направляли в католические интернаты. Репрессии против протестантов и разрушение храмов нашли отражение в дневниках Локка во время его пребывания на юге

ard H. Popkin: *Essays in His Honour* / Ed. by J. E. Force and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill. 1999. P. 91.

15. См.: *Montuori M. John Locke on Toleration and the Unity of God*. — Amsterdam: J. C. Gieben Publishers, 1983. P. XXXVIII.

Франции — в Монпелье¹⁶. В основе репрессивных мер лежала идея объединения французской нации в одной вере, что, как считалось, было невозможно без уничтожения «еретиков и схизматиков». Важным эпизодом стала очередная попытка истребления в 1686 г. в Пьемонте сообщества вальденсов, или водуа — единственной в Европе некаатолической религиозной группы, пережившей Средние века и считавшейся протестантами «святой», т. е. хранившей традицию апостольского преемства. Например, гуситская церковь, будущая «Unitas Fratrum», получила своего первого епископа именно благодаря вальденсам.

Вторым важным контекстом написания «Epistola», по мнению Монтуори, был конфликт между королем Яковом II, с одной стороны, и парламентом и англиканской церковью — с другой. Их разногласия стали прелюдией к «славной революции» 1688–1689 гг.

Монтуори исходит из того, что «Epistola» была написана в 1685–1686 гг. Но даже если это так и эти события — и отмена Нантского эдикта, и действия Якова II — повлияли на содержание «Epistola», публикация как оригинала на латыни, так и перевода его на английский язык состоялись позже — в 1689–1690 гг. Несмотря на то что общие для того и другого издания антикатолические и антифранцузские мотивы оставались неизменными в период с 1685 по 1690 г., в целом «нидерландский» и «английский» контексты за это время серьезно трансформировались в результате «славной революции» 1688–1689 гг. И поэтому на самом деле в качестве времени существования возможных контекстов следует рассматривать не только 1685–1686 гг., но и 1688–1689 гг., причем последние — в приоритетном порядке.

Начнем с контекстов, в которых был сделан английский перевод. В отличие от латинского оригинала, перевод на английский язык был снабжен кратким предисловием, авторство которого в конечном счете приписали тому же Поплю. Это возложило на переводчика ответственность за громко прозвучавшую сентенцию, специально вынесенную лордом Кингом в эпиграф к его знаменитой биографии «Жизнь Джо-

16. См.: Locke's Travels in France, 1675–1679: As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. — Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

на Локка»: «Абсолютная свобода, праведная и истинная свобода, равноправная и внепартийная свобода — вот в чем мы нуждаемся». Однако из текста предисловия не ясно, кем оно написано, и обращение к читателю можно принять за слова автора «*Epistola*», который и перевел свой трактат (как бы странно это ни звучало) с латыни на родной английский язык.

При этом само «Послание», по сути дела, отказывало в толерантности католикам (хотя и не прямо, а по аналогии с полной невозможностью толерантно относиться к «магометанам», подчиняющимся другому властителю), а также атеистам и «либертинам» (развратникам); и все это вряд ли можно назвать позицией, характеризуемой словосочетанием «абсолютная свобода». Но именно благодаря фразе об «абсолютной свободе», сформулированной в *предисловии* к памфлету, «Послание» стало известно широкой публике.

Первым откликом на английский перевод «Послания о толерантности» стал памфлет Томаса Лонга под названием «Послание в пользу толерантности разгадано, и абсурдность и нечестивость абсолютной толерантности продемонстрированы пресвитерианами, индепендентами, г-ном Кальвином, г-ном Бакстером и парламентом»¹⁷. Ранее Лонг, пребендарий Эксетерского собора, в своей работе «История донатистов» (1677) сравнивал донатистов, предмет критики Аврелия Августина, с диссентерами, «охваченными духом Доната». Локк же, с его точки зрения, своими идеями открывал дорогу в англиканскую церковь и туркам, и евреям, и вообще всем подряд. Общий вывод памфлета Лонга: цель толерационистов — свержение англиканской церкви и реставрация католицизма посредством иезуитского заговора. Локк не счел необходимым отвечать на памфлет Лонга, однако, по словам Марка Голди, нет сомнения, что, когда он писал второе и третье послания о толерантности, отвечая на критику Джонаса Проста, то «имел в виду августинизм в духе Лонга»¹⁸.

17. *Long Th.* The Letter for Toleration Decipher'd, and the Absurdity and Impiety of an Absolute Toleration Demonstrated, by the Judgement of the Presbyterians, Independents, and Mr. Calvin, Mr. Baxter, and the Parliament. — London, 1689. См.: *Yolton Jean S.* John Locke: A Descriptive Bibliography. — Bristol: Thoemmes Press, 1998. P. 1, 439.

18. *Goldie M.* Religious Intolerance in Restoration England // From Persecution

Лонг выступил в защиту «славной революции», а на кен-терберийской конвокации 1689–1690 гг. принял участие в блокировании проекта «включения», в необходимости которого сомневался и сам Локк. В своих памфлетах, написанных после 1688 г. в защиту новой власти¹⁹, Лонг заявлял, что революция не дала королевским подданным права на сопротивление, хотя принцип несопротивления может быть и приостановлен в чрезвычайных обстоятельствах. Нового короля следует признать, потому что Яков отрекся от трона; потому что Вильгельм завоевал Англию и осуществлял теперь власть *de facto* и потому что народ всегда должен принимать провиденциальное спасение от угнетения. Что касается чрезвычайного положения, то оно следовало из союза Якова с французским королем, который, собственно говоря, и проводил политику истребления протестантов на континенте, планируя сделать это в Англии. Кроме того, на кону стояла судьба всего христианского мира, поставленного под угрозу поглощения универсальной монархией Людовика.

Как видим, Лонг повторял дословно все аргументы вильгельмитов. Тем более примечателен тот факт, что Лонг выступил против Локка и его толерационизма: это говорит о том, что не только «Два трактата о правлении», но и «Послание о толерантности» были восприняты вильгельмитами как нечто не вполне корреспондирующее с новым политическим курсом англиканской церкви.

В свете парламентского Акта о толерантности 1689 г., перечислявшего целый ряд ограничений не только для католиков, но и для диссентеров, прежде всего для унитариев (антитринитариев), тезис об абсолютной свободе, прозвучавший в предисловии к «Посланию о толерантности», можно было расценить как публичный вызов, а его автора отнести к приверженцам Якова II и его Деклараций о снисхождении 1687 и 1688 гг.

to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 345.

19. [Long Th.] A Resolution of Certain Quaeries concerning Submission (1689); [Long Th.] Reflections on a Late Book Entitled the Case of Allegiance Consider'd (1689); [Long Th.] A Full Answer to All the Popular Objections that have yet Appeared for not Taking the Oath (1689); [Long Th.] The Historian Unmask'd (1689).

Для такого вывода имелись свои основания. Уильям Попль, как уже отмечалось, смог вернуться в Англию благодаря вмешательству Пенна и Якова II. В мае 1688 г., в разгар акций «пассивного послушания» (на более современном языке — «пассивного сопротивления»), устроенных англиканской церковью, он опубликовал «Три письма», в которых призывал к отмене всех карательных законов в области религии и к принятию вместо них закона, запрещающего любое нарушение свободы совести. Гарантом выполнения такого закона, по Поплю, должен был стать король, а чиновники должны были принести соответствующие клятвы.

Для полноты картины стоит, наверное, привести характерную фразу из памфлета, изданного Поплем в 1690 г.: «Свобода совести, поэтому универсальная, внепартийная, нерушимая, является истинной выгодой и великим долгом правителя и народа»²⁰. Все указывает на то, что, по замечанию Каролин Роббинс, «Попль по-своему отдавал свой долг Якову»²¹. Иначе говоря, в 1688 г., накануне революции, Попль был яковитом.

Собственно говоря, Локк не предполагал, что кто-либо узнает о том, что именно он является автором «Послания о толерантности». Другой вопрос, для чего Локк вообще участвовал в предприятии, которое противоречило его интенциям. Более того, в вышедшем одновременно с «Посланием» «Опыте о человеческом понимании» однозначно утверждалось, что «никакое правительство не допускает абсолютной свободы»²².

Это возвращает к вопросу о контекстах латинской «Epistola». Надо сказать, что датировка «Epistola» концом 1685 г. — началом 1686 г. или даже всем 1686 г., основывающаяся на жизнеописании Локка Ж. Ле Клерком, вызывает сомнение именно с точки зрения контекста. Если «Epistola» написана в Нидерландах, то не очень понятно, почему

20. *Popple W.* A Discourse of Human Reason with relation to matters of Religion. — London, 1690. P. 94.

21. См.: *Robbins C.* Absolute Liberty: The Life and Thought of William Popple, 1638–1708 // *The William and Mary Quarterly. Third Series.* 1967. Vol. 24. No. 2. P. 190, 205.

22. *Locke J.* An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 550.

Локк настаивает на запрете католицизма, делая это в стране, в которой католики пользовались, пусть не официально, а де-факто, теми же религиозными правами, что и, например, ремонстранты? Не можем же мы предположить, что он выступил против политики голландских властей. Для целого века, находящегося под их патронажем, это было бы очень странным шагом.

Впрочем, по замечанию, в частности, Дж. Маршалла, во второй половине 1680-х гг. под давлением бежавших в Нидерланды гугенотов голландская реформатская церковь начала проявлять признаки изменения своей толерационистской позиции, главным образом в отношении католиков, но также и других религиозных групп. Чтобы сделать аргументы, направленные против католиков, весомее, распространялось мнение, что опасность представляют не рядовые католики, а «регулярный клир», т. е. прежде всего иезуиты, а также члены других орденов. И лишь благодаря Вильгельму Оранскому, выступившему, в ситуации противостояния с Францией и в военном союзе с католическими государствами Европы, за толерантность к католикам, «не были введены серьезные ограничительные меры, пользовавшиеся в конце 1680-х гг. поддержкой большинства голландского населения»²³. Тем не менее невозможно представить себе Локка, сторонника и подданного Вильгельма и друга ремонстранта Лимборха, выступающим на стороне радикальных сил в голландской реформатской церкви и против политики стаххаудера.

Следовательно, речь шла не о ситуации в Нидерландах — имелась в виду Англия. Такой вывод напрашивается. Но не следует с необходимостью.

Ибо зачем писать «*Epistola*» на латыни, раз речь в ней идет не о последствиях отмены Нантского эдикта, а о ситуации в родной Англии, где парламент и англиканская церковь вступили в конфликт с королем Яковом? Неужели для того, чтобы защитить «англиканский роялизм» от нападок короля-католика? Маловероятно. Далее, если текст написан на злобу дня, в применении к событиям 1685–1686 гг.,

23. Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 142.

отчего он не был опубликован немедленно, дабы повлиять на события — как делали авторы других памфлетов? Ответ прост — «*Epistola*» вообще не предназначалась для публикации. Хотя формат «*Epistola*» говорит об обратном.

С английским вариантом (т.е. текстом перевода) дело обстоит, казалось бы, проще. «Послание о толерантности», как и «Два трактата о правлении», явно адресовано Вильгельму III, хотя, в отличие от «Двух трактатов», в нем отсутствует прямое обращение к королю. Если это так, если в этом состояла интенция публикаторов «*Epistola*», то почему бы не предположить, что латинский текст написан не в 1685–1686 гг., а в 1688 г., когда все уже знали о предстоящем вторжении принца Оранского в Англию? Это объяснило бы и то, почему письмо, имеющее собственную литературную форму, превратилось, по сути дела, в памфлет.

Если временем написания «латинского» памфлета (вероятно, основанного на «письме» середины 1680-х гг.) считать начало 1688 г., то все вроде бы встает на свои места. «*Epistola*» и последовавший перевод памфлета на английский язык были обращены к принцу Оранскому/Вильгельму III, а полемика ведется с приверженцами концепций «нетерпимости»: в «*Epistola*» — в нидерландском и общеевропейском контекстах, а в «Послании» — в контексте английском.

По мнению Монтюори, контекстом перевода, сделанного Поплем, было разочарование, которое испытали унитарии (или антитринитарии, или социниане) после принятия в мае 1689 г. Акта о толерантности (буквально — «об освобождении от наказаний»). «*Послание*... очень отличается от *Epistola*, это два разных текста, отражающих две разные исторические ситуации, а именно отмену Нантского эдикта, породившую *Epistola*, и исключение унитариев из религиозной толерантности, ставшее причиной перевода на английский язык... которому было суждено стать сердцем и голосом протеста унитариев»²⁴.

Однако цель Локка — не защита унитариев, он решает совершенно другую задачу, говоря в «Послании» о необходимости разделения в системе правления «светского» (*civil*)

24. Montuori M. John Locke on Toleration and the Unity of God. — Amsterdam: J. C. Gieben Publishers, 1983. P. 169.

и «церковного» (ecclesiastical). Магистрат, согласно Локку, должен озаботиться тем, чтобы в стране была установлена и поддерживалась толерантность, противоположная преследованиям и насилию, основывающимся на концепции государственного религиозного единообразия.

«Послание о толерантности» не было, как полагал Монтуори, выражением его унитаристских или социнианских взглядов. Локк неоднократно заявлял о своей принадлежности к англиканской церкви и, соответственно, в качестве англиканина признавал догмат о Троице. Локк всегда оставался членом Церкви Англии, причащался и посещал ее службы, перед смертью исповедался местному викарию и был похоронен по англиканскому обряду на англиканском кладбище.

В 1672–1673 гг. Локк был секретарем по церковным представлениям (назначениям) при лорде-канцлере графе Шефтсбери, а это означало, что он занимал весьма высокое положение и был приближен к церкви, хотя и не посвящен в духовный сан. В 1673 г. Локк вошел в качестве секретаря в Совет по торговле вместо своего предшественника и непосредственного начальника многоопытного Бенджамина Уорсли. Все эти должности предполагали, что Локк неоднократно присягал на верность и королю, и англиканской церкви. В 1696 г. Локк вновь подтвердил свое право заседать в Совете по торговле, принеся присягу верности королю и церкви.

После «славной революции» он иногда использовал свои связи, чтобы пристроить друзей. «Среди его друзей были по меньшей мере три англиканских епископа. Из английских духовных лиц, с которыми он переписывался, сорок шесть были англиканами и лишь четыре диссентерами. <...> Толерантное отношение к сектам не следует считать ключом, раскрывающим его религиозную принадлежность»²⁵.

В марте 1689 г. Локк писал Лимборху: «Вопрос о толерантности поднят в парламенте двояким образом, под наименованиями „включения“ и „снисхождения“. Первое означает расширение границ церкви, имея в виду включе-

25. Goldie M. Locke, Proast and Religious Toleration // The Church of England, c. 1689 – c. 1833: From Toleration to Tractarianism / Ed. by J. Walsh, C. Haydon and S. Taylor. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 144.

ние большего числа верующих через отмену части обрядов. Последнее означает толерантность к тем, кто либо не желает, либо не способен объединиться с Церковью Англии на предложенных условиях»²⁶.

Собственно говоря, отношение к только что утвержденному королем Акту о толерантности (24 мая 1689 г.) выражено в письме Локка Лимборху от 6 июня 1689 г.: «Нет сомнений, вы уже слышали, что толерантность в нашей стране наконец установлена законом. Не столь широкая, как хотелось бы вам и таким, как вы, истинным христианам и людям, не связанным амбициями или завистью. И все-таки это уже кое-что. Надеюсь, что это начала, полагающие основания той свободы и того мира, на которых будет когда-нибудь установлена церковь Христа»²⁷. В ответ Лимборх 8/18 июля 1689 г. пишет: «Надеюсь, что, когда Англия получит представление о натуре принца, его благожелательности и справедливости, мы наконец увидим появление полной толерантности, согласно которой сила не может даже в наималейшей степени применяться к совести какого бы то ни было человека»²⁸.

Примечательно письмо Локка Лимборху от 10 сентября 1689 г., в котором тот пишет: «Введенная между нами определенная мера снисхождения пока... не приводит к полному урегулированию разногласий между умами и партиями, хотя после того, как была дарована свобода, не согласные друг с другом [люди] ведут себя гораздо более мирно и сдержанно, чем я ожидал. Что касается „включения“, то об этом уже кое-что известно. Имеется намерение представить его на следующей сессии парламента, что, я думаю, произойдет в скором времени. Какой эффект будет иметь эта мера в случае своего принятия, мне пока не ясно, не питаю я и надежды на то, что таким способом установится церковный мир. Люди всегда будут расходиться друг с другом по религиозным вопросам, а соперничающие партии будут продолжать ссориться и вести войны, пока установление равной свобо-

26. The Correspondence of John Locke. Vol. III / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 583–584.

27. Ibid. P. 633.

28. Ibid. P. 647.

ды для всех не обяжет их к взаимному милосердию, посредством которого все будут соединены в одно тело»²⁹.

Возможно, что история с публикацией английского перевода развивалась следующим образом. До получения лицензии от цензора оставалось еще достаточно времени, более трех недель (лицензия датирована началом октября 1689 г.), чтобы Лимборх мог ознакомить Уильяма Поппля с содержанием сентябрьского письма Локка. После этого Поппль снабдил свой перевод предисловием «К читателю» и, хотя и не получил от Локка необходимого согласия, все же точно выразил его точку зрения на суть происходящих событий.

Вопрос о «согласии» Локка следует обсудить особо. В кодицилле к завещанию Локк написал: «Настоящим я передаю в публичную библиотеку Оксфордского университета следующие книги, а именно три послания о толерантности, первое я написал на латыни, и оно было опубликовано в Терпоу в Голландии в 1689 г. под названием *Epistola de Tolerantia*, а впоследствии переведено на английский, без моего согласия»³⁰.

О том, что именно подразумевалось под «without my privacy», можно судить по следующему эпизоду. В связи с выходом в январе 1688 г. журнала Ле Клерка «*Bibliothèque Universelle et Historique*», где должно было появиться в переводе на французский сокращенное изложение «Опыта о человеческом понимании», для наблюдения за публикацией перевода, сделанного с английской рукописи, Локк специально приехал в Амстердам из Роттердама. «Privacy» могло означать как раз такое пристрастное внимание к публикации своего произведения со стороны автора, «without privacy» — отсутствие такового.

В развитие этого тезиса можно высказать такую гипотезу относительно «Послания»: «without my privacy» могло относиться не только и не столько к переводу Поппля, сколько к латинскому изданию. *В пользу этой гипотезы* в какой-то мере говорит и то, что Локк передал в Бодлеанскую библиотеку и латинский, и английский тексты «Послания о толерантности»,

29. Ibid. P. 689.

30. The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 426.

завещав переплести их и остальные свои «послания», а также «Письма» Джонаса Проста (!) вместе в один том, чтобы была понятна вся в целом полемика и его собственная позиция.

Против этой гипотезы, правда, говорит уже цитирувавшееся письмо Лимборха от 8/18 июля 1689 г., где он пишет Локку: «Рад, что трактат о толерантности переводится на английский. <...> Здесь думают, что он был написан неким ремонстрантом, поскольку позиции, в нем защищаемые, согласуются с ремонстрантскими принципами. Однако они не знают никого среди ремонстрантов, кому можно было бы приписать его авторство. И поэтому кое-кто предполагает, что, хотя автор, возможно, и не входит в ремонстрантские круги, он, тем не менее, пропитан ремонстрантским учением. Со своей стороны, я поздравляю себя с тем, что столь высокоочуенная книга, которая должна сослужить важную службу общему делу христианства, считается неспособной произойти откуда-нибудь еще, кроме ремонстрантского цеха. Они пытались выяснить у типографа, откуда он ее взял, однако тот говорит, что ничего не знает: памфлет был прислан в пакете, на котором не стояло ни имени, ни даты»³¹. Эти слова вполне можно истолковать как свидетельство того, что Локк прекрасно знал о публикации «Epistola» в Гауде Лимборхом.

К чему же тогда относятся слова «without my privity»? Они могли относиться к другой особенности равно «Epistola» и «Послания». Латинский текст «Epistola» содержал постскрипtum, в котором излагались известные аргументы, приводившиеся неортодоксальным католиком Дирком Корнхертом, неортоксальным кальвинистом Якобом Арминием, профессором теологии в Лейдене и автором ремонстрантского символа веры Симоном Епископием, а также ремонстрантами в лице кодификатора арминианства Филипа ван Лимборха. Аргументы эти отвечали на обвинения в расколе, выдвигавшиеся гомаристами — последователями контрремонстранта Франциска Гомария, кстати, обвинявшими арминиан в католицизме и подрывной деятельности. И что примечательно, постскрипtum был воспроизведен

31. The Correspondence of John Locke. Vol. III / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 647–648.

и в английском переводе. В любом случае в последней части памфлета речь идет о религиозных разногласиях, имевших место именно в Нидерландах.

Итак, если считать, что «*Epistola de Tolerantia*» в литературной форме памфлета написана в 1685–1686 гг., следует все же сделать вывод, что постскрипtum был добавлен позднее. Если же не исходить из этого допущения, то наличие постскриптума может служить еще одним доводом в пользу более поздней датировки самой «*Epistola*», а также — «ремонстрантской» редакции исходного текста. В английском «переводе» «Послания о толерантности» (что является замечательным и недооцененным в историографии фактом) место перечисленных Локком в латинском варианте конфессий, которым следует предоставить равные права, занимают «пресвитериане, индепенденты, анабаптисты, арминниане, квакеры и другие», в целом неизмеримо более близкие к английскому контексту³².

* * *

Согласно еще одной точке зрения на вопрос о датировке «*Epistola*», высказанной Луизой Симонутти, памфлет был все же написан во второй половине 1685 г., но не в Голландии, а в Клеве. Не утверждая прямо, Симонутти фактически предлагает трактовку, связывающую написание «*Epistola*» и ее смысловой контекст с пребыванием Локка в Клеве, где располагался двор великого курфюрста Фридриха Вильгельма I Бранденбургского.

Фридрих Вильгельм проводил политику активного привлечения мигрантов, стремясь к усилению торгового и демографического потенциала своего курфюршества, а 29 октября 1685 г., спустя три недели после отмены Нантского эдикта, издал собственный, Потсдамский эдикт, который открыл границы французским беженцам-гугенотам и предоставил всем, кто желал поселиться в Бранденбурге, льготы

32. *Locke J. A Letter concerning Toleration and Other Writings* / Ed. by M. Goldie. — Indianapolis: Liberty Fund, 2010. P. 58–59. Голди замечает, что во французском издании 1710 г., хотя и ориентировавшемся на английский перевод, этот список приводился по латинскому варианту и возвращал тем самым исходный контекст.

и помощь, не обуславливая это отказом от вероисповедания. Локк находился в Клеве во второй половине 1685 г. в качестве гостя секретаря великого курфюрста, однако вскоре, обманувшись в ожиданиях, внушенных неким неизвестным лицом, вернулся в Амстердам³³.

Если мысленно представить себе, что все началось с Клеве, то послание, написанное Локком, могло быть обращено к Фридриху Вильгельму или кому-то из его окружения. Единственным и очень важным «но» здесь является то, что политика толерантности Фридриха Вильгельма была значительно более широкой, чем та, которая предлагалась Локком. Навероятно, чтобы, стремясь поступить на службу к великому курфюрсту, Локк мог допустить столь грубый промах.

Ведь еще в 1648 г. по условиям Вестфальских договоров, положивших конец Тридцатилетней войне, были признаны права конфессий на компактное проживание и толерантность. В тех местностях и городах, где существовало несколько конфессий, жители скрупулезно соблюдали правила, официальные и неофициальные, позволявшие им не ссориться друг с другом из-за религиозных вопросов. В лютеранском Нюрнберге, например, могли проживать и отправлять свою веру католики, пользовавшиеся для этого половиной церкви, а в католическом Вормсе лютеране могли пользоваться одной из церквей и кафедрой в доминиканском монастыре, в то время как кальвинисты должны были пользоваться церковью в паре километров от города на территории палатината. Половина церкви в Нюрнберге была свободна после того, как лютеране заканчивали там службу, а кафедра в Вормсе становилась протестантской каждое второе воскресенье. В некоторых городах католики, лютеране и кальвинисты проводили свои богослужения, деля день по часам согласно жребию, при этом католики по окончании мессы закрывали алтарь покрывалом, чтобы не оскорблять этим две другие конфессии. Во время шествий католики зачастую приопускали кресты и прекращали пение,

33. *Simonutti L.* Limborch, Philippus van, 1633–1712 // *The Continuum Companion to Locke* / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London — N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 66; *Simonutti L.* Political Society and Religious Liberty: Locke at Cleves and in Holland // *British Journal for the History of Philosophy*. 2006. Vol. 14. No. 3.

проходя через протестантскую территорию в том или ином городе, а иногда вообще избегали протестантских улиц³⁴.

Еще в декабре 1665 г. Локк, находясь в составе дипломатической миссии в Клеве, писал Роберту Бойлю: «Городок небольшой, не очень укрепленный и не очень миловидный, здания и улицы не отличаются правильностью, как и религия, которая ничуть не более единообразна: официально разрешены три вероисповедания. Кальвинистов больше, чем лютеран, а католиков больше, чем первых двух (однако ни один папист не занимает [светского] поста); кроме того, имеются немногочисленные анабаптисты, на которых не распространяется официальная толерантность. Но все же различия между церквями не сказываются на их взаимоотношениях, они спокойно позволяют друг другу выбирать свой путь к небесам, и я не наблюдаю никаких ссор и никакой вражды между ними в том, что касается религии. Добрые отношения обязаны собой отчасти власти магистрата, а отчасти благоразумию и добродушию народа; люди (как я нахожу, разговаривая с ними) имеют различные мнения, не питая друг к другу тайной ненависти или злобы»³⁵.

Если верна *неявная гипотеза* Симонутти, то копию своего текста Локк мог послать Лимборху для ознакомления и обсуждения в качестве ответной любезности. Известно, что Лимборх для тех же целей давал Локку рукописи своих работ «Христианская теология, обращенная к одному лишь благочестию и ради содействия христианскому миру» («Theologia Christiana, Ad praxin pietatis ac promotionem pacis Christianae unice directa»; издана в Амстердаме в 1686 г.) и «Об истинности христианской религии: дружеский спор с ученым евреем» («De veritate religionis Christianae, Amica collatio cum erudito Judaeo»; издана в Гауде в 1687 г.).

По всей видимости, рукопись Лимборха была прочитана Локком еще до составления «Epistola»: это объясняет следы явного влияния арминианских идей, в частности идей Лимборха о связи между тиранической властью и религиозными преследованиями. Окончательный же вариант был, возмож-

34. См.: Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 25–28.

35. The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 228.

но, отредактирован латинистом и ремонстрантом Жаком Бернаром и дополнен самим Лимборхом в последней части, содержащей ответ гомаристам. Исправления и дополнения могли быть сделаны и в основном тексте. Ле Клерк, по-видимому, был в курсе происходящего благодаря Бернару, но не знал деталей и исходного контекста, поэтому и обратился после смерти Локка к леди Машем за разъяснениями относительно «адресата»³⁶.

В таком случае «without my privity» можно отнести к *переработке* Лимборхом и Бернаром текста некоего реального письма, отправленного Локком Лимборху в 1685 г., *переделке его в памфлет с добавлениями*. Эта гипотеза могла бы объяснить смысл всех связанных с публикацией «Epistola» обстоятельств и событий.

* * *

Слухи о «Послании о толерантности» ходили самые разные. В качестве его авторов, помимо самого Лимборха, назывался кузен Ле Клерка гугенот Жак Бернар, бежавший в Голландию и ставший ремонстрантским пастором в Гауде, а также англо-шотландский капеллан и историограф — сначала, долгое время, Карла II, а потом Вильгельма III — и будущий епископ Солсберийский Гилберт Бернет³⁷, в 1684–1688 гг. находившийся в наполовину вынужденной ссылке в Нидерландах, где он стал «главным политическим пропагандистом Вильгельма и Марии»³⁸.

36. «Epistola de Tolerantia» точнее было бы переводить как «Послание о толерантности достославному мужу», или, буквально, «мужу ясновельможному», а еще точнее, учитывая, что *vir clarissimus* — не что иное, как один из титулов Римской империи, указывающий на принадлежность к сенату, — как «Послание о толерантности клариссиму». Это и другие подобные ему обращения неоднократно встречаются в письмах Локка к Лимборху, как если бы существовала некая система обращений, в которую была вовлечена определенная группа лиц, в том числе леди Машем и Лимборх. См.: *Turnbull G. H. Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius*. — Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 14.

37. *Cranston M. John Locke: A Biography*. — London: Longmans, Green and Co, 1968. P. 321.

38. *Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 160.

Уступив настойчивым просьбам Генелона (возможно, под нажимом его друга торговца и выходца из семьи гугенотов Пола Д'Аранда³⁹) раскрыть имя автора, Лимборх назвал весной 1690 г. Локка, что вызвало бурю негодования со стороны последнего. Лимборх никак не мог понять причин столь бурной реакции, однако для искреннего возмущения были свои причины.

Близость к Тиллотсону, которого за глаза называли главой «банды латитюдинариев» и «антиепископов», обязывала Локка вести себя крайне осторожно, поэтому информация о том, что он написал «ремонтрантский» текст, да еще и призвал к «абсолютной свободе», появилась в неподходящий момент и могла сослужить плохую службу «общему делу» продвижения политики толерантности внутри самой англиканской церкви. Тезис об «абсолютной свободе», т.е. абсолютной толерантности (в том числе и по отношению к военному противнику — католику Людовику XIV), активно обыгрывался в войне политических памфлетов, разгоревшейся после «славной революции». В самом мрачном раскладе эта «абсолютная свобода» могла истолковываться как позиция, исходящая из лагеря яковитов и франко-католиков — открытых врагов нового режима.

Следует добавить, что в любом случае активное участие в политической борьбе не входило в планы Локка: внести свой посильный и косвенный вклад он, конечно, мог, но не более того: история с заговором, в который он оказался невольно замешан в начале 1680-х гг., научила его держаться как можно дальше от политики. Но что было делать? Из-за неспособности Лимборха солгать или хотя бы промолчать в ответ на прямой вопрос теперь все знали, кто является настоящим автором «Послания о толерантности».

«Утечка» информации об имени автора — Локка, допущенная, как повествует легенда, в результате некоторой слабости Лимборха, якобы не сумевшего сохранить тайну, могла быть устроена и сознательно. Чтобы продвигать толерационистские идеи в английском контексте, «республике знаний» нужна была точка опоры в самой Англии. Как и в случае с «Опытом о человеческом понимании», имен-

39. Ibid. P. 484.

но «République des Lettres» — объединение диссентеров и толерационистов, а может быть в какой-то мере и неортодоксальных католиков — подтолкнуло Локка к анонимной публикации, поскольку сам он, будучи человеком чрезвычайно осторожным, наверное, никогда не выступил бы со столь радикальной позицией от своего имени.

После того как имя автора «Послания о толерантности» было раскрыто, Локку уже не оставалось ничего другого, как защищать «свою» позицию, что он и делал до конца жизни, полемизируя с Джонасом Простом.

Идеи, которые он развивал, оказались во многом, хотя и не во всем, похожи на идеи арминиан, или ремонстрантов. Нельзя сказать, что это было случайностью, если учесть относительную близость позиций голландских арминиан и англиканского антикальвинизма.

Голландские ремонстранты и английские антикальвинисты

ПОСЛЕДНИЕ четыре главы «Theologia Christiana» Лимборха, посвященные веротерпимости и незаконности применения насилия к еретикам, Локк, как уже отмечалось, прочитал еще до выхода этого труда в свет в 1686 г. В 1681 г. в письме Ле Клерку Лимборх говорил о своем намерении опубликовать отдельный латинский трактат «De Tolerantia», однако спустя несколько месяцев информировал адресата, что поместил текст в конец труда о христианских «институциях». В конце «Theologia Christiana» Лимборх говорит об идеале церкви — о едином ее теле или по меньшей мере о конфедерации церквей, объединенных верой во Христа и послушанием Его закону, придерживающихся принципа толерантности к различным мнениям, в том числе по самым важным вопросам. «Страницы, которые Локк посвящает определению церкви и ее целей... — пишет Луиза Симонутти, — повторяют аналогичную трактовку вопроса Лимборхом»¹. В той же статье отмечаются и другие аналогии между «Epistola» и последними четырьмя главами «Theologia Christiana».

Сам Лимборх отрицал и свое авторство, и причастность ремонстрантов к «Epistola», заявив, что не знает ни одного ремонстранта с таким хорошим знанием латыни. И тем не менее, что бы ни говорил Лимборх, «Epistola» несомненно имела, кроме антифранцузского и антикатолического, особый религиозный контекст, связанный с борьбой ремонстрантов с кальвинистской церковью и кальвинизмом как

1. *Simonutti L.* Political Society and Religious Liberty: Locke at Cleves and in Holland // *British Journal for the History of Philosophy*. 2006. Vol. 14. No. 3. P. 427.

системой взглядов, что стало результатом их острого конфликта в начале XVII в.

Существуют разные оценки роли арминианства в истории протестантизма. Приведем оценку Переца Загорина: «Арминианство нанесло сильнейший удар по основополагающей кальвинистской концепции [предопределения] и всем ее выводам... став самым главным и грозным интеллектуальным вызовом кальвинизму из всех, появлявшихся до этого в протестантской Европе»². По мнению Николая Тияке, «сам Арминий в 1590-е гг. усвоил взгляды лютеранина Филиппа Меланхтона и его датского ученика Нильса Хеммингсена. По сути дела, то, что стало называться арминианством, практически неотличимо от меланхтонианской ветви лютеранства»³.

Ремонстрантами арминиан стали называть после того, как в 1610 г., уже после смерти Арминия, они выступили с «Ремонстранцией» (*лат. remonstrantia* — свидетельство, представление), написанной при участии Симона Епископия и Йоханнеса Итенбогарта. В этом манифесте в пяти пунктах была сформулирована позиция, направленная против учения Кальвина о предопределении.

Суть ремонстранства заключалась в вере в универсальность благодати и в свободную волю всех людей на пути к спасению, поэтому оно отвергало учение кальвинизма о том, что мир поделен на избранных и нечестивцев, которых Бог произвольно предопределил соответственно к раю и аду⁴. Идеи ремонстрантов были похожи на идеи многих современных им католиков и лютеран, поскольку речь шла о классической теме благодати и свободы воли человека (например, у Иоанна Златоуста), поэтому говорить о собственно *арминианстве* имеет смысл исключительно в его противостоянии кальвинизму, т. е. в его особом историческом контексте.

2. Zagorin P. How the Idea of Religious Toleration Came to the West. — Princeton and Oxford: Prenceton University Press, 2003. P. 165–167.

3. Tyacke N. Aspects of English Protestantism: c. 1530–1700. — Manchester and New York: Manchester University Press, 2001. P. 156.

4. Разумеется, такое понимание кальвинизма не может считаться его определением и требует корректировки, поскольку высказывалось в контексте острого и *политического* противостояния начала XVII в.

Если вера существенно важна для спасения, веруем ли мы, потому что Бог уже избрал нас, или мы избраны в свете нашей веры? Арминий был убежден, что избрание обусловлено верой.

Впрочем, оригинал всегда лучше любого изложения. Приведем классический текст: «Арминианские статьи, или Ремонстранция»⁵.

ARTICULI ARMINIANI SIVE REMONSTRANTIA

«Статья 1. Бог, через вечный, неизменный замысел в Иисусе Христе Своем Сыне, прежде основания мира, постановил из рода людского, впавшего в грех, спасти во Христе, Христом и через Христа тех, кто, по благодати Святого Духа, уверует в Его Сына Иисуса и через сию благодать до самого конца будет стойким в этой вере и послушании вере; и наоборот, оставить неисправимых и неверующих в грехе и под гневом и осудить их как чуждых Христу, по слову благовествования в Евангелии от Иоанна (3: 36): „Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем“, — и также согласно другим местам Писания.

Статья 2. Соответственно, Иисус Христос, Спаситель мира, умер ради всех людей и каждого в отдельности, снискав для всех них, своею смертью на кресте, искупление и прощение грехов; однако так, что никто не причастен к этому искуплению грехов, кроме верующих, по слову Евангелия от Иоанна (3: 16): „Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную“. И в Первом послании Иоанна (2: 2): „Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира“.

Статья 3. Человек не имеет спасающей веры ни от самого себя, ни силой своей свободной воли, поскольку он, находясь в состоянии [бого] отступничества и греха, не может из себя и благодаря себе ни мыслить, ни волиять, ни делать ничего благого (такого, что было бы поистине благом, чем в первую очередь и является спасающая вера); но необходимо, чтобы он от Бога, во Христе, Духом его Святым родился вновь и об-

5. Schaff Ph. The Creeds of Christendom. Vol. III. — New York, 1884. P. 545–549.

новился в понимании, страстях или воле и во всех своих способностях, дабы мог правильно понимать, мыслить, волеить и совершать истинно благое, согласно Слову Христа в Евангелии от Иоанна (15: 5): „Без Меня не можете делать ничего“.

Статья 4. Эта благодать Божья есть начало, продолжение и завершение всякого блага, так что даже обновленный человек сам, без предваряющей или помогающей, пробуждающей, сопровождающей и содействующей благодати, не может ни мыслить, ни волеить, ни делать благо, ни противиться любым искушениям ко злу; так что все благие дела или шаги, какие только можно представить, должны быть отнесены на счет благодати Божьей во Христе. Но что до способа действия этой благодати, то она не является непреодолимой, ибо написано касательно многих, что они сопротивлялись Святому Духу, в Деяниях, 7, и множестве других мест.

Статья 5. Те, кто принят Христом благодаря истинной вере и тем самым стал причастен Его животворящему Духу, в силах бороться против Сатаны, греха, мира и собственной плоти и одержать над ними победу; при ясном понимании, что это всегда происходит благодаря содействующей благодати Святого Духа; и Иисус Христос поддерживает их Своим Духом при всех искушениях, протягивает им Свою руку (если только они готовы к борьбе, желают получить Его помощь и не остаются бездействующими), не дает упасть и укрепляет, так что они никакой хитростью или силой Сатаны не могут быть ни введены в заблуждение, ни вырваны из рук Христа, согласно Слову Христову в Евангелии от Иоанна (10: 28): „И никто не похитит их из руки Моей“. Но способны ли они, через небрежение или еще одно отречение от первых начал своей жизни во Христе, вновь вернуться в этот сегодняшний злой мир, отвернуться от святого учения, которое было им передано, потерять чистую совесть, лишиться благодати — это должно быть более подробно выяснено из изучения Священного Писания, прежде чем мы сами сможем учить этому с полной убежденностью нашего ума.

Эти статьи, таким образом сформулированные и преподанные, ремонтранты считают согласными со Словом Божиим, пригодными к назиданию и, в этом изложении, достаточными для спасения, так что нет необходимости и дидактической нужды в подъеме на дальнейшие высоты или в нисхождении вглубь».

Ремонстранты настаивали на необходимости изменении символа веры и катехизиса голландской реформатской церкви и созыве синода по этому вопросу, однако уже в следующем году столкнулись с сопротивлением так называемых контрремонстрантов. Последние, в частности, говорили, что предопределение не обусловлено верой, искупление ограничено спасением избранных, даруемая благодать непреодолима и, наконец, что истинные верующие непоколебимы в своей вере. После ареста и казни политического лидера ремонстрантов Йохана ван Олденбарневелта и прихода к власти контрремонстранта Морица Оранского ремонстранты были осуждены Дортским (Дордрехтским) синодом (1618–1619) как еретики и нарушители спокойствия в церкви и государстве. Вместе с Олденбарневелтом был арестован и приговорен к пожизненному заключению его соратник — пенсионарий Роттердама и арминианин Гуго Гроций, которому, однако, удалось бежать из тюрьмы и получить убежище во Франции, где в 1634 г. он стал послом шведской короны при французском дворе, оставшись изгнанником до конца своей жизни.

После Дортского синода около 200 арминиан, отказавшихся подчиниться его решениям, были изгнаны из церкви, из них восьмидесяти было запрещено оставаться на территории республики. В государственном аппарате прошли чистки, направленные на избавление от лиц арминианских взглядов. Епископий и Итенбогарт вернулись в страну лишь в 1625 г., после смерти принца Морица. В дальнейшем арминиане существовали вне реформатской церкви как отдельная деноминация и придерживались позиции эрастианства, т. е. полного подчинения церкви государству: такое подчинение, считали они, должно принудить реформатскую церковь к политике толерантности.

Влияние арминианства принимало самые разные формы, разнились и представления об арминианстве. Так, в Англии наиболее известным представителем арминианства еще до периода гражданских войн и междоусобицы был архиепископ Кентерберийский (с 1633 г.) Уильям Лод.

Вполне возможно, что Локк даже не сознавал, что его взгляды сходны с арминианскими, хотя контакты ремонстрантов с английским арминианством и кембриджскими платониками, в частности с Генри Мором (членом Лон-

донского королевского общества с 1664 г.), прослеживаются с начала 1660 гг.: голландские арминиане стремились получить признание и поддержку со стороны реставрированной англиканской церкви⁶. Возможно, что арминианство ассоциировалось у Локка с Лодом и лодианцами. Возможно даже, что он был англиканином арминианского (лодианского) толка, таким же, как Джон Фелл — после реставрации декан колледжа Крайст-Чёрч и епископ Оксфордский. Во всяком случае, в «Двух трактатах о правлении» 1660 и 1662 гг. (не путать с «Двумя трактатами о правлении» 1689 г.) Локк называл лодианскую церковь «самой чистой церковью прошлых времен»⁷ и подвергал критике взгляды кальвиниста и толерациониста Эдварда Багшоу.

В конце 1660 г., в самом начале реставрации, Фелл восстал против использования в богослужении на территории колледжа Крайст-Чёрч стихаря и органа (похожие процессы происходили в Магдален-колледже, Нью-колледже, колледже Сент-Джонз). В ответ в январе следующего года последователи Эдварда Багшоу украли все имевшиеся в колледже стихари и спустили их в городскую канализацию. В 1663 г. Багшоу был исключен из колледжа Крайст-Чёрч, его книги были изъяты из продажи, а сам он посажен в тюрьму. После чего должность цензора моральной философии, которую он занимал, досталась Локку. Вряд ли Фелл стал бы назначать еще одного кальвиниста: Локк был «своим» человеком, разделявшим взгляды лодианцев.

По мнению Тияке, в этот период Локк был радикальным арминианином, близким к «сектантскому арминианству периода междоусобицы»⁸. Вообще говоря, и в 1640-х гг. колледж Крайст-Чёрч все еще служил прибежищем арминиан, среди которых особо выделялся Генри Хаммонд — ученик Гроция, один из пионеров историко-критического подхода в исследовании Библии⁹, автор «Практического катехизиса»

6. *Tyacke N.* Aspects of English Protestantism: c. 1530–1700. — Manchester and New York: Manchester University Press, 2001. P. 326.

7. *Locke J.* Two Tracts on Government / Ed. by Ph. Abrams. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 121.

8. *Tyacke N.* Aspects of English Protestantism: c. 1530–1700. — Manchester and New York: Manchester University Press, 2001. P. 329.

9. *Hammond H.* A Paraphrase and Annotations upon All the Books of the New Tes-

1645 г., заслужившего одобрение Карла I. В 1650-х гг. исключенные из колледжа Джон Фелл (который был сыном смещенного кальвинистами вице-канцлера и декана колледжа Крайст-Чёрч Самюела Фелла), Ричард Аллестри (в период междуцарствия агент будущего Карла II, а в 1663–1680 гг. профессор королевской кафедры богословия и королевский капеллан) и Джон Долбен (с началом реставрации ставший каноником колледжа Крайст-Чёрч, впоследствии архиепископом Йоркским, а также членом Лондонского королевского общества с 1665 г.) продолжали проводить тайные богослужения, собиравшие до трехсот «проверенных епископалистов»¹⁰. Можно предположить, что в этих богослужениях участвовал и Локк.

В январе 1651 г., когда Кромвель был избран канцлером Оксфордского университета и назначил вице-канцлером индпендента Джона Оуэна, наметившаяся было тенденция к замене преподавателей-англикан и даже студентов на кальвинистов сошла на нет. В 1653 г. Локк едва не стал жертвой «чистки», устроенной пуританами-инспекторами; как и другие выпускники «роялистской» Вестминстерской школы, он остался в университете благодаря толерантному Оуэну. В последовавший за этим период Реставрации патроном арминиян как в Оксфорде и Кембридже, так и во всей англиканской церкви стал бывший лодианец Гилберт Шелдон (архиепископ Кентерберийский с 1663 г., член Лондонского королевского общества с 1665 г.).

Стремясь эксплицировать понятие английского арминиаства, Тияке пишет, что в начале XVII в. английские антикальвинисты постепенно «эволюционировали в лодианцев, а примерно после 1700 г. были переименованы в членов „высокой церкви“, в то время как кальвинистские епископалисты превратились в членов „широкой церкви“, или латитудинариев»¹¹. Эту оценку, разумеется, следует воспринимать

tament. 1653; Hammond, H. *Novum Testamentum... cum paraphrasi et adnotationibus* / Trans. with notes by Jean Le Clerc. — Amsterdam, 1698–1699.

10. *Beddard R. A. Restoration Oxford and the Remaking of the Protestant Establishment // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 805.*

11. *Tyacke N. Aspects of English Protestantism: c. 1530–1700. — Manchester and New York: Manchester University Press, 2001. P. 27.*

с оговорками, поскольку в позициях обеих сторон были нюансы и градации, позволяющие говорить о большей или меньшей степени кальвинизма или арминиаства во взглядах того или иного автора¹².

Вспоминая о первых встречах с Локком, Лимборх писал, что Локк был поражен близостью своих собственных идей и идей арминиаства, заявив, что до сих пор считал арминиаство чем-то совершенно другим. По-видимому, расхождение между английской и голландской версией арминиаства было все же значительным, если судить по реакции Локка на идеи Лимборха. В начале 1700-х гг., работая над комментариями к посланиям св. Павла, Локк в письме просил Лимборха объяснить, в чем заключаются пять пунктов разногласий между ремонстрантами и кальвинистами по вопросам свободы и предопределения: «Признаюсь... что не знаю этого... Пожалуйста, будьте так любезны, сообщите, где можно об этом прочитать...» На что последовал ответ недоумевающего Лимборха: «Я думал, что наши пять догматов... общеизвестны»¹³ (о предопределении, искуплении, свободной воле, благодати и непоколебимости).

Этот диалог лишний раз свидетельствует о том, что антикальвинистские идеи в Англии и Нидерландах развивались как бы параллельно и во многом независимо друг от друга, хотя, скорее всего, имели общие корни в первоначальном — германском, а не женевском — этапе реформации. Так, например, известно, что Ричард Монтегю не читал Арминия или кого-либо из арминиа (ремонстрантов) вплоть до выхода в 1623 г. своей наделавшей шума книги «A New Gagge» («Новый обман»), однако развивал идеи, как две капли воды похожие на «пять пунктов» голландского арминиаства. Тияке пишет, что Монтегю пришел к своим взглядам, изучая греческих Отцов Церкви. Впрочем, добавляет он, с самими этими идеями он мог познакомиться, вращаясь в антикальвинистских кругах в Кембридже.

12. О целой палитре взглядов в «промежутке» между кальвинизмом и арминиаством, см., например: *Wallace D. D. Socinianism, Justification by Faith, and the Sources of John Locke's "The Reasonableness of Christianity"* // *Journal of the History of Ideas*. 1984. Vol. 45. No. 1.

13. *The Correspondence of John Locke*. Vol. VII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford, 1982. P. 343, 364.

Существенно важно также, что второе и третье поколения арминиян (в частности, Епископий и Лимборх) предложили *детально разработанное учение о толерантности, которое отсутствовало в первоначальном арминиянстве*, что, по-видимому, и вызвало удивление Локка, до этого считавшего голландское арминиянство таким же «твердым», как арминиянство английское.

Если в Нидерландах арминияне были отделены от государственной церкви, то в Англии после Реставрации и восстановления англиканства они оставались тесно связанными с монархией и епископатом. Что касается толерационистского поворота английского арминиянства, то оно вышло на поверхность лишь в 1690-х гг., в частности, в лице Локка, вместе с набравшим силу движением «умеренных» толерационистов. Лидером последних в церкви в это время стал Джон Тиллотсон. Из других «вильгельмитов» в англиканской церкви этого периода к умеренной толерационистской позиции склонялся Эдвард Фоулер.

С точки зрения Тиллотсона, в «промежутке» между кальвинизмом и арминиянством существовал особый англиканский «третий путь» в том, что касается вопроса предопределения к спасению: некоторым людям благодать дается непреодолимым образом, когда того желает Бог; они по Его промыслению становятся исключительными примерами и орудиями блага, и через них другие люди получают достаточную благодать, что с необходимостью приводит к спасению не только «избранных», но множества других людей¹⁴. «Средний путь» (*via media*) Тиллотсон называл «наиболее согласующимся» с Писанием и разумом¹⁵.

Важным фактором, повлиявшим на самоидентификацию церковного истеблишмента 1690-х гг., стали идеи Питера Хейлина, в прошлом капеллана и биографа архиепископа Уильяма Лода и друга Роберта Филмера, опубликовавшего в 1661 г. работу «*Ecclesia Restaurata*» («Восстановленная церковь»). Хейлин, продолжая линию одного из наиболее

14. См.: *Tyacke N. Aspects of English Protestantism: c. 1530–1700.* — Manchester and New York: Manchester University Press, 2001. P. 4.

15. См.: *Marshall J. Locke and Latitudinarians // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–1700 / Ed. by R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 269.

чтимых Локком елизаветинских теологов — Гукера, рисовал, в частности, образ английского протестантизма, который был, по-видимому, выражением лодийской позиции в новых условиях реставрации. На его взгляд, папу нельзя считать антихристом, а католическая церковь является истинной, хотя и разложившейся церковью. Хейлин считал также, что Англия не была захвачена реформацией, не заимствовала европейские идеи, а создала свою церковь самостоятельно, произведя чистку папства, но не отказавшись от преемственности с первоначальной церковью. По Хейлину, «пресвитерианская ересь» проникла из Женевы во Францию, затем в Нидерланды, Шотландию и только оттуда достигла Англии. Но европейский охват этой панконтинентальной гидры был гораздо шире, ее «щупальца» проникли в Богемию, Германию, Польшу и Швецию, и «железская миссия интернационального кальвинизма» стала близка к тому, чтобы объявить Жана Кальвина протестантским папой.

По мнению Хейлина, лишь одна ветвь континентальной реформации, наряду с англиканской, сумела избежать этой ереси, а именно «умеренное» лютеранство в лице Филиппа Меланхтона. Екклесиология Меланхтона, на его взгляд, практически идентична екклесиологии англиканской церкви, ориентирующейся на Писание и пример первоначального христианства и сохранившей полезные обряды, вероучение и епископат средневековой церкви.

В своей апологии архиепископа Лода Хейлин утверждал, что умеренные лютеране подошли к тому, чтобы залечить разрыв, вызванный реформацией, а Меланхтон предложил «средний путь», говоря, что, хотя спастись можно только верою, спасение возможно лишь тогда, когда сопровождается добрыми делами. Этот подход, по мнению Хейлина, не только позволял поставить англиканскую церковь в один ряд с другими протестантскими церквями на континенте, но и делал ее частью более широкой церкви христианского мира в целом, хранившей древние традиции первоначального христианства. Лишь извращение и разложение папства привело к тому, что универсальная церковь оказалась неспособной выполнять свои функции суверена над составляющими ее частями (например, проводить вселенские соборы), которым *по необходимости* пришлось стать на какое-то вре-

мя автономными образованиями. Более того, из этого следовало, что реформация в Англии при Тюдорах не означала присоединения к некоей новой истинной церкви. Некоторые из ветвей универсальной церкви в XVI в. пошли по пути самореформирования, но даже те, кто остался под папой, были неотъемлемыми (хотя и несовершенными) частями одного и того же древа. Из этого также следовало, что *католики не могут считаться антихристианами и воплощением зла, в отличие от разложившегося папства*¹⁶.

Концепция Хейлина стала выражением одной из двух важнейших тенденций в англиканской экклезиологической мысли, в осмыслении церковью своего места в истории христианства и его положения в современном мире. Если не принимать во внимание чисто националистических концепций, доказывавших, что англиканская церковь — единственная истинная церковь, а все остальные являются извращениями христианства или нехристианством, то такими альтернативными друг для друга концепциями стали, с одной стороны, концепция англиканизма как части «протестантского интернационала» и, с другой стороны, концепция англиканизма как части временно распавшейся универсальной церкви и хранителя древних традиций.

Борьба двух концепций нашла свое отражение в церковной историографии того времени. Сторонники и той и другой разделяли некоторые общие представления относительно того, каким образом Англия была обращена в христианство. Так, почти все считали, что христианская вера пришла в первые столетия после Христа, т. е. еще до эпохи императора Константина. Однако, когда в V веке Риму пришлось покинуть свою островную провинцию, христианская вера была сметена язычниками-англосаксами, сохранившись лишь в отдаленных местностях Корнуолла и Уэльса, а также в Ирландии и Шотландии.

В 597 г. папа Григорий I (св. Григорий Великий) послал будущего святого Августина (Кентерберийского) в королевство Кент, где тот обратил в христианство Этельберта I и весь королевский двор, а затем использовал в деле обра-

16. См.: *Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 90–97.

щения влияние Этельберта на других королей. С точки зрения Рима Августин, первый архиепископ Кентерберийский, первым же начал организовывать епархии и вводить римские обряды и вероучение, что означало включение Англии в сферу влияния римской церкви. Отсюда следовало, что реформация XVI в. была чудовищной неблагодарностью и предательством.

Кальвинисты отвечали на это, следуя Джону Фоксу, что вместе с Августином в Англию пришло разложение. Когда Августин прибыл в Кент, сохранившиеся благодаря кельтским миссионерам церкви в Уэльсе не знали, как на это реагировать: провидение это или же угроза? Пользовавшийся всеобщим уважением аббат Бангора заявил, что любой истинный христианин должен вести себя так же, как Христос, т. е. быть доброжелательным и скромным человеком; если же он окружает себя мирской властью и роскошью, то это наверняка ложный пророк. Августин оправдал наихудшие ожидания и сделал самое плохое, что могло случиться, обратив англичан из язычества прямо в папство.

С точки зрения кальвинистов, истинное христианство сохранилось лишь в древних церквях Уэльса, причем и здесь проявился лживый характер папства: когда Августину не удалось обратить уэльсцев, он воспользовался силой светской власти, и почти 1200 бангорских монахов были зверски убиты¹⁷. Однако сторонники истинной веры и истинной церкви не были уничтожены полностью и продолжали нести факел христианской веры, противодействуя насилию папства. Примером сопротивления стало движение лоллардов, инициированное в XIV в. Джоном Уиклифом. По мнению английских кальвинистских историографов, движение это не ограничивалось территорией Англии, а имело последователей на континенте, в частности в Богемии, в движении последователей Яна Гуса — гуситов. Антипапские идеи бродили на территории Австрии и Германии, а кульминацией всей этой истории стала борьба с папством «германских героев», в первую очередь Мартина Лютера. Так

17. [Gearing W.] The History of the Church of Great Britain. 1674. P. 9–13. Цит. по: Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 105.

возник и постепенно оформился «протестантский интернационал».

Напротив, с точки зрения лодианской историографии Августин Кентерберийский произвел обращение англичан в истинную веру, а разложение и порча произошли не при «святом папе» Григории I, а в более позднее время, и, таким образом, именно Рим заложил основы английского епископата и определил другие главные черты английской церкви. Что касается дальнейшей истории английской и римской церквей, то хотя последняя и явила пример разложения и греха, но она все же оставалась представительницей Христа на земле и как таковая рано или поздно должна была начать исправлять ошибки. И поэтому антиклерикализм Уиклифа выдавал в нем грешника, пусть он и высказывал идеи, принятые впоследствии англиканской церковью. Грешники-лолларды апеллировали к толпе, натравливая ее на священников, и заигрывали с аристократией, побуждая к захвату церковного имущества, что тоже ставило их вне рамок истинной веры и христианской церкви.

Наконец, еще одной, третьей и маловлиятельной, интерпретацией происхождения английской церкви стала концепция Эдварда Стиллингфлита, описать которую следует хотя бы потому, что этот англиканский богослов, ставший в 1690-е гг. архиепископом Вустерским, а после смерти Тиллотсона едва не получивший пост архиепископа Кентерберийского, оказался одним из самых активных критиков главного труда Локка — «Опыта о человеческом понимании».

В своем труде «Происхождение Британии» («Origines Britannicae», 1685) Стиллингфлит предположил, что Британия была обращена в христианство самим апостолом Павлом, прибывшим на остров всего через несколько лет после смерти Христа. Но даже если христианизация была начата не самим Павлом, то, по мнению Стиллингфлита, она произошла все же именно в апостольские времена, откуда следовало, что британская вера имела своим источником непосредственно Палестину, после чего началась ее независимая история, с собственным, исходившим прямо от апостолов, епископским преемством и «чистой», неримской литургией. Во времена саксонских завоеваний церковь выжила, продолжал рассуждение Стиллингфлит, в кельтских королевствах на севере и западе страны и противостояла миссии Авгу-

стина Кентерберийского, посланного папой Григорием I. Из всего этого следовало, что истинно христианской страной на самом деле оставалась одна лишь Англия, а также то, что только Англия имела опыт истинной веры и, по-видимому, особую связь с Богом.

В дискуссии, развернувшейся после публикации «Origines Britannicae», Стиллингфлит смягчил свою позицию, признав, что имелись и другие народы, в частности, на юге Европы, которые были обращены в апостольские или постапостольские времена¹⁸.

Есть основания предполагать, что до своей добровольной ссылки в Нидерланды и до того, как английское правительство начало его преследовать и исключило из колледжа Крайст-Чёрч, Локк был представителем именно, если можно так выразиться, англикано-арминианской концепции, последователем Ричарда Гукера, Генри Хаммонда, Питера Хейлина и Джона Фелла. При этом под влиянием реформанта Лимборха взгляды Локка приобрели отчетливо толерационистский характер, что сблизило его со всеми диссентерами (в том числе и кальвинистами), как на континенте, так и в Англии, и создало особый локкеанский образ англиканской церкви как церкви не *наднациональной* и *надгосударственной* (наподобие римско-католической), не *национально-государственной* (наподобие англиканской реставрационной), а *внеациональной* и политически «невидимой», подчиняющейся евангельскому принципу отделения церкви от государства.

Его позиция нашла выражение в «Послании о толерантности»: «Но в конечном счете главное соображение, полностью разрешающее спор, заключается в следующем. Даже когда мнение магистрата относительно религии здраво, а путь, который он предписывает, истинно евангельский, то, если внутренне я все-таки не убежден, следовать по нему будет небезопасно. И вообще никакой путь, на который я встану против велений моей совести, никогда не приведет к святым обителям. Я могу разбогатеть способом, который не доставляет мне радости, могу исцелиться от какой-то бо-

18. См.: *Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 110–111.

лезни с помощью лекарств, в которые не верю, но я не могу быть спасен религией, которой не доверяю, и богослужением, к которому питаю отвращение. Неверующий понапрасну будет примерять на себя внешние проявления вероисповедания другого человека. Только верою и внутренней искренностью приобретается Божье признание. Самое подходящее и проверенное лекарство не сможет повлиять на пациента, если его желудок извергнет его, как только он его проглотит. И не следует вливать лекарство в горло больного, если в силу его специфической телесной конституции оно наверняка станет для него ядом. Что бы ни вызывало сомнение в религии, одно во всяком случае бесспорно: религия, в истинность которой я не верю, не может быть для меня ни истинной, ни полезной. А потому напрасно правители заставляют своих подданных присоединяться к своему церковному общению под предлогом спасения их душ. Если они веруют, то придут сами, если же не веруют, то их приход не принесет им никакой пользы. Короче говоря, каким бы великим ни было притязание на добрую волю, милосердие и спасение человеческих душ, людей нельзя принудить к спасению, имеется в них на то воля или нет. И поэтому в конечном итоге они должны быть предоставлены своей собственной совести»¹⁹.

Политика «единообразия», которую Локк в своих первых работах считал правильной, способствующей национальному единству, и противопоставлял хаосу и беспорядку гражданской войны²⁰, теперь представляется ему угрожающей

19. *Locke J. A Letter Concerning Toleration and Other Writings* / Ed. by M. Goldie. — Indianapolis: Liberty Fund, 2010. P. 31–32.

20. В своих работах 1660 и 1662 гг., так называемых Английском и Латинском трактатах, написанных, возможно, по настоянию декана колледжа Крайст-Чёрч Джона Фелла, в ответ на кальвинистские памфлеты Эдварда Багшоу (*Bagshawe E. The Great Question concerning Things Indifferent in Religious Worship. 1660; Bagshawe E. The Second Part of the Great Question...*, — Oxford, 1661) Локк призвал делегировать все решения Карлу II, который, верит Локк, введет правила, способствующие миру и стабильности (см.: *Locke J. Two Tracts on Government* / Ed. by Ph. Abrams. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967). Как известно, в декабре 1662 г. Карл II издал Декларацию о снисхождении, приостанавливавшую действие законов против неконформистов и католиков, однако вынужден был отозвать ее из парламента под давлением англиканского лобби, устроившего по этому поводу настоящий скандал

безопасности государства: насилие и преследования по религиозному признаку порождают в обществе раскол.

Но тогда, в самом «начале 1660-х гг., Локк считал, что магистрат должен иметь неограниченную юрисдикцию над „безразличными [для спасения] вещами“ (adiaphora), включая власть над формами религиозного поклонения — такими, как молитвы, стихарь, время и место богослужения, коленопреклонение во время причастия и использование знака креста при крещении и др. Эти „вещи“ несущественны для спасения, поэтому те, кто возражает против соответствующих приказов светского магистрата, выступает против государства, а также общественного блага и ввергает нацию в хаос и анархию». По словам Локка, «наша единственная надежда заключается в скрупулезном послушании»²¹. Только реставрация навела порядок в стране, и, как надеялся Локк, «никто теперь не будет настолько глуп и упрям, чтобы пытаться еще раз дестабилизировать общество или поставить под сомнение власть магистрата устанавливать законы, касающиеся безразличных вещей»²².

По словам Локка, толпа (multitude) — это «звери» (beasts), требующие обуздания, поскольку, испытывая постоянное недовольство, «жаждут» (craving) разрушения существующего порядка, а в религиозном поклонении необходимо иметь «внешние барьеры», которые могли бы подвергаться нападениям и с которыми не жалко в крайнем случае и расстаться, чтобы «не навредить важнейшим и самым святым частям религии, когда ярость и нетерпение [толпы] сделают такое снисхождение необходимым»²³.

До своего отъезда в Нидерланды в 1683 г. и даже, в меньшей степени, после 1683 г. Локк придерживался концепции

на сессии парламента в феврале 1663 г. Аналогичная ситуация возникла и со второй Декларацией о снисхождении в марте 1672 г. Когда парламент собрался на сессию в феврале 1673 г., было принято решение приостановить выплаты налогов короне, и Карл согласился отозвать предложенную им Декларацию.

21. *Locke J. Political Writings* / Ed. by D. Wootton. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003. P. 153.

22. *Ibid.*

23. *Locke J. Two Tracts on Government* / Ed. by Ph. Abrams. — Cambridge: Cambridge University Press, 1967. P. 158–159.

«всеобъемлющей» (comprehensive) англиканской церкви. В остающихся неопубликованными «Критических заметках по поводу работ Эдварда Стиллингфлита о вреде и неразумности отделения» 1681 г. Локк приветствует мысль об устранении препятствий к объединению нонконформистов с Церковью Англии. Пребывание Локка в Нидерландах привело к перемене взглядов на «включение» и толерантность, и в «Epistola» и «Послании о толерантности» они нашли свое развернутое выражение, однако основывались уже не на концепции «включения», а на совершенно другой идее — отделения церкви от государства, предполагающей не одну государственно-национальную церковь, а множество независимых от государства и при этом, что очень важно, равных перед законом церквей. Преследования и насилие со стороны англиканской церкви, считал Локк, столь же вредны для государства, как преследования и насилие со стороны пуритан в период кромвелевского протектората.

Единственный выход — равенство конфессий, недопущение с чьей-либо стороны каких бы то ни было форм насилия, даже самых «умеренных». Вопросы «безразличные» (adiaphora) должны быть оставлены на суд индивида, который сам решит, какие формы поклонения лучше для его собственного спасения.

При этом толерационизм Локка не носил абсолютного характера. Это был толерационизм ограниченный и умеренный.

«Считалось, — пишет Марк Голди, — что католики разделяют две подрывные доктрины: иезуитскую идею, что обещания не обязательно выполнять, имея дело с еретиками; и учение о том, что папа наделен властью низлагать [правителей]»²⁴. Локк не был одинок в своей позиции, ее разделяли также такие поборники веротерпимости, как Джон Мильтон или Андрю Марвелл, и многие другие²⁵. Антикатолицизм доминировал на всем протяжении периода Реставрации.

24. Goldie M. Locke and Anglican Royalism // Political Studies. 1983. Vol. 31. No. 1. P. 84.

25. Mabbott J. B. John Locke. — London and Basingstoke: The Macmillan Press, 1973. P. 179.

Правда, здесь очень важна оговорка, которую делал Локк в «Послании о толерантности».

Католики не имеют права на толерантность не в качестве представителей одной из конфессий — все имеют право на свободу вероисповедания, поскольку во всех конфессиях речь идет о спасении индивидуальной души, и это дело индивида, которое он не может перепоручить никому²⁶, — а потому, что католики нелояльны, подчиняясь другому суверену, и подобны в этом магометанам. К этой оговорке Локк делал еще одну оговорку, различая католицизм и «папизм».

В письме к Лимборху от 14 и 18 октября 1698 г. Локк писал: «Да простят мне мои ошибки! Я никому не объявляю войну из-за различия во мнениях, будучи сам невежественным и подверженным ошибкам карликом. Я евангелический христианин, а не папист». «Или, если угодно, ортодоксальный христианин, а не папист». Далее Локк писал, что существует всего два вида христиан, евангелисты и паписты: «те, кто, находясь в поиске одной лишь истины, желают сами и желают в отношении других, чтобы их убеждали в ней только доказательствами и аргументами; они спокойно относятся к ошибкам других людей, помня о собственной слабости; прощают человеческие недостатки и невежество и в свою очередь взывают о прощении». Паписты же — это те (к какой бы деноминации они себя ни причисляли), кто считает себя непогрешимым и «присваивает господство над совестью других людей»²⁷.

Следует сделать еще одну оговорку. В «Послании о толерантности», если быть до конца точным, упоминается не «ислам», а «турок», что не только напоминает о том, что в это время османские войска стояли под Веной, но и возвращает нас к событиям периода раннего лютеранства и прямой и реальной угрозе завоевания Европы Османской империей. Суверенные папа и «турок» ставятся на одну доску, а в ряде памфлетов Людовик даже именуется «самым христианским из турок», однако речь и в том и другом случае идет не о вероисповедании. Стратегия Людовика XIV

26. Этот общий тезис развивается в «Третьем письме»: The Works of John Locke. Vol. VI. — London, 1824. P. 156–158.

27. The Correspondence of John Locke. Vol. VI / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 495–496.

в деле установления «универсальной христианской монархии Запада» была, по мнению антифранцузской пропаганды того времени, зеркальным отражением попыток османского султана Сулеймана II установить универсальный исламский режим на Востоке.

Людовик поддерживал наилучшие отношения с султаном. Более того, султану следовало быть благодарным французскому королю, поскольку, несмотря на то что после своего поражения при Вене в 1683 г., нанесенного объединенными протестантскими и католическими силами, турки были изгнаны императором Леопольдом из Венгрии и Сербии, осенью 1688 г. французская агрессия в Германии (нападение Франции на Рейнский Пфальц) заставила императора остановить наступление на Балканах. Инициатива перешла к султану, и поредевшие войска Леопольда отступили к венгерской границе.

Кроме того, известно было, что Франция, заинтересованная в ослаблении Австрии, помогала в 1683 г. деньгами протестантским венгерским отрядам, оппозиционным Габсбургам и входившим в войска султана; тем самым она выглядела косвенной союзницей не христиан, к тому же католиков, а мусульман. В спасении Вены Франция не участвовала, и был сделан вывод, что все османское вторжение — дело рук «великого турка» Людовика, поставившего под угрозу весь христианский мир в целом.

В пропагандистских памфлетах вильгельмитов 1690-х гг. заявлялось, что сделать это королю Франции было нетрудно, поскольку он имел общие с султаном методы и цели, а также отличался тем же безразличием к собратьям-христианам, которое выказывали османы. И даже не безразличием, а враждебным отношением к главным принципам христианской веры. Об этом говорило вероломство Людовика, нежелание держать данное слово, неискренность при заключении соглашений и союзов — все выдавало во французском короле нехристианина, скорее всего — мусульманина.

Дискуссия с Джоном Простом

В КОДИЦИЛЛЕ к завещанию Локк признал авторство не только исходной «*Epistola de Tolerantia*», но и последующих работ, в которых он защищал свою позицию в полемике с Джоном Простом. Кроме того, в том же кодицилле, как уже отмечалось, Локк высказал пожелание, чтобы и его собственные работы, и работы Проста были переплетены в один том для лучшего понимания будущим читателем обсуждаемых идей.

Прост подверг критике Локка в памфлете «Краткое рассмотрение и ответ на аргументы „Послания о толерантности“» («*The Argument of the Letter concerning Toleration Briefly Consider'd and Answer'd*», 1690), на что последовало анонимное Локково «Второе послание о толерантности» (1690); Прост ответил «Третьим посланием о толерантности...» («*A Third Letter concerning Toleration in Defence of the Argument of the Letter concerning Toleration, Briefly Consider'd and Answer'd*», 1691); ответное Локково «Третье послание о толерантности» вышло в 1692 г. После долгого перерыва Прост опубликовал в 1704 г. «Второе письмо автору „Трех писем о толерантности“» («*A Second Letter to the Author of the Three Letters for Toleration*»). «Четвертое послание о толерантности» Локка в ответ на новые возражения Проста осталось незаконченным и было опубликовано Питером Кингом в «Посмертных работах Джона Локка» в 1706 г.

В отличие от латинского и английского вариантов «Послания», полемика с Простом имеет, в дополнение к вышеописанным, еще два разнонаправленных контекста: это, с одной стороны, «контекст Локка», а с другой — «контекст Проста».

В описании «контекста Проста» самым важным, по-видимому, следует считать то, что в течение почти всего перио-

да полемики с Локком (за исключением последнего письма, написанного в 1704 г.) Прост не занимал никакой должности в Оксфорде, потому что был уволен со службы в колледже Олл-Соулз в 1688 г. ставленником Якова II, а затем лояльным подданным Вильгельма III деканом Леопольдом Финчем.

История увольнения Проста заслуживает отдельного рассказа. В 1687 г. Финч получил от Якова мандат, позволивший ему, минуя процедуру избрания, стать деканом колледжа. Финч принадлежал к англиканской церкви, однако не пользовался расположением высшего духовенства. В 1682 г. куратор Олл-Соулс архиепископ Кентерберийский Уильям Санкрофт возражал даже против его принятия в колледж в качестве рядового сотрудника, считая его недостойным занимать место наставника юношества. В 1685 г. Финч, все же избранный членом совета колледжа Олл-Соулз, сформировал из студентов военное подразделение для борьбы с «мятежным бастардом» Монмутом, которое занималось строевой подготовкой дважды в день во дворе этого учебного заведения.

В 1687 г. Финчу, имевшему связи и родственников при дворе, удалось убедить Санкрофта, что его кандидатура предпочтительнее кандидатур других претендентов — от «католической партии» в Оксфорде. Среди них был Роберт Плот, известный химик и смотритель Ашмолеанского музея, член Лондонского королевского общества с 1677 г. и его секретарь с 1682 г. Ж.Ф. Спиз и М. Голди называют в качестве еще одного кандидата Джона Драйдена¹. Были и другие кандидаты: Томас Уотсон, вскоре ставший епископом Сент-Дейвидса, и Мэтью Тиндал, будущий деист, но на тот момент — новообращенный католик, в 1688 г. перешедший обратно в англиканство.

В это время повсеместно шла замена руководителей колледжей на сторонников Якова II, и Финч приводил весомый аргумент. Тем не менее Санкрофт, хотя и уступил, все же назначил его на должность всего лишь «исполняющего обязанности декана». Однако дело было не только в этом. Ос-

1. *Spitz J.* — *F. Proast, Johas, c. 1642–1710* // *The Continuum Companion to Locke* / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 105.

новой конкурент Финча Плот не оправдал ожиданий своего друга и главы «прокатолической партии» в Оксфорде Обадии Уокера, пообещав (но так и не выполнив обещание) объявить о своем переходе в католицизм. Это произвело негативное впечатление на короля. Более того, Плот заявил, что перейдет в католицизм лишь в случае своего избрания на искомый пост. Так и не осуществившейся мечтой Плота было создание колледжа, который занимался бы одной-единственной задачей — поиском эликсира жизни. Ради этого он готов был перейти в какую угодно религию, однако хотел иметь твердые гарантии, что получит в свое распоряжение колледж и соответствующие финансовые ресурсы.

В апреле 1688 г. Финч, испытывая хроническую нехватку денег, попытался получить еще и кафедру древней истории. Но, хотя ему удалось «убедить» большинство своих подчиненных голосовать за его кандидатуру, нашелся человек, который проголосовал против. Это был Джонас Прост. Другими кандидатами были знаток классической древности Генри Додвел и смещенный Яковом вице-президент Магдален-колледжа Чарлз Олдуорт. Большинство в шесть голосов избрали Додвела².

После того как Финча забаллотировали, он, решив, что главой «заговора» против него является Прост, уволил его на следующий же день после выборов. Прост подал апелляцию, надеясь на поддержку Санкрофта, которую он несомненно получил бы, если бы не произошли известные политические события, ставшие прологом «славной революции» — так называемое «дело семи епископов». В июне Санкрофт оказался в Тауэре, и, воспользовавшись ситуацией, Финч распорядился выломать дверь в комнате Проста и выкинуть оттуда его вещи.

После «славной революции» Санкрофта, не пожелавшего присягнуть на верность новой власти, лишили полномочий,

2. В 1691 г. Додвел отказался принести присягу в лояльности новому королю, несмотря на личную просьбу Уильяма Санкрофта не упорствовать и продолжать преподавать студентам римскую историю и учить их отличать «законное правительство» от де-факто «узурпации», и искомый пост получил Олдуорт. Цит. по: *Feingold M. The Humanities // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 356–357.*

а затем сместили с высшего церковного поста. На его место пришел в 1691 г. Джон Тиллотсон. Дело Проста «зависло». Ему удалось официально восстановиться в должности и получить компенсацию (100 фунтов) за неправомерное увольнение лишь в 1698 г. Возможно, на исход дела повлиял новый архиепископ Кентерберийский Томас Тенисон. В 1683 г. Тенисон писал: «Добрые правители не используют суровых мер, вынуждающих людей скрывать мысли и превращаться в лицемеров, но стремятся подвинуть их, применив мягкие средства, к более глубоким размышлениям»³. Эта риторика ничем не отличалась от позиции Проста, которую он защищал в полемике с Локком.

О тесных связях Проста с Санкрофтом говорит найденный среди бумаг последнего документ, в котором обосновывается невозможность произнесения с церковных кафедр Декларации о свободе совести. «Целью Декларации является то, что люди могут пользоваться такой свободой в религиозных делах, какой пользоваться невозможно, не нарушая законов Божьих и этого королевства». Автор этого документа — Джонас Прост⁴.

Еще одним важным документом является критика Простом скандального решения Якова II об увольнении членов совета Магдален-колледжа, отказавшихся признать назначенного королем, в нарушение закона и устава корпорации, декана-католика. Политика рекатолизации началась уже в мае 1686 г. с назначения новообращенного католика Обадии Уокера на пост главы оксфордского Университи-колледжа и данного ему мандата на публикацию прокатолической литературы.

В своей критике Локка Прост, по сути дела, повторяет общую позицию англиканской церкви, какой она сложилась на 1688 г.: для церкви допустимо использование «умеренной» силы, своего рода «святого насилия», необходимого для того, чтобы «привести людей к истинной религии».

3. *Tenison Th. An Argument for Union*. London, 1683. P. 40. Цит. по: *Sell A. John Locke and the Eighteenth-Century Divines*. — Cardiff: University of Wales Press, 1997. P. 153–154.

4. См.: *Vernon R. The Career of Toleration: John Locke, Jonas Proast, and After*. — Montreal & Kingston; London, Buffalo: McGill-Queen's University Press, 1997. P. 13.

Прост охотно признает, что с помощью «внешней» силы невозможно заставить людей изменить убеждения, однако настаивает, что, применив «умеренную силу», можно дать людям возможность подумать, поразмышлять о том, что же на самом деле является истиной.

Прост писал: «Если использовать силу не вместо разума и аргументов, т. е. не для того, чтобы убеждать с помощью ее собственной эффективности (этого она не может сделать), но только для того, чтобы заставить людей рассмотреть эти доводы и аргументы, надлежащие и достаточные для их убеждения, которые, без насилия, они не стали бы рассматривать, — то кто сможет отрицать, что косвенно и на расстоянии (*at a distance*) это не сослужит службу в приведении людей к истине; в противном случае, через нерадивость либо небрежение, они никогда не познакомились бы с ней или, из-за предвзвешенности, отвергли и осудили, не выслушав, сочтя заблуждением»⁵.

Без применения «умеренной силы», аргументировал Прост, люди могут не получить такой возможности и, оставленные на волю самим себе и свободе выбора, скорее подчинятся «похотям», чем требованиям истинной религии. Если человек приведен к истинной религии с помощью силы, «истинная религия... не становится из-за этого менее истинной». Разумеется, замечает Прост, в использовании силы не было бы необходимости и она не была бы оправдана, «если бы все люди были преданы своим душам и искали бы путь спасения с тем попечением и усердием, коих заслуживала важность предмета, и с умом, свободным от предвзвешенности и страсти»⁶.

5. Proast J. The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // *Locke on Toleration* / Ed. by R. Vernon. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 56. Выражение «*at a distance*» заставляет вспомнить о точно таком же термине И. Ньютона, имевшем отношение к силе притяжения и возможности воздействия на тела не непосредственно, через столкновение, а «на расстоянии». Локк не принимал ни «спекуляций» Ньютона, ни оправдания Простом репрессий «на расстоянии». См.: *M. C. The Newtonians and the English Revolution 1689–1720*. — Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1976. P. 243.

6. Proast J. The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // *Locke on Toleration* / Ed. by R. Vernon. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 56.

Однако само существование великого множества религий есть «очевидная демонстрация того, что люди не искали истины в этом деле с той прилежностью ума и той свободой суждения, которые требуются для обретения уверенности в ее нахождении»⁷. Более того, писал Прост, «какую бы религию люди ни выбрали, они обычно в дальнейшем ее и придерживаются, не прибегая к разуму». Самомнение приводит к тому, что люди ценят выбранную ими религию только потому, что сами ее выбрали, и предвзято настроены к любым другим религиям. «Изучая только собственную позицию в споре, они еще больше убеждаются в правоте своего выбора и думают, что... разум на их стороне»⁸.

Единственно возможным способом заставить таких людей посмотреть на свою религию с позиции разума является «применение к ним таких наказаний, которые могут перевесить предрассудки, склоняющие их к предпочтению ложного пути перед истинным, и вернуть их к такой здравости и такому размышлению, которые вынудят их спросить себя со всей серьезностью, стоит ли на самом деле испытывать такие неудобства, придерживаясь религии, которая, если подумать, может оказаться ложной, или отвергать другую... которая, если подумать, может оказаться истинной»⁹.

Когда люди отказываются от назидания или убеждения, не остается ничего другого, как применить к ним силу, и нет причины сомневаться в успехе этого метода, если применять его правильно к тем, кто еще «не полностью неизлечим». Тех же, кто неизлечим, «следует оставить Богу»¹⁰.

Не все виды и степени насилия оправданы. Прост «полностью соглашается» с Локком, протестующим против казни, пыток голодом, убийств. Такого рода жестокость обычно контрпродуктивна. Применяемое насилие должно быть «пропорционально» своей цели.

Из этого следует, пишет Прост, что Локк неправ, говоря, что никто не имеет права использовать силу в приведении людей к истинной религии. Если для содействия истин-

7. Ibid. P. 57.

8. Ibid. P. 58.

9. Ibid. P. 58–59.

10. Ibid. P. 59.

ной религии возникает необходимость во «внешней силе», то «светский магистрат» должен располагать таким правом: «поддержание и рост» духовных интересов граждан «должны, разумеется, считаться одной из целей светского общества и, таким образом, подпадают под юрисдикцию магистрата»¹¹. А значит, согласно Просту, в юрисдикции магистрата находится «забота о душах»¹².

Прост цитирует Фому Аквинского: стремясь поступать правильно, мы должны исполнять два долга — приобретать истинные убеждения и искренне следовать им. Поступок является правильным только в том случае, если выполняются оба условия. Истинные моральные принципы доступны всем, ибо интуиция морального блага как бы внушена, присуща человеческому роду, и речь идет лишь о том, чтобы напрячь волю, избрать путь исследования и встать на него. Люди, которые оправдывают собственную и чужую леность «непреодолимым невежеством», виновны в том, что отказываются от поиска оснований своей веры.

В религии и морали проводником выступает церковь, и мы, писал Прост, должны интеллектуально смириться и прислушаться к ее авторитетному учению. Однако церковь имеет в своем распоряжении лишь ненасильственные средства воспитания и назидания, которые могут и не достичь всего сообщества, к тому же расколотого схизмой.

Каким же образом можно повлиять на людей, чтобы они пересмотрели свои взгляды? Это возможно только через принуждение, осуществляемое магистратом.

Разумеется, само по себе насилие, писал Прост, ни в чем не убеждает, но действует косвенным образом и в некоторой перспективе, а его использование может стать поводом для пересмотра взглядов, целительным средством, инициирующим новый духовный поиск. К пониманию, необходимому для веры, нельзя принудить, но воля поддается принуждению и может направить понимание к новому исследова-

11. Цит. по: Spitz J. — F. Proast, Johas, c. 1642–1710 // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. — London — NY.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 106.

12. Proast J. The Argument of the Letter Concerning Toleration, Briefly Considered and Answered // Locke on Toleration / Ed. by R. Vernon. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 62.

нию. Люди, ранее сопротивлявшиеся истине, теперь будут радостно благодарить своих строгих наставников за то, что те указали им путь.

Не имеет никакого значения, как именно достигается истина: порой полное крушение жизненного уклада, телесные и эмоциональные потрясения приводят к тому, что человек начинает прислушиваться к новому для него учению.

Толерационист, предполагает Прост, возразит на это, что, хотя тело можно сломить, применение насилия в религии способно произвести лишь фальшивых и лицемерных новообращенных. Но еще Аврелий Августин указывал: тело может поработить ум, поэтому — сломай тело, и ум будет освобожден от рабства.

На кону стоит душа человека, поэтому насильственные действия магистрата, находящегося *на службе христианского пастыря*, являются величайшей милостью. Снисхождение — «ложно направленная доброта», а карательные законы — акт любви. Возможно, и лучше было бы применять мягкое убеждение, но упорствующие столь жестокосердны, что их не проймешь одними словами. К этому можно добавить, утверждал Прост, что насилие — толчок для последующего преобразования человека, а страх — начало мудрости, которая должна быть в дальнейшем усовершенствована при помощи любви.

«Контекст Проста» — не что иное, как позиция англиканской церкви на момент «дела семи епископов», отказавшихся зачитывать с церковных кафедр предписанную им королевским эдиктом Декларацию о свободе совести, а также последующих событий — оккупации Англии принцем Вильгельмом Оранским и «временного», как считала значительная часть англиканского духовенства, урегулирования вопроса о престолонаследии.

Прост защищал действия церкви и ее национально-государственный статус, оставляя за «магистратом» право на насилие, но в соответствии с целями церкви. Прост сожалел, что Акт о толерантности 1689 г. отменил наказания для диссентеров, поскольку целью англиканской церкви является не насилие само по себе, что есть тирания, а *пастырское наставление*, в свете которого принуждение становится мерой, охватываемой понятием целесообразности и эффективности в деле проповеди истинной религии и спасения

души. И поэтому, писал Прост, «мы видим, как мало истины» в словах Локка о том, что «любая внешняя сила совершенно бесполезна»¹³.

Прост настаивал на том, что «душа всякого человека не должна оставляться только на его собственное попечение», как предлагал, по словам Проста, Локк, способствуя тем самым тому, чтобы покинутая душа следовала своим беспричинным предрассудкам. Локк, по словам Проста, — наивный оптимист, считающий, что религиозная истина обладает особой способностью «побеждать благодаря своему собственному свету и своей собственной силе»¹⁴.

Разберем теперь позицию Локка в этом споре.

Считать, что Локк не видел последнего возражения, было бы неправильно. Напротив, еще в «Опыте о человеческом понимании» он задавался вопросом, что будет, если мирные и разумные средства не принесут должного результата в виде «приятия» (*assent to*) веры, необходимой для спасения. Ответ Локка заключался в следующем: это будет прискорбным, но неизбежным следствием свободы человеческой воли. Душа человека — его собственная забота, за нее отвечает он сам, а не кто-то другой. Законы могут защитить людей друг от друга, но не могут защитить их от самих себя. Никто не может спастись против своей воли. Те же, кто подчиняется в деле спасения власти или силе других, пускаются в опасное путешествие, в котором не будет ни искренней, ни истинной веры, а следовательно — не будет и спасения.

Кроме того, есть еще один важный аспект. Локк занимает позицию лояльного подданного, считающего приоритетом безопасность и порядок в государстве¹⁵. Суть ее такова:

13. Цит. по: *Goldie M. Religious Intolerance in Restoration England // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by P. Grell, J. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 365.*

14. *Ibid. P. 366. «Ибо с истиной ничего бы не случилось, если бы ее когда-нибудь предоставили самой себе» (Locke J. A Letter Concerning Toleration and Other Writings / Ed. by M. Goldie. — Indianapolis: Liberty Fund, 2010. P. 45).*

15. Исходная позиция Локка заключалась в том, что «цель государства — это безопасность нации». См.: *The Correspondence of John Locke. Vol. I / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976. P. III. (Письмо 1659 г., адресованное Генри Стуббе, является откликом на книгу последнего, в которой тот развивал концепцию абсолютной толерантности, вклю-*

в период Реставрации карательные законы и их исполнение не были пастырской и катехитической деятельностью, поскольку имели целью не понуждение людей к размышлениям, а *наказание*. Нонконформизм, с точки зрения исполнителей этих карательных законов, был преступлением, а не «отсутствием размышлений». Соглашаясь с Простом, что церковь не может мириться с пренебрежением, с которым многие люди относятся к своей душе, Локк призывает Проста и других представителей церкви прибегать не к насилию, осуществляемому «руками» светского магистрата, а к силе проповеди, дружеских бесед и, привлекая внимание к своим словам, не навязывать собственной точки зрения.

Позиция Проста и его возражения изложены в первом и втором ответах Локку. Локк ответил во втором и третьем посланиях, предложив рассмотреть, как *на практике* осуществляются «подходящие» меры насилия. С его точки зрения, относительность понятия «подходящие» ведет к произволу. На практике «умеренные наказания» скатываются чаще всего к жестокости. Кроме того, даже если насилие способно принести результат, что в высшей степени сомнительно, это не превратит незаконные действия в законные, если магистрат ошибся, полагая наказание правильным.

Идеи, высказанные Простом, не были чем-то новым для англиканской церкви, напротив, это была позиция, объединявшая большинство духовенства начиная со времен Генриха VIII. Такого рода взгляды разделяли не только консерваторы, но и люди, склонные к толерационизму. «Наказания, — писал, например, латитюдинарий и член Лондонского королевского общества с 1664 г. Джозеф Гланвил, — это инструменты реальной реформации»¹⁶. Ему вторил «светский теолог» Генри Додвел: отвечая на возражение, что насилие порождает лицемеров, он заявлял, что это лучше, чем

чающей и католиков (*Stubbe H. An Essay in Defence of the Good Old Cause; or a Discourse Concerning the Rise and Extent of the Power of the Civil Magistrate in Reference to Spiritual Affairs, 1659*). С точки зрения Локка, концепция Стуббе противоречит безопасности государства, поскольку католики не могут подчиняться сразу двум суверенам.

16. *Glanvill J. The Zealous and Impartial Protestant, 1681. P. 34.* Цит. по: *Goldie M. Religious Intolerance in Restoration England // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by P. Grell, J. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 348.*

ничего, ибо защищает слабые умы от дурного влияния, предупреждает открытую враждебность к истине и придает авторитет церкви. Послушание из страха — не просто при творство, ибо страх зачастую означает «начало истинной мудрости». Страх может вызвать «настоящее благочестие» в тех, кто «менее склонен исполнять свой долг»¹⁷.

Концепция нетерпимости, принятая англиканской церковью периода Реставрации, отличалась тем, что противопоставляла свою позицию *пастырской заботы* «кровожадной и тщетной жестокости» римской инквизиции. В то время как «паписты», говорили идеологи «наказаний», стремятся к слепой вере, протестанты добиваются веры просвещенной.

С другой стороны, нападкам подвергалась идея искренности веры, которую защищали некоторые диссентеры, «защитники совести». Каким образом общество может оставаться праведным, если оно тонет в анархии мнений, каждое из которых настаивает на своей «искренности»? Именно по этой причине разумнее было бы ограничить совесть в выражениях ее искренности, чем дать ей свободу в том случае, если она заблуждается. С точки зрения проповедников нетерпимости, «совесть», на которую опирались диссентеры, была не чем иным, как «духовной гордыней», порождающей извращенную этику искренности и благих намерений.

17. Цит. по: Goldie M. Religious Intolerance in Restoration England // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by P. Grell, J. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 350.

Два контекста: английский и голландский

ВЫШЕ уже упоминались специфические английский и голландский контексты. Оба они имеют самое прямое отношение к «*Epistola de Tolerantia*» и «Посланию о толерантности», очерчивая в совокупности их общий смысл, выступая своего рода его «рамкой». Наложение этих контекстов друг на друга, которое произошло в конце 1680-х — начале 1700-х гг. в Англии, породило (разумеется, не сразу) совершенно новую политическую реальность.

В Англии политика реставрации, которую проводили совместно Карл II, парламент и англиканская церковь, была нацелена на восстановление «старого порядка», разрушенного «хаосом» 1640–1660 гг. Голландия отчаянно пыталась выжить в противостоянии с мощным и враждебным соседним государством — Францией. Вторжение принца Оранского в Англию в 1688 г. и последующие события (иначе называемые «славной революцией») стали инструментом политики сохранения суверенитета целого ряда европейских держав перед лицом французской агрессии и одновременно политики выживания европейского протестантизма. В решении этих задач не обошлось без некоторых жертв, главной из которых неожиданно стал национально-государственный статус англиканской церкви.

Вначале очень кратко проследим, как развивались события в Англии, а затем перейдем к ситуации в Голландии. Для этого необходимо выйти за пределы периода Реставрации и «славной революции», рассмотреть их как элемент более широкого и протяженного во времени исторического полотна.

Протестантизм в Англии был впервые введен в 1530-х гг. Генрихом VIII. Еще в 1520-х гг. папа удостоил английского короля титула «защитник веры» за его позицию в отноше-

нии Лютера: в 1521 г. сочинения последнего были торжественно сожжены в Лондоне, после чего в специальной проповеди епископ Фишер опроверг учение об оправдании одной только верою. Аналогичные сожжения книг происходили в это время в Оксфорде и Кембридже, будучи частями общенациональной кампании.

Однако после того как Генриху было отказано в расторжении брака с Екатериной Арагонской, он объявил себя главой английской церкви. Многие католики, не согласившиеся с этим (в том числе Томас Мор) были казнены. Политику Генриха продолжил Эдуард VI (1547–1553), во время правления которого были приняты первые Акты о единообразии (1549 и 1552 гг.), имевшие недвусмысленно репрессивный характер в отношении священнослужителей и прихожан, нарушавших установленный порядок. После того как трон заняла сестра Эдуарда — католичка Мария I (1553–1558), начались гонения на протестантов, по мнению Д. Коффи, сравнимые с первыми десятью годами испанской инквизиции и массовыми казнями в конце 1520–1530-х гг. анабаптистов в Австрии и Нидерландах¹.

Протестантизм был окончательно утвержден в качестве государственной религии Елизаветой I (1558–1603), начавшей свое правление с Акта о супрематии, принятого парламентом в 1559 г. В том же году был принят и очередной Акт о единообразии, за которым последовали аналогичные дополнительные акты, защищавшие суверенитет короны. Согласно принятым в течение XVI в. законам, церковь и религия подчинялись государству в лице монарха, располагавшего властью как над мирскими, так и над церковными делами. Единственным национально-государственным религиозным институтом стала англиканская церковь. Королева назначала епископов, богослужение велось исключительно по Книге общей молитвы (1559), учение церкви было сформулировано в «Тридцати девяти статьях» (1563). По закону все должны были посещать службы по воскресеньям и религиозным праздникам, в случае непосещения на провинившихся налагался штраф.

1. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. — Harlow: Longman, 2000. P. 81.

После того как в 1570 г. папа Пий V (1566–1572), издав буллу «*Regnans in excelsis*» («Царствуя в вышних»), отлучил Елизавету I от церкви и освободил английских католиков от обязанности соблюдать лояльность, т. е. фактически призвал к свержению королевы, названной в булле «злойной узурпаторшей», католицизм в Англии был запрещен. К началу XVII в. католики, ранее составлявшие большинство английского населения, уступили место англиканам и стали меньшинством.

В течение всего периода до 1689 г. гонениям подвергались и так называемые *сепаратисты*, т. е. те протестанты, которые не желали принадлежать к государственной церкви и, более того, отрицали, что это истинная церковь и что монарх имеет право быть ее главой. Большим влиянием среди сепаратистов пользовались идеи, высказанные Мартином Лютером в начале XVI в., об «истинной» церкви как о невидимой конгрегации «верных» (*congregatio fidelium*), объединенных во имя Христово. Важной особенностью таких взглядов было учение о «священстве всех верующих».

Идеи раннего лютеранства, сами имевшие источником ранние средневековые и ренессансные концепции, вдохновляли первых крупных деятелей англиканской церкви — Томаса Кромвеля и Томаса Кранмера, не говоря уже о Генрихе VIII и патронессе ранней английской Реформации Анне Болейн. В первом переводе Нового Завета на английский язык, осуществленном тогда же Уильямом Тиндалем и сопровождавшемся комментариями, заимствованными отчасти у Лютера, «*presbyteros*» вначале переводилось как «вышестоящий» (*senior*), позднее как «старший» (*elder*), но никогда не переводилось как «священник» (*priest*)². Эта традиция была сохранена в переводе Майлса Ковердейла и во всех дальнейших переводах Библии на английский язык.

В конце XVI — начале XVII в., после того как разрыв с Ватиканом был окончательно закреплен, повестка дня изменилась, и на первый план вышли концепции национально-государственной церкви, с точки зрения которых раннее английское лютеранство начало выглядеть схизмой, «се-

2. *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Volume Two: The Age of Reformation. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 71.

партизмом». Однако сами идеи никуда не исчезли. В начале XVII в. некоторым сепаратистам пришлось бежать в Голландию. Впоследствии часть из них переселилась, в стремлении начать новую жизнь, в Новый Свет.

Помимо католицизма и сепаратизма, до 1640 г. одной из главных форм религиозного инакомыслия в Англии было *пуританство*, сформировавшееся первоначально внутри англиканской церкви и настаивавшее на необходимости дальнейшей реформы, т. е. полного отказа от «папских» обрядов и института епископов. Само наименование «пуритане» (т. е. «чистюли») характеризовало презрительное и даже оскорбительное отношение к ним многих граждан, которым не нравилась агрессивная бескомпромиссность «праведников», как они сами себя называли (*the godly, the saints*).

Пуритане появились в начале 1560-х гг., выступив против решения оставить традиционно использовавшееся католическими священниками облачение — стихарь и ризу. Встал вопрос о «вещах безразличных», *adiaphora*, каковыми, с точки зрения англикан, являлись форма принятия причастия или способ церковной организации в виде епископата. С точки зрения пуритан, это были вещи далеко не безразличные, и они не могли трактоваться иначе, как «идолопоклонство» и «остатки папства».

Вместо епископата пуритане предлагали ввести пресвитерианское церковное устройство с советом пасторов и старейшин из числа мирян. Уже в 1580-х гг. пресвитериане преследовались и назывались высшим духовенством англиканской церкви — такими, как архиепископ Кентерберийский Уитгифт, «папистами, анабаптистами и бунтовщиками»³. Что касается умеренных пуритан, то, в отличие от пресвитериан, они не подвергались преследованиям⁴.

3. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. Edinburgh, 2000. P. 95.

4. Понятием «пуритане» охватываются не только пресвитериане или сепаратисты, но и баптисты (двух деноминаций: общие баптисты, отрицавшие предопределение, и частные баптисты, верившие в него), индепенденты (конгрегационалисты), квакеры и различные малочисленные секты, возникшие в период между 1640 и 1660 г. См.: White B. R. The Twilight of Puritanism in the Years Before and After 1688 // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 307–

Ситуация с преследованиями в доелизаветинский и елизаветинский период *анабаптистов* (заявлявших, что Христос не был по плоти от Девы Марии, что не следует крестить младенцев и что христиане не должны служить в качестве магистратов, носить оружие или приносить клятвы) и *анти-тринитариев* (считавших учение о Троице выдумкой католиков, отсутствующей в самом Священном Писании) обрисована Д. Коффи: «Магистраты XVI века подвергали казням как еретиков только тех, кто был менее консервативен в теологическом смысле, чем они сами. Другими словами, католические магистраты сжигали на кострах широкий круг еретиков, находившихся „левее“, включая лоллардов, лютеран, кальвинистов и анабаптистов. <...> В отличие от католиков, лютеране применяли смертную казнь только в отношении „сакраменталистов“ (цвинглианцев и кальвинистов) и анабаптистов, в то время как кальвинисты считали оправданным казнить анабаптистов или антитринитариев. Характерно, что в своей „лютеранской“ фазе Томас Кранмер поддерживал сожжение еретиков-сакраменталистов, взгляды которых он позднее сам разделял. Как только он занял более радикальную позицию по вопросу о евхаристии, левее него остались только анабаптисты и антитринитарии, и, как и Кальвин, он без тени сомнения приговаривал их упрямых лидеров к смерти»⁵.

При Якове I (1603–1625) елизаветинская политика «единообразия» была продолжена, однако в конце правления новый король воодушевился идеей церкви, способной «включить» в себя более широкий круг прихожан, в том числе умеренных пуритан, послушных власти кальвинистов, арминиан и даже так называемых церковных папистов — католиков, регулярно принимавших участие в англиканских богослужениях.

Яков I не стал вмешиваться в Тридцатилетнюю войну и даже предпринял шаги, свидетельствовавшие о его желании восстановить мир на континенте. В 1623 г., пытаясь до-

308; Bossey J. English Catholics after 1688 // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 374.

5. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. — Edinburgh, 2000. P. 99–100.

говориться с Испанией о женитьбе своего сына, будущего Карла I, Яков I даже помиловал всех католических «отказников», рекъюзантов, чем вызвал гнев пуритан, назвавших короля пособником «вавилонской блудницы»⁶. После неудачи с Испанией Яков обратил взоры к Франции и незадолго до смерти заключил соглашение о женитьбе своего сына на принцессе Генриетте-Марии, дочери французского короля Генриха IV и Марии Медичи.

Заключение этого брака в 1625 г. не могло не вызвать подозрения в прокатолической ориентации Карла I, хотя в стране продолжалось преследование католиков, крещения, свадьбы и похороны по католическому обряду были запрещены, а чтобы получить право занимать какие-либо государственные должности, католики должны были переходить в англиканство. Впрочем, в 1630-е гг. появились признаки усиления позиций католиков и страну охватил страх перед «папским заговором». Как и его отец в последний период жизни, Карл I приблизил к себе *арминиан* (т.е. антикальвинистов). Радикальные пуритане считали их замаскированными папистами в церкви, обслуживавшими неприкрытое папство при дворе.

Отличительной особенностью английских арминиан было не только отрицание произвольно, через предопределение, даруемой благодати, но и утверждение о новом источнике благодати, доступном через таинства. И поэтому они ориентировались в богослужении не на проповедь «избранных», а на литургию и таинства, даровавшие благодать всем без исключения, передвигали престол в восточную часть церкви и отгораживали его наподобие алтаря, где и совершался обряд причастия. Заходившим в церковь следовало кланяться в сторону престола, а во время службы прихожане могли ощутить «красоту святости»⁷.

Пуритане считали это идолопоклонством и ставили арминианство в один ряд с «папством», и даже Книгу общей молитвы, настаивавшую на важности таинств в деле спасения, считали противоречащей учению о предопределении. В эти же годы арминианское влияние испытала часть бап-

6. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. P. 120.

7. См.: Ibid. P. 125.

тистов, порвавшая с кальвинизмом. Открытые антикальвинисты, такие как епископ Ричард Нил (в конечном итоге ставший архиепископом Йоркским) и Ричард Монтегю (возведенный в епископы в 1628 г.) или, например, Томас Джексон (член совета оксфордского колледжа Корпус-Кристи и автор арминианского трактата «Сущность и атрибуты Бога»⁸, пришедший к своим взглядам независимо от арминиан), пользовались покровительством и Якова I, и Карла I. Последний во второй половине 1620-х гг. возвел арминиаство в ранг национальной религии взамен поставленного под запрет кальвинизма с его «подрывным» и не способствующим порядку в государстве учением о предопределении одних только «избранных».

Кальвинисты — в том числе в парламенте, такие как Джон Пим, — отреагировали на это, обвинив арминиан в католицизме, тогда как арминиае — в том числе Нил и Лод, вошедшие в 1627 г. в Тайный совет (Уильям Лод в 1628 г. стал епископом Лондона, в 1630 г. канцлером Оксфордского университета, а в 1633 г. архиепископом Кентерберийским), — называли кальвинистов заговорщиками, а кальвинизм — учением, превращающим Бога в неразумного тирана и подрывающим сами основы религии. Острый конфликт между «пуританами» и арминиаами стал одной из причин роспуска парламента в 1629 г. и введения Карлом I режима «личного правления».

Арминиае, в отличие от кальвинистов, демонстрировали свою лояльность и оказывали все большее влияние на короля. В конце 1620-х — начале 1630-х гг. Карл I, продолжая политику «единообразия», проводил ее с опорой на английских арминиан, отличавшихся от своих голландских собратьев полным отсутствием толерантности.

В результате среди пуритан, считавших арминиан «пятой колонной», полупапистами, выполняющими задачу подготовки Англии к рекатолизации (в отличие от пуритан, арминиае не считали папу антихристом), поднялась еще одна волна эмиграции в Нидерланды и Новый Свет. Впрочем, эти беженцы, как ранее сепаратисты, не отличались терпимостью и изгоняли из своих рядов толерационистов.

8. *Jackson Th. A Treatise of the Divine Essence and Attributes.* — Newcastle, 1628.

Это произошло, в частности, с англиканином Роджером Уильямсом, осужденным на транспортицию в Англию, но бежавшим в 1636 г. на Род-Айленд. Здесь он основал новую колонию, ставшую убежищем для людей самых разных взглядов.

В 1644 г. в своей книге «Кровавый догмат о преследовании во имя совести»⁹, сожженной в том же году по распоряжению Долгого парламента, Уильямс заявил, что Божье повеление, с тех пор как пришел Его Сын Господь Иисус, заключается в том, чтобы «разрешить всем людям всех наций и стран исповедовать большинство языческих ли, еврейских ли, турецких или антихристианских верований и культов; и сражаться с ними следует исключительной тем мечом, с помощью которого (в делах, касающихся души) только и можно победить, а именно мечом Божьего Духа, Словом Божьим». «<...> Бог требует не единообразия религий, приведенного в исполнение и навязанного силой в каком бы то ни было светском государстве; каковое навязанное силой единообразие (рано или поздно) станет главной причиной гражданской войны, похищением совести, преследованием Христа Иисуса в его слугах, лицемерием и уничтожением миллионов душ. <...> Отрицая навязываемое силой единообразие религии в светском государстве, мы должны с необходимостью отказаться от наших желаний и надежд, связанных с обращением евреев во Христа. <...> Навязываемое единообразие религии в нации или светском государстве разрушает и светское, и религиозное, отрицает принципы и христианства, и светской власти. <...> Дозволение иных верований и культов, чем те, которые исповедует государство, способно лишь (согласно Богу) обеспечить прочный и долговечный мир, залогом которого станет, согласно мудрости светского государства, единообразие светского послушания всего населения»¹⁰.

В 1647 г. в новой конституции Род-Айленда англиканин Уильямс, повторно крестившийся по баптистскому обряду,

9. *Williams R. The Bloody Tenent of Persecution for Cause of Conscience Discussed: in a Conference between Truth and Peace. Who, In all tender Affection, present to the High Court of Parliament, (as the result of their Discourse) these, (amongst other Passages) of highest consideration.* — London, 1644.

10. *American Ideas. Source Readings in the Intellectual History of the United States.* — N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1963. P. 51.

гарантировал «абсолютную религиозную свободу» всему населению колонии.

Проведение лодианской церковной политики в Шотландии (т.е. попытка насадить в стране англиканское «единообразие» в духе арминиянства) вызвало к жизни мощное движение протеста. В 1638 г. генеральная ассамблея пресвитерианской кирки приняла решение избавиться от монополии епископов. Потерпев поражение в борьбе в ходе так называемых епископских войн, Карл I, поставленный перед необходимостью выплат денег шотландцам в обмен на мирный договор, вынужден был созвать в 1640 г. сначала Короткий парламент, существовавший всего три недели и распущенный за неповиновение, а потом Долгий парламент, в том или ином виде просуществовавший до 1653 г.

В результате режима «личного правления» Карла I (после роспуска в 1629 г. парламент не созывался вплоть до 1640 г.), проигранной войны с Шотландией, религиозных преследований, репрессий, кровавого мятежа ирландских католиков в Англии начали происходить события, которые привели к двум гражданским войнам, казни короля, установлению республики, затем протектората. В период Реставрации все эти события были названы «хаосом».

В ноябре 1640 г., когда Карл I созвал парламент, все его члены были единодушны в своем недовольстве политикой англиканской церкви и ее главы Уильяма Лода, которого считали скрытым католиком. Пуритане в палате общин во главе с Джоном Пимом лелеяли радикальные планы изгнания «антихриста» и построения в Англии Нового Иерусалима. Когда год спустя начался мятеж католиков в Ирландии, в результате которого в одном только Ольстере было вырезано от двух до трех тысяч протестантов, пуритане получили подтверждение своим предположениям о «папском заговоре».

В июне 1641 г. палата общин начала обсуждать вопрос о ликвидации епископата и конфискации церковной собственности; при этом вырученные средства и имущество церкви должны были пойти, по плану Самюела Гартлиба, на цели «развития знания и благочестия», т.е. на широкомасштабную реформу образования. В план Гартлиба и, по-видимому, Пима был вовлечен, не зная об этом, Я. А. Коменский, прибывший в Англию в сентябре 1641 г. Пе-

ред самым началом гражданской войны Коменский благо-разумно покинул Англию, откликнувшись на приглашение правительства Швеции.

Поскольку парламент не доверял королю и милиции, для подавления ирландского мятежа было решено создать новую армию под контролем парламента. Соответственно к середине лета 1642 г. в стране появились две армии. После неудачной попытки ареста лидеров палаты общин королю пришлось покинуть Лондон. Началась гражданская война. В 1643 г. в парламенте был поставлен на обсуждение вопрос о запрете англиканской церкви и замене ее на пресвитерианскую по образцу шотландской. В том же 1643 г. Пим вступил в сговор с шотландскими пресвитерианами, которые согласились вмешаться в конфликт в обмен на обещание парламента ввести пресвитерианство в Англии и Ирландии. Парламент обязался это сделать, приняв так называемую Торжественную лигу и ковенант, и в январе 1644 г. в Англию вторглась шотландская армия, которая решила исход военных действий. Впрочем, одновременно это решение раскололо парламент и общество и привело к тому, что в стране к 1647 г. появилась новая — независимая и решительно настроенная — политическая сила — армия «нового образца».

Раскол произошел и в ходе созванной в июне 1643 г. Вестминстерской ассамблеи. Большинство считало необходимым иерархическое строение церкви. Меньшинство, получившее наименование индепендентов, или конгрегационалистов, настаивало на децентрализации церковного управления и праве религиозных объединений на автономию. Индепенденты были поддержаны баптистами и рядом других религиозных групп. К ним примкнул популярный в армии Оливер Кромвель.

В 1645 г. парламент упразднил епископат, и в период до 1660 г. примерно 2780 англиканских священнослужителей были лишены приходов, Книга общей молитвы была запрещена. В следующем, 1646 г. «иерархисты» попытались получить согласие короля на признание своей деноминации в качестве государственной, однако это встретило противодействие со стороны индепендентов в парламенте и армии. В обществе в целом разгорелись дискуссии по вопросу о толерантности и запрете религиозных преследований. Наибо-

лее радикальные предложения включали распространение толерантности на католиков, евреев, еретиков и даже богохульников. Среди популярных толерационистов того времени можно назвать Уильяма Уолвина, Роджера Уильямса, Джона Гудвина, Джона Лильберна и Джона Уайлдмана. После 1644 г. получила хождение идея, что теперь антихрист принял новый вид, а выдают «зверя» гонения, которым он подвергает людей за их убеждения.

В конце 1648 г. пресвитериане, попытавшиеся пойти на сделку с королем и составлявшие более половины парламента, были изгнаны из парламента полковником Томасом Прайдом (так называемая Прайдова чистка), а король в январе 1649 г. казнен за измену решением оставшейся части, получившей от роялистов презрительное наименование «Охвостья» («Rump» — «обрубок хвоста, охвостье»). Из общего числа в 470 членов парламента 270 были «вычищены», около 100 предпочли не участвовать в заседаниях, 135 были приглашены участвовать в Высоком суде, 80 участвовали в его заседаниях и только 57 подписали решение о казни Карла I. После этого парламент при поддержке армии упразднил монархию и палату лордов и провозгласил Англию республикой. В 1650 г. были отменены все прежде принятые статуты о принудительном посещении англиканских богослужений. «Охвостье» просуществовало до 1653 г.

Оливер Кромвель, лорд-генерал армии (1650–1653) и лорд-протектор (1653–1658), придерживался весьма толерантных для того времени взглядов: «На всем протяжении своей карьеры он выступал поборником евангелического протестантского экуменизма и считал себя защитником (protector) народа Божьего»¹¹. Ранее, в мае 1648 г. пресвитериане в парламенте приняли Акт о богохульстве, согласно которому атеисты и антиринитари подпадали смертной казни, а арминиане, универсалисты, баптисты и антиномисты тюремному заключению. При Кромвеле, в августе 1650 г., второй Акт о богохульстве уже оставлял без внимания социниан, баптистов и арминиан, предусматривая жестокое наказание лишь для тех, кто отрицал внешнюю реальность

11. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. — Edinburgh, 2000. P. 147.

греха, ада и самого Бога и считал, что сексуальная распущенность или пьянство могут быть безгрешными и служить выражением внутренней святости. Имелась в виду прежде всего секта так называемых рантеров.

В том же 1650 г., впервые со времен Акта о единообразии 1559 г., были отменены пункты в статутах о наказаниях за непосещение богослужений. Впрочем, уже в 1651 г. парламент распорядился сжечь недавно вышедший в свет английский перевод социнианского «Раковианского катехизиса» и сформировал комитет по распространению Евангелия во главе с богословом-индепендентом Джоном Оуэном. Сформулированные Оуэном предложения касались преследования еретиков, а также регистрации сепаратистов в органах местной власти, однако так и не были приняты в результате кампании протеста.

В 1653 г., в «Орудии управления», вновь принятой конституции протектората, говорилось, что «никто не будет принужден штрафами или иным образом» принимать вероисповедание национальной церкви. В этом документе из числа подлежащих толерантности исключались только католики, англикане, рантеры и «подрывные» элементы. Вне закона оставалась Книга общей молитвы. В 1655 г. была принята «Прокламация о запрещении беспокоить служителей церкви», специально направленная против квакеров, численность которых к 1660 г. в одной Англии выросла до 50 тысяч человек. Власти не устраивал стиль их поведения: квакеры («трясуны») «буквально тряслись в экстазе... прерывали церковные богослужения, предсказывали Страшный суд, отказывались проявлять почтение начальству, побуждали к проповедям женщин. <...> С точки зрения их критиков, они угрожали подрывом общественного порядка и стабильности»¹². Кроме того, квакеры отказывались платить десятину.

Большой резонанс вызвало в 1656 г. дело квакера Джеймса Нейлера, въехавшего в октябре в Бристоль на осле под крики своих сторонников «Свят, Свят, Свят, Осанна, Господь Бог Израиля» и в конечном итоге, после десятидневных дебатов в парламенте, жестоко наказанного за богохульство.

12. Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. P. 152.

На этих дебатах в качестве наблюдателя присутствовал Локк, размышлявший после окончания базового университетского курса, не продолжить ли ему обучение в судебном Грейз-инне, куда он был принят в декабре 1656 г. На слушаниях звучали и характерные для квакеров обвинения английских университетов в том, что они являются питомниками коррумпированного клира и «бесполезных» знаний.

В 1656 г. Кромвель разрешил евреям, изгнанным из Англии еще в 1290 г. королем Эдуардом I, однако все же создавшим в стране крошечную общину, построить в Лондоне кладбище и синагогу.

В 1650-х гг. власти почти не преследовали католиков, если не считать казней двух католических священников в 1651 и 1654 гг. Последняя — казнь Джона Саутворта — вызвала протесты Кромвеля, и, когда Саутворт был четвертован, он специально нанял врача, чтобы сшить части разорванного тела и отправить его в католическую школу Дауэй для погребения по католическому обряду. В Ирландии дело обстояло иначе, и на всем протяжении 1650-х гг. здесь последовательно проводилась политика преследований католиков.

Практически не преследовалась при Кромвеле и англиканская церковь: прихожане продолжали праздновать Рождество, крестить детей и сочетаться браком согласно Книге общей молитвы. Однако официально англиканская церковь находилась под запретом.

Республика и протекторат, введенный после разгона «Охвостья» лично Кромвелем в конце 1653 г., просуществовали 11 лет. В 1660 г., менее чем через два года после смерти Кромвеля, на престол был призван Карл Стюарт, сын казненного Карла I. Сразу же после смерти лорда-протектора Джон Мильтон в своей эпитафии 1650-м годам, «Трактате о светской власти в церковных делах»¹³, доказывая, что ни одна земная власть не имеет права на принуждение в религиозных вопросах, признал существование «христианской свободы, которой мы теперь наслаждаемся». По словам Н.Тияке, «кромвелевская церковь... остается оригинальным и поразительным экспериментом». Будучи

13. *Milton J.* A Treatise of Civil Power in Ecclesiastical Causes; Showing That it is not Lawful for any Power on Earth to Compel in Matters of Religion. — London, 1659.

широкой конфедерацией пресвитериан, индепендентов, части баптистов, а также разрешив деятельность множества сект, «эта новая английская церковь была попыткой перевести в практический план баптистские принципы, адаптированные индепендентами в 1640-х гг.»¹⁴

Реставрация монархии сопровождалась реставрацией англиканской церкви. Несмотря на обещания Карла II, сформулированные в его декларации от 4 апреля 1660 г. в Бреде, о «всеобщем прощении» для всех сторонников республики и «свободе совести», законы, принятые за предшествующие 19 лет и не получившие одобрения нового короля, были отменены, а восстановленная епископальная и «национальная» церковь не нашла места для диссентеров.

В преамбуле к принятому конвентом в 1660 г. Акту об освобождении от ответственности и о забвении говорилось о желании короля «похоронить все семена будущих разногласий и воспоминания о разногласиях прежних». Однако истинным символом перемен и настоящим актом «устрашения» стало решение того же конвента о том, чтобы тела Кромвеля, Айртона, Прайда и Брадшоу были эксгумированы, повешены и затем обезглавлены. В том же 1660 г. вышла прокламация о сожжении книг Джона Мильтона «Защита народа Англии»¹⁵ и индепендента и антикальвиниста (арминианина) Джона Гудвина «Препятствующие справедливости»¹⁶, в которых оправдывалось цареубийство. Ряд республиканских трактатов был запрещен. Главный республиканский теоретик периода междуцарствия Джеймс Гаррингтон, автор «Океании» (1656)¹⁷, был заключен в тюрьму. В 1662 г. был казнен сэр Генри Вейн-младший, заявивший, что в Англии нет другой высшей власти, кроме парламента.

14. *Tyacke N.* The Legalizing of Dissent, 1671–1719 // From Persecution to Toleration: The Glorious Revolution and Religion in England / Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel and N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 30.

15. *Milton J.* Defensio pro Populo Anglicano. — London, 1651.

16. *Goodwin J.* The Obstructors of Justice; or A Defence of the honourable Sentence passed upon the late King. — London, 1649.

17. *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. To His Highness The Lord Protector of the Commonwealth of England, Scotland, and Ireland. — London, 1656.

А когда в 1663 г. вышел в свет трактат «Mene Tekel»¹⁸, автор которого утверждал, что Писание не запрещает человеку оказывать сопротивление жестокому и тираническому властителю, его издателя повесили, выпотрошили и четвертовали. 30 января, день казни Карла I, был сделан днем поминовения и включен в англиканский молитвенник как день Карла Мученика.

Новый роялистский парламент (парламент кавалеров) начал работу в мае 1661 г. и просуществовал вплоть до января 1679 г. Восстановление англиканской церкви было проведено таким образом, что она вернула себе практически все, что имела до 1640 г. Почти все члены местных общин вновь стали ее прихожанами и обязаны были посещать богослужения, платить штрафы за непосещение и десятину, оплачивать крещение, заключение брака и похороны. Существовал специальный церковный суд, следивший наряду с судами светскими за поведением прихожан. На епископов была также возложена обязанность назначения школьных учителей и надзора за ними; церковь получила в монопольное управление Оксфордский и Кембриджский университеты.

Несмотря на восстановление монархии и англиканской церкви, власти боялись возвращения республики и связывали инакомыслие с радикализмом. Помимо главного врага — католиков, значительным влиянием в обществе продолжали пользоваться пресвитериане, индепенденты, баптисты и квакеры, общая численность которых составляла около 200 тысяч человек, или 4% всего населения. При этом территориальное их распределение было неравномерным: например, в Лондоне диссентеры составляли не менее 15–20% жителей.

В начале 1660-х гг. были подтверждены старые и приняты дополнительные статуты против религиозного неконформизма. Впоследствии они были совокупно названы «кодексом Кларендона» по имени главного министра,

18. Mene Tekel, Or, The Downfall of Tyranny. A Treatise, Wherein Liberty and Equity are Vindicated and Tyranny Condemned by the Law of God and Right Reason: And the Peoples Power, and Duty to Execute Justice, Without, and Upon, Wicked Governors, Asserted. — London, 1663. Под псевдонимом Laophilus Misotyranus, возможно, скрывался Роджер Джонс (Roger Jones) или Джон Гудвин.

находившегося в этой должности в 1660–1667 гг. (канцлера Оксфордского университета с 1660 г., члена Лондонского королевского общества с 1665 г.) Эдварда Хайда, графа Кларендона. В декабре 1661 г. парламент принял Акт о корпорациях, в котором занятие муниципальных должностей обуславливалось принесением клятв в лояльности и признанием супрематии короля, принятием англиканского причастия и отречением от Торжественной лиги и ковенанта.

В мае 1662 г. был принят Акт о единообразии (*Act of Uniformity*), требовавший от всех духовных лиц и учителей, как в университетских колледжах, так и в деревенских школах, а также от частных наставников и гувернеров отречься от Торжественной лиги и ковенанта и подчиниться порядку англиканского богослужения, предписанному Книгой общей молитвы. В этом законе устанавливался предельный срок его исполнения — до 24 августа, дня св. Варфоломея. По его истечении около тысячи человек (примерно 10% всего клира) были лишены приходов. Акт о единообразии 1662 г. определил государственную церковь — Церковь Англии — как епископальную институцию. Актом было «создано церковное государство — протестантский истеблишмент — система правления, в которой члены Церкви Англии имели монополию на должности в сферах образования, религии, местной и центральной власти и в вооруженных силах»¹⁹.

Всего с 1660 по 1663 г. были «изгнаны» 1760 духовных лиц в Англии, 120 в Уэльсе, а также около 200 преподавателей университетов и школьных учителей. Позднее по меньшей мере 171 из них подчинился Акту о единообразии.

Религиозные собрания диссентеров были поставлены вне закона Актом о квакерах 1662 г., за которым последовал более широкий Акт о тайных собраниях 1664 г., устанавливавший систему штрафов за посещение собраний нонконформистов: 5 фунтов (или 3 месяца тюрьмы) за первое правонарушение, 10 фунтов (или 6 месяцев тюрьмы) за второе и 100 фунтов (или транспортиция) за третье. Второй Акт о тайных собраниях, принятый в 1670 г., снижал штрафы для лиц, всего лишь посещавших собрания (до 5 и 10 шил-

19. *Beddard R. A. Restoration Oxford and the Remaking of the Protestant Establishment // The History of the University of Oxford. Vol. IV / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 803.*

лингвов), однако вводил более строгие наказания для тех, кто читал проповеди или разрешал проводить собрания в своих домах (20 и 40 фунтов). Согласно Акту о пяти милях 1665 г., принятому после того, как изгнанные ранее духовные лица заняли опустевшие в результате Великой чумы кафедры, им запрещалось поселяться менее чем в пяти милях от старых приходов или любых крупных поселений.

Акт о тайных собраниях 1670 г. привел также к быстрому развитию института информаторов, получавших за разоблачение диссентеров до трети их имущества. В судах доносы информаторов почти всегда рассматривались как правдивые, обвиняемым отказывалось в защите, ордера на аресты и конфискации выписывались судами, работавшими в закрытом режиме. Ненавидимые обществом информаторы оказались незаменимым инструментом, с помощью которого удалось справиться с местной властью, не желавшей подчиняться репрессивным законам «центра».

Помимо принятия нового законодательства, были восстановлены старые законы против папистских «отказников» и сепаратистов, в том числе Акт о единообразии 1559 г. и Акт 1593 г. Согласно последнему, лица, осужденные за непосещение церкви или участие в запрещенных религиозных собраниях, должны были либо подчиниться (*conform*) в течение трех месяцев, либо навсегда покинуть страну. При этом их земли и имущество переходили короне; отказ покинуть страну карался смертной казнью. Акт 1593 г. был направлен прежде всего против католиков, однако в период Реставрации применялся и против диссентеров. По Акту о проверке 1673 г., все лица, состоявшие на королевской службе, должны были принять англиканское причастие и высказаться против догмата о пресуществлении. Актом о проверке 1678 г. католикам запрещалось занимать места в обеих палатах парламента.

Диссентеры обвинялись в развязывании гражданской войны, в пролитой крови, в высоких налогах, в царевубийстве, в запрете англиканской церкви, гонениях на нее и в поддержке сектантства. В соответствии с вновь принятыми законами тысячи диссентеров подверглись репрессиям. Не имея возможности отправлять богослужение открыто, диссентеры уходили в леса, однако и там их находили и арестовывали, а при оказании сопротивления иногда уби-

вали. Неангликанские храмы и моленные дома подлежали сносу.

Особенно сильную ненависть властей вызывали анабаптисты и квакеры, многие из которых не просто отказывались участвовать в англиканских богослужениях, но считали своим долгом открыто проводить богослужения и *не таясь* исповедовать свои взгляды. При этом, как отмечает Дж. Маршалл, преследования не встречали с их стороны никакого отпора: «почти никто не сопротивлялся, и почти все... неоднократно отрицали законность сопротивления по религиозным причинам»²⁰.

Несомненное сопротивление «семи епископов», которые отказались подчиниться Якову II, впоследствии оправдывалось как проявление божественного вмешательства, сами епископы назывались поэтому «святыми» и изображались на гравюрах того времени в сиянии нимбов. Их случай служил примером исключения, которое лишь подтверждало общее правило «несопротивления».

Характерной чертой реставрации было то, что диссентеров преследовали по большей части не как еретиков, а как «схизматиков», т. е. людей, не пожелавших приносить клятву верности англиканской церкви. В некоторых трактатах того времени утверждалось, что впадать в «схизму» неразумно, поскольку для этого нет доктринальных оснований. Иначе говоря, англиканская церковь периода Реставрации, призывая в свои ряды послушных и преследуя сопротивляющихся, обвиняла неконформистов не в ереси, а в расколе. При этом властями «схизма» неизменно связывалась с нелояльностью и стремлением к организации мятежей. «Политика религиозной нетерпимости, вызванная страхом перед политическими бунтовщиками, несла с собою риск сделать потенциально лояльных людей людьми нелояльными и сама порождала проблему, для предотвращения которой была придумана»²¹.

Известно, что Карл II не был вполне доволен тем «церковным урегулированием», которое было достигнуто в пер-

20. Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 123.

21. Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. — London: Penguin Books, 2005. P. 55.

вые годы реставрации. Политика подчинения англиканской церкви делала его королем не всех подданных, а лишь их части, и вопрос об инакомыслии вставал в течение всего периода Реставрации. Неоправданно жесткие меры по отношению к диссентерам лишали корону поддержки со стороны умеренно настроенных и в целом лояльных граждан, однако, с другой стороны, попытки ввести более толерантное законодательство могли привести к потере короной самой надежной опоры власти — роялистского парламента и верхушки англиканской церкви.

Возвращение законодательства к состоянию на 1641 г., ставшее одним из результатов реставрации, означало, что король вновь становился главой исполнительной власти. В его руках были все государственные должности, включая назначение и увольнение судей, а также контроль над внутренней и внешней политикой. Король не мог сам назначать суммы собираемых налогов и вводить в силу законодательство без согласия парламента, но имел право вето, а также право его созыва, пророгирования и роспуска.

Король был также главой церкви по елизаветинскому Акту о супрематии 1559 г. Вдобавок к этому в первые годы правления Карла II были приняты Акты о милиции (в 1661 и 1662 гг.), сделавшие короля единоличным командующим всеми вооруженными силами. Кроме того, после подтверждения акта о милиции в 1669 г. он получил право доводить численность войск в Шотландии до 22 тысяч человек. Эти войска могли быть использованы для наведения порядка не только в Шотландии, но и в Ирландии и самой Англии. Акт о корпорациях (1661) и Акт о единообразии подтверждали доктрину «несопротивления» и обязывали всех должностных и духовных лиц, а также учителей принести клятву верности королю и его наследникам и признать, что не существует ни одной причины, по которой можно было бы брать в руки оружие и направлять его против короны. В клятве о супрематии признавалось верховенство монарха как в религиозных, так и светских делах.

В 1661 г. был принят Акт против неумеренной подачи петиций, в котором осуждалась практика ходатайств и прошений, содержащих вопросы, касающиеся изменения законов церкви и государства, если это изменение не было инициировано самой властью. Согласно Акту о лицензировании

1662 г., объявлялось незаконным печатание еретической, бунтовщической и раскольнической литературы, а также пропаганда идей или мнений, противных христианству или вероучению и устройству англиканской церкви. Все книги подлежали лицензированию лондонской Компанией книжных и газетных издателей, или одним из архиепископов, или епископом Лондона, или лордом-канцлером, или одним из канцлеров, или одним из вице-канцлеров университетов²².

Несмотря на это, в стране пышным цветом расцвело книгоиздание и издание газет, в том числе оппозиционных, распространявшихся главным образом неофициально, через кофейни и клубы. Поток оппозиционной литературы оказался настолько сильным, что 29 декабря 1675 г. Карл II выпустил указ о закрытии всех кофейных заведений, которые в дальнейшем должны были функционировать под контролем государства, а их хозяева — приносить присягу и признавать супрематию короны.

Весьма важной задачей было и установление контроля над парламентом. В верхнюю палату парламента вошли, по акту 1661 г., 26 англиканских епископов, назначенных королем; за годы своего правления Карл II возвел в титул пэров 64 лояльных ему лица. Что касается нижней палаты, то, несмотря на все попытки архиепископов Кентерберийских Гилберта Шелдона (1663–1677) и затем Уильяма Санкрофта (1677–1690) создать сильную прокоролевскую фракцию (в том числе из клира), это наталкивалось на стойкое нежелание общин отказываться от своих прав и свобод.

После роспуска в марте 1681 г. Оксфордского парламента власти развернули репрессии против инакомыслия. Эта политика привела к массовому переходу бывших диссентеров в англиканскую церковь.

В то время как после 1681 г. самые убежденные диссентеры вынуждены были скрыться или уйти в подполье, нашлись умеренные политики, которые решили приспособиться к ситуации. Эта группа получила название «триммеров» — по названию памфлета Галифакса «Природа триммера» («*Character of a Trimmer*», 1684), в котором он

22. *Harris T.* Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. P. 57–59.

призывал к политике умеренности и компромисса, необходимой для стабилизации политической ситуации. Триммерство состояло в поддержке «слабых», необходимой до тех пор, пока «государственная лодка» не выправится и не обретет устойчивости.

Репрессии начала 1680-х гг. были направлены на то, чтобы не допустить повторения событий 1640–1660 гг., и, по мнению их инициаторов, должны были служить укреплению власти монарха, лояльного ему парламента и государственной церкви. Карл II не мог не ценить политики, направленной на усиление его власти, однако в самой системе оставались слабые места. Прежде всего, короне не хватало денег на содержание двора и постоянной, пусть небольшой, армии, в начале правления достигавшей 4–5 тысяч, а к 1678 г. — около 20 тысяч человек. В ее состав входила королевская личная охрана, которая выполняла в том числе и репрессивные функции в отношении диссентеров. (Для сравнения: в 1675 г. численность армии Людовика XIV составляла 100 тысяч человек.) Деньги были нужны и на войны с Нидерландами (в 1664–1667 и 1672–1674 гг.).

Вторым уязвимым местом была слабая управляемость на местах и в нижней палате парламента, причину которой правительство видело в инакомыслии.

В конце своего правления Карл II решил проблему финансирования королевской казны, получив крупную сумму денег от Людовика XIV и преодолев денежную зависимость от парламента. Парламентариев так и не удалось полностью перевербовать, несмотря на усилия верного короне главного министра графа Данби, раздававшего депутатам должности и деньги. Парламент перестал созываться с марта 1681 г. Решил Карл II и проблему слабой управляемости, развернув кампанию по замене представителей местной власти на лояльных лиц. После 1681 г. и особенно в последние два года правления Карла властное поле было почти полностью очищено.

При этом и в начале реставрации, и на ее пике — после подавления заговора в Рай-Хаусе — главным врагом продолжали считать лиц, которые характеризовались как схизматики, а следовательно, потенциальные и, как «обнаружилось» в результате раскрытия ряда заговоров, реальные мятежники. В этот период сотни диссентеров были заклю-

чены в тюрьмы, в одном только Лондоне в 1682–1686 гг. более 3800 человек были арестованы и осуждены за посещение тайных собраний нонконформистов. Город терроризировала «банда Хилтона», находившая поддержку лично у Карла II и состоявшая из более чем 40 информаторов, которые проникали на собрания диссентеров, собирали компрометирующую информацию, далее преследовали своих жертв, а если те отказывались платить отступные, силой забирали имущество²³.

Итак, обвинения выдвигались в первую очередь против «схизматиков». Что касается звучавших в то время обвинений в «ереси», то они по большей части исходили не от англикан, а, напротив, от диссентеров, обвинявших англиканскую церковь в арминизме и социнианстве. Эти обвинения были направлены прежде всего, но не исключительно, против тех богословов и духовных лиц, которые призывали к свободе «спекулятивных» мнений и «минимальным» доктринальным требованиям при вступлении в церковь. «Некоторые нонконформисты даже приводили в качестве причины своего отказа вступать в англиканскую церковь то, что англиканство слишком толерантно к „ереси“»²⁴.

Среди небольшого числа диссентеров, обвиненных англиканской церковью и властями в «ереси», были, например, Уильям Пенн и Лодовик Маглтон. И даже после «славной революции» Акт о толерантности 1689 г., освобождавший диссентеров от наказаний, специально оговаривал, что это не относится к тем, кто отрицает в проповедях или сочинениях учение о Троице. Наказания за антитринитаризм предусматривал и Акт о богохульстве 1698 г.

Подобно обвинениям в ереси, обвинения в «атеизме» и «либертинизме» опять же исходили в основном от нонконформистов, считавших, что власти слишком толерантны к этим проявлениям греха.

Как ни парадоксально, несмотря на широко распространенную ненависть к папству, на практике отношение властей к католикам в период Реставрации в целом было более

23. *Coffey J.* Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. — Edinburgh, 2000. P. 173.

24. *Marshall J.* John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 125.

толерантным, чем отношение к диссентерам. Карл II был скрытым католиком, к католической церкви принадлежала его мать Генриетта-Мария и супруга Екатерина Браганца. Его брат и наследник престола герцог Йоркский после 1673 г. открыто исповедовал католицизм. И Карл, и Йорк восхищались личностью Людовика XIV, взявшего власть в свои руки после смерти кардинала Мазарини, и были благодарны ему за годы, проведенные в вынужденной ссылке во Франции в 1650-х гг. Католичками были и многочисленные любовницы Карла, которые, по слухам, активно циркулировавшим в обществе, оказывали на него значительное влияние. Никто и не помышлял о преследованиях в отношении королевской семьи. Более того, ни один католик не был казнен в период между 1654 и 1678 г. В стране было около 30 католиков, которые заседали в палате лордов или палате общин, занимали посты мировых судей, местных губернаторов или шерифов. В Англии насчитывалось около 500 католических священников, в том числе 150 иезуитов.

Ситуация резко изменилась во второй половине 1670-х гг.: группа католиков в Лондоне была обвинена в заговорщической деятельности — формально за отказ присутствовать на англиканском богослужении, однако в действительности по подозрению в попытке устроить еще один великий пожар, аналогичный лондонскому пожару 1666 г. В обществе немедленно вспомнили не только это бедствие, но и казни во времена Марии I, Варфоломеевскую ночь, Испанскую армаду, Пороховой заговор и Ирландское восстание. Гонения развернулись по всей стране: дома католиков обыскивались в поисках следов заговора, на католические храмы и самих католиков совершались нападения, иногда это делали целые толпы разгневанных английских граждан.

В ноябре 1678 г. был казнен Эдвард Коулмен, бывший секретарь герцогини Йоркской, обвиненный в тайной переписке с иезуитами и французскими агентами с целью уничтожения протестантизма, после чего было арестовано около 100 католических миссионеров, 23 из которых умерли в тюрьме, а 18 были казнены.

Гонения на католиков не прекращались на протяжении почти всего периода Реставрации, а во время «славной революции» 1688 г. вылились в погромы в Лондоне и по всей стране. Акт о толерантности 1689 г. также не предусматри-

вал отмены санкций в отношении католиков. Более мягкое законодательство было принято в 1778 г., а фактически гонения прекратились лишь в начале XIX в.

В Ирландии католическое население составляло около 800 тысяч человек (в Англии католиков было около 60 тысяч), а протестантов — 300 тысяч. В начале правления Карла II отношение к ирландским католикам было достаточно спокойным, священников обещали не преследовать, если они соглашались принести клятву верности короне и отречься от папской супрематии. Однако таких священников было немного. В 1670-х гг., на фоне общих антикатолических настроений, католическая религия в Ирландии была практически запрещена, и многие священники вынуждены были бежать во Францию. Своего пика гонения на ирландских католиков достигли в 1683 г. Преследования католиков в Ирландии были продолжены и в правление Вильгельма III, хотя никогда не пользовались поддержкой нового короля, стремившегося сохранить союзнические отношения с католическими правителями Австрии и Испании в войне против Франции.

* * *

Голландский контекст, соответственно, имел *свою* специфику. Пожалуй, главным его отличием от английского было то, что нежелание примыкать к государственной церкви не имело никаких последствий. Невозможно было получить должность в аппарате государства, не будучи членом голландской реформатской церкви, но никто не подвергался наказаниям за то, что не был ее членом, а сама она существовала за счет взносов прихожан. К реформатской церкви принадлежала примерно половина населения страны. Практика толерантности и помощи беженцам вела свою историю с 1572 г., когда Вильгельм Нассауский, принц Оранский (лютеранин, позднее ставший кальвинистом), поднял восстание против испанского владычества под флагом борьбы с «кровавой тиранией» и «инквизицией». В 1578 г. Вильгельм Оранский призвал к общему религиозному миру, основанному на свободном отправлении своего вероисповедания как протестантами, так и католиками.

Несмотря на настойчивые и во многом удавшиеся попытки голландской реформатской церкви сохранить домини-

рующее положение, устроив гонения на католиков и другие конфессии и деноминации, в истории страны не было ничего похожего на Акт о единообразии, принятый английским парламентом в 1662 г. Как правящая династия, так и магистраты составляли не монархию, а наследственный патрициат, не были неразрывно связаны с кальвинизмом и не исповедовали нетерпимости к инакомыслию. По сути дела, в республике господствовало эрастианство, согласно которому, напомним, церковь и ее служители должны полностью подчиняться мирским властям. Поддерживая «реформатскую церковь как единственную религиозную институцию, санкционированную государством», голландские регенты «отрицали ее полную автономию, настаивая на ее подчинении политическим правителям», чтобы «сохранить политическое единство и защитить подданных от чрезмерной церковной власти»²⁵.

Пик противостояния арминианству (ремонстрантству) пришелся в Нидерландах на период с 1619 г. (после Дортского синода 1618 г., где ремонстранты были объявлены еретиками и смутьянами) и до конца 1620-х гг., но затем, после 1630–1631 гг., арминиане получили такие же права, как и другие конфессии. Они могли устраивать церкви, которые, правда, не должны были отличаться снаружи от других зданий и иметь колоколов, призывающих прихожан на службу. Как и другие конфессии, арминиане перестраивали для этого обычные здания, не меняя фасадов. В 1630 г. сформировалось движение коллегиянтов, которое можно назвать боковым ответвлением арминианства, представители которого считали любую попытку объяснения текстов Библии извращением слова Божьего. Коллегиянты называли свои религиозные общины «коллегиями». В середине XVII в. только коллегиянты и только в Нидерландах предоставляли убежище анти-тринитариям, прежде всего социнианам, которые изгонялись из других протестантских стран Европы. Это объяснялось тем, что по закону социнианам запрещалось иметь собственные приходы, и они могли совершать богослужения только вместе с арминианами, коллегиянтами и меннонитами.

25. *Zagorin P.* How the Idea of Religious Toleration Came to the West. — Princeton and Oxford: Prenceton University Press, 2003. P. 152.

Нидерланды позволили еще в начале века основать у себя так называемые Браунистские церкви, основанные бежавшими из Англии сепаратистами, которые в свою очередь предоставляли убежище английским беженцам после реставрации монархии, а затем после подавления Рай-Хаусского заговора и восстания Монмута. Именно эта церковь дала убежище Шефтсбери, бежавшему в Нидерланды в конце 1682 г. В 1650–1680-х гг. в Нидерландах скрывались и квантеры, которых подвергали гонениям сначала при Кромвеле, а затем при Карле II.

В стране относительно спокойно существовала католическая церковь, хотя и запрещенная, но пользовавшаяся всеми благами «практической» толерантности. Более того, католики составляли примерно 20% всего населения Нидерландов.

К концу XVII в. большинство евреев в Нидерландах составляли беженцы из Германии, Польши и Литвы. Как и другие беженцы, они не были обделены по части «практической» толерантности, а в 1650-х гг. получили возможность строить синагоги и вести активную торгово-экономическую деятельность. В Амстердаме существовала отдельная еврейская община сефардов, беженцев из Испании и Португалии, спасавшихся от преследований инквизиции, так называемых «*conversos*», перешедших обратно в иудаизм из номинальной католической веры. Сефарды, в отличие от ашкеназов, выходцев из центральной и восточной Европы, по большей части считали христианство наихудшим видом идолопоклонства, не различая между католицизмом и протестантизмом и полагая их выражением одного и того же язычества. Исключением был раввин и известный всей Европе религиозный мыслитель Менассе бен Израэль²⁶. Значительную часть финансовой поддержки голландского вторжения в Англию обеспечили именно богатые нидерландские евреи, которые верили в особую роль этой страны как *kezeh ha-Arez* («конца земли» — средневековое еврейское наименование Англии). Согласно их взглядам, пришествие мессии связано с окончательным рассеянием евреев среди

26. См.: *Kaplan Y. An Alternative Path to Modernity: The Sephardi Jews of Amsterdam in Early Modern Times // Everything Connects: in Conference with Richard H. Popkin: Essays in His Honor / Ed. by J. E. Force and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999.*

всех народов, т. е. с исходом в «конец земли». Многие английские пуритане и англикане также связывали с последним рассеянием евреев и их обращением в христианство Второе пришествие Христа. И евреи, и христиане по-своему, в качестве мессианистов либо милленаристов, ожидали скорого наступления тысячелетнего царства.

Английский милленаризм имел важную особенность: это широкое движение основывалось на исторических и библейских исследованиях, породивших так называемую «реалистическую» школу, во главе которой стоял кембриджский теолог Джозеф Меде²⁷. Школа Меде занималась систематизацией пророчеств, особенно содержащихся в Книге пророка Даниила и Откровении Иоанна Богослова, вычислением хронологических последовательностей, датировкой апокалиптических событий и подчеркивала необходимость не просто ожидания, но *исполнения и тем самым приближения* библейского пророчества о росте научного знания в преддверии Апокалипсиса. Среди последователей «научного» милленаризма были Генри Мор, Джон Мильтон, Самюел Гартлиб, Исаак Барроу, Исаак Ньютон, Томас Бернет, Уильям Уистон и др.²⁸

27. *Mede J. Clavis Apocalyptica.* — London, 1627, 2nd ed. 1632. «Для Меде одним из самых надежных и, по сути дела, необходимых знаков приближающегося миллениума было возвращение еврейского народа в Палестину и сопутствующее их обращение перед самым появлением Христа на небесном облаке — как прелюдии к уничтожению Антихриста исходящим с небес пламенем. В начале миллениума Сатана будет закован на тысячу лет, произойдет Первое Воскресение мучеников и свидетелей как соправителей со Христом на небесах над Спасенными Народами, собранными в восстановленном Иерусалиме и наставляемыми и управляемыми жезлом железным Поднятыми из мертвых Святыми. Под конец миллениума Сатана и его слуги (Гог и Магог) будут освобождены из темницы и опять нападут, теперь уже на Новый Иерусалим, однако огонь с небес уничтожит врагов Христа. За этим катастрофическим событием последует воскрешение мертвых (Второе или Всеобщее Воскресение) в День Суда: праведных — к жизни вечной, грешников — к вечной погибели». См.: *Smolinski R. The Logic of Millennial Thought: Sir Isaac Newton Among His Contemporaries // Newton and Religion: Context, Nature, and Influence / Ed. by J. Force and R. Popkin.* — Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 260–261. Согласно Ньютону, Гог и Магог — слуги Сатаны, народы «Персии, Аравии и Африки, а также северные народы Азии и Европы». См.: *Ibid.* P. 285.

28. См.: *Goldish M. The Battle for "True" Jewish Christianity: Peter Allix's Polemics Against the Unitarians and Millenarians // Everything Connects: in Confer-*

В начале 1650-х гг. разнеслась весть о том, что америнды (американские индейцы) на самом деле являются потерянными коленами израилевых, что вызвало фурор как среди корреспондентов Гартлиба, так и среди евреев вокруг Менассе бен Израэля, который сделал это «открытие» центральным пунктом своей петиции «Надежда Израиля» («*Mikveh Yisra'el*, *Nos est, Spes Israelis*», 1650) с просьбой разрешить евреям вернуться в Англию.

Как пишет Джон Янг, продвижение еврейско-христианского диалога было одним из приоритетных проектов Гартлиба и особенно Дьюри, которые направили в 1649 г. петицию в парламент об учреждении в составе нового Лондонского университета Колледжа еврейских исследований с целью изучения еврейской культуры, в частности древнееврейского языка (ключа к языку Адама), и в конечном счете переубеждения евреев в том, что христианство является не отрицанием их религии, а ее наивысшей ступенью²⁹.

К числу многочисленных и принадлежавших к разным деноминациям «конверсионистов» принадлежал и Локк³⁰. Это позволило Набилу Матару утверждать, рассуждая об эволюции его толерационистских взглядов, что, «становясь все более толерантным по отношению к диссентерам и защищая их права, Локк превращался в конверсиониста по отношению к евреям и смотрел на них исключительно как на потенциальных христиан, окончательное место проживания которых должно находиться за пределами Англии»³¹. Действительно, в посмертных «Парафразе и примечаниях к посланиям св. Павла» Локк писал о необходимости возвращения евреев в «землю обетованную», Палестину, до наступления тысячелетнего царства, и поэтому, по его

ence with Richard H. Popkin: *Essays in His Honor* / Ed. by J. E. Force and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. P. 155.

29. Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle. — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 43–48.

30. Russo R. Locke and the Jews: From Toleration to the “Destruction of the Temple” // *Locke Studies*. 2002. No. 2. P. 201. См. также: Coffey J. Persecution and Toleration in Protestant England, 1558–1689. — Edinburgh, 2000. P. 155–157.

31. Matar N. John Locke and the Jews // *Journal of Ecclesiastical History*. 1993. Vol. 44. No. 1. P. 45.

мнению, их пребывание в Англии не могло быть слишком продолжительным.

Однако, как замечает Дж. Маршалл, в своих размышлениях на этот счет Локк ориентировался не на Франциска Меркурия ван Гельмонта, выстраивавшего последовательность: полнота язычников 1702 г., обращение евреев 1732 г., миллениум 1777 г., а на Исаака Ньютона, считавшего временем возвращения евреев в Иерусалим 1895–1896 гг., а последними днями — отрезок между 2000 и 2050 г. И поэтому, полагает Маршалл, хотя Локк и называл иудаизм «ложным» и «абсурдным», а христианство единственной истиной и единственным путем спасения, его практический толерационизм распространялся и на евреев, обращение которых он не считал стоящим, так сказать, на сегодняшней повестке дня, а отодвигал на несколько столетий в будущее³². К этому следует добавить, что в каком-то смысле весь локковский толерационизм — это на самом деле толерационистский конверсионизм, т.е. политика мягкой, толерантной, «уговаривающей» христианизации не только евреев, но также мусульман, язычников (перед мысленным взором Локка стояли прежде всего американские индейцы) и, наконец, главного врага — нетерпимых, жестоких, воинственных и *антихристианских* «папистов».

Как отмечает Янг в своем исследовании круга Гартлиба, члены которого придерживались в принципе тех же взглядов, это был не «филосемитизм», как принято говорить, а своего рода «интеллектуальный колониализм»³³. За этими взглядами стояли вполне возвышенные представления: подобно тому как «все металлы стремились стать золотом, более того, им было предназначено стать золотом... евреям (и, с точки зрения некоторых людей, язычникам) было предназначено доразвиться до христиан. Колонисты, пансофисты и алхимики действовали всего лишь как катализаторы, помогая остальному Творению на провиденциально предопределенном пути»³⁴.

32. Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 602–604.

33. Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle. — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 48.

34. Ibid. P. 173.

Возвращаясь к характеристике голландского контекста, можно сказать, что на практике «Нидерланды были в религиозном смысле самым толерантным обществом в Западной Европе»³⁵, несмотря на законодательство, ограничивавшее права католиков, антитринитариев, евреев, меннонитов, квакеров и лютеран. Это общество имело соответствующую репутацию, служило образцом и источником вдохновения для приверженцев толерационистских идей, большинство которых сформировалось во второй половине XVI — начале XVII в. в среде гонимых религий, конфессий и сект. В Нидерландах на протяжении XVII в. можно было наблюдать периодические всплески нетерпимости, однако властям удавалось погашать такого рода конфликты.

Самой нетолерантной конфессией в 1680–1690-х гг. в Нидерландах, как и в Англии, стали французские кальвинисты, бежавшие от репрессий Людовика XIV, но продолжавшие считать толерантность губительной, а социнианство и другие секты опасными ересями. В 1690 г. синод валлонских церквей в Амстердаме призвал к «единообразию» и осудил тезис о том, что «магистрат не имеет права, пользуясь своею властью, подавлять идолопоклонство и препятствовать распространению ереси»³⁶. «Подавлению» подлежали и «еретические» труды, пропагандировавшие толерантность.

К концу XVII в. одним из главных аргументов в пользу толерантности был торгово-экономический расцвет Голландской Республики. Это связывали с тем, что страна открывала широкие возможности для деятельности граждан, не предусматривавшие не только религиозных, но и иных ограничений, кроме, разумеется, моральных: кальвинистская реформатская церковь пристально следила за строгим соблюдением законов, запрещавших «либертинизм», связывая имморализм с атеизмом и проявляя, по словам одного современника, «двойное пуританство».

Нидерланды в XVII в. стали самым крупным центром издательской деятельности, здесь печаталось все, что было запрещено в других странах, например в Англии, где сущест-

35. *Marshall J.* John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 149.

36. *Ibid.* P. 185.

вовала цензура, а издатели иногда по несколько лет сидели в тюрьмах за книги, напечатанные без разрешения. Тем не менее упоминание Локком в «*Epistola de Tolerantia*» социниан (т.е. антитринитариев) как конфессии, имеющей право на толерантность, было рискованным тезисом даже в голландском контексте и могло навлечь на автора, если бы стало известно, кто он, и будь на то воля властей, серьезные неприятности.

Правда, как и многие другие трактаты, в том числе принадлежавшие социнианам, «*Epistola*» была напечатана анонимно. Другим способом избежать требований цензуры была особая издательская практика — ставить на титулах вымышленные типографии и места изданий, что спасало от возможных, хотя и не обязательно неминуемых, штрафов и наказаний. В Нидерландах тоже существовала цензура, прежде всего направленная против антитринитариев, однако, как и повсюду в этой стране, она не обязательно влекла за собой репрессии.

Благодаря этому именно здесь возникла и воплотилась в реальность идея транснациональной, или, лучше сказать, вненациональной республики — «*République des Lettres*», с ее книгами и журналами, с обязанностями граждан по распространению информации о новых книгах и научных открытиях, с их равенством, не считающимся с положением в обществе. Это была интеллектуальная родина для людей, вынужденных оставить родные места, в чем, собственно, и состояла особенность воплощения идеи такой республики поколением 1680-х гг. (поскольку, разумеется, сама идея появилась еще в античности и с тех пор имела множество исторических воплощений).

Одной из центральных фигур интеллектуальной республики, созданной поколением 1680-х гг., был Жан Ле Клерк. Под угрозой преследований Ле Клерк бежал в начале 1680-х гг. из кальвинистской Женевы в Лондон, однако сумел найти для себя место лишь среди арминиян в Нидерландах. В 1683 г. Лимборх устроил его профессором Ремонстрантской семинарии в Амстердаме. Локк познакомился с Ле Клерком благодаря Лимборху зимой 1685–1686 гг.

Среди других участников «республики» можно назвать также гугенотских беженцев неортодоксального склада Шарля Ле Сена, Исаака Папена, Анри Баснажа де Боваля,

Пьера Бейля, а также Ноэля Обера де Версе — неортодоксального французского католика, ставшего на какое-то время неортодоксальным протестантом. В 1689–1690 гг. Папен перешел в католицизм, а Обер вернулся в лоно католической церкви. По мнению некоторых историков, Папен мог быть французским шпионом, начавшим свою деятельность в Бордо, в доме приютившего его Уильяма Попля³⁷. В 1680-х гг. все эти и многие другие диссиденты публиковались анонимно или под псевдонимами, опасаясь экстрадиции, похищения или даже убийства.

Нидерландская группа, включая Локка, была объединена одной целью — распространения идей всеобщей толерантности и отличалась высокой степенью сплоченности и взаимной поддержки. Члены ее периодически встречались для обсуждения как своих, так и чужих работ, касавшихся толерантности или научных исследований, предлагая, после чтения рукописей и перед их выходом в свет, исправления или дополнительные аргументы. В этом круге можно было найти помощь в издании и переводе собственных трудов. Связи, объединявшие этих и множество других заинтересованных в толерантности людей, например коммерсанта и квакера Бенджамина Ферли или унитария Томаса Фирмина, образовывали особую толерационистскую культуру.

Важную объединительную роль играли три журнала «республики», а именно «Nouvelles de la République des Lettres» (Бейля), «Bibliothèque Universelle et Historique» (Ле Клерка; выходил с 1686 по 1693 г. затем в виде «Bibliothèque Choisie», с 1703 по 1713 г., и «Bibliothèque Ancienne et Moderne», с 1714 по 1727 г.) и «Histoire des Ouvrages des Sçavans» (Баснажа де Боваля).

Существовавшие в Нидерландах «дискуссионные кружки» не были каким-то совершенно новым явлением, они существовали и прежде. Не были новацией и близкие им научные журналы — английский «Philosophical Transactions», французский «Journal des Sçavants» 1660-х гг. и лейпцигский «Acta Eruditorum» 1670-х гг., однако все же они имели свои особенности. Развитие почтовых служб послужило основой для бурного обмена письмами и книгами, который начал

37. Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. P. 476.

ся во всех странах Европы. Появление, благодаря развитию естествознания и математики, новых тем для открытых дискуссий позволяло избегать вопросов, вызывавших религиозные разногласия, и создавало возможность для участия в этих дискуссиях представителей любых конфессий и религий. Журналы, издававшиеся «интеллектуальной республикой» поколения 1680-х гг., имели ярко выраженный толерационистский оттенок и были незамедлительно запрещены во Франции и осуждены в Риме.

Познакомившись в 1686 г., Ле Клерк и Локк стали близкими друзьями, обменивались книгами и поддерживали переписку. Локк был автором по меньшей мере двух статей в журнале Ле Клерка. Первая, опубликованная в июле 1686 г., была посвящена методу ведения записей под названием «Méthode nouvelle de dresser des Recueils, communiquée par l'Auteur» и подписана «Monsieur JL de la Société Roiale d'Angleterre», а вторая представляла собой «Extrait» будущего «Опыта о человеческом понимании» в переводе на французский, сделанном самим Ле Клерком, и появилась на страницах журнала в 1688 г.³⁸

В том же 1688 г. «Extrait» появился в печати в виде отдельной брошюры под названием «Сокращенное изложение труда, озаглавленного „Философский опыт касательно понимания“» («Abrégé D'un Ouvrage intitulé Essay Philosophique touchant l'Entendement»). Позднее Ле Клерк публиковал в журнале краткие изложения различных частей «Опыта». Эти первые публикации поначалу приняли за произведения самого Ле Клерка, а «Локк» был сочтен выдумкой журналиста, желавшего скрыть свое авторство.

Если не считать ранних поэм во славу Кромвеля и затем Карла II и его супруги, это были самые первые публикации Локка. До этого, сколько ни упрашивали Локка опубликовать хоть что-нибудь, он неизменно отказывался. В 1687–1688 гг. вышли составленные Локком обзоры книг: «Перечень симптомов недавно появившейся лихорадки» («Scheduli monitoria de novae febris ingressu», 1686) Томаса

38. Extrait d'un livre anglois qui n'est pas encore publié, intitulé Essai philosophique concernant l'entendement, où l'on montre quelle est l'étendue de nos connaissances certaines, & la manière dont nous y parvenons. Communiqué par Monsieur Locke // Bibliothèque Universelle et Historique. 1688. No. 1688.

Сиденхема и «Математические начала натуральной философии» (*«Philosophiae naturalis principia mathematica»*, 1687) Исаака Ньютона. Главный труд Ньютона Локк прочел спустя год после того, как закончил «Опыт о человеческом понимании». Что касается личного знакомства с Ньютоном, то оно состоялось после 1689 г., скорее всего в 1690 г.³⁹ Возможно, Локку принадлежит и обзор вышедшей анонимно работы Пьера Бейля *«Commentaire Philosophique»*⁴⁰. В дальнейшем Ле Клерк стал главным пропагандистом идей Локка, высказанных в «Опыте о человеческом понимании», уговаривал Пьера Коста перевести ряд его работ, сам выступил переводчиком Локка во французском издании его трудов 1720 г., в частности перевел его позднюю работу «О практике понимания». Наконец, Ле Клерку принадлежит первая биография Локка, вышедшая в свет в 1705 г.

В 1689 г. в «*Bibliothèque Universelle*» появилось краткое изложение на французском языке латинской «*Epistola de Tolerantia*», а в 1690 г. Ле Клерк опубликовал в этом журнале обзор полемики Локка с Простом и организовал перевод «*Epistola*» на французский язык, выполненный, возможно, Ле Сеном, но по неясным причинам так и не опубликованный. Впрочем, текст перевода не сохранился, и о том, что он существовал, можно судить лишь по косвенным данным.

Не менее активно Ле Клерк пропагандировал и Филиппа ван Лимборха с его идеями «минимального кредо», необходимого для спасения, и аргументами, доказывавшими незаконность преследований по религиозным причинам. Вернувшись в Англию, Локк предпринял шаги, направленные на публикацию работы Лимборха «История инквизиции», заручившись для этого поддержкой Тиллотсона. На страницах «*Bibliothèque Universelle*» регулярно появлялись обзоры трудов Лимборха, а многие его идеи, обсуждавшиеся во время пребывания Локка в Нидерландах, а затем в переписке (в том числе и с Ле Клерком), были использованы при написании «Разумности христианства».

39. Подробнее см.: *Axtell J. L. Locke, Newton, and the Elements of Natural Philosophy // Paedagogica Europaea. 1965. Vol. 1.*

40. *Marshall J. John Locke: Resistance, Religion and Responsibility.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 330.

Важным автором «Bibliothèque Universelle» был Гилберт Бернет, проповеди и другие работы которого переводил Ле Клерк. В 1706 г. капеллан Бернета и член Лондонского королевского общества с 1711 г. Уильям Джонс перевел «Theologia Christiana» Лимборха на английский язык⁴¹. Среди других корреспондентов этого круга были также богослов и гебраист Пьер Алликс; Жак Баснаж де Боваль — брат Анри Баснажа де Боваля, историк французского протестантизма, теоретик толерантности и знаток латыни, один из патронов и членов кружка Бейля (с 1697 г. член Лондонского королевского общества); Жак Бернар, редактор «Nouvelles de la République», замещавший Бейля во время его болезней (в 1687 и 1699–1711 гг.), по утверждению Баснажа де Боваля — настоящий автор «Epistola de Tolerantia»⁴²; Уильям Попль — переводчик «Epistola» на английский язык; Уолтер Йонг и Джон Фреке, в 1690-х гг. — члены парламента и, вместе с Джоном Сомерсом, участники основанной Локком виговской консультативной «коллегии», в которую входили также Френсис Машем, представлявший в парламенте графство Эссекс, член парламента Эдвард Кларк и лорд Ашли, будущий третий граф Шефтсбери, в 1695 г. выступившие против возобновления законодательства о цензуре⁴³; и многие, многие другие.

Особое место среди корреспондентов «République des Lettres» занимал бежавший в Нидерланды из Франции в 1681 г. Пьер Бейль, «Исторический и критический словарь» которого Локк рекомендовал для чтения «юным джентльме-

41. Limborch Ph. van. A Compleat System, or Body of Divinity. — London, 1702 (2nd ed. 1713).

42. Histoire des Ouvrages des Sçavans. Septembre 1689. P. 20–31. Ссылка приводится по: Colie R. John Locke in the Republic of Letters // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. — Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 66.

43. Акт о лицензировании был принят в 1662 г., отменен в 1679 г., восстановлен в 1685 г., продлен в 1692 г., а затем в 1693 г. — еще на год. Противники возобновления Акта выступали не столько за свободу прессы, сколько за отмену монополии на цензуру, которая принадлежала Компании книжных и газетных издателей. О роли Локка в соответствующих дискуссиях, которые велись в парламенте членами «коллегии» Кларком и Фреке, см.: Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 329–339.

нам». Локк, Бейль, Бернет, Ле Клерк, Лимборх и Баснаж, а также издатель Хенрик Ветштейн — все были участниками кружка, собиравшегося в доме Бенджамина Ферли в Роттердаме и получившего название «De Lantaarn» (Фонарь). Когда-то одним из гостей Ферли был Алджернон Сидней. В доме Ферли в разные годы бывали квакеры Джордж Фокс, Уильям Пенн, Роберт Барклай, Тобиас Людвиг Коланс, Джордж Кейт, коллигиант и алхимик, сотрудник Мориана и знакомый Бенджамина Уорсли Адам Борель⁴⁴. Еще один кружок в Роттердаме собирался вокруг Бейля, Жака Баснажа и издателя Леерса. Третий кружок работал в Амстердаме, в него входили Лимборх, Ле Клерк, иногда его посещал и Локк. Дом Ферли и его обширная библиотека в 4400 томов, содержавшая подборку множества «еретических» книг, «находились в эпицентре раннего Просвещения»⁴⁵.

В доме Ферли бывал неоплатоник, алхимик и каббалист Франциск Меркурий ван Гельмонт (сам себя называвший пифагорейцем, однако считающийся, как и его отец, последователем Парацельса), с которым Локк познакомился лишь в конце 1686 г., хотя читал его труды и знал о его идеях, касавшихся переселения душ, и раньше, по меньшей мере с 1679 г.⁴⁶. Согласно теории ван Гельмонта, человек на самом деле живет тысячу лет, в течение которых проживает 12 жизней. В библиотеке Локка были книги ван

44. Борель был учредителем конгрегации коллигиантов в Амстердаме в 1646 г. Само это объединение возникло в 1620 г. в результате внутриконфессиональных споров и отделения от голландской кальвинистской церкви. «Коллегии» представляли собой собрания, на которых свободно обсуждалось Писание, и не претендовали на роль «истинной церкви». См.: *Leng T. Benjamin Worsley (1618–1677): Trade, Interest and the Spirit in Revolutionary England.* — Woodbridge: A Royal Historical Society, 2008. P. 44–45.

45. *Marshall J. John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 493.

46. Тратат «Kabbala denudata seu doctrina Hebraeorum transcendentalis et metaphysica atque theologica» («Каббала как она есть, или Трансцендентальное, метафизическое, а также и теологическое учение евреев») был опубликован в Зульцбахе (Зальцбурге) и Франкфурте в двух томах в 1677 и 1684 гг. и представлял собой собрание важнейших каббалистических текстов, впервые изданных под одной обложкой под редакцией Кристиана Кнорра фон Розенрота и ван Гельмонта. В эти два тома были включены комментарии еврейских каббалистов, а также введения, разъяснения и трактаты самого Кнорра фон Розенрота, ван Гельмонта и Генри Мора.

Гельмонта «Парадоксальные рассуждения»⁴⁷, «Наблюдение за человеком и его болезнями»⁴⁸, «Божественное бытие и его атрибуты»⁴⁹, «Некоторые предварительно обдуманнные и рассмотренные размышления касательно четырех первых глав первой книги Моисеевой, называемой Бытием»⁵⁰, «Седер олам»⁵¹, «Каббалистический диалог»⁵² и «Двести вопросов об обращении человеческих душ»⁵³.

Помимо книг ван Гельмонта, в локковской библиотеке были две книги Кристиана Кнорра фон Розенрота: «Диссертация о предсуществовании душ»⁵⁴ и «Разъяснение видений в Книге Откровения»⁵⁵, переведенной на английский язык в 1670 г. Генри Ольденбургом, секретарем Лондонского королевского общества и учеником Самюэла Гартлиба. Кнорру фон Розенроту принадлежит один из первых откликов на сокращенное изложение «Опыта о человеческом понимании», где он интерпретирует концепцию двух источников идей (ощущения и рефлексии) как утверждение о существо-

47. *Helmont F.M. van. Paradoxical Discourses... Concerning Macrocosm and Microcosm, or the Greater and Lesser World, and their Union.* — London, 1685.

48. *Helmont F.M. van. Observationes circa hominem ejusque morbos.* — Amsterdam, 1692.

49. *Helmont F.M. van. The Divine Being and its Attributes, Demonstrated from the Holy Scriptures and Original Nature of Things: According to the Principles of F.M.B. of Helmont.* — London, 1693.

50. *Helmont F.M. van. Quaedam praemeditatae & consideratae Cogitationes super quatuor priora capita libri primi Moysis, Genesis nominati.* — Amstelodami, 1697.

51. *Helmont F.M. van. Seder Olam: or the Order, Series, or Succession of All the Ages, Periods, and Times of the Whole World.* London, 1694; перевод с лат.: *Seder Olam sive Ordo Seculorum, historica enarratio doctrinae*, 1693.

52. *Helmont F.M. van. A Cabbalistical Dialogue, in Answer to the Opinion of a Learned Doctor in Philosophy and Theology, that the World was made of Nothing.* — London, 1682.

53. *Helmont F.M. van. Two Hundred Queries Moderately Propounded Concerning the Doctrine of the Revolution of Humane Soules, and its Conformity to the Truths of Christianity.* — London, 1684; 1690.

54. *Christianus Peganius. A Dissertation concerning the Prae-existency of Souls.* — London, 1684.

55. *Christianus Peganius. A Genuine Explication of the Visions of the Book of Revelation: Full of Sundry New Christian Considerations, wherein True and False Christendom is Briefly... Represented, and the Time of Each of Them, After a Mathematical Manner, Demonstrated.* — London, 1670.

вании врожденного «шестого чувства», «внутреннего видения», или «света» души. Ощущение принадлежит человеку, его телу, а рефлексия принадлежит «archeus», или «витальному духу». Важным моментом для понимания отношений между Локком, ван Гельмонтом и Кнорром фон Розенротом является то, что последний, а за ним и кембриджский платоник Генри Мор считали именно каббалу — как современную версию пифагореизма — эффективным способом обращения евреев в христианство⁵⁶.

Происходившее на семинаре «De Laantern» нашло отражение в его уставе. Согласно другой современной интерпретации, это был устав религиозного общества во главе с Ферли, ван Гельмонтом и Локком. Текст устава был написан в 1688 г. Локком и сохранился в его архиве под названием «Pacifick Christians» («Мирные христиане»). По мнению Л. Симонутти, этот «устав» относился не к кружку и не к особому сообществу, а вообще к «религиозному обществу», каким его видели в те годы Локк, Ферли и ван Гельмонт, которых объединяли идеи толерантности, экуменизм и неприятие репрессий. Все трое, так или иначе, пострадали от религиозной и политической нетерпимости: Локк как «виггист» (т.е. схизматик), Ферли как квакер (сектант, еретик и тоже схизматик), ван Гельмонт как «иудействующий» еретик (в 1660 г. посаженный в тюрьму инквизицией и бывший в заключении два года).

«Иудействование» на протяжении XVII в. иногда служило просто бранным словом и широко применялось католиками против протестантов, протестантами против католиков и различными сектами друг против друга, однако к концу столетия в рамках христианства появились религиозные движения, сознательно называвшие себя иудействующими. «По сути дела, они верили, что иудаизм сохранил элементы первоначальной христианской теологии, которые пропали или были намеренно потеряны в Средние века. Многие милленаристы и антитринитариисты подпадали под категорию иудействующих. Иногда это лишало оппонентов названных движений убедительных аргументов, по-

56. См.: The Correspondence of John Locke. Vol. III / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 402–403.

сколько никогда ранее они не встречали христиан, для которых иудействование не было самоочевидной ошибкой»⁵⁷.

В частности, гугенот Пьер Алликс, бежавший после отмены Нантского эдикта в Англию, входивший в «*République des Lettres*» и имевший репутацию одного из самых знающих гебраистов своего времени, доказывал в трактате «Осуждение унитариев дрэнееврейской церковью»⁵⁸, следуя доминиканскому монаху XIII в. Раймунду Мартини и его трактату «Кинжал веры»⁵⁹, что евреи имели «подлинную» изустную традицию, начинающуюся с Синаи и передаваемую из поколения в поколение. После пришествия Христа эта традиция была намеренно искажена позднейшими раввинами-фарисеями, которые отрицали Христа, несмотря на явные признаки того, что именно он был долгожданным Спасителем.

По мнению Алликса, эта дохристианская традиция свидетельствовала о том, что древние евреи были тринитариями и признавали грядущее царство Христа. Общий же вывод Алликса заключался в том, что именно англиканские тринитарии являются представителями истинной веры первоначального еврейского христианства⁶⁰.

Итак, вот текст «устава» религиозного общества, руководителями которого должны были стать Локк, Ферли и ван Гельмонт.

МИРНЫЕ ХРИСТИАНЕ

- 1) Мы полагаем, что для спасения необходимо знать или верить только в то, что открыто Богом.
- 2) Мы принимаем поэтому всех, кто с искренностью признает Слово Истины, открытое в Писании, и повинуете свету, просвещающему всякого человека, который приходит в мир.

57. Goldish M. The Battle for "True" Jewish Christianity: Peter Allix's Polemics Against the Unitarians and Millenarians // *Everything Connects: in Conference with Richard H. Popkin: Essays in His Honor* / Ed. by J. E. Force, and D. S. Katz. — Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. P. 146.

58. Allix P. The Judgement of the Ancient Jewish Church Against the Unitarians in the controversy upon the Holy Trinity and the divinity of our Blessed Saviour. — London, 1699.

59. Pugio Fidei Raymundi Martini Ordinis Praedicatorum adversus Mauros, et Judaeos. — Paris, 1651.

60. См.: Ibid. P. 154.

3) Мы не судим человека по тому, что он ест или пьет, по его обычаям или праздникам, или любым другим внешним предписаниям, но оставляем за каждым его свободу в тех внешних вещах, которые, как он считает, могут в наибольшей степени способствовать возрастанию внутреннего человека в праведности, святости и истинной любви к Богу и к ближнему своему во Христе Иисусе.

4) Если кто-либо сочтет любые доктринальные части Писания трудными для понимания, мы советуем ему: 1-е. Изучение Писаний в смирении и искренности сердца. 2-е. Молитву, обращенную к Отцу света, о своем просвещении. 3-е. Послушание тому, что уже открыто ему, памятуя, что выполнение того, что мы уже знаем, есть самый надежный путь к большему знанию; поскольку, как сказал наш непогрешимый проводник, если любой человек сотворит «волю Его», «Пославшего Меня», «тот узнаёт о *сем* учении» (Ин 7: 16, 17). 4-е. Мы оставляем его на совет и помощь тех, кто, как он считает, более всего способен его наставить. Ни один человек, ни одно общество не имеет никакой власти навязывать свои мнения или толкования любому другому, [даже] самому недалекому христианину, ибо в религии каждый сам должен познавать, и веровать, и давать себе отчет.

5) Мы полагаем непреложным долгом всех христиан сохранять любовь и милосердие перед лицом разнообразия мнений: под милосердием мы подразумеваем не пустой звук, но действительные снисходительность и доброжелательность, приводящие людей к общению (*communion*), дружбе и взаимопомощи во внешних, а также в духовных вещах; и воспрепятствование тому, чтобы любые магистраты использовали свою власть, а тем паче меч (который был вложен в их руки только лишь против злодеев) в вопросах веры или богослужения.

6) Поскольку христианская религия, которую мы исповедуем, является не отвлеченной наукой, предназначенной для умственных спекуляций и словесных упражнений, но руководством в праведности, чтобы повлиять на наши жизни, а Христос отдал Себя, «чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ... ревностный к добрым делам» (Тит 2: 14), — мы открыто заявляем, что единственной целью наших публичных собраний является наставление и, отодвигая в сторону всякие споры и спекулятивные вопросы, назидание и поощрение друг друга в служении благой жизни, что признается великим делом истинной религии, а также мо-

литва, обращенная к Богу, о содействии Его духа в просвещении нашего понимания и усмирении наших пороков, чтобы мы могли отплатить ему разумной и приемлемой для него службой и подтвердить нашу веру нашими делами, делая самим себе и другим нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа великим примером для подражания.

7) Имея одного господина, Христа, мы не признаем господ для наших собраний; но, если какой-то человек в духе любви, мира и кротости имеет слово наставления, мы слушаем его.

8) Ничто не является столь противным или смертоносным для единства, любви и милосердия — наиглавнейших и отличительных христианских обязанностей, как пристрастие людей к собственным мнениям, стремление лелеять их и заставлять других следовать им вместо следования Евангелию мира; и чтобы воспрепятствовать этим семенам раскола и раздора и сохранить единство в различии мнений, которого, как мы знаем, невозможно избежать в том случае, если кто-либо окажется любителем споров, исполненным своей правоты, а не любви, и возжелает приобрести себе последователей ради уничтожения остальных или противостояния им, — мы сочтем его человеческим, ничему у Христа как следует не научившимся и потому не пригодным для того, чтобы быть учителем других.

9) Приличия и порядок на наших собраниях, направленных, как должно, только на наставление, требуют соблюдения весьма немногих и простых правил. Если время и место встречи определены, то, когда возникает нужда еще в каком-то регулировании, само собрание или четверо его старейших, самых здравых и осмотрительных братьев, избранных для этого, будут это регламентировать.

10) От всякого брата, который, несмотря на увещания, продолжает нарушать порядок, мы отходим.

11) Мы, каждый из нас, считаем своим долгом распространять учение и служение всеобщего милосердия, благоволения и послушания повсеместно и используя всякий повод, и при любой возможности, какую дает нам Бог»⁶¹.

61. *Simonutti L. Circles of Virtuosi and "Charity under Different Opinions": The Crucible of Locke's Last Writings // Studies on Locke: Sources, Contemporaries, and Legacy / Ed. by S. Hutton and P. Schuurman. Springer, 2008. P. 171–173; Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 304–306.*

Впоследствии дружеские отношения некоторых из участников интеллектуального движения «*République des Lettres*» претерпели изменения: с начала 1700-х гг. Ле Клерк и Бейль вступили в ожесточенную полемику, в ходе которой Ле Клерк обвинял Бейля в потворствовании атеизму, а Бейль обвинял Ле Клерка в отступлении от принципов радикального «универсального» толерационизма в пользу «единственно верного» арминианства.

Эта ссора не сказалась на отношениях между Бейлем и Локком, которые поддерживали связь через Ферли и Коста. Точно так же Пьер де Мезо и Пьер Кост, сыгравшие значительную роль в популяризации работ раннего Просвещения (и даже в знак признания их заслуг были избраны членами Лондонского королевского общества, в 1720 и 1742 гг. соответственно), поддерживали близкие отношения и с Ле Клерком, и с Бейлем, и с Локком и принимали участие в публикации трудов всех трех авторов.

К середине XVIII в. из множества толерационистских трудов «поколения 1680-х гг.» в результате «культурного отбора» остались всего два.

Первым были «Философские комментарии» Пьера Бейля. Полное название этой работы: «*Commentaire philosophique sur ces paroles de Jésus-Christ, Contrain-les d'entrer; ou l'on prouve par plusieurs raisons démonstratives, qu'il n'y a rien de plus-abominable que de faire des conversions par la contrainte, & l'on réfute tous les sophismes des convertisseurs à contrainte, & l'apologie que St. Augustin a faite des persécutions*» («Философские комментарии на слова Иисуса Христа „заставь войти“, в которых доказывается с помощью нескольких убедительных доводов, что нет ничего более гнусного, чем обращение с помощью силы, и опровергаются все софизмы обратителей в пользу принуждения, а также [опровергается] апология преследований св. Августином»). «Философские комментарии» вышли анонимно в 1686 г. в Роттердаме как якобы французский перевод работы английского автора, напечатанный в Кентерберии⁶².

Отметим, что в русском синодальном переводе слова Христа переданы так же, как и в церковнославянской Библии:

62. См.: *Zagorin P.* How the Idea of Religious Toleration Came to the West. — Princeton and Oxford: Prenceton University Press, 2003. P. 359.

«убеди придти» (впрочем, старшее значение старославянского «убедить» — «принуждать, велеть»); в английской Библии короля Якова — «compel them to come in»; в латинской Вульгате — «compelle intrare» (т. е. «заставь», «вынуди», дополнительно — «подчини», «покори»). В переводе Нового Завета на русский язык Кассианом (Безобразовым) приводится «заставь» и лишь в новом переводе Русского библийского общества 2011 г. — «уговори». Греческий оригинал содержит оба значения: и призыв к принуждению, и более мягкий, имеющий в виду ненавязчивое словесное убеждение.

Локк считал единственным орудием мягкое словесное убеждение, однако в дальнейшем его позиция начала трактоваться как не предполагающая вообще никакого убеждения, как *молчание*.

Может быть, именно поэтому вторым важнейшим толеранционистским трудом XVII в. стал считаться в XVIII столетии английский перевод «Послания о толерантности» Локка. Нет сомнений, что важнейшую роль в этом «отборе» сыграло предисловие к английскому изданию с его тезисом об «абсолютной свободе». Певцы свободы искали идейной опоры в прошлом, и Локк, оправдавший свержение монарха и объявивший об абсолютной свободе, стал символом наступления новой эпохи. Мыслитель, которого можно назвать одним из последних реформаторов, был превращен в провозвестника просвещения XVIII в. и двух великих революций — американской и французской.

Не получив признания непосредственно после своего опубликования, «Послание о толерантности» оказалось весьма востребованным во второй половине XVIII в., заняв место сначала в идейном пантеоне вигов наряду с трудами Джона Мильтона, затем наряду с сочинениями Алджернона Сиднея и того же Мильтона — у архитекторов американской революции Джефферсона, Мадисона и Адамса, в Виргинском статуте о религиозной свободе и первой поправке к Конституции США, а своего апогея достигнув у викторианских либералов XIX в., когда, собственно, впервые появился сам термин «либерализм», а Локк *был включен в число героев* появившейся тогда же на свет славной *истории либерализма* наряду с Мильтоном, Сиднеем и Оливером Кромвелем.

Впрочем, последователи у Локка были и в начале XVIII в., что самым неожиданным образом проявилось в так называе-

мом Бангорском споре, инициированном епископом Бангора (диоцеза на севере Уэльса) Бенджамином Ходли. Ходли принадлежал к когорте новых латитюдинариев, вильгельмитов и «ньютонианцев», собравшихся вокруг Тенисона и Уильяма Уэйка. В круге Уэйка были также Самюел Кларк, Ричард Бентли (член Лондонского королевского общества с 1695 г.), Джон Харрис (член Лондонского королевского общества с 1696 г.), Уильям Уоттон (член Лондонского королевского общества с 1687 г.) и Исаак Ньютон. В 1710 г. Ходли получил известность, опубликовав «Происхождение и учреждение светского правления»⁶³, в котором развивал идеи «Двух трактатов о правлении» Локка⁶⁴. После 1714 г. Ходли в своих проповедях развернул критику существующих порядков, обвинив англиканскую церковь в претензии на непогрешимость и уподоблении Риму. Речь идет прежде всего о двух его самых громких работах: «Защита от принципов и действий неприягнувших» (1716) и «Природа царства, или церкви Христа: проповедь, прочитанная перед королем» (1717)⁶⁵.

В первой работе Ходли утверждал, что истинная религия отличается искренностью, с которой человек относится к своей вере, а спасение не зависит от приверженности к какой-либо конкретной вере или какому-либо сообществу. Признаком истинной церкви является готовность по-

63. *Hoadly B. The Original and Institution of Civil Government, Discuss'd.* — London, 1710.

64. В следующем году эта работа получила отповедь в памфлете «Полное опровержение книги г-на Ходли о происхождении государства» («An Entire Confutation of Mr. Hoadley's Book, of the Original of Government», London, 1710), которая воспроизводила Оксфордский декрет от 24 июля 1683 г. С момента выхода «декрета» прошло почти 27 лет, и тем не менее он воспринимался как опровержение идей Локка, высказанных в «Двух трактатах о правлении» в 1689 г. и повторенных Ходли, будто и был составлен именно против «Двух трактатов о правлении». Однако, как мы знаем, в 1683 г. «Два трактата о правлении» еще не были написаны как цельное произведение, поэтому, скорее всего, Оксфордский декрет, как и исключение из колледжа Крайст-Чёрч, стали в какой-то мере стимулом для того, чтобы Локк принялся за систематическое подытоживание и изложение своих взглядов на светское правление.

65. *Hoadly B. A Preservative Against the Principles and Practices of the Non-Jurors, Or, an Appeal to the Consciences and Sense of the Christian Laity.* 1716; *Hoadly B. The Nature of the Kingdom, or Church, of Christ: a Sermon Preach'd Before the King...* Sunday, March 31, 1717 (1717).

зволить людям свободно исследовать Божью истину, не навязывая никаких догматических или еkkлeзиологических предписаний. Единственной легитимной властью над христианами обладает Иисус Христос, а наделение духовной властью человека незаконно и равносильно ее узурпации. Принуждение и власть в этом преходящем мире не должны выходить за рамки, диктуемые защитой человеческой свободы и прав собственности.

Эти идеи, ставившие под сомнение статус и принципы англиканства (в том числе епископат и единый символ веры), вызвали бурю возмущения. Ходли был осужден комитетом нижней палаты заседавшей в то время конвокации, в прессе развернулась широкая кампания критики его взглядов. По мнению одного из оппонентов, Томаса Доусона, эти взгляды ставили христиан в одинаковое положение с еретиками, магометанами и язычниками⁶⁶ (что повторяло обвинения, выдвигавшиеся в свое время Джонасом Простом и Томасом Лонгом против Локкова «Послания о толерантности»), не говоря уже о том, что под ударом в таком случае оказывалась и английская церковь.

Однако у Ходли нашлись и защитники, в частности немногочисленная фракция внутри партии вигов в лице Станхоупа и Сандерленда (члена Лондонского королевского общества с 1698 г.). Большинство вигов отнеслось к идеям Ходли без энтузиазма. Что касается конвокации, то ради сохранения мира и спокойствия в государстве она была в конце концов распущена и не созывалась для обсуждения существенно важных вопросов вплоть до 1852 г.

Бангорский спор стал настоящей идейной битвой. Он продолжался до начала 1720-х гг. и насчитывает не менее 400 произведений, написанных «за» и «против» идеи абсолютной свободы. «Абсолютная свобода», как оказалось, не была нужна ни тори, ни вигам, ни «высокой церкви», ни «низкой церкви», ни приверженцам «протестантского интернационала», ни приверженцам международной федерации епископальных церквей. В этой доведенной до логического конца формуле она означала отказ от взглядов

66. См.: *Claydon T. Europe and the Making of England, 1660–1760.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 349.

на церковь как на светский, гражданский и властный институт и призывала к возвращению к «истинной», «невидимой» церкви — мистическому союзу искренне верующих людей, а также напоминала о праве всех людей на то, чтобы исповедовать ту веру, которую они сами считают истинной и спасающей.

Именно об этом писал Локк, а до него многие другие христианские писатели. Теперь эти идеи стояли за взглядами Бенджамина Ходли и его сторонников. Во времена Локка о дискуссии такого масштаба, инициированной не светским автором, а иерархом англиканской церкви, было трудно даже помыслить, и все же она произошла, на что, возможно, надеялся когда-то Филипп ван Лимборх, публикуя «*Epistola de Tolerantia*», и Уильям Попль, публикуя ее английский перевод под названием «Послание о толерантности».

От «Послания о толерантности» к «Разумности христианства»

ТРЕТЬИМ произведением, авторство которого Локк признал в кодицилле к завещанию, составленному 15 сентября 1704 г., является «Разумность христианства, как оно возвещено в Писании». В отличие от «*Epistola de Tolerantia*» и особенно «Двух трактатов о правлении», история этой работы оставила гораздо более отчетливые следы в своем времени. Мы можем видеть их в сохранившихся фрагментах и набросках, в договоре с издателями Оншемом и Джоном Черчиллями, в переписке, наконец, в разъясняющих авторские мотивы двух «Виндикациях» («Оправданиях») — одна последовала сразу же за выходом трактата, а вторая вышла два года спустя¹. Кроме того, Локк прямо называется автором «Разумности христианства» в книге его главного оппонента Джона Эдвардса «Социнианская вера»².

Если в отношении «*Epistola de Tolerantia*» остаются неясности со временем написания, с адресатом и контекстом, требующие дополнительных строительных лесов из догадок, предположений и гипотез, а «Два трактата о правлении» и вовсе вызывают головокружение, когда становится понятно, что это произведение составлено из частей, написанных в разное время и использующих неназванные источники, то «Разумность христианства, как оно возвещено

1. [Locke J.] A Vindication of the Reasonableness of Christianity &c. From Edward's Reflections. — London, 1695; [Locke J.] A Second Vindication of the Reasonableness of Christianity &c. — London, 1697.

2. Edwards J. The Socinian Creed, Or A Brief Account of the Professed Tenets and Doctrines of the Foreign and English Socinians. Wherein Is shew'd The Tendency of them To Irreligion and Atheism. With Proper Antidotes against them. — London, 1697.

в Писании» — произведение, созданное «по всем правилам» с точки зрения и историка, и библиографа, и архивиста.

Написано оно было в течение зимы — весны 1694–1695 гг. в Оутсе, в доме сэра Френсиса Машема, опубликовано без указания имени автора в первой половине августа 1695 г. в издательстве братьев Черчиллей тиражом менее чем 1500 экземпляров и продавалось по 3 шиллинга за непереплетенный блок. В конце 1696 г. в свет вышло второе издание. В 1714 г. «Разумность христианства» была включена составителями в трехтомное посмертное издание «Трудов Джона Локка» со ссылкой в предисловии на завещание и кодифицил. В 1696 г. амстердамский издатель Ветштейн выпустил в свет французский перевод «Разумности христианства», сделанный анонимно Пьером Костом и ставший основой для последовавших голландского (1729) и немецкого (1733) изданий³.

В августе 1697 г. Кост приехал в Оутс, поместье Машемов, где жил Локк, и стал наставником сына леди Дамарис Машем, а помимо этого продолжил свою переводческую деятельность: после публикации в 1700 г. французского перевода «Опыта о человеческом понимании» он принялся за «Виндикации», и в 1703 г. в Амстердаме, в издательстве Хендрика Шелте, вышла подборка фрагментов из «Виндикаций», названная «второй частью» «Разумности христианства». В 1715 г. появилось второе издание французского перевода «Виндикаций», за ними последовали издания 1731 и 1740 гг.

* * *

10 мая 1695 г. в письме Лимборху Локк писал, что занят выяснением того, «в чем состоит христианская вера», если отвлечься от «мнений и ортодоксий сект и систем»⁴. В середине ноября 1695 г., в ответ на мгновенно возникшую острую критику его трактата, появилась сорокастраничная

3. *Que la Religion Chrétienne est très-raisonnable, Telle qu'elle nous est représentée dans l'Ecriture Sainte.* — Amsterdam, Chez Henri Wetstein, 1696. См.: *Yolton, Jean S. John Locke: A Descriptive Bibliography.* — Bristol: Thoemmes Press, 1998. P. 271–294.

4. *The Correspondence of John Locke. Vol. V / Ed. by E. S. De Beer.* — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 370.

первая «Виндикация». В ней Локк заявил, что его трактат был написан «главным образом для тех, кто еще не вполне или не твердо христианин... для тех, кто либо совершенно не верит, либо сомневается в истинности христианской религии». Чуть ниже Локк добавил, что написал свой трактат, стремясь помочь «неверно понятому и оклеветанному христианству»⁵.

Наконец, из второй «Виндикации»⁶, вышедшей в конце 1697 г., в которой Локк отвечает на обвинение в деизме, выясняется, что адресатами его трактата являются именно деисты, которых он и пытался убедить в соответствии христианского учения, данного в Писании, принципам разума, т.е. осуществить то, возможность чего деисты отрицали.

«Разумность христианства» обращается «в особенности к тем, кто думает, что в Откровении вообще нет никакой нужды, либо что Откровение нашего Спасителя требует веры в такие догматы, необходимые для спасения, которые общепринятые представления и способ рассуждения в одних и недостаток понимания в других делают для них эту веру невозможной». Эти два возражения, продолжает Локк, были «выдвинуты *деистами* против *христианства*; но против *христианства* неверно понятого». Локк пишет, что создавал свой трактат, чтобы «показать им слабость их возражений» и в надежде способствовать «миру и единству среди христиан», излагая христианское учение как таковое⁷.

«Виндикации» 1695 и 1697 гг. написаны в ответ на обвинения в деизме, социнианстве (равнозначном унитаризму) и гоббизме (равнозначном атеизму), выдвинутые Джоном Эдвардсом в его появившемся в сентябре 1695 г. памфлете «Некоторые мысли о нескольких причинах и основаниях атеизма, особенно в наш век, с отдельными краткими раз-

5. Locke J. A Vindication of the "Reasonableness of Christianity", &c. from Mr. Edward's Reflections // *Locke, J. Vindications of the Reasonableness of Christianity* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2012. P. 11, 13.

6. [Locke J.] A Second Vindication of the "Reasonableness of Christianity", & c. — London, 1697.

7. Locke J. A Second Vindication of the "Reasonableness of Christianity", & c. // *Locke, J. Vindications of the Reasonableness of Christianity* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2012. P. 36–37.

мышлениями о социнианстве и о недавно изданной книге под названием „Разумность христианства“...»⁸

Джон Эдвардс родился в семье Томаса Эдвардса, автора нашумевшей в свое время «Гангрены» (1646)⁹, содержащей острую критику сект, ересей и злоупотреблений. Джон стал питомцем Кембриджского университета, в 1661 г. получил степень магистра искусств, в 1662 г. был посвящен в духовный сан, в 1668 г. получил степень бакалавра богословия. Эдвардс-младший оказался плодовитым писателем — автором более 40 книг, написанных между 1665 и 1716 г.

В его памфлете о причинах атеизма примерно 20 страниц посвящено критике «Разумности христианства». Локк (которого Эдвардс не называет прямо) обвиняется в намеренном игнорировании тех мест Библии, где содержится учение о Троице и божественной природе Христа, а также в пренебрежении апостольскими посланиями.

В центре критики — обвинение в том, что автор «Разумности» считает необходимым лишь один догмат веры, а именно что Иисус — это Мессия. Согласно Эдвардсу, тем самым христианство низводится на уровень здравого смысла и лишается всего, что «не очевидно», всех содержащихся в нем тайн Откровения, а это означает, что автор симпатизирует социнианам и унитариям и потворствует атеистам, ибо главная угроза морали и христианству исходит от неоправданной веры в человеческий разум и неверия в то, что не поддается разгадке с его помощью. Это, по мнению Эдвардса, и есть социнианство, ведущее к атеизму или само являющееся атеизмом. Тезис об Иисусе как о «всего лишь» Мессии есть, по Эдвардсу, признак антиринитаризма, как и то, что автор называет «сынами Божьими» равно Иисуса и Адама. А от признания одного-единственного догмата — всего шаг до отрицания догматов вообще, т. е. до атеизма.

«Виндикация» Локка, опубликованная в середине ноября 1695 г., подлила масла в огонь, и уже в апреле 1696 г. Эдвардс

8. *Edwards J.* Some Thoughts concerning the Several Causes and Occasions of Atheism, Especially in the Present Age. With Some Brief Reflections on Socinianism: And on a Late Book Entitled "The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures". — London, 1695.

9. *Edwards Th.* Gangraena: or a Catalogue of Many of the Errours, Heresies, Blasphemies and Pernicious Practices of the Sectaries of this Time. — London, 1646.

опубликовал новый трактат — «Социнианство без маски»¹⁰, в котором заявил, что тезис об «одном-единственном» необходимом догмате веры означает отрицание всех остальных догматов, а также соборных посланий и всех содержащихся в них учений. К прежним обвинениям Эдвардс добавил еще одно — в «магометанстве», в том, что Локк предлагает концепцию двух истин — разума и веры.

В конце того же 1696 г. вышла работа Эдвардса «Социнианское вероисповедание» с посвящением архиепископу Вустерскому Эдварду Стиллингфлиту, который чуть позже вступил в дискуссию с Локком по поводу понимания последним субстанции в «Опыте о человеческом понимании». Эдвардс повторил обвинение в социнианстве, а также назвал социнианским локковский «Опыт», заявив, что теории *tabula rasa* придерживался сам Фауст Социн, а первая книга локковского «Опыта» есть не что иное, как *введение* в еретическое учение, полностью изложенное в «Разумности христианства».

Еще одним обвинением стало то, что автор «Разумности христианства» предлагает «двуличное христианство» (что отсылало читателя к популярному в то время литературному персонажу Тому Даблу, Тому Двуличному) — одно для людей умных, а другое для невежественной толпы, которую, писал Эдвардс, автор «Разумности христианства» до такой степени боится, что не осмеливается предложить ей ничего, что не мог бы понять и «последний олух».

Почти одновременно с выходом в свет второй книги Эдвардса с критическим анализом трактата Толанда «Христианство без тайн» (1696) и, в связи с ним, «Опыта о человеческом понимании» выступил Стиллингфлит, выдвинувший против Локка те же обвинения в социнианстве и деизме, а также в том, что его теория субстанции приводит к отрицанию Троицы¹¹. Локк воспринял эту критику всерьез

10. *Edwards J.* Socinianism Unmask'd. A Discourse Shewing the Unreasonableness Of a Late Writer's Opinion Concerning the Necessity of only One Article of Christian Faith; And of his other Assertions in his late Book, Entituled, "The Reasonableness of Christianity"... and in his Vindication of it. With a Brief Reply to another (professed) Socinian Writer. — London, 1696.

11. *Stillingfleet E.* A Discourse in Vindication of the Doctrine of the Trinity: With an Answer to the Late Socinian Objections against It from Scripture, Antiquity and Reason. — London, 1696.

и уже в январе 1697 г. написал первый ответ¹². За ним в марте 1697 г. последовало первое письмо Стиллингфлита¹³. Второе письмо Локка Стиллингфлиту датировано июлем 1697 г.¹⁴ Последней публикацией Стиллингфлита, умершего в 1699 г., стал его ответ Локку (в сентябре 1697 г.); он вышел в свет в следующем году¹⁵, и именно тогда прозвучало обвинение, что «фидеистическое» разделение Локком достоверности знания и достоверности веры ведет к теории двойной истины и подрывает доверие к самой вере¹⁶.

В полемическом задоре Эдвардс написал, пытаясь вовлечь в критику и экономические работы Локка, что «Разумность христианства» — это «подрезанное христианство», «фальшивая монета» и «поддельная чеканка в религии», а также что это «наихудшая книга за последние 1500 лет»¹⁷. Наконец, в своем «Кратком оправдании фундаментальных догматов христианской веры»¹⁸ Эдвардс добавил, что Локк следует Томасу Гоббсу и превращает «Левиафана» в Новый Завет, а его автора — в «нашего Спасителя и наших апостолов». Имея в виду как «Разумность христианства», так и «Некоторые мысли об образовании», Эдвардс называл их «двойной

12. *Locke J.* A Letter to the Rt. Rev. Edward, Lord Bishop of Worcester, concerning some Passages relating to Mr. Locke's Essay of Humane Understanding. In a late Discourse of his Lordship's in Vindication of the Trinity // Works of John Locke. Vol. IV. — London, 1801.

13. *Stillingfleet E.* The Bishop of Worcester's Answer to Mr. Locke's Letter. — London, 1697.

14. *Locke J.* Mr. Locke's Reply to the Right Reverend the Lord Bishop of Worcester's Answer to His Letter // Works of John Locke. — London, 1801. Vol. IV.

15. *Stillingfleet E.* The Bishop of Worcester's Answer to Mr. Locke's Second Letter; Wherein His Notion of Ideas is Prov'd to Be Inconsistent with It Self. And With the Articles of the Christian Faith. — London, 1698.

16. См. подробнее: *Popkin R.* The Philosophy of Bishop Stillingfleet // Journal of the History of Philosophy. 1971. Vol. 9. No. 3.

17. *Edwards J.* The Socinian Creed. — London, 1697. P. 247, 264. Цит. по: *Higgins-Biddle J. C.* Edwards, John // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman and J. Walmsley. — London; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 96.

18. *Edwards J.* A Brief Vindication of the Fundamental Articles of the Christian Faith, As also Of the Clergy, Universities and Publick Schools, from Mr. Lock's Reflections upon Them in his Book of Education, &c. With some Animadversions on two other late Pamphlets, viz. Of Mr. Bold and a Nameless Socinian Writer. — London, 1697.

наглостью», выказанной в отношении религии и университетов. Как стало известно Локку, в первом варианте рукописи Эдвардс назвал его «хозяином гарема в Оутсе», о чем в письме Оншему Черчиллю сообщил аноним из Кембриджа.

Выход книги Эдвардса был санкционирован четырьмя богословами, в том числе Джоном Ковелом, главой кембриджского Крайст-колледжа, старым другом Локка еще с их парижского знакомства в 1678 г., а также вице-канцлером Кембриджского университета Генри Джеймсом. Заподозрив скоординированную акцию, Локк обратился к архиепископу Тенисону за разъяснениями, однако так и не смог добиться извинений ни от кого, кроме покаявшегося Ковела.

Подобно Эдвардсу и Стиллингфлиту (и одновременно с ними) критику «Опыта о человеческом понимании» развернул в своих проповедях известный англиканский полемист и настоятель собора св. Павла Уильям Шерлок¹⁹.

Атака на Локка была продолжена в 1699 и 1701 гг., к ней присоединились авторы самых разных взглядов: лондонский проповедник Уильям Пейн²⁰, критиковавший «сокращение» догматов веры (член Лондонского королевского общества с 1681 г.); неконформистский оппонент арминизма Стивен Лобб²¹, критиковавший отсутствие упоминания об искуплении грехов Христом; Ричард Уэст²², во многом повторявший Джона Эдвардса и первый критик локковского понимания смерти как «потери чувствительности», из которого якобы следовало отрицание вечно-го наказания для грешников; Джонатан Эдвардс²³, ректор оксфордского Джизус-колледжа, утверждавший, что вера

19. *Sherlock W.* A Vindication of Dr. Sherlock's Sermon Concerning The Danger of Corrupting the Faith by Philosophy. In Answer to Some Socinian Remarks. — London, 1697.

20. *Payne W.* The Mystery of the Christian Faith and of the Blessed Trinity Vindicated, and the Divinity of Christ Proved. In Three Sermons... In the Press before his Death, and by himself ordered to be published. — London, 1697.

21. [*Lobb S.*] The Growth of Error. — London, 1697.

22. [*West R.*] Animadversions on a Late Book, Entitled The Reasonableness of Christianity, As Deliveres in the Scriptures. — Oxford, 1697.

23. *Edwards J.* A Preservative Against Socinianism. Shewing the Direct and Plain Opposition Between It, and the Religion Revealed by God in the Holy Scriptures... the Third Part. — Oxford, 1697.

в божественную природу Христа не менее фундаментальна, чем вера в то, что Он есть Мессия; Томас Биконсол²⁴; анонимный автор из Кембриджа F. B.²⁵, обвинявший Локка в непоследовательности, скептицизме, материализме и неоправданном использовании терминов в новых смыслах; бывший «неприсягнувший» член совета кембриджского колледжа Сент-Джонз Джон Милнер²⁶, сделавший, после систематического изложения взглядов Локка, вывод о его «тайном социнианстве»; и арминианский теолог и библиист Даниел Уитби²⁷, подвергнувший сомнению тезис Локка о фундаментальном характере догмата об Иисусе как Мессии, а также его доводы против того, что основополагающие догматы можно найти в апостольских посланиях.

Надо сказать, что трактат Локка вышел в свет не в лучший момент, а само название «Разумность христианства» сыграло роль красной тряпки и навлекло на автора обвинения в том, что он ставит разум выше религии²⁸. В следующем году появилась изданная анонимно работа Джона Толанда «Христианство без тайн»²⁹, в которой автор прямо опирался на «Опыт о человеческом понимании» Локка как на труд, оправдывающий использование разума в качестве *судьи* Откровения.

24. *Beaconsall Th.* The Grounds and Foundation of Natural Religion Discover'd, In the Principal Branches of it, in Opposition to the Prevailing Notions of the Modern Scepticks and Latitudinarians. With an Introduction concerning the Necessity of Revealed Religion. — London, 1698.

25. *F. B.* A Free but Modest Censure on the Late Controversial Writings and Debates of the Lord Bishop of Worcester and Mr. Locke; Mr. Edwards and Mr. Locke; The Honble Charles Boyle, Esq.; and Dr. Bentley. Together with Brief Remarks on Monsieur Le Clerc's *Ars Critica*. — London, 1698.

26. [*Milner J.*] An Account of Mr. Lock's Religion, Out of His own Writings, and in His own Words. Together with Some Observations upon It, and a Two-fold Appendix. I. A Specimen of Mr. Lock's Way of Answering Authors... II. A Brief Enquiry Whether Socinianism Be Justly Charged upon Mr. Lock. — London, 1700.

27. *Whitby D.* A Paraphrase and Commentary upon all the Epistles of the New Testament. London, 1700.

28. Хотя слово «разумность» в отношении христианства применялось и ранее, например Генри Хаммондом: Hammond, H. Of the Reasonableness of Christian Religion. — London, 1650.

29. [*Toland J.*] Christianity not Mysterious, Or A Treatise Shewing, That there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above it, And that no Christian Doctrine can be properly call'd a Mystery. — London, 1696.

В 1697 г. большое жури Мидлсекса рекомендовало местным властям разобраться с обоими трактатами как потворствующими арианству, социнианству, атеизму и деизму, появился даже призыв применить к кошунникам высшую меру наказания. Книга Толанда была публично сожжена по указанию парламента Дублина, а его самого попросили покинуть родной город. Толанд подвергся также нападкам со стороны нижней палаты заседавшей в то время конвокации, однако призывы к его преследованию были пресечены верхней палатой под председательством Тенисона.

Дело усугубилось тем, что после выхода критического памфлета Эдвардса за Локка заступились некие анонимные авторы, которые при этом либо отрицали учение о Троице, либо прямо и безоговорочно защищали деизм. По всему выходило, вопреки опровержениям самого Локка, что он и в самом деле деист. Можно себе представить изумление Локка, когда он оказался под градом критики, обрушившейся на него со всех сторон. И за что? — За попытку защитить христианство.

Особый интерес в этой кампании критики представляет позиция Ричарда Уиллиса, настоятеля Линкольнского собора и капеллана Вильгельма III. Что любопытно, впоследствии в качестве епископа Глостерского он стал преемником друга Локка Эдварда Фоулера, а на постах епископа Солсбери и епископа Уинчестера его всякий раз сменял сторонник Локка Бенджамин Ходли. Иначе говоря, Уиллис был латитюдинарием и вильгельмитом.

В своих «Заметках по случаю»³⁰ Уиллис отреагировал на замечание Локка, сделанное в «Разумности христианства», а именно что древние служители культа изъяли из религии разум, чтобы сохранить свою власть. Уиллис мягко предположил, что Локк, быть может, имел в виду не языческих жрецов, а ныне живущее духовенство англиканской церкви. И дело не в том, делал при этом оговорку Уиллис,

30. [Willis R.] Occasional Paper, no 1. Containing an Account of the Author's Design, Together with Some Reflections on a Book Entitled, A Letter to the Deists; in a Letter to a Friend; no 5. Containing a Defense of the Ministry and Ministers of the Gospel; against the Suggestion of Some Late Writers. In a letter to a Friend, with a Post-Script Relating to the Author of the Reasonableness of Christianity. — London, 1697.

что клир должен пользоваться иммунитетом от обвинений, а в том, что, делая мишенью духовных лиц, можно навредить религии: «человеческая *низость* заставит отнестись с презрением сначала к *служителям* Бога, а затем к *почитанию* Его и Его законов»³¹.

Критические замечания Уиллиса дали Локку повод отвергнуть главное обвинение — будто его работа направлена против англиканской церкви. Во второй «Виндикации» (1697), представляющей собой постраничное опровержение доводов Эдвардса, он, кроме того, подробно разъясняет, что *речь в «Разумности христианства» идет об историческом контексте Нового Завета, а не об англиканской церкви*.

Квалификация Локка Уиллисом как гоббиста не могла иметь правовых последствий, в отличие от его квалификации как унитария, деиста или атеиста (проповедь атеизма по закону грозила смертной казнью³², и Уиллис, по-видимому, пытался смягчить критику и дезавуировать попытки связать автора «Разумности христианства» с социнианами, деистами и Джоном Толандом). Кроме того, Уиллис представил Локка как *неумышленного* гоббиста.

Однако, несмотря на внешнее сходство, позиции Гоббса и Локка весьма отличались друг от друга, поскольку были включены в разные по своим целям линии аргументации. Гоббс пытался решить проблему рамок арбитража в том случае, когда власть суверена и власть Божья вступают в конфликт. Согласно Гоббсу, «Иисус есть Мессия» — единственный догмат, несогласие с которым суверена может оправдать непослушание последнему, поскольку этот догмат касается дела личного спасения человека.

С точки зрения англиканской церкви, гоббизм был позицией, отрицавшей необходимость особой, духовной власти. Но если Гоббс считал, что «церковь ... есть то же самое, что

31. [Willis R.] The Occasional Paper, no 5. P. 41. Цит. по: Numao J. K. Willis, Richard // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S. J. Savonius-Wroth, P. Schuurman and J. Walmsley. — London — N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 118.

32. В декабре 1696 г. в Эдинбурге за разного рода богохульства, в частности за отрицание Троицы, был казнен через повешение восемнадцатилетний студент Томас Айкенхед (он был похоронен только через две недели под виселицей), что, впрочем, стало последним случаем применения высшей меры за богохульство на территории трех королевств.

и светское государство, состоящее из людей, исповедующих христианство», то Локк видел в церкви «свободное и добровольное сообщество», существующее в рамках светского общества. Гоббс провозглашал «христианское государство» равным церкви. С точки зрения Локка, государство не должно вмешиваться в дела церкви, как и церковь не должна добиваться своих целей, используя государство³³. «Но, безусловно, Евангелие не подразумевает существования *какого-либо* христианского государства», — писал Локк³⁴.

Проблема, которую решал своим произведением Локк, имела мало общего с проблемой Гоббса, на что намекал и благожелательно настроенный Уиллис, говоря о том, что, возможно, автор «Разумности христианства» *питал благие намерения*, создавая свой трактат, а определение им догматов о Троице и об искуплении как «сопровождающих» является просто *неудачным выражением авторской мысли*.

Согласно официальной точке зрения церкви, по-видимому изложенной Уиллисом (но не Эдвардсом), Локк не был еретиком, он просто как бы *случайно* повторил мысль Томаса Гоббса. Локку даже пришлось специально заявить во второй «Виндикации», что он вообще никогда не читал Гоббса, как и социнианских авторов — Социна, Крелла или Шлихтинга, и поэтому не мог ничего из них заимствовать. Однако даже самый непредубежденный читатель способен увидеть сходство некоторых, пусть не всех, идей «Разумности христиан-

33. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. — М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 358–359; Локк Дж. Сочинения в 3 т. — М. Мысль, 1988. Т. 3. С. 96–97.

34. Locke on Toleration / Ed. by R. Vernon. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 29; Locke J. A Letter concerning Toleration and other Writings / Ed. by M. Goldie. — Indianapolis: Liberty Fund, 2010. P. 42. Перевод этой фразы в приведенном выше русском издании «Но Евангелие не является таким законом ни для одного христианского государства» (с. 117) запутывает суть дела. Латинская фраза читается: «Sed sub Evangelio nulla prorsus est res publica Christiana». Английская: «But there is absolutely no such thing under the Gospel as a Christian Commonwealth». См. параллельные латинский и английский тексты: Montuori M. John Locke on Toleration and the Unity of God. — Amsterdam: J. C. Gieben Publishers, 1983. P. 72–73. Как можно заметить, говоря о государстве, Локк пользуется термином «республика», что хорошо видно в латинском тексте, а в английском несколько смазано более неопределенным «commonwealth». Но это отдельная тема. См. также: Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 355.

ства» и «Левиафана», прежде всего в третьей части последнего, а еще точнее — в главе XLIII под названием «О том, что необходимо для принятия человека в Царство Небесное». Идеи эти, впрочем, не принадлежали исключительно Гоббсу, а имели долгую историю: до «Левиафана» их можно было найти в работах любимого Локком Уильяма Чиллингворта³⁵, а позднее у Филиппа ван Лимборха.

Современным локковедом известно, что Локк все же читал и даже делал выписки из социнианских авторов Иоганна Крелла и Иоганна Фолькеля, не говоря уже о том, что в его библиотеке была богатая подборка как социнианской, так и унитарийской литературы³⁶. Однако сказать точно, что такое социнианство, в Англии конца XVII в. не мог никто, поскольку оно было превращено в политический ярлык, который при желании наклеивали на кого угодно. В какой-то момент в социнианстве был обвинен даже архиепископ Кентерберийский Джон Тиллотсон, который в ответ посетовал, что настали времена, когда любое упоминание о разуме приводит к тому, что на вас ставят позорное клеймо «социнианин».

Главный довод Эдвардса, доказывающий, с его точки зрения, социнианство Локка, это то, что Локк говорит о существовании *немногих фундаментальных догматов*, принятие которых делает человека христианином. Однако и эта идея не была собственно социнианской, более того, ее высказывал и Кальвин в первой главе четвертой книги «Наставления в христианской вере». Что уж говорить о таких фигурах, как Себастиан Кастеллио (или Себастьян Кастеллион)³⁷, Эразм, Якоб Аконтий³⁸, Джон Хейлс³⁹, Чиллингворт, Дже-

35. *Chillingworth W.* The Religion of Protestants A Safe Way to Salvation. Or An Answer to a Booke Entitled "Mercy and Truth", Or, Charity maintain'd by Catholiques, Which pretends to prove the Contrary. — Oxford, 1638.

36. См.: *Higgins-Biddle J.* Introduction // Locke, J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. LVIII—LIX.

37. [*Castellio S.*] De haereticis an sint persequendi, & omnino quomodo sit cum eis agendum. — Basel, 1554. Опубликовано под псевдонимом Martinus Bellius.

38. *Acontius J.* Stratagemata Satanae. — Basel, 1565. Английский перевод: Darkness Discovered. Or the Devils Secret Stratagems Laid Open (1651) с предисловием Джона Гудвина.

39. *Hales J.* Several Tracts. 1677; Hales, J. Golden Remains. — London, 1688.

реми Тейлор⁴⁰. Практически те же взгляды, что и Локк, высказывал его друг, вильгельмит и епископ Эдвард Фоулер⁴¹. Традиция поиска «фундаментальных» догматов была давней и включала таких авторов, как Бенджамин Уичкот⁴², Джон Смит⁴³, Джон Пирсон⁴⁴, Джон Уортингтон⁴⁵. Наконец, из официальных фигур англиканской церкви сходные идеи развивал Тиллотсон⁴⁶.

В Нидерландах ремонстранты придерживались концепции «фундаментальных догматов» со времен Симона Епископия⁴⁷. В письме Локку от 22 октября 1703 г., принесся извинения за поздний отклик на «Разумность христианства», Лимборх пишет, прочитав французский перевод этого трактата: «Придерживаюсь того же мнения, что и автор столь выдающегося произведения, ибо когда, отставив в сторону настолько, насколько это возможно, всякие эмоции и предрассудки, я читаю Писание, ничто не кажется мне более ясным, чем то, что необходимо именно то верование, на котором он постоянно настаивает, по сути, единственное верование, в силу которого мы называемся христианами: что Иисус есть Христос, или, скорее, Мессия, обещанный пророками евреям. Если бы к этой спасающей истине, единодушно признанной и постоянно проповедуемой всеми, кто называет себя христианином, не было добавлено никаких других догматов... мы имели бы истинно универсальную и апостольскую церковь, в которой было бы одно серд-

40. *Taylor J.* A Discourse of the Liberty of Prophesying. — London, 1647; *Taylor J.* Σύμβολον ἠθικο-πολεμικόν, or A Collection of Polemical and Moral Discourses. — London, 1657.

41. [Fowler E.] Bishop of Gloucester. The Principles and Practices, Of certain Moderate Divines of the Church of England, (greatly misunderstood) Truly Represented and Defended; Wherein (by the way) Some Controversies, of no mean Importance, are succinctly discussed: In A Free Discourse between two Intimate Friends In III Parts. — London, 1670.

42. *Whichcote B.* Select Sermons of Dr. Whichcote. — London, 1698.

43. *Smith J.* Select Discourses. — Cambridge, 1660.

44. *Pearson J.*, Bishop of Chester. An Exposition of the Creed. — London, 1676.

45. *Worthington J.* A Form of Sound Words, or A Scripture-Catechism. — London, 1674.

46. *Tillotson J.* Sermons, With Various Titles. — London, 1695–1704.

47. *Episcopius S.* Opera Theologica. — Amsterdam, 1650.

це и одна душа во всех верующих: всякий искал бы для себя в Писании правило веры и жизни; никто не предписывал бы закона веры другому; никто не называл бы своего брата проклятым из-за несогласия с ним... и не пытался бы расколоть церковь. И тогда нормой нашей веры были бы не человеческие декреты и указы, не слова и фразы, сформулированные людьми, причем по большей части в пылу вражды, но одно лишь Писание и те фразы и выражения, которыми Дух Святой научил говорить апостолов. Да благословит Бог ваши истинно духовные усилия, и пусть преуспевает и процветает в изобилии мир в церкви, и чтобы это глубокое и совершенное духовное согласие стало подобием и образцом (*idea*) для сообщества сыновей Божьих, которое получит свое истинное совершенство в грядущем мире»⁴⁸.

Наконец, следует упомянуть о позиции Самюэла Гартлиба и его круга (прежде всего Джона Дьюри), в течение десятилетий проповедовавших «примирение». Дьюри, пользовавшийся в 1630-х гг. поддержкой и доверием архиепископов Лода и Ашера, считал необходимой выработку новой и более общей формулы «согласия», «общего, фундаментального исповедания веры среди тех христиан, которые признают Священное Писание единственным правилом веры и служения»⁴⁹. Это могло бы прояснить «фундаментальные истины христианства», под которыми подписались бы все евангелические церкви.

С этой целью Дьюри в течение полувека (!) проводил при поддержке шведского правительства политику «челночной дипломатии». Находясь в постоянных разъездах по европейским странам, он разъяснял представителям различных деноминаций позиции их противников, выставляя их в наилучшем свете. В противовес несущественному, безразлично-

48. The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 86–87.

49. *Turnbull G. H.* Samuel Hartlib: A Sketch of His Life and His Relations to J. A. Comenius. — Oxford: Oxford University Press, 1920. P. 63. С этой целью он даже советовался с Декартом о наилучшем методе поиска «достоверности»: делать ли это на базе математики или же основываясь на изучении пророчеств, содержащихся в Священном Писании. См.: *Popkin R. H.* Introduction // *Newton and Religion: Context, Nature, and Influence* / Ed. by J. Force and R. Popkin. — Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. XI.

му (*adiaphora*) следовало найти нечто существенное, служащее всеми признаваемой цели. Джон Янг заключает главу об экуменизме Дьюри описанием общей для Гартлиба и его круга идеи «*новой реформации*», попытки начать все сначала, вернуться к корням. «Время споров по мелочам прошло: теперь необходимо было посмотреть новым взглядом на все Творение, научиться новому и более точному прочтению Писания, Природы и самого Человечества»⁵⁰. В конце жизни Дьюри высказывал идею о необходимости преодоления раскола не только между протестантами различных деноминаций, но и между протестантами и католиками.

Важной особенностью «пути фундаментальных догматов» (*the way of fundamentals*) было то, что многие его приверженцы отказывались приводить их конкретные списки, ссылаясь на то, что люди разнятся по своим способностям и потому единый список может на самом деле навредить делу спасения. В этом плане Локк поступил очень смело, предложив даже не несколько догматов, а всего один — на том основании, что уж он-то должен быть понятен всем и каждому.

Локк занят поиском «простого благовестия», которое, по его мнению, содержится в Писании и которое настолько ясно там изложено, что надо лишь «правильно» его прочитывать. «Разумность» христианства заключается в его простоте и понятности даже для необразованных людей. Именно о разумности, простоте и понятности проповедей Христа и его апостолов и говорится в трактате Локка. Все части Божественного Откровения истинны, и тем не менее Бог указал на некоторые истины как на существенно необходимые для вступления в церковь и спасения. Что же касается полноты веры, то *христианин должен верить во все Откровение без исключения, но после того, как он уверовал в главное*.

Согласно Локку, соборные послания не могут быть источником фундаментальных догматов, поскольку они были адресованы христианам, которые, по определению, *уже осведомлены о таких догматах*. Именно поэтому, хотя в «Разумности христианства» Локк опирался в том числе и на собор-

50. См.: *Young J. T. Faith, Medical Alchemy and Natural Philosophy: Johann Moriaen, Reformed Intelligencer, and the Hartlib Circle.* — Farnham: Ashgate Publishing, 1998. P. 90–92.

ные послания, свои аргументы он черпал главным образом в Евангелиях и Деяниях апостолов.

В лавлейсовской коллекции содержатся подготовительные материалы к «Разумности христианства», свидетельствующие о тщательном анализе Локком Библии, о составлении списков цитат из Писания, озаглавленных «Верить», «Мессии», «Сын Божий», «Царь», «Спаситель», «Евангелие», «жизнь и смерть» и др.⁵¹ О других материалах свидетельствуют его книжные покупки, сделанные в начале 1695 г., а именно катехизисы и символы веры: вестминстерское, конгрегационалистское, баптистское, квакерское. Сохранившаяся часть библиотеки Локка содержит символы веры и катехизисы практически всех конфессий, деноминаций и сект.

О методе, примененном Локком, говорит он сам на первых же страницах трактата, заявляя, что Священное Писание «должно и в целом, и в важнейших пунктах быть понято в простом и прямом смысле слов и фраз, какой, как можно предположить, они имели в устах тех, кто их произносил, употреблял соответственно языку того времени и той страны, в которых они жили, без высокоученых, искусственных и надуманных их смыслов, которые выискиваются и навязываются им в большинстве систем богословия»⁵². Или: «Авторы и спорщики по вопросам религии наполняют ее тонкостями и облекают в понятия... как если бы не было другого пути в церковь, как через академию или ликей. Большая часть человечества не имеет свободного времени для освоения наук, логики и сверхтонких дистинкций школ»⁵³.

В своем анализе и поиске фундаментальных догматов Локк развивает исторический подход, известный в его время благодаря трудам Гуго Гроция, Жана Ле Клерка и Риша-

51. См.: *Locke J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures* / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 181–219.

52. Ibid. P. 165, 167. Более развернуто герменевтический метод изложен Локком в предисловии к его «Парафразе и примечаниям к посланиям св. Павла». См.: *Locke J. An Essay for the Understanding of St. Paul's Epistles by Consulting St Paul himself // Locke J. Writings on Religion* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 51–66. Или: *Locke J. A Paraphrase and Notes on the Epistles of St Paul* / Ed. by A. W. Wainwright. Vol. I. — Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 103–118.

53. *Locke J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures* / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 169–170.

ра Симона (последний считал, что не существует никакого исходного, аутентичного текста Библии, и полагал необходимым изучение различных вариантов Библий на разных языках). Примерно треть «Разумности христианства» представляет собой реконструкцию жизни Иисуса и его учеников, и не только внешних событий, но и их мыслей и намерений. По замечанию Лимборха, уникальным вкладом Локка в библеистику стала его попытка объяснить так называемую мессианскую тайну, т.е. то, почему Иисус так и не провозгласил, ясно и в прямой форме, что он Мессия. Важным достижением Локка стало также, по мнению Лимборха, «точное выстраивание евангельской истории»⁵⁴, главной целью которого является определение (с помощью «непредубежденного чтения») того, во что именно должны были уверовать будущие последователи Иисуса.

Сущность христианства, по Локку, очевидна и проста, любой может прочитать в самом Новом Завете о том, что Иисус был Мессией, Христом, Сыном Божиим. Однако при этом не следует забывать, что Иисус благовествовал евреям и что, таким образом, его слушатели уже веровали в единого истинного Бога. В случае, когда Благой Вести внимали язычники, дополнительным необходимым догматом должна была стать вера в Бога. Для Локка вера в Иисуса как Мессию предполагала также веру в его воскресение и его определение в качестве властителя и будущего судии мира. Считая эти доктрины «сопутствующими» — «сопровождающими» (*concomitant*) веру в Иисуса как Мессию, — Локк заключал: чтобы *стать* христианином, необходимо *веровать* только лишь в *существование Бога и в то, что Иисус — воскресший Мессия*, Господин и Судия всего человечества. *После того как человек становится христианином, он должен уверовать во все истины Божественного Откровения*. Не верить в слово Божье или учение Иисуса значило бы вступать в противоречие с собственной фундаментальной верой в Бога и Христа.

54. См.: The Correspondence of John Locke. Vol. VI / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 44. Эта оценка лежит в основе статьи Виктора Нуюво: *Nuovo V. Locke's Christology as a Key to Understanding His Philosophy* // The Philosophy of John Locke: New Perspectives / Ed. by P.R. Anstey. — London and N.Y.: Routledge, 2003.

Становясь христианином, человек принимает на себя также обязательства, связанные не с одной только верою, но и с поступками, делами. Чтобы заслужить оправдание, истинно верующий должен не только сожалеть о своих прошлых грехах и раскаиваться в них, но и отвернуться от греха и вести новую жизнь послушания Христу.

В письме к Лимборху от 10 мая 1695 г. Локк писал: «Должен еще раз поблагодарить вас за вашу „Theologia Christiana“, и не потому, что она пополнила библиотеку новым томом, но потому, что она пополнила мои знания. Ибо этой зимой, усердно размышляя о том, в чем состоит христианская вера, я подумал, что она должна быть извлечена из самих ее источников — Священного Писания, при этом мнения и ортодоксии сект и систем, в чем бы они ни заключались, должны быть отставлены в сторону. Из внимательного и неспешного чтения Нового Завета условия Нового ковенанта и учение Евангелия стали для меня яснее света полуденного солнца, и я совершенно убежден, что искренний читатель Евангелия не может питать никаких сомнений в том, что такое христианская вера. По этой причине я изложил свои мысли на бумаге, чтобы можно было лучше рассмотреть, спокойно и не торопясь, согласие частей друг с другом, их гармонию и основания, на которых они покоятся. Когда все в этом моем исповедании веры приобрело здравый и соответствующий слову Божьему вид, я подумал, что следовало бы проконсультироваться у теологов (разумеется, реформированных), чтобы понять, что они думали о вере. Я обратился к Кальвину, Турретини и другим, которые, вынужден признать, дают такую трактовку этой проблемы, что я вообще не могу понять, что они говорят и что имеют в виду; все в них, как мне кажется, столь противоречит здравому смыслу и простоте Евангелия, что я не способен понять их сочинения, а еще менее примирить их со Священным Писанием. В конце концов, надеясь на лучшее, я взял в руки вашу „Theologia“ и, испытывая огромную радость, прочитал книгу V, главу VIII, из которой узнал, что все же есть один теолог, для которого я не еретик»⁵⁵.

55. The Correspondence of John Locke. Vol. V / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 370–371.

Деисты, ньютонианцы и Локк

ВОЗВРАЩАЯСЬ к обвинению Локка в деизме, отметим, что сам этот термин, как и термин «социнианство», не имел в 1690-х гг. определенного значения и мог означать и атеизм, и эпикуреизм, и даже теизм (в ассоциативном ряду «теизм — монотеизм — унитаризм — антитринитаризм»). Как пишет Хиггинс-Бидл, Локк, по-видимому, не отождествлял с деистами ни Гоббса, ни Спинозу, до выхода в свет «Разумности христианства» не читал деиста Чарлза Блаунта¹, но мог иметь в виду двух других авторов.

Первым мог быть Уриель Акоста, португальский христианин, перешедший в иудаизм и впоследствии подвергнутый остракизму еврейской общиной Амстердама. Перед тем как совершить самоубийство, Акоста оставил рукопись под названием «*Exemplar Humanae Vitae*», сохранившуюся среди бумаг Епископия и напечатанную с опровержением Лимборха в 1687 г. В одной из записных книжек Локк назвал Акосту «отцом и патриархом деистов». Согласно Акосте, закона природы и человеческого разума вполне достаточно для регуляции человеческих поступков. Что касается большинства законов, предписываемых любой религией, то они противоречат и закону природы, и требованиям разума.

Вторым автором, которого Локк мог считать деистом, был Джон Толанд. Толанд родился в Ирландии в бедной католической семье, поступил в университет Глазго, затем учился в Эдинбургском университете, где получил степень магистра искусств в 1690 г. В Эдинбурге его наставником был

1. *Blount Ch. Anima mundi, or An Historical Narration of the Opinion of the Ancients concerning Man's Soul after this Life.* — London, 1679; *Blount Ch. The Oracles of Reason: Consisting of [16 articles]* ... In several Letters to Mr. Hobbs and other Persons... By Char. Blount, Esq.; Mr. Gildon and others. — London, 1693.

Дэвид Грегори (член Лондонского королевского общества с 1692 г.). Известно также, что Толанд хорошо разбирался в физике Ньютона. В Лондоне Толанд первый раз появился в конце 1691 — начале 1692 г. как пресвитерианин и член конгрегации Даниела Уильямса, пытавшегося создать союз пресвитериан и конгрегационалистов под названием «Соединенное Братство». Сам Уильямс стал советником Вильгельма по делам Ирландии. Конгрегация направила Толанда в Голландию изучать теологию и обеспечила его для этой цели стипендией. В конце 1692 — начале 1693 г. он отправился сначала в Утрехт, затем в Лейден и наконец в Амстердам, где был принят в кружок Бенджамина Ферли.

По оценкам многих историков, Толанд вернулся из Голландии другим человеком. В Англию он прибыл летом 1693 г. с рекомендательными письмами от Жана Ле Клерка и Бенджамина Ферли. В письме Локку Ферли просил устроить Толанда домашним учителем. По-видимому, стремясь донести до Локка, что речь идет о человеке, заслуживающем доверия, он заметил, что Толанд знает, кто является автором «Послания о толерантности». Локк помог Толанду деньгами и рекомендовал его Джону Фреке, который ввел его в свой круг в Оксфорде.

В мае 1694 г. по Лондону пошел слух, что Толанд пишет книгу, разоблачающую христианство. Весной следующего года Локк получил от Фреке письмо и некие рукописи Толанда, возможно, части «Христианства без тайн», которые вскоре вернул². Некоторые исследователи делают отсюда вывод, что «Разумность христианства» была написана не против некоего абстрактного «деизма», а именно против идей Толанда, с которыми Локк познакомился через попавшие в его руки рукописи. Мордехай Фейнголд считает, что «Разумность христианства» была написана «в спешке» именно с этой целью³. Однако в самой «Разумности христи-

2. См.: *Higgins-Biddle J.* Introduction // *Locke, J.* The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. XXX–XXXI.

3. *Feingold M.* The Mathematical Sciences and New Philosophies // *The History of the University of Oxford. Vol. IV* / Ed. by N. Tyacke. — Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 424.

анства» нет ни одного следа, указывающего на Толанда или на какой-либо фрагмент из «Христианства без тайн».

После того как трактат «Христианство без тайн» вышел в свет, Толанд отправился в Ирландию, где, по сообщениям, хвастался дружбой с Ле Клерком, Лимборхом, Фирмином и Локком. И поэтому всем им пришлось дезавуировать слухи о близости с Толандом. Тем не менее многое указывает на то, что Толанд нашел поддержку среди некоторых друзей Локка, в частности Джона Фреке и Эдварда Кларка, не говоря уже о «новых вигах».

В расходящихся и во многом пересекающихся кругах знакомых и друзей Локка и Толанда, не обязательно поддерживавших личные контакты, имелись также такие известные деятели, как Роберт Клейтон, Томас Тренчард, Уильям Стивенс, Бенджамин Ферли, Мэтью Тиндал, Джон Асгилл и другие посетители «греческой» кофейни, где участники сообщества занимались в начале 1700-х гг. совместным чтением «Изгнания торжествующего зверя» («Spaccio de la Bestia Trionfante». London, 1584) Джордано Бруно. Толанд всячески пропагандировал Бруно, по сути дела, предлагая «Spaccio» в качестве альтернативы «Математическим принципам натуральной философии» Ньютона. Знакомство самого Толанда с идеями Бруно (особенно созвучной его натуре была идея об *абсолютной свободе мышления*) произошло в 1698 г., когда ему удалось приобрести на аукционе книгу, в которой под одним переплетом находилось несколько трактатов: кроме «Spaccio» — «О причине, начале и едином» («De la Causa, Principio e Uno»), «О бесконечной вселенной и мирах» («De l'Infinito Universo e Mondi») и «Причастие Пепельной среды» («La Cena de la Ceneri») (все 1584).

Итак, Локк мог понимать под «деистами» Акосту или Толанда. Но вполне вероятно, что, говоря о деистах, Локк имел в виду не Акосту и не Толанда, т. е. не конкретно этих лиц, а весьма большую группу людей, начинавших играть значительную роль в английском обществе конца XVII в. Именно эти люди служили целевой аудиторией вильгельмитов-латитюдинариев, организовавших «Лекции Бойля». Локк искренне разделял взгляды Роберта Бойля, идейного вдохновителя Лондонского королевского общества, и, возможно, лучше многих других понимал, что такое деизм и каковы вызывающие его причины. Говоря о деистах,

он, возможно, имел в виду массу полуверующих или неверующих, которых, как выяснилось после принятия в 1689 г. Акта о толерантности, в Англии оказалось предостаточно — богослужения, поскольку теперь за это не предусматривалось никакого наказания, просто перестали посещать.

«Лекции», учреждение которых завещал Роберт Бойль в одном из нескольких кодициллов к своему завещанию, должны были служить делу доказательства истинности христианства «против пресловутых неверных, а именно атеистов, теистов, язычников, евреев и магометан»⁴. Дополнительное требование, которое выставлял Бойль, заключалось в том, что доказательство истинности христианской религии, направленное против неверных (*infidels*), не должно было «опускаться до каких бы то ни было разногласий между христианами».

Главными попечителями «Лекций» стали Тенисон и Джон Эвелин (член Лондонского королевского общества с 1663 г.). Вскоре исходная формулировка задач «Лекций» претерпела изменения, из списка «неверных» попечителями были исключены «теисты», «язычники» и «магометане», соответственно остались «атеисты» и «евреи», к которым были добавлены «либертины»⁵.

Первые лекции, прочитанные капелланом Стиллинфлита Ричардом Бентли и Ричардом Киддером, как раз и были направлены против угрозы атеизма. Помимо этого, Киддер в лекциях 1694 г., посвященных доказательству истинности слов Христа о том, что он Мессия, напоминал о Божьей угрозе полностью уничтожить своих подданных, если они продолжают греховное существование, а наступление миллениума обуславливал моральным состоянием человечества. Много места Киддер посвятил евреям, говоря об их «плотском и мирском нраве», о том, что они отвергли Христа, а теперь сопротивляются обращению⁶. Само понятие «евреи» в это время в Англии, благодаря в том числе Гилберту Бернету, часто применялось не только к собственно иудеям,

4. *Jacob M. C.* The Newtonians and the English Revolution, 1689–1720. — Ithaca — NY.: Cornell University Press, 1976. P. 144.

5. *Ibid.* P. 159–160.

6. *Kidder R.* A Demonstration of the Messias. In Three Parts. — London, 1684; 1699; 1700.

но и ко всей английской нации, нуждавшейся, с точки зрения провиденциалистов-латитюдинариев, в глубоком моральном реформировании.

Проект «Лекций Бойля» основывался также на идее использования натурфилософии в качестве эффективного противовеса деизму или атеизму. Это поколение латитюдинариев Маргарет Джейкоб назвала «ньютонианцами». После смерти Роберта Бойля главным авторитетом у латитюдинариев стал Исаак Ньютон. В этом смысле характерна переориентация Стиллингфлита, который в 1662 г., в первом издании своего трактата «Священные истоки» («*Origines Sacrae*»), опирался на Бойля, а в переиздании того же трактата в 1697 г. существенно ревизовал текст, теперь с опорой на Ньютона.

Джейкоб отмечает, что практически все латитюдинарии, кроме Бойля и Уилкинса, были, как и Ньютон, кембриджцами и, так или иначе, испытали влияние кембриджских платоников — Генри Мора, Ралфа Кедворта, Джона Смита, Бенджамина Уичкота. Латитюдинарии, кембриджские платоники и ньютонианцы составляли одну большую группу, которая вышла на лидирующие позиции в 1690-х гг. Близкой к ним, но не столь многочисленной группой стали выходцы из Оксфорда, испытавшие влияние лоддианства (арминиянства), круга Гартлиба и в значительной степени — экспериментальной философии Бойля. Учреждение Лондонского королевского общества послужило относительному объединению этих двух групп, как и ряда других направлений и персон.

Что касается самого Ньютона, то его взгляды представляли собой весьма непростую интеллектуальную смесь. Ньютон решительно отвергал гностицизм. По его мнению, первоначальное христианство было отравлено эманационизмом каббалы, платонизма и гностицизма, общим источником которых служили представления древних египтян. После обращения язычников и евреев в христианство все три «ереси» привнесли в теологию метафизику, искажившую «простое учение» христианства.

Опираясь на слова ап. Павла в Послании к Евреям (Евр 5: 12–14), Ньютон различал учение, подходящее большинству христиан, «молоко для младенцев», и более трудное для освоения учение, «твердую пищу для взрослых».

«Молоко для младенцев» — то содержание христианской веры, которое должно проповедоваться *до* момента крещения. А именно: неприятие культа мертвых, вера в Бога, крещение, возложение рук, учение о воскресении и судном дне. Догматика англиканской церкви, по Ньютону, точно совпадает с «молоком для младенцев»: отречение от дьявола и его дел (плотских желаний, идолопоклонства, тщеславия, гордыни, алчности), Апостольский символ веры, соблюдение десяти заповедей, крещение и наложение рук. Все это фундаментальные догматы.

Как и латитюдинарии, Ньютон был «явным адвокатом „включения“, а не *толерантности*; иначе говоря, он хотел бы, чтобы церковь минимизировала и очистила свою веру и поглотила максимально широкий спектр христианских учений, а не оставалась догматичной внутри самой себя и всего лишь толерантно относилась к взглядам, не совпадающим с ее собственными»⁷.

Очевидной проблемой для Ньютона были догматы тринитарных Никейского и Афанасьевского символов веры, содержащиеся в «Тридцати девяти статьях». Для Ньютона учение о Троице могло рассматриваться только как *adiaphora* и, таким образом, не являлось «молоком для младенцев». Все эти соображения Ньютон, разумеется, хранил в тайне. Можно себе представить масштабы скандала, который разразился бы, если бы обнаружилось, что в основу натуральной религии латитюдинариев на самом деле положен анти-тринитаризм.

Ньютон, в отличие от своих учеников Уильяма Уистона и Самюэла Кларка, держал свой антитринитаризм при себе, сконструировав внутренний, «психологический латитюдинаризм», оправдывавший отрицание Троицы *нефундаментальным* характером самого этого догмата. Поскольку на самом деле этот догмат не является для англиканской церкви фундаментальным⁸, рассуждал Ньютон, то и вы-

7. Goldish M. Newton's Of the Church: Its Contents and Implications // Newton and Religion. Context, Nature, and Influence / Ed. by J. Force and R. Popkin. — Dordrecht; Boston; London; Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 159.

8. По словам Стивена Снобелена, «на самом деле из „Тридцати девяти статей“ Ньютон отрицал по меньшей мере пять догматов полностью или частично, включая центральные догматы, относящиеся к Троице (I, II,

ходить из церкви нет необходимости; более того, выход из церкви на этом основании был бы ничем не оправданной схизмой. Весьма щекотливым моментом стало назначение Ньютона в мае 1689 г. в парламентский комитет по рассмотрению «Билля о свободе и снисхождении протестантским диссентерам», т. е. Акта о толерантности. Рассмотрев билль, члены комитета включили в число рекомендуемых добавлений требование, чтобы диссентеры «исповедовали веру в Бога Отца, и в Иисуса Христа Его Вечного Сына, истинного Бога, и в Дух Святой, Единого Бога, благословенного вовек»⁹.

Известно было вильгельмитам о неортодоксальных взглядах Ньютона или нет, в любом случае он их не афишировал, а для церкви президент Лондонского королевского общества и автор «*Principia mathematica*» являлся слишком ценной фигурой, чтобы изгонять его из своих рядов. На Ньютона был возложен ряд важных функций, в частности члена комиссии, отвечавшей за строительство 50 новых церквей в Лондоне и Вестминстере, а также еще одной комиссии, в ведении которой было завершение строительства собора св. Павла. В 1700 г., когда Ньютону был предложен пост главы Тринити-колледжа на том условии, что он примет духовный сан, архиепископ Тенисон просил его занять любой, на его выбор, пост в церковной иерархии. Гилберт Бернет относился с таким почтением к великому человеку, что называл его «белейшей душой, какую он когда-либо знал»¹⁰.

В конце 1690-х гг. Гоббс, остававшийся постоянной мишенью для нападок ньютонианцев, во многом потерял свою актуальность, превратившись скорее в символ, чем в реальную угрозу. Его место как главного и, что очень важно, живого и здравствующего врага церкви занял Джон Толанд.

По сути, Толанд обращался к той же целевой аудитории, что и вильгельмиты, и стал опасным конкурентом, способным помешать планам восстановления национально-госу-

V, VIII, XXVII)». См.: *Snobelen S. D. Isaac Newton, Heretic: the Strategies of a Nicodemite // The British Journal for the History of Science. 1999. Vol. 32. No. 4. P. 393.*

9. *Snobelen S. D. Isaac Newton, Heretic: the Strategies of a Nicodemite // British Journal for the History of Science. 1999. Vol. 32. P. 398.*

10. См.: *Ibid. P. 410.*

дарственного статуса англиканской церкви. В этом смысле, как отмечает Джейкоб, в конце XVII — начале XVIII в. речь шла именно о противостоянии ньютонианцев и «деистов» (атеистов, либертинов, свободомыслящих, пантеистов и т. п.). Однако нападки на церковь, в которой важную роль начали играть ньютонианцы, исходили не только от деистов, но и от «высокой церкви», наследников «неприсягнувших»¹¹. «Высокая церковь» в своей критике приписывала латитюдинариям все грехи деистов и «республиканцев», латитюдинарии с оглядкой на «высокую церковь» отмежевались от деистов, «республиканцев» и «энтузиастов» (т. е. диссентеров-нонконформистов). В свою очередь деисты — такие, как Толанд, третий граф Шефтсбери, Антони Коллинз и Мэтью Тиндал, — критиковали и латитюдинариев, и «высокую церковь», отвергая *priestcraft* (т. е. козни духовенства, клерикализм), и предлагали светской власти свои, как они считали, более эффективные в деле государственного управления идеи.

Довольно скоро Толанд приобрел значительное влияние, в том числе благодаря своей способности заводить связи среди сильных мира сего. В его собственный круг входили такие люди, как лорд-канцлер Ирландии Джон Метьюен, на континенте — принц Евгений Савойский и курфюрст Пфальцский принц Иоганн-Вильгельм. Настоящей сенсацией было появление Толанда, имевшего в общественном мнении репутацию еретика, в 1701 г. в Ганновере в качестве члена делегации графа Маклсфилда, который доставил курфюрстине Софии текст Акта об урегулировании.

Идеи Толанда стали интеллектуальной альтернативой ньютонианству. Таким образом, противостояние между ньютонианцами, пытавшимися сохранить доминирующую роль англиканской церкви, и все растущим лагерем свободомыслящих, настаивавших на полном отделении церкви от государства и на усилении роли парламента в противовес королевскому двору, представляло собой реальный и серьезный фактор политической жизни. В церковной сфере антиньютонианский лагерь именовали деистами, в сфере по-

11. *Jacob M. C. The Newtonians and the English Revolution, 1689–1720.* — Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1976. P. 201–202.

литической — новыми вигами, противостоявшими «вигам двора».

Сам Локк был «вигом двора», однако в его круг входили третий граф Шефтсбери и Антони Коллинз. Среди его друзей были также ньютонианцы и латитюдинарии, а жил он в доме леди Машем, Дамарис Кедворт, дочери знаменитого «кембриджского платоника». «Печать Толанда» стала для Локка проклятием, но одновременно и благословением, поскольку благодаря ей он, сам того не желая, оказался одним из героев свободомыслия. Впоследствии Ньютон тоже был сделан провозвестником научного мировоззрения и деизма, а о противостоянии ньютонианства и деизма в век Просвещения было окончательно забыто.

Что касается Локка, то он не был ни ньютонианцем, ни деистом, ни латитюдинарием. Политика имеет свойство *вовлекать* в свою сферу самых неожиданных людей. И поэтому следует помнить, что объединение Локка и Толанда в одну группу «деистов» — столь же искусственная процедура, как и объединение Локка и Ньютона в группу «ньютонианцев», а Локка и Тиллотсона в группу «латитюдинариев».

* * *

Найти ключ к «Разумности христианства» можно, если мы рассмотрим это произведение вместе со вторым, расширенным изданием «Опыта о человеческом понимании». Та же процедура позволяет войти и во внутренний контекст «Парафразы и примечаний к посланиям св. Павла».

В «Опыте о человеческом понимании» Локк ставил и решал задачу демонстрации ограниченности человеческого разума и его неспособности служить «достоверной» основой для морали и религии. Там, где Бог открыл вещи, о которых разум не может судить, они должны приниматься как предметы веры, а в случае возникновения расхождений приоритет остается за Откровением. Поскольку Толанд не видел необходимости верить в вещи, не отвечающие критериям разума, его позиция была противоположна позиции Локка, о чем последний неоднократно заявлял, настаивая на том, что «Разумность христианства» направлена *против* деизма.

«Наконец, главный тезис „Разумности“ — простота необходимых христианских учений — хорошо подходил для

опровержения деистов. <...> В ответ на утверждение, что сложные доктрины христианства либо противоречат разуму, либо внеразумны, он говорил, что все, во что нужно верить, чтобы стать христианином, это что Бог существует и что Иисус есть Мессия. Эти тезисы он считал простыми, понятными и согласующимися с разумом». «Что же касается вещей внеразумных... то они могут быть приняты на веру с опорой на авторитет самого Писания. „Разумность“ христианства для Локка не означала с необходимостью, что все, чему оно учит, должно быть доказуемо с помощью разума»¹².

Проблемы, стоящие в «Разумности христианства», Локк непрестанно обдумывал как врач и как светский теолог. Это — проблемы жизни и смерти, которые обсуждались в комнате Локка в Эксетер-Хаусе в конце 1660-х гг. в кругу друзей и которые послужили отправной точкой его размышлений, нашедших выражение в «Опыте о человеческом понимании»¹³. Локк занят поисками того, что такое сами вера и знание, во что необходимо верить и что необходимо знать для спасения.

На первых же страницах «Разумности христианства» читаем: «Для того, кто без такого предубеждения читает Писания, видно, что то, от чего отпал Адам, было состояние совершенного послушания, называемого в Новом Завете *справедливостью*, хотя слово, которое в исходном тексте обо-

12. Higgins-Biddle J. Introduction // Locke, J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. XXXVII.

13. «Пять или шесть друзей, собиравшихся в моей комнате и обсуждавших предмет весьма далекий от этого, очень скоро вынуждены были остановиться перед лицом трудностей, возникавших на каждом шагу. После некоторого замешательства... меня посетила мысль, что мы пошли неверной дорогой и что... необходимо было изучить наши собственные способности и рассмотреть, с какими объектами [objects, также „целями“, „интенциями“. — А.Я.] наши понимания готовы или не готовы иметь дело» (Locke J. An Essay concerning Human Understanding / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 7). В течение долгого времени локкведы принимали за само собой разумеющееся, что под «весьма далеким предметом» Локк имел в виду вопросы морали и религии. Это, конечно, было весьма странное предположение, потому что вопросы морали и религии были самым очевидным и «близким» предметом «Опыта о человеческом понимании». «Далеким» же (или «отдаленным») предметом были события будущего — Второе пришествие, Судный день и Спасение.

значает справедливость, должно переводиться как „*праведность*“. Из-за этого падения он потерял рай, где были безмятежность и древо жизни, т.е. он потерял блаженство и бессмертие. На это указывают наказание за нарушение закона и приговор, вынесенный Богом. Наказание состоит в следующем: ...*в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт 2: 17). Как оно было исполнено? Он действительно вкусил, но в тот день, когда он вкусил, не умер, но был изгнан из рая от древа жизни и навсегда от него отрешен, *дабы он не взял от него и не жил вечно*. Это указывает, что состояние рая было состоянием бессмертия, жизни без конца, которое он потерял в тот самый день, когда вкусил. После этого жизнь его начала сокращаться, изнашиваться и иметь конец и с этого момента и до самой его смерти походила на время, которое проводит заключенный в промежулке между приговором и близкой и неминуемой казнью. Смерть тогда вошла и явила свой лик, дотеле скрытый и не знаемый. Так говорит св. Павел: ... *одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть* (Рим 5: 12), т.е. состояние смерти и смертности, и также говорится в Первом послании к Коринфянам: ...*В Адаме все умирают* (1 Кор 15: 22), т.е. по причине его преступления все люди смертны и должны умереть»¹⁴.

Проблема смерти и сама по себе слишком сложна и серьезна, чтобы обсуждать ее в работе, посвященной контекстам английской политической мысли конца XVII в., поэтому отложим ее на какое-то время с тем, чтобы подробно и не торопясь проанализировать, как она того заслуживает¹⁵. Сейчас же еще раз повторим важный вывод. Хотя трактат Локка «Разумность христианства» не имел собственных политических контекстов, а его содержание было далеко от политики, сам факт его появления в разгар реформации Вильгельма

14. Locke J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 6–7.

15. Проблема смерти у Локка, насколько нам известно, обсуждается в одной-единственной недавно вышедшей работе, представляющей собой сопоставление идей Декарта, Гоббса, Генри Мора и Бойля, которые и являются, с точки зрения ее автора, отправным пунктом для соответствующих размышлений Локка: Forstrom K. J. S. John Locke and Personal Identity: Immortality and Bodily Resurrection in Seventeenth-Century Philosophy. — N.Y.; London: Continuum International Publishing Group, 2010.

стал, независимо от намерений автора, значимым *политическим действием*, по сути дела, напоминанием о том, с чего начиналась реформация, — призывом вернуться к истокам.

Для самого Локка «Разумность христианства» стала итогом долгого процесса осмысления проблемы, различные формулировки которой можно проследить начиная с 1671 г., с «наброска А» — первого варианта будущего «Опыта о человеческом понимании». Но если в «Опыте» в качестве итога грехопадения рассматривается «немощность», слабость человеческого ума и краткость человеческой жизни, то в «Разумности христианства» главный результат Адамова преступления Локк видит в том, что человек стал смертен и «смерть вошла в мир». Различные аспекты этой проблемы обсуждаются в последней работе Локка — «Парафразе и примечаниях к посланиям св. Павла».

Путь рассуждений Локка пролегал через исследование веры, знания, смерти и спасения. Методом этого исследования стала в конечном итоге, в последние девять лет жизни Локка и после долгих лет изучения альтернатив, не экспериментальная философия, а своего рода *натуральная история Библии*.

На этот раз речь шла о доступных пониманию и соответствующих способностям человека объектах и целях — текстах Священного Писания, дающих, при правильном их прочтении, достоверное и в высшей степени полезное знание об истинной вере и пути спасения.

Таким образом, во весь рост вставала проблема «правильного прочтения». Отвечая на вопросы о том, как читать Священное Писание, Локк давал простые советы: читайте сосредоточенно, сравнивайте различные места, перечитывайте, упорядочивайте прочитанное, но не придерживайтесь при этом никакого заранее усвоенного принципа. «Нет никакого сомнения, что интерпретация Святой Библии опирается во многом на ученость, во многом на разум и, наконец, во многом на Дух Святой, озаряющий умы людей». При этом «самым точным интерпретатором Писания является само Писание, и оно одно непогрешимо»¹⁶. Писа-

16. *Locke J. Infallibility* // *Locke, J. Writings on Religion* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2002. P. 72.

ние должно стать комментарием для самого себя, а любые внешние комментарии, хотя и могут быть полезными, играют сугубо вспомогательную роль.

В последнем труде Локка «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла», работу над которым он начал осенью 1702 г., понятие «искренного чтения» получает дальнейшее развитие. Согласно Локку, апостольские послания предназначены для уже уверовавших христиан, для тех, кто нуждается в дальнейшем наставлении, а не для тех, кто еще не обращен. Именно поэтому и характер чтения должен быть иным: различные части писания, таким образом, требуют каждая своего, особого рода чтения и понимания. Если в «Разумности христианства» Локк настаивает на ясности и прозрачности Евангелий, то в «Парафразе» начинает свое рассуждение с констатации «непонятности» посланий св. Павла, требующих гораздо большего труда от читателя: поиска смысла, восстановления связи частей рассуждения, контекстуализации высказываемых суждений. Просто читать и верить мало — смысл посланий не очевиден и не ясен.

Номера страниц, названия глав, примечания на полях, перекрестные ссылки, симфонии — все эти способы облегчения чтения Библии, появившиеся в XVI–XVII вв., не обязательно способствуют пониманию. Главным препятствием на пути «правильного чтения», согласно Локку, является разделение на главы и стихи, из-за чего рассуждения были «рассечены и раскрошены и, в том виде, в каком они сегодня печатаются, разорваны и разобщены». В результате «не только простые люди обычно считают стихи отдельными афоризмами, но даже люди, поднаторевшие в чтении, не могут воспринять их силы и логики, и, следовательно, света». Все это негативно влияет на процесс чтения и на понимание «настоящего смысла, который имел в виду автор». «Ум» читателей привыкает к этому ложному восприятию с «колыбели»: большинство «привыкает к цитированию отдельных предложений, без выяснения их точного смысла с точки зрения их места, отношения к предыдущему и последующему».

Локк бросает вызов традиционной рекомендации читать Библию понемногу, но ежедневно. «Если бы Библия печаталась, — пишет Локк, — так, как ее следовало бы печатать, и так, как были написаны ее части, в виде непрерывных рас-

суждений с непрерывно приводимыми аргументами», это вызвало бы серьезный протест со стороны клира, использующего священный текст не для приближения к истинной вере, а для утверждения «ортодоксии своей церкви»¹⁷. И поэтому главный совет — читать каждое послание «целиком от начала до конца, все сразу, чтобы увидеть, в чем заключался главный предмет и главная его цель». Такого рода чтение должно восстановить последовательность рассуждения, но самое важное: «из его [Павла] слов выстроить в наших умах сами его идеи и мысли», и пока мы этого не достигнем, «мы его не поймем».

Локк не считал, что полученный таким способом результат «непогрешим», «точен», «безошибочен»: «это означало бы сотворить из самого себя апостола — сомнение высочайшей пробы в любом, кто не может подтвердить своих слов чудесами». Локк повторяет аргумент из «Послания о толерантности»: если я должен веровать самостоятельно, то я должен и понимать самостоятельно¹⁸.

Способ чтения, предложенный Локком, имел своей целью не навязывание какой-то новой интерпретации. Локк предлагал метод, который, на его взгляд, мог способствовать достижению истинного понимания священных текстов через необходимое для спасения искреннее личное исследование христианской веры. Согласно Локку, *такое* чтение Писания способно привести к встрече человека с Богом. «Разумность христианства» стала примером и образцом искреннего и личного чтения.

17. См.: *Locke J. A Paraphrase and Notes on the Epistles of St. Paul, Vol. I* / Ed. by A. W. Wainwright. — Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 105–106.

18. Ibid. P. 106–110, 112, 115–116.

Послесловие

«ДВА ТРАКТАТА о правлении» часто называли проектом или программой «славной революции». Однако простое сравнение высказанных в них идей — о государстве свободных граждан, об их праве на сопротивление, о разумном и справедливом правлении, о недопустимости произвола и тирании — с практикой политической жизни Англии 1690-х гг. показывает, что настоящей программой «славной революции» должно было стать какое-то другое произведение, но никак не трактат о свободе и революции.

Надежды на то, что в результате падения Якова II правление начнется заново через конституционное собрание, которое решит, какая форма власти является наиболее подходящей, оказались призрачными. На место абсолютной монархии в лице Карла II и Якова II пришло военно-фискальное государство, центральную роль в котором начал играть парламент, находившийся в руках одной и той же группировки, своего рода высшего бюрократического аппарата, манипулировавшего принятием важных политических решений. Появилась отвратительная фигура государственного чиновника, использующего свое положение и манипулирующего законами для того, чтобы набить себе карманы, а также не менее отвратительная фигура наемного публициста, как правило анонимного и ни за что не отвечающего, не брезгающего беспочвенными и бездоказательными оскорблениями ради очернения политического соперника своего работодателя.

Пропаганда Гилбертом Бернетом и его группой (иначе говоря, вильгельмитами) провиденциального, а не конституционного статуса Вильгельма была продолжением политических теорий эпохи Реставрации. В этом вильгельмиты оказались близки, по сути дела, к Роберту Филмеру, а не к Локку: концепция провиденциального права была

родной сестрой концепции божественного права монархов на наследственную власть. Характерные для реставрации понятия были восприняты пропагандистами политическо-го провиденциализма как приемы, требующие всего лишь обновления.

Быть может, самым парадоксальным фактом является то, что Локк оказался в группе «вигов двора», при власти. Но, возможно, парадокс этот кажущийся, и мы просто должны внимательнее отнестись к анализу позиции автора «Двух трактатов о правлении».

Разбирая стандартный случай столкновения двух сторон — власти и «горячих голов», когда неясно, на чьей стороне правда, Локк рекомендует взывать к Богу. Но что это означает? Радикально настроенные читатели могут подумать, что речь идет о восстании, которое *post factum* получает или не получает божественную санкцию. Читатели консервативного склада сочтут рекомендацию «взывать к Богу» продолжением линии «пассивного послушания». И для того, и для другого прочтения имеются основания в тексте «Двух трактатов», которые, как показано в первой части, писались «долго» и имеют различные временные и текстуальные слои.

В главе XIV «О прерогативе» Локк формулирует свою позицию следующим образом: по закону человеческому народ не может быть судьей, однако по закону «предшествующему и высшему», превосходящему все действующие законы людей, и в чрезвычайной ситуации, когда речь идет о сохранении жизни народа и составляющих его граждан, он все же сохраняет за собой «свободу (*liberty*) воззвать к небесам».

Таким образом, «Два трактата о правлении» имели религиозную подоплеку, которая оказалась скрытой обстоятельствами публикации основного политического труда Локка. Обсуждению взаимоотношений власти и церкви посвящен памфлет Локка «Опыт о толерантности». Эта работа была, возможно, написана взамен «утерянной» средней и «самой важной» части «Двух трактатов о правлении». Возможно, дело обстояло иначе, и она была вытащена из долгого ящика в 1689 г. после того, как «средняя» часть «Двух трактатов о правлении» таинственным образом исчезла во время возвращения в Англию или в процессе публикации книги в трех частях под названием «Рассуждение о правлении».

В любом случае «Два трактата о правлении», взятые в целом (т.е. с учетом аргументации, развитой в «Первом трактате», а не в одном лишь «Втором трактате»), должны читаться вместе с «Посланием о толерантности», в котором содержится обоснование если не конкретных тезисов «Второго трактата», то самой возможности, и необходимости, и оправданности светских принципов государственного правления.

Более того, частью «Двух трактатов о правлении» следует считать не только «Послание о толерантности», но и всю дальнейшую полемику Локка с Джоном Простом, которая с этой точки зрения должна рассматриваться как восстановление и развитие идей, содержащихся в утерянной «средней» части «Двух трактатов». Отсюда, в частности, следует, что в период добровольной ссылки в Нидерландах Локк, возможно, был занят написанием не только «Опыта о человеческом понимании», но и большого текста о толерантности и что, следовательно, «Опыт» и «Два трактата о правлении» в том виде, в котором они должны были появиться в печати, были интеллектуальной двойней.

Итак, идеи Локка, высказанные во «Втором трактате», имели мало общего с тем государством, которое возникало на его глазах в Англии, с тем государственным строительством, в котором он сам принимал достаточно активное участие (степень последнего, впрочем, не следует преувеличивать).

Но, с другой стороны, сравнивая Англию до 1688 г. с той, какой она стала к концу XVII — началу XVIII в., нельзя не заметить, что, несмотря на значительно менее богатые, чем у Франции, ресурсы, Англия сумела в ходе войны мобилизовать то немного, что у нее было, и стать если еще не сильным и могучим, зато эффективным и по-настоящему, реально, а не потенциально, влиятельным европейским государством. И это удалось в том числе благодаря ее политической системе, получившей дополнительные стимулы для своего развития в чрезвычайных условиях военного противостояния, однако при этом не пошедшей по пути сужения или полного подавления инакомыслия.

Наоборот, инакомыслие было использовано для повышения эффективности государственного аппарата: в системе власти образовалось несколько — по меньшей мере пять или шесть — центров. Это были не только король и его двор,

но также парламент, разделенный на две большие фракции, вигов и тори, одна из которых — вигов — разделилась на «вигов двора» и «вигов страны». Это была и церковь. Наконец, среди таких центров была группа богатых лондонских торговцев, все более активно лоббировавших необходимые им государственные решения. Все эти центры находились в постоянной борьбе за влияние, однако ни одной из них Вильгельм III не отдавал предпочтения, а, напротив, использовал взаимные обвинения сторон в целях «очищения» госаппарата от сомнительных лиц. Всего за несколько лет механизм многостороннего контроля позволил выстроить эффективное государство.

Роль национальной — монопольной или даже доминирующей — церкви в политике и общественной жизни постепенно снизилась, несмотря на противодействие вильгельмитов. Роль монарха и его двора тоже постепенно ослабевала, центр власти дрейфовал в сторону парламента и начавшего диктовать королю свои условия правительства.

В перспективе последующей английской истории 90-е гг. XVII в. были политическим сдвигом геологических масштабов, началом нового этапа, преодолением тупика, в котором находилась страна и в который она постоянно попадала на каждом новом повороте, когда самым естественным выходом из кризиса виделось построение «национального государства» с системой жесткого единоначалия и подавления инакомыслия.

Две последние попытки — при Карле II и Якове II — осуществить эту программу привели к ослаблению государства и к оккупации страны иностранной военной силой. По стечению обстоятельств этой силой стала республика, проводившая политику толерантности и боровшаяся не за европейское господство и не за установление единомыслия и некоего замкнутого национального государства, а за собственное выживание в условиях неизбежной экспансии приграничной сверхдержавы. Оккупация завершилась не потерей суверенитета, а, наоборот, послужила его укреплению и в конечном итоге привела к превращению Англии в самое сильное и в военном, и в экономическом смысле государство Европы.

Помимо этого, в вежливой формулировке Джонатана Скотта, «англо-голландское десятилетие» было «не просто

внесением голландского опыта в Англию, но также помощью в придании структурной формы английскому опыту и перспективам, которые были несомненно протестантскими и парламентскими»¹.

Если посмотреть с этой точки зрения на «Два трактата о правлении» Джона Локка, то становится ясно, что влияние его идей прослеживается не на непосредственно следующем за их появлением историческом отрезке, а в более длительной перспективе. Сегодня мы живем в мире Локка, но этот мир мог бы стать совсем иным, да и сейчас еще его границы окончательно не установились. Однако урок должен быть усвоен: эффективным ответом на внешнюю угрозу не может стать государство, исповедующее казарменные идеи и настаивающее на их божественной санкции.

Политические произведения Локка имеют религиозное измерение. Локк показывает, что, поскольку вера не может и не должна быть слепой, когда речь идет о спасении, человек не может и не должен слепо верить ни магистрату, ни духовенству. Если «Послание о толерантности» представляет собой утверждение принципа отделения церкви от государства, то «Два трактата о правлении» рисуют примерное устройство государства и общества, которое обеспечивает и гарантирует реализацию этого основополагающего принципа.

Начиная с середины XVIII в. и далее понятие толерантности во многом потеряло свой исходный религиозный смысл и стало употребляться в применении к любым идеям и убеждениям. В результате тезис об абсолютной свободе приобрел совершенно иное звучание, далекое от евангельского (абсолютная свобода от первого, «ветхого» завета — в частности, конфессионального государства, теократии). В XVII — XVIII вв., и даже в XIX в. идеи такого рода казались продолжением традиционных концепций справедливого протеста, направленного против произвола.

1. См.: *Scott J. England's Troubles: Seventeenth-Century English Political Instability in European Context.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 489. В этом смысле интерес представляет и вся последняя глава этой книги, названная автором «Англо-голландское государственное строительство».

* * *

В «Двух трактатах о правлении» свобода не существует отдельно от закона, свобода возможна только в условиях закона, который является гарантом существования суверенного государства, не раздираемого внутренними распрями и ставящего в качестве главной цели благополучие и счастье всех своих граждан, каких бы убеждений они ни придерживались.

Бертран Рассел писал, что в период после Локка его либерализм без существенных изменений перекочевал в Америку и с тех пор не претерпел тех зловещих перевоплощений, какие произошли в Европе, где «имели место две школы либерализма, которые можно различать как либералов практических и расчетливых и либералов добросердечных и отзывчивых. Школа практических либералов развилась через Бентама, Рикардо и Маркса посредством ряда логических шагов в Сталина; школа добросердечных либералов, посредством других логических шагов, через Фихте, Байрона, Карлейля и Ницше — в Гитлера»².

Сегодня такая оценка кажется несправедливым преувеличением в отношении всех названных им мыслителей, однако в 1946 г. Рассел знал, о чем говорил. Вторая мировая война высветила ранее незаметное содержание многих идей, прежде казавшихся невинной мыслительной игрой. Репрессии гитлеровского и сталинского режимов превратили идеи из бестелесных сущностей в зловещую и беспощадную реальность войны. Гитлер пришел к власти демократическим путем, Сталин — на волне народной революции. Оба использовали тезис о чистой, абсолютной свободе в качестве удобной политической мишени и одновременно для оправдания «спасительных» репрессий. Локку, в отличие, например, от Ницше, повезло. Его имя, став знаменем эпохи Просвещения, никогда не использовалось репрессивными режимами XX в.

Точка зрения на судьбу идей Локка, связывающая их с Америкой и не принадлежащая исключительно одно-

2. См.: *Russell B. A History of Western Philosophy.* — London: Allen & Unwin, 1984 (первое издание — 1946). P. 618–619.

му только Расселу, была оспорена в конце 1950-х — начале 1960-х гг. и породила целое историографическое и политологическое направление «республиканизма», утверждавшего, что идейным отцом американской и мировой демократии следует считать не Локка, или, лучше сказать, не столько Локка, сколько целый ряд мыслителей, высказывавших идеи свободы задолго до появления «Двух трактатов о правлении» или независимо от них и исходя из совершенно других оснований, начиная с Макиавелли и далее в английской республиканской традиции Джона Мильтона, Джеймса Гаррингтона, Алджернона Сиднея и их последователей. Эти основания предполагали, так сказать, если вспомнить Гуго Гроция, суверенного христианина-воина, носящего оружие и самостоятельно защищающего свою жизнь, собственность и достоинство, а также важность для осуществления добродетельной жизни политического действия в его противоположении молитвам и созерцанию³.

Борьба «локкеанцев» и «республиканистов» сошла на нет к концу 1990-х гг., что стало одним из косвенных результатов падения СССР и мирового коммунистического и «на-

3. См., например: *Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition.* — Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2002 (впервые опубликовано в 1975 г., издание 2002 г. содержит дополнение с ретроспективной оценкой Пококком собственной работы); *Pettit Ph. Republicanism: A Theory of Freedom and Government.* — Oxford: Oxford University Press, 1997; *Skinner Q. Liberty Before Liberalism.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. О возникновении понятия «республиканизм» в американской историографии, начиная с работ К. Роббинс, Б. Бейлина и Г. Вуда, см.: *Shalhope R. E. Toward a Republican Synthesis: The Emergence of an Understanding of Republicanism in American Historiography* // *The William and Mary Quarterly*, Third Series. 1972. Vol. 29. No. 1. О рецепции идей Локка в Америке времен революции в развитие «скептической» концепции Д. Данна см.: *Daoretz S. M. The Unvarnished Doctrine: Locke, Liberalism, and the American Revolution.* — Durham & London: Duke University Press, 1994. Общая позиция республиканистов состоит в том, что идеи Локка находились на периферии англо-американской политической истории, а его значение сильно преувеличено. Работ, посвященных республиканизму и его отношению к Локку, очень много. Немало и работ, защищающих Локка. См., например, обзор некоторых из них: *Dienstag J. F. Between History and Nature: Social Contract Theory in Locke and the Founders* // *The Journal of Politics*. 1996. Vol. 58. No. 4. Вышеуказанные работы могут, разумеется, служить лишь введением в богатую библиографию и проблематику республиканизма.

родно-освободительного» движения. Кроме того, в ходе освоения нового архивного материала обнаружилось, что в основе классического либерализма лежат глубокие христианские корни — толерационизм, полное отрицание какой-либо возможности насилия и преследований за религиозные убеждения. Точно так же и республика в трудах политических мыслителей от Гаррингтона до Адамса противостоит именно деспотии. Локк в главе XIX «Второго трактата» говорит о том, что народ должен решить, какая форма правления ему подходит — какая-то новая или та же, что была раньше. Дело не в форме правления: главным является отсутствие преследований, насилия и концентрации всей власти в руках одного человека — тирана и деспота, потерявшего представление о том, в чем заключается *общественное благо*.

В начале 2000-х гг. во весь рост встала проблема глобального межкультурного конфликта, во многом заслонившая прежнее острое противостояние локкеанства (или шедшего ему на смену более агрессивного республиканизма) и марксизма. Многие политологи перешли сегодня к тематике так называемого мультикультурализма как реальности, ставящей под вопрос всю ранее выстроенную конструкцию из экономической свободы и прав человека. Думаю, что они поторопились. Сегодняшний мир все еще представляет собой арену борьбы свободы и рабства, демократии и контрдемократии, и было бы крайне неразумно согласиться с тезисом о «спасительности» иного государственного устройства, опирающегося на принципы конфессионального государства.

«Конфессиональное государство» возвращает нас в XVII в. и в его контексты, казалось, навсегда преодоленные дальнейшим развитием человечества. Соответственно, критика конфессионального государства возвращает нас к политической концепции Локка.

Согласно Локку, конфессиональное государство, какими бы благочестивыми словами оно ни прикрывалось, не может быть государством христианским. Можно сформулировать это и по-другому: христианское государство заключается в том, чтобы не мешать людям самим решать, каким должен быть путь к спасению. Долгая история церкви говорит о том, что опора государства на церковь или церкви на государство есть искушение, которое должно быть пре-

одолено. Христианское, евангельское содержание свободы выражено в принципе отделении церкви от государства. Соединение их означает возвращение к доевангельскому ветхому или внеевангельскому состоянию и церкви, и государства. Состоянию безнадежному.

Любые проекты конфессионального государства несут в себе угрозу, о которой в свое время говорил Локк. Полностью светское государство и религиозные убеждения как личное дело каждого, кто стремится к спасению; «невидимая церковь», не претендующая на регулятивную функцию в государственном управлении или в обществе в целом и не требующая регулирования со стороны государства, если, конечно, она не угрожает общественной безопасности и конституционному порядку, — такова суть концепции Джона Локка и оставленная им для последующих поколений формула гражданского мира.

Хронология

- 1632 — 29 августа в местечке Рингтон неподалеку от Бристоля появляется на свет Джон Локк.
- 1632 — выходит в свет «Диалог о двух главных системах мироздания» Галилео Галилея.
- 1633 — Уильям Лод становится архиепископом Кентерберийским.
- 1637 — выходит в свет «Рассуждение о методе» Рене Декарта.
- 1638 — кальвинистское восстание в Шотландии.
- 1640 — созыв и роспуск Короткого парламента, созыв Долгого парламента.
- 1641 — католическое восстание в Ирландии, истребление нескольких тысяч английских и шотландских переселенцев.
- 1642 — начало периода гражданских войн в Англии; первая гражданская война 1642–1646 гг.
- 1643 — созыв Вестминстерского синода; вступление на престол Людовика XIV (при регентше Анне Австрийской).
- 1644–1645 — Оливер Кромвель наносит решающие поражения армии Карла I; казнь архиепископа Лода; смерть Гуго Гроция.
- 1646 — Локк поступает в Вестминстерскую школу в Лондоне; Вестминстерский синод принимает Вестминстерскую конфессию, которая вызывает возражения у Кромвеля.
- 1647 — шотландцы выдают Карла I, ранее бежавшего в Шотландию.
- 1648 — Вестфальский мир, окончание Тридцатилетней войны в Европе; в Англии начинается вторая гражданская война; чистка армией парламента, изгнание монархистов.
- 1649 — Карл I обвинен в государственной измене и казнен, Англия провозглашена республикой; ирландская экспедиция Кромвеля.
- 1650 — смерть Рене Декарта.
- 1651 — опубликован «Левиафан» Томаса Гоббса; Людовик XIV достигает совершеннолетия, власть переходит в его руки.
- 1652 — Локк поступает в колледж Крайст-Чёрч.

- 1653–1654 — в соответствии с конституцией протектората «Орудие управления» Оливер Кромвель провозглашен лордом-протектором Англии, Шотландии и Ирландии.
- 1656 — Локк получает степень бакалавра искусств; выходит в свет «Океания» Джеймса Гаррингтона.
- 1658 — умирает Оливер Кромвель; титул лорда-протектора переходит к его сыну Ричарду; Локк получает степень магистра искусств, избирается студентом (членом совета) колледжа Крайст-Чёрч, начинает преподавательскую карьеру в Оксфордском университете.
- 1659 — Ричард Кромвель отказывается от власти.
- 1660 — на трон приглашен Карл II Стюарт, начинается реставрация монархии и англиканской церкви; учреждено Лондонское королевское общество; Локк знакомится с Робертом Бойлем и кругом Самюэла Гартлиба; пишет свой первый «Трактат о правлении», назначается лектором колледжа Крайст-Чёрч.
- 1661 — умирает отец Джона Локка; Локк пишет свой второй «Трактат о правлении».
- 1662 — парламент принимает Акт о единообразии (англиканского богослужения); выходит в свет «Искусство мышления» Антуана Арно и Пьера Николя; смерть Самюэла Гартлиба.
- 1663 — Локк посещает лекции по химии и медицине.
- 1664 — Локк получает должность цензора по моральной философии в колледже Крайст-Чёрч, пишет «Опыты о законе природы», начинает сотрудничество с Бойлем.
- 1665–1666 — Великая чума в Англии; Локк отправляется в Клеве в качестве секретаря дипломатической миссии.
- 1666 — Большой пожар в Лондоне; Локк рекомендован лорду Ашли (будущему первому графу Шефтсбери); королевский декрет позволяет Локку сохранить место в колледже Крайст-Чёрч, не принимая духовного сана.
- 1667 — опубликован «Потерянный рай» Джона Мильтона; Локк переезжает в Лондон, в дом к лорду Ашли Куперу, будущему графу Шефтсбери.
- 1668 — Локк избран членом Лондонского королевского общества; знакомится с Томасом Сиденхемом, занимается врачебной практикой в качестве его ассистента.
- 1669 — Локк назначен секретарем и казначеем лордов-собственников Каролины.
- 1670 — Карл II заключает Дуврский договор с Людовиком XIV; умирает Ян Амос Коменский, автор «Великой дидактики» (1657) и «Мира чувственных вещей в картинках» (1658).

- 1671 — Локк начинает работу над «Опыт о человеческом понимании», составляет его черновые наброски (А и В), получает титул ландграфа Каролины.
- 1672 — лорд Ашли Купер назначен лордом-канцлером, получает титул графа Шефтсбери; Карл II выпускает Декларацию о снисхождении; Локк посещает Париж, сопровождая леди Нортумберленд; назначен секретарем по представлениям при правительстве.
- 1672–1673 — опубликованы «О законе природы и наций» и «Об обязанностях человека и гражданина согласно природному закону» Самуэля Пуфендорфа.
- 1673 — Локк назначен секретарем Совета по торговле и зарубежным плантациям; становится известно об обращении брата Карла II герцога Йоркского в католицизм; парламент принимает Акт о проверке, делающий обязательной присягу по англиканскому обряду для всех госслужащих; Шефтсбери лишается поста лорда-канцлера, создает в парламенте оппозиционную фракцию.
- 1674 — Англия и Нидерланды подписывают сепаратный мирный договор; к власти приходит правительство графа Данби, опубликована первая часть труда Николя Мальбранша «Разыскание истины».
- 1675 — выходит в свет манифест Шефтсбери «Письмо знатного лица своему другу в деревне»; Локк получает степень бакалавра медицины, отправляется во Францию, живет в Монпелье.
- 1676 — Локк переводит на английский язык часть «Эссе о морали» Пьера Николя, знакомится с Томасом Гербертом, будущим восьмым графом Пемброком.
- 1677 — заключен брак принца Вильгельма Оранского с принцессой Марией Английской, дочерью герцога Йоркского (будущего Якова II); Локк переезжает из Монпелье в Париж.
- 1678 — раскрыт «папский заговор» с целью убийства Карла II и возведения на престол его брата герцога Йорка, начинаются казни «католиков-заговорщиков» и иезуитов; выходит в свет вторая часть «Разыскания истины» Мальбранша.
- 1679 — Локк возвращается в Англию из Франции, живет в Лондоне, Оксфорде и Окли у Джеймса Тиррела; вместе с Тиррелом пишет заметки с критикой Эдварда Стиллингфлита; парламент принимает акт «О неприкосновенности личности» (Habeas Corpus Act); Карл II распускает парламент.
- 1680 — выходит в свет «Патриарх, или О природном праве королей» Роберта Филмера; Локк подписывает «гигантскую петицию», требующую созыва парламента.

- 1681 — Карл II распускает Оксфордский парламент, начинает репрессии против вигов и диссентеров; против Шефтсбери выдвинуто обвинение в государственной измене, его оправдывает лондонское большое жури присяжных; Локк знакомится с Дамарис Кедворт и сближается с Эдвардом Кларком.
- 1682 — Шефтсбери бежит в Голландию.
- 1683 — заговор в Рай-Хаусе с целью убийства короля; казни Алджернона Сиднея и лорда Уильяма Рассела, самоубийство графа Эссекса; смерть Шефтсбери в Амстердаме; опубликован Декрет Оксфордского университета «против подрывных учений»; Локк переезжает в Голландию, живет в основном в Утрехте, Амстердаме и Роттердаме, знакомится с Филиппом ван Лимборхом и Жаном Ле Клерком, продолжает работу над «Опытом о человеческом понимании».
- 1684–1685 — Локка исключают из колледжа Крайст-Чёрч, английское правительство требует его экстрадиции, Локк переходит на подпольное положение и скрывается у голландских друзей.
- 1685 — смерть Карла II, трон занимает Яков II (герцог Йоркский); мятеж и казнь незаконного сына Карла II герцога Монмута; отмена Людовиком XIV Нантского эдикта (1598); волна беженцев-гугенотов из Франции в Германию, Нидерланды и Англию.
- 1685 — Потсдамский эдикт Фридриха Вильгельма, великого курфюрста Бранденбургского о свободе вероисповедания.
- 1686 — Локк в основном заканчивает «Опыт о человеческом понимании», составляя третий черновой вариант «С»; знакомится с Бенджамином Ферли и Франциском Меркурием фон Гельмонтом, благодаря Ле Клерку выходит в свет «Новый метод ведения записей».
- 1687 — выходит в свет труд Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии»; Яков II выпускает Декларацию о снисхождении, разрешающую богослужение католикам и диссентерам, приостанавливающую действие уголовных законов против диссентеров и католиков, отменяющую Акт о проверке; Локк получает «прощение» и исключается из списка разыскиваемых английским правительством «опасных» лиц.
- 1688 — в свет выходят сокращенные изложения «Опыта о человеческом понимании» в переводе Ле Клерка; Яков II выпускает вторую Декларацию о снисхождении; в Англию вторгаются войска принца Вильгельма Оранского, Яков II бежит во Францию, начинается «Славная революция».

- 1689 — на престол вступают Вильгельм III и Мария II; приняты Акт о толерантности, Билль о правах; начинается Девятилетняя война; Локк возвращается в Англию, живет в Лондоне, назначен комиссионером Акцизного ведомства, публикует «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Опыт о человеческом понимании»; знакомится с Исааком Ньютоном.
- 1690 — Вильгельм III наносит решающее поражение Якову II в Ирландии; Локк переезжает в поместье Френсиса и Дамарис Машемов в Оутсе (графство Эссекс), публикует «Второе послание о толерантности» в ответ на критику со стороны Джонаса Проста.
- 1691 — Локк публикует «Некоторые соображения о последствиях снижения процентной ставки и повышения ценности денег»; смерть Роберта Бойля.
- 1692 — Локк готовит к печати посмертную «Общую историю воздуха» Роберта Бойля, публикует «Третье послание о толерантности».
- 1693 — выходит в свет труд Локка «Некоторые мысли об образовании».
- 1694 — создан Банк Англии; принят Трехгодичный акт (о регулярном созыве парламента); смерть Марии II и архиепископа Кентерберийского Джона Тиллотсона; опубликовано второе (исправленное) издание «Опыта о человеческом понимании»; Локк сближается с Питером Кингом.
- 1695 — парламент не возобновляет законодательство о цензуре; Локк публикует трактат «Разумность христианства» и его первую «Виндикацию» в ответ на критику Джона Эдвардса, консультирует Сомерса по вопросу о «перечеканке», публикует третье издание «Опыта о человеческом понимании».
- 1696 — Локк назначен членом королевского Совета по торговле и плантациям; вышли в свет «Христианство без тайн» Джона Толанда, «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля.
- 1697–1698 — заключен Рисвикский мир между Францией, Англией, Нидерландами и Испанией; Локк защищает свой «Опыт о человеческом понимании» в полемике с Эдвардом Стилингфлитом, публикует вторую «Виндикацию» «Разумности христианства», четвертое издание «Некоторых мыслей об образовании»; выходит в свет «Рассуждение о правлении» Алджернона Сиднея.
- 1700 — выходит в свет перевод на французский язык «Опыта о человеческом понимании»; Локк подает в отставку с поста члена Совета по торговле и плантациям.

- 1701 — принят Акт об урегулировании, в котором наследницей короны объявляется Анна Стюарт, после ее смерти королева должна перейти к протестантской Ганноверской династии; выходит в свет перевод «Опыта о человеческом понимании» на латинский язык.
- 1702 — умирает Вильгельм III, на престол вступает младшая дочь Якова II королева Анна Стюарт.
- 1703 — Локк сближается с Антони Коллинзом.
- 1704 — Локк завершает работу над «Парафразой и примечаниями к посланиям св. Павла»; выходит в свет «Оптика» Ньютона.
- 1704 — Локк умирает в Оутсе, в поместье Машемов, 28 октября, похоронен на кладбище при церкви Хай-Лавер в Эссексе.

Указатель имен

- Августин Кентерберийский
(ум. ок. 604) 295–298
- Аврелий Августин (354–430)
270, 311, 356
- Адамс, Джон (1735–1826) 357,
400
- Айкенхед, Томас (1676–1697)
370
- Айртон, Генри (1611–1651) 328
- Аквинат, *см. Фома Аквинский*
- Аконтий, Якоб (1492 — ок.
1566) 372
- Акоста, Уриель (1585–1640)
379, 381
- Алдес, Теодерус 117
- Аллестри, Ричард (1619–1681)
93, 291
- Алликс, Пьер (1641–1717) 349,
353
- Альстед, Иоганн Генрих
(1588–1638) 171
- Анна, королева (1665–1714) 68,
92, 154, 191, 201, 213, 216,
233, 241
- Аргайл, граф, *см. Кемпбелл,
Арчибальд, 9-й граф Аргайл*
- Аристотель (384–322 до н. э.)
11, 41, 42, 73, 74, 78, 88, 133,
140, 197, 252
- Арлингтон, лорд, *см. Беннет,
Генри, 1-й граф Арлингтон*
- Арминий, Якоб (1560–1609)
114, 168, 265, 278, 286,
287, 289–293, 298, 315,
320, 321, 323, 325, 326,
328, 336, 339, 356, 368,
383
- Армстронг, Томас (ок. 1624–
1684) 61, 65
- Арундель, Генри, 3-й барон
Арундель Вардурский
(1607/8–1694) 180
- Асгилл, Джон (1659–1738) 381
- Ашер, Джеймс (1581–1656) 374
- Ашли Купер, леди Маргарет,
см. Ковентри, Маргарет
- Ашмол, Элиас (1617–1692) 73,
111, 191, 305
- Багшоу, Эдвард (1629–1671)
290, 299
- Бакстер, Ричард (1615–1691)
185–187, 270
- Барбейрак, Шарль (1629–1699)
113
- Баркер, Ральф (1648–1708) 242
- Барклай, Джордж (ок. 1636–
1710) 202
- Барклай, Роберт (1648–1690)
350
- Барлоу, Томас (1607–1691) 80
- Барроу, Исаак (1630–1677) 341

- Баснаж де Боваль, Анри
(1657–1710) 258, 345, 346,
349, 350
- Баснаж де Боваль, Жак (1653–
1723) 349, 350
- Батлер, Джеймс, 1-й герцог
Ормонд (1610–1688) 93, 187
- Батхерст, Ралф (1620–1704) 84,
88
- Бейль, Пьер (1647–1706) 346,
348–350, 356
- Бекингем, герцог, *см. Вильерс,
Джордж, 1-й герцог Бекингем*
- Бекингем, герцог, *см. Вильерс,
Джордж, 2-й герцог Бекингем*
- Беласайс, Джон, 1-й барон Бе-
ласайс (1614–1689) 180
- Беллармин, Роберт (1542–1621)
187
- Белломонт, лорд, *см. Кут, Ри-
чард, 1-й граф Белломонт*
- Беннет, Генри, 1-й граф Ар-
лингтон (1618–1685) 47–
49, 94, 97, 116, 170, 172
- Бентли, Ричард (1662–1742)
358, 382
- Беркли, Джон, 1-й барон Берк-
ли Страттонский (1607–
1678) 112
- Беркли, лорд, *см. Беркли,
Джон, 1-й барон Беркли
Страттонский*
- Бернажи, Питер (1656–1699)
117
- Бернар, Жак (1658–1718) 19,
258, 282, 349
- Бернет, Гилберт (1643–1715) 52,
155, 211, 213, 218–220, 233,
239–244, 249, 251, 254–
256, 282, 349, 350, 382,
385, 393
- Бернет, Томас (1635–1715) 341
- Бернье, Франсуа (1620–1688) 113
- Бёме, Якоб (1575–1624) 81
- Биконсол, Томас (1663/4–1709)
368
- Биль, Джон (ок. 1608–1683) 171
- Блазиус, Герард (1627–1682) 117
- Блаунт, Чарлз (1654–1693) 379
- Блаунт, Томас (р. 1604) 75
- Бломер, Маргарет 112
- Бломер, Томас (ок. 1640–1723)
112
- Блэйр, Джеймс (1656–1743) 162
- Боберт, Якоб, младший (1641–
1719) 119
- Боберт, Якоб, старший (1599–
1680) 115
- Бойль, Роберт (1627–1691) 70,
79, 80, 84–89, 93, 94, 96,
98–106, 109, 110, 112, 115,
116, 120, 123, 170–173, 281,
381–383, 389
- Бойль, Роджер, лорд Брок-
хилл, 1-й граф Оррери
(1621–1679) 170
- Болейн, Анна (1501–1536) 317
- Борель, Адам (1603–1667) 168,
350
- Боут, Арнолд (1606–1653) 99
- Боут, Герард (1604–1650) 99
- Бохун, Эдмунд (1645–1699) 190
- Брадшоу, Джон (1602–1659)
169, 328
- Браун, Роберт (ок. 1550–1633)
340
- Браунауэр, Сильвестр
(ум. 1699) 228
- Бреди, Роберт (ок. 1627–1700)
190
- Брисбейн, Джон (ок. 1638–
1684) 114
- Брогхилл, лорд, *см. Бойль, Ро-
джер, 1-й граф Оррери*

- Броун, Томас (1605–1682) 168
 Брук, лорд, *см. Гревиль, Роберт, 2-й барон Брук*
 Бруно, Джордано (1548–1600) 381
 Бут, Генри, 2-й барон Деламер, 1-й граф Уоррингтон (1652–1694) 203
 Бьюкенен, Джордж (1506–1582) 185, 186, 197
 Бэкон, Френсис (1561–1626) 74, 96, 104, 105, 107, 119
 Бэнкс, Джон (1627–1699) 113
 Бэнкс, Калед (1659–1696) 113, 115, 148
- Вейн, Генри, младший (1613–1662) 169, 170, 328
 Вейн, Уолтер (1619–1674) 97
 Вельде, Якоб ван де (ок. 1652–1709) 265
 Вепфер, Иоганн Якоб (1620–1695) 117
 Версе, Ноэль Обер де (1642–1714) 346
 Ветштейн, Хенрик (1649–1726) 350, 362
 Визель, Иоганн (1583–1662) 100
 Виктория, королева (1819–1901) 233
 Вильгельм III (1650–1702) 48, 51–53, 61, 92, 93, 120, 122, 129, 131, 133, 145, 146, 154, 160, 167, 176, 178, 182, 193, 195, 199–206, 209–215, 217, 218, 220–224, 228, 231–250, 254, 255, 257–259, 271, 273, 274, 282, 305, 311, 315, 338, 369, 389, 393, 396
 Вильгельм Нассауский, принц Оранский (1533–1584) 338
- Вильерс, Джордж, 1-й герцог Бекингем (1592–1628) 119
 Вильерс, Джордж, 2-й герцог Бекингем (1628–1687) 47, 48, 54, 56, 94, 111, 170, 172
 Вин, Эгберт (1630 — ок. 1709) 117–119, 122, 263, 265
 Вольфганг, Абрахам (1634–1694) 258
- Гален (ок. 130–200) 85–88, 107
 Галилей, Галилео (1564–1642) 74
 Галифакс, граф, *см. Монтегю, Чарлз, 1-й граф Галифакс*
 Галифакс, маркиз, *см. Савиль, Джордж, виконт, граф и 1-й маркиз Галифакс*
 Гарвей, Уильям (1578–1657) 74, 86
 Гаррингтон, Джеймс (1611–1677) 154, 328, 399, 400
 Гартлиб, Самюел (ок. 1600–1662) 74–77, 81, 82, 85, 90, 95, 96, 99, 108, 110, 121, 161, 168–171, 228, 229, 323, 324, 341–343, 351, 374, 375, 383
 Гассенди, Пьер (1592–1655) 73, 74, 84, 113, 114
 Гельмонт, Франциск Меркурий ван (ок. 1614–1698) 89, 267, 343, 350–353
 Гельмонт, Ян Баптист ван (1577–1644) 82, 85–87, 90, 102, 103, 350
 Генелон, Петер (1650–1722) 116, 117, 122, 265, 283
 Генриетта-Мария (1609–1669) 189, 320, 337
 Генрих IV (1553–1610) 320
 Генрих VIII (1491–1547) 50, 72, 313, 315–317

- Георг I (1660–1727) 233
 Георг Датский, принц (1653–1708) 201
 Герард, Чарлз, 2-й граф Маклсфилд (ок. 1659–1701) 386
 Герберт, Томас, 8-й граф Пемброк, 5-й граф Монтгомери (1656–1733) 34, 36–38, 114, 120, 122, 148, 152, 178, 179, 223
 Гери́ке, Отто фон (1602–1686) 86
 Гилберт, Хамфри (1539–1583) 159
 Гиппократ (ок. 460 до н.э. — 377 до н.э.) 90
 Гланвил, Джозеф (1636–1680) 85, 251, 313
 Глаубер, Рудольф (1604–1670) 77, 82, 168
 Гоббс, Томас (1588–1679) 59, 154, 184–186, 237, 259, 363, 366, 370–372, 379, 385, 389
 Говард Эскрикский, лорд, *см. Уильям Говард, 3-й барон Говард Эскрикский*
 Говард, Эдвард, 2-й граф Карлайл (1646–1692) 52, 54
 Годдард, Джонатан (1617–1675) 75
 Годдард, Томас (1673–1731) 190
 Годольфин, лорд, *см. Годольфин, Сидней, 1-й граф Годольфин*
 Годольфин, Сидней, 1-й граф Годольфин (1645–1712) 71, 204, 209
 Годольфин, Уильям (ок. 1634–1696) 71, 97
 Гомарий, Франциск (1563–1641) 278, 282
 Гревиль, Роберт, 2-й барон Брук (1608–1643) 81, 170
 Грегори, Дэвид (1659–1708) 380
 Грей, Форд, 1-й граф Танкerville (1655–1701) 65, 149
 Григорий I (св. Григорий Великий) (ок. 540–604) 295, 297, 298
 Гринхилл, Генри (1646–1708) 115
 Гроций, Гуго (1583–1645) 132, 140, 141, 147, 166, 167, 197, 212, 255, 289, 290, 376, 399
 Гудвин, Джон (1594–1665) 186, 325, 328
 Гудолл, Чарлз (1642–1712) 101, 120, 150
 Гук, Роберт (1635–1703) 71, 78, 85, 86, 100, 101, 109
 Гукер, Ричард (ок. 1554–1600) 42, 83, 129, 197, 294, 298
 Гус, Ян (1369–1415) 269, 296
 Гюйгенс, Кристиан (1629–1695) 113
 Д'Аранда, Пол (1652–1712) 283
 Давенант, Чарлз (1656–1714) 209
 Данби, граф, *см. Осборн, Томас, 1-й граф Данби, 1-й маркиз Кармартен, 1-й герцог Лидский*
 Де Витт, Ян (1625–1672) 51, 136, 166
 Де Лонэ, Жиль 114
 Де Мезо, Пьер (ок. 1672–1745) 17, 31–33, 38, 42, 43, 112, 124, 147, 155, 159, 174, 356
 Девоншир, граф, *см. Кавендиш, Уильям, 4-й граф Девоншир, 1-й герцог Девоншир*
 Декарт, Рене (1596–1650) 73, 74, 84, 85, 87, 104, 374, 389

- Деламер, лорд, *см. Бут, Генри*,
2-й барон Деламер, 1-й граф
Уоррингтон
- Дефо, Даниель (1660–1713) 232, 243
- Джеймс, Генри (ум. 1717) 367
- Джейн, Уильям (1645–1707) 184
- Джексон, Томас (1579–1640) 168, 321
- Джепп, Мария, *см. Кларк, Мария*
- Джефферсон, Томас (1743–1826) 357
- Джонс, Екатерина, виконтесса Ранелэ (1614–1691) 99, 170
- Джонс, Роджер 329
- Джонс, Уильям (1675–1749) 349
- Джонсон, Самюэл (1649–1703) 187, 202
- Джонстон, Натаниел (1627–1705) 190
- Ди, Джон (1527–1608) 108, 109
- Дигби, Кенелм (1603–1665) 79
- Додвел, Генри (1641–1711) 306, 313
- Долбен, Джон (1625–1686) 291
- Донат Карфагенский (ок. 270–355) 270
- Доусон, Томас (1676–1740) 359
- Драйден, Джон (1631–1700) 71, 305
- Дьюри, Джон (1596–1680) 74, 75, 169, 170, 342, 374, 375
- Евгений Савойский, принц (1663–1736) 386
- Екатерина Арагонская (1485–1536) 316
- Екатерина Браганца (1638–1705) 35, 67, 130, 337
- Елизавета I (1533–1603) 50, 68, 109, 182, 236, 294, 316, 317, 319, 333
- Епископий, Симон (1583–1643) 168, 265, 278, 286, 289, 293, 373, 379
- Жюстель, Анри (1620–1693) 113, 161
- Израэль, Менассе бен (1604–1657) 168, 340, 342
- Иннокентий XI (1611–1689) 245
- Иоанн Златоуст (ок. 347–407) 286
- Иоганн-Вильгельм, курфюрст Пфальцский (1658–1716) 386
- Ириней Лионский (ок. 130–202) 83
- Итенбогарт, Ян (1557–1644) 286, 289
- Йонг, Уолтер, 3-й баронет (1653–1731) 349
- Йорк, герцог, *см. Яков II Стюарт*
- Кавендиш, Уильям, 4-й граф Девоншир, 1-й герцог Девоншир (1641–1707) 68, 201
- Калпепер, Чейни (1601–1663) 169
- Кальвин, Жан (1509–1564) 198, 219, 220, 244, 246, 270, 278, 280, 281, 285, 286, 290–292, 294, 296, 298, 299, 319, 321, 338, 339, 344, 345, 350, 372, 378
- Карл I Стюарт (1600–1649) 41, 44, 45, 59, 70, 75, 79, 81,

- 111, 133, 135, 186, 189, 192,
291, 320, 321, 323, 325,
327, 329
- Карл II Стюарт (1630–1685)
35, 40, 46–57, 59, 60, 62–
64, 66–68, 75, 80–82, 93,
96, 114, 116, 125, 128, 130,
131, 133, 136, 144, 146, 151–
153, 159, 163, 166, 167, 178,
180, 183, 187, 188, 190–194,
209, 218, 221, 223, 239,
250, 252, 254, 257, 291,
299, 300, 315, 327, 328,
332–338, 340, 347, 393,
396
- Карлайл, граф, *см. Говард, Эд-
вард, 2-й граф Карлайл*
- Кармартен, маркиз, *см. Ос-
борн, Томас, 1-й граф Дан-
би, 1-й маркиз Кармартен,
1-й герцог Лидский*
- Кастеллио, Себастиан (1515–
1563) 372
- Кедворт, Дамарис, леди Ма-
шем (1659–1708) 17, 18, 20,
122, 224, 225, 264, 282,
362, 387
- Кедворт, Ралф (1617–1688) 17,
225, 265, 383, 387
- Кейпел, Артур, 1-й граф
Эссекс (1632–1683) 61, 144,
149, 150, 152
- Кейт, Джордж (1638/9–1716) 350
- Кемпбелл, Арчибальд,
9-й граф Аргайл (1629–
1685) 65, 118, 144, 149, 180,
199
- Киддер, Ричард (1633–1703)
214, 242, 382
- Килинг, Джосаяя (ум. 1991) 150
- Кина, Абрагам (1637–1708) 117
- Кинг, Анна (р. 1641) 18
- Кинг, Питер, 1-й барон Оккам-
ский (1669–1734) 18, 20–
22, 25, 29, 31, 33, 41, 304
- Кинг, Ричард (р. ок. 1671) 41
- Киприанус, Абрагам (1655 /
60–1718) 117
- Кларджес, Томас (ок. 1618–
1695) 181
- Кларендон, граф, *см. Хайд,
Генри, 2-й граф Кларендон*
- Кларендон, граф, *см. Хайд, Эд-
вард, 1-й граф Кларендон*
- Кларк, Мария (ум. 1706) 179,
252
- Кларк, Самюел (1675–1729)
358, 384
- Кларк, Эдвард (ок. 1651–1710)
18, 30, 36, 37, 42, 126, 134,
151, 179, 198, 206, 227, 252,
349, 381
- Клейтон, Роберт (1629–1707)
381
- Климент Александрийский
(ок. 150 — ок. 215) 83
- Клиффорд, лорд, *см. Клиф-
форд, Томас, 1-й барон
Клиффорд Чадлейский*
- Клиффорд, Мартин (1624–
1677) 267
- Клиффорд, Томас, 1-й барон
Клиффорд Чадлейский
(1630–1673) 48, 49, 51
- Ковел, Джон (1638–1722) 367
- Ковентри, Маргарет (ум.
1649) 44
- Ковентри, Томас, 1-й барон
Ковентри (1578–1640) 44
- Ковердейл, Майлс (ок. 1488–
1569) 317
- Козен, Джон (1594–1672) 168
- Коланс, Тобиас Людвиг (1624–
1705) 350

- Колледж, Стивен (ок. 1635–1681) 65
- Коллетон, Питер (1635–1694) 162
- Коллинз, Антони (1676–1729) 17, 31, 33, 38, 42, 43, 112, 124, 147, 155, 159, 174, 386, 387
- Колчестер, лорд, см. *Саведж, Ричард, виконт Колчестер*
- Коменский, Ян Амос (1592–1670) 74–76, 104, 171, 219, 225, 252, 324
- Комптон, Генри (1632–1713) 201, 242
- Константин Великий (272–337) 295
- Коорнхерт, Дирк (1522–1590) 278
- Кост, Пьер (1668–1747) 19, 37, 126, 127, 264, 348, 356, 362
- Коулмен, Эдвард (ум. 1678) 337
- Кранмер, Томас (1489–1556) 317, 319
- Крелл, Иоганн (1590–1633) 371, 372
- Кромвель, Генри (1628–1674) 45, 169
- Кромвель, Оливер (1599–1658) 35, 41, 45, 46, 71, 76, 79–81, 133, 135, 136, 139, 159, 169, 207, 225, 291, 301, 324, 325, 327, 328, 340, 347, 357
- Кромвель, Ричард (1626–1712) 46, 80, 81
- Кромвель, Робина (1594–1660) 80
- Кромвель, Томас, 1-й граф Эссекс (ок. 1485–1540) 50, 317
- Купер, Антони Ашли, 1-й граф Шефтсбери (1621–1683) 20, 21, 29, 32, 34–38, 40–49, 51–61, 63–65, 67–70, 73, 75, 80, 81, 93, 94, 97–100, 109, 112, 113, 115, 116, 120, 123, 124, 127, 128, 130, 131, 133–135, 144, 147–150, 152, 154, 155, 159, 162–165, 170, 172, 198, 206, 207, 223, 226, 227, 275, 340
- Купер, Антони Ашли, 2-й граф Шефтсбери (1652–1699) 44, 45, 98, 111
- Купер, Антони Ашли, 3-й граф Шефтсбери (1671–1713) 54, 111, 115, 206, 207, 349, 386, 387
- Курсель, Этьен де (1586–1659) 265
- Кут, Ричард, 1-й граф Белломонт (ок. 1636–1701) 229
- Куфлер, Иоганн (1595–1677) 81
- Ладлоу, Эдмунд (ок. 1617–1692) 207
- Ламберт, Уильям (1619–1684) 45–47
- Ламлей, Ричард, 1-й граф Скарбро (1650–1721) 201
- Ле Клерк, Жан (1657–1736) 19, 31, 37, 176, 258, 263–266, 268, 272, 277, 282, 285, 345–350, 356, 376, 380, 381
- Ле Сен, Шарль (ок. 1647–1703) 258, 345, 348
- Левенгук, Антони ван (1632–1723) 120
- Леерс, Рейнье (1654–1714) 350
- Леопольд I (1640–1705) 224, 245, 303
- Лильберн, Джон (1614–1657) 325
- Лимборх, Филипп ван (1633–1712) 117, 120, 264–266, 273, 275–278, 281–283, 285, 292,

- 293, 298, 302, 345, 348–350, 360, 362, 372, 373, 377–379, 381
- Линдсен, ван дер 118
- Ллойд, Уильям (1627–1717) 242
- Лобб, Стивен (ок. 1647–1699) 367
- Лод, Уильям (1573–1645) 100, 289–291, 293, 294, 297, 321, 323, 374, 383
- Лодердейл, лорд, *см. Мейтланд, Джон, 1-й герцог Лодердейл и 2-й граф Лодердейл*
- Локк, Джон (1606–1661) 70, 71
- Локк, Николас 149
- Локк, Питер (1607–1686) 18
- Локк, Томас (1637–1663) 147
- Лонг, Томас (1621–1707) 270, 271, 359
- Лоундес, Уильям (1652–1724) 231
- Лоусон, Джордж (1598–1678) 197
- Лоуэр, Ричард (1631–1691) 86, 88, 90, 98, 122
- Людовик XIV (1638–1715) 48, 53, 57, 58, 63, 66, 69, 136, 151, 152, 181, 200–203, 221, 222, 232–234, 244–246, 252, 268, 271, 283, 302, 303, 335, 337, 344
- Люксембург, Франсуа Анри де Монморанси (1628–1695) 222
- Лютер, Мартин (1485–1546) 140, 183, 213, 218, 219, 233, 240, 244, 280, 281, 286, 294, 296, 302, 316, 317, 319, 338, 344
- Маглтон, Лодовик (1609–1698) 336
- Мадисон, Джеймс (1751–1836) 357
- Мазарини, Джулио (1602–1661) 337
- Мазель, Давид 258
- Макиавелли, Никколо (1469–1527) 140, 399
- Маклсфилд, граф, *см. Герард, Чарлз, 2-й граф Маклсфилд*
- Мальборо, герцог, *см. Черчилль, Джон, 1-й герцог Мальборо*
- Мальбранш, Николя (1638–1715) 20, 114
- Ман, Томас (1571–1641) 227
- Маннерс, Джон, 8-й граф Ратленд (1604–1679) 111
- Маннерс, Дороти, графиня Шефтсбери (после 1632–1698) 111
- Маньоль, Пьер (1638–1715) 113
- Марвелл, Анджо (1621–1678) 266, 301
- Марграф, Кристиан (1626–1687) 117
- Мария I (1516–1558) 200, 316, 337
- Мария II (1662–1694) 53, 61, 68, 92, 120, 131, 178, 189, 193, 201, 212, 213, 220, 224, 234, 237–239, 241–243, 247, 282
- Мария Медичи (1575–1642) 320
- Мария Моденская (1658–1718) 54, 131, 191, 337
- Мартини, Раймонд (1220–1284) 353
- Масси, Джон (1651–1715) 181
- Машем, леди, *см. Кедворт, Дамарис*
- Машем, Уильям (ок. 1592–1656) 225

- Машем, Френсис Кедворт (1686–1731) 17, 18, 21, 25, 362
- Машем, Френсис, 3-й баронет (ок. 1646–1723) 17, 224, 225, 349, 362
- Меде, Джозеф (1586–1638) 341
- Мейплтофт, Джон (1631–1721) 100, 101, 111
- Мейтланд, Джон, 1-й герцог Лодердейл, 2-й граф Лодердейл (1616–1682) 47–49, 239
- Меланхтон, Филипп (1497–1560) 286, 294
- Метьюен, Джон (ок. 1650–1706) 386
- Миллингтон, Томас (ок. 1628–1704) 88, 91
- Милнер, Джон (1628–1702) 368
- Мильтон, Джон (1608–1674) 186, 187, 301, 327, 328, 341, 357, 399
- Молинё, Томас (1661–1733) 117
- Молинё, Уильям (1656–1698) 229
- Молсуорт, Роберт, 1-й виконт Молсуорт (1656–1725) 207
- Монк, Джордж, 1-й герцог Албемарль (1608–1670) 47
- Монмут, герцог, *см. Скотт, Джеймс, 1-й герцог Монмут*
- Монтегю, Ралф, 1-й герцог Монтегю (ок. 1638–1709) 53, 151, 152
- Монтегю, Ричард (1577–1641) 168, 292, 321
- Монтегю, Чарлз, 1-й граф Галифакс (1661–1715) 209, 228, 230, 231
- Монтегю, Эдвард, 1-й граф Сандвич (1625–1672) 172
- Мор, Генри (1614–1687) 100, 289, 341, 350, 352, 383, 389
- Мор, Томас (1478–1535) 316
- Мордонт, Генри, 2-й граф Петерборо (1624–1697) 52
- Мордонт, Кэри, виконтесса Мордонт, графиня Монмут и Петерборо (ок. 1658–1709) 120, 224
- Мордонт, лорд, *см. Мордонт, Генри, 2-й граф Петерборо*
- Мордонт, Чарлз, 2-й виконт Мордонт, 1-й граф Монмут, 3-й граф Петерборо (1658–1735) 122, 203, 204, 223, 224
- Морей, Роберт (1608/09–1673) 94
- Мориан, Иоганн (ок. 1591–1668) 81, 168, 350
- Морис, Уильям (1628–1690) 97
- Мориц Оранский (1567–1625) 289
- Налсон, Джон (1638–1686) 190
- Нейлер, Джеймс (1617–1660) 326
- Николь, Пьер (1625–1695) 114
- Нил, Пол (1613–1686) 100
- Нил, Ричард (1562–1640) 100, 321
- Ноттингем, граф, *см. Финч, Даниел, 2-й граф Ноттингем, 6-й граф Уинчелси*
- Ньютон, Исаак (1642–1727) 23, 79, 89, 106, 110, 181, 228, 308, 341, 343, 348, 358, 379–381, 383–387
- Овидий, Публий Овидий Назон (43 до н.э. — 17/18 н.э.) 78

- Оккам, Уильям (ок. 1285–1349) 197
- Оксфорд, граф, *см. Рассел, Эдвард*, 1-й граф Оксфорд
- Олденбарневелт, Йохан ван (1549–1619) 289
- Олдуорт, Чарлз (1677–1714) 306
- Ольденбург, Генри (ок. 1615–1677) 74, 94, 99, 170, 351
- Онслоу, Фут (1655–1710) 206
- Ориген (ок. 185–254) 83
- Ормонд, герцог, *см. Батлер, Джеймс*, 1-й герцог Ормонд
- Осборн, Томас, 1-й граф Данби, 1-й маркиз Кармартен, 1-й герцог Лидский (1632–1712) 51–55, 57, 62, 64, 69, 112, 115, 201, 204, 206, 335
- Оутс, Титус (1648–1705) 56, 57, 64
- Оуэн, Джон (ок. 1616–1683) 186, 187, 291, 326
- Папен, Исаак (1657–1709) 345, 346
- Парацельс (1493–1541) 86, 87, 350
- Паркер, Самюел (1640–1688) 251
- Парри, Элинор (ок. 1640–1690) 96
- Патрик, Саймон (1626–1707) 214, 220, 241, 242, 251, 254
- Пауэр, Генри (1623–1688) 85
- Пейн, Уильям (1650–1696) 367
- Пемброк, граф, *см. Герберт, Томас*, 8-й граф Пемброк, 5-й граф Монтгомери
- Пен, Луи дю (1657–1719) 219
- Пенн, Уильям (1644–1718) 79, 136, 163, 179, 193, 194, 227, 266, 267, 272, 336, 350
- Пенн, Уильям, старший (1621–1670) 159, 163, 194
- Перси, Элизабет, графиня Нортумберленд (1646–1690) 111, 112, 151
- Персиваль, Андрю (ум. ок. 1695) 165
- Петри, Эдвард (1631–1699) 180
- Петти, Уильям (1623–1687) 80, 169
- Пий V (1504–1572) 317
- Пикар, Жан (1620–1682) 114
- Пим, Джон (1584–1643) 56, 81, 321, 323, 324
- Пирсон, Джон (1613–1686) 83, 373
- Плот, Роберт (1640–1696) 305, 306
- Полинг, Роберт (1635–1707) 89, 151, 224, 225
- Попем, Александр (ок. 1605–1669) 70, 71, 93
- Попль, Уильям (1638–1708) 228, 265–269, 272, 274, 277, 346, 349, 360
- Порфирий (ок. 232–304/306) 74
- Поттер, Уильям 169
- Прайд, Томас (ум. 1658) 325, 328
- Прост, Джонас (ок. 1640–1710) 172, 226, 266, 270, 278, 284, 304–313, 348, 359, 395
- Пуфендорф, Самуэль фон (1632–1688) 132, 139, 140, 197, 255
- Рали, Уолтер (1552/54–1618) 159
- Ранелз, виконтесса, *см. Джонс, Екатерина*, виконтесса Ранелз

- Рассел, Уильям, лорд (1639–1683) 57, 61, 63, 65, 144, 150, 152
- Рассел, Эдвард, 1-й граф Оксфорд (1653–1727) 201, 206, 209
- Ратленд, граф, *см. Маннерс, Джон, 8-й граф Ратленд*
- Режис, Пьер (1656–1726) 113
- Рен, Кристофер (1632–1723) 71, 73, 80, 88, 101
- Рёмер, Олаф (1644–1710) 114, 115
- Риотерслей, Томас, 4-й граф Саутгемптон (1607–1667) 46–48
- Рич, Натаниел (1585–1636) 81
- Ришелье, Арман Жан дю Плесси де (1585–1642) 128
- Розенрот, Кристиан Кнорр фон (1636–1689) 350–352
- Ройс, Джордж (1655–1708) 242
- Рочестер, граф, *см. Хайд, Лоренс, 1-й граф Рочестер*
- Руперт Пфальцкий, принц (1619–1682) 49
- Саведж, Ричард, виконт Колчестер (ок. 1654–1712) 61
- Савиль, Джордж, виконт, граф и 1-й маркиз Галифакс (1633–1695) 44, 54, 55, 67, 151, 204, 334
- Савиль, Уильям, 3-й баронет (1612–1644) 44
- Садлер, Джон (1615–1674) 170
- Сандвич, граф, *см. Монтегю, Эдвард, 1-й граф Сандвич*
- Сандерленд, граф, *см. Спенсер, Роберт, 2-й граф Сандерленд*
- Сандерленд, граф, *см. Спенсер, Чарлз, 3-й граф Сандерленд*
- Сандерлерд, граф, *см. Спенсер, Генри, 1-й граф Сандерленд*
- Сандерсон, Роберт (1587–1663) 83
- Сандис, Джордж (1550/55–1585) 168
- Санкрофт, Уильям (1617–1693) 179, 200, 218, 220, 241, 242, 254, 305–307, 334
- Саутворт, Джон (ок. 1592–1654) 327
- Саутгемптон, лорд, *см. Риотерслей, Томас, 4-й граф Саутгемптон*
- Сваммердам, Ян (1637–1680) 117
- Свифт, Джонатан (1667–1745) 232
- Сеннерт, Даниел (1572–1637) 87
- Сесил, Джеймс, 3-й граф Солсбери (1646–1683) 54, 56, 111
- Сесил, Франсес (1633–1652) 44
- Сибелиус, Каспар (1646–1696) 117
- Сиденхем, Томас (1624–1689) 70, 91, 99–103, 106, 109, 111, 113, 115, 120, 123, 171, 348
- Сидней, Алджернон (1622–1683) 61, 63, 135–140, 144, 145, 148–150, 152, 154, 175, 176, 350, 357, 399
- Сидней, Генри, 1-й граф Ромней (1641–1704) 201
- Симон, Ришар (1638–1712) 153, 376–377
- Скот, Томас (ум. 1660) 45
- Скотт, Джеймс, 1-й герцог Монмут (1649–1685) 61, 62, 64–67, 118, 144, 148–153, 179, 180, 199, 206, 305, 340

- Слейд, Мэтью (1628–1689) 117
 Слингсби, Генри (ок. 1621 — ок. 1690) 172
 Слоун, Ганс (1660–1753) 110
 Смит, Джон (1618–1652) 373, 383
 Солсбери, граф, *см. Сесил, Джеймс, 3-й граф Солсбери*
 Сомерс, Джон, барон Сомерс (1651–1716) 122, 155, 198, 205, 207, 209, 210, 227, 228, 230–232, 234, 235, 243, 349
 София, курфюрстина Ганноверская (1630–1714) 213, 219, 233, 386
 Социн, Фауст (1539–1604) 33, 274, 275, 326, 336, 339, 344, 345, 361, 363–365, 368–372, 379
 Спенсер, Генри, 1-й граф Сандерленд (1620–1643) 46
 Спенсер, Маргарет, графиня Шефтсбери (1627–1693) 46, 112, 114, 151
 Спенсер, Роберт, 2-й граф Сандерленд (1640–1702) 46, 123, 205–207, 209
 Спенсер, Чарлз, 3-й граф Сандерленд (1675–1722) 359
 Спиноза, Барух (1632–1677) 85, 379
 Спрат, Томас (1635–1713) 79, 99
 Стагирит, *см. Аристотель*
 Станхоуп, Джеймс, граф (1673–1721) 359
 Стивенс, Уильям (ок. 1647–1718) 381
 Стиллингфлит, Эдвард (1635–1699) 19, 38, 80, 157, 168, 214, 218, 220, 226, 241–243, 251, 253, 254, 297, 298, 301, 365–367, 383
 Страттон, Питер (1674–1720) 18
 Страттон, Уильям (1632–1695) 151
 Страфффорд, граф, *см. Уэнтворт, Томас, 1-й граф Страфффорд*
 Стрикланд, Уолтер (1598–1671) 169
 Стрингер, Томас (ок. 1639–1702) 37, 112
 Стуббс, Генри (1632–1776) 312, 313
 Суарес, Франсиско (1548–1617) 141, 197
 Сулейман II (1642–1691) 58, 303
 Талбот, Чарлз, 1-й герцог Шрусбери, 12-й граф Шрусбери, 12-й граф Уотерфорд (1660–1718) 201, 203, 204, 206, 207
 Тейлор, Джереми (1613–1667) 373
 Тен Райн Батавский (1647–1700) 119
 Тенисон, Томас (1636–1715) 214, 220, 241–244, 254, 307, 358, 367, 369, 382, 385
 Тернер, Френсис (1637–1700) 193, 220
 Тертуллиан (ок. 160 — ок. 225) 83
 Тиллотсон, Джон (1630–1694) 80, 168, 214, 215, 218, 220, 221, 241–243, 249, 251, 254, 267, 283, 293, 297, 307, 348, 372, 373, 387
 Тиндал, Мэтью (1657–1733) 305, 381, 386
 Тиндаль, Уильям (ок. 1492–1536) 317
 Тиррел, Джеймс (1642–1718) 19, 38, 116, 132–135, 139–

- 141, 145, 150, 151, 175, 176,
179, 194
- Тойнард, Николас (1628–1706)
113–115, 119, 122, 161
- Толанд, Джон (1670–1722) 145,
207, 365, 368–370, 379–381,
385–387
- Томас, Дэвид (ок. 1634–1694)
97, 98, 100, 115, 120, 151
- Томпсон, Джон, 1-й барон Ха-
вершем (ок. 1648–1710) 219
- Традескант, Джон (младший)
(1608–1662) 111
- Традескант, Джон (старший)
(ок. 1570–1638) 111
- Трамбулл, Уильям (1639–1716)
230
- Тренчард, Джон (1640–1695)
205–207, 209
- Тренчард, Томас (1672–1703)
381
- Тригланд, Корнелиус (1609–
1672) 220, 221
- Тригланд, Якобус (1583–1654)
220
- Турретини, Франсуа (1623–
1687) 378
- Уайлдман, Джон (1621–1693)
133, 202–205, 325
- Уиклиф, Джон (ок. 1320–1384)
296, 297
- Уилкинс, Джон (1614–1672) 79–
81, 94, 168, 383
- Уиллис, Ричард (1664–1734)
369–371
- Уиллис, Томас (1621–1675) 85,
86, 91, 98
- Уилсон, Самюел 150
- Уильям Говард, 3-й барон Го-
вард Эскрикский (1626–
1694) 137, 144
- Уильям, принц, герцог Гло-
стерский (1689–1700) 213
- Уильямс, Даниел (ок. 1643–
1716) 380
- Уильямс, Роджер (ок. 1603–
1683) 172, 225, 322, 323,
325
- Уильямсон, Джозеф (1633–
1701) 97
- Уистон, Уильям (1667–1752)
341, 384
- Уитби, Даниел (1638–1726) 187,
368
- Уитгифт, Джон (ок. 1530–
1604) 318
- Уичкот, Бенджамин (1609–
1683) 373, 383
- Уокер, Обадия (1616–1699)
306, 307
- Уолвин, Уильям (ок. 1600–
1681) 325
- Уоллис, Джон (1616–1703) 80,
81, 88, 116
- Уолтер, Люси (ок. 1630–1658)
62, 66
- Уорд, Сет (1617–1689) 80
- Уорсли, Бенджамин (1618–1677)
82, 94, 96, 99, 100, 165–173,
226–228, 275, 350
- Уортингтон, Джон (1618–1671)
373
- Уортон, Томас, пятый барон,
граф и маркиз Уортон
(1648–1716) 56
- Уотсон, Томас (1637–1717) 305
- Уоттон, Уильям (1666–1727) 358
- Уэйк, Уильям (1657–1737) 219,
220, 241, 358
- Уэнтуорт, Томас, 1-й граф
Страфффорд (1593–1641)
82, 168
- Уэст, Джозеф (ум. 1691) 162

- Уэст, Ричард (1670–1716) 367
 Уэст, Роберт (1649–1712) 144, 150
- Фагель, Гаспар** (1634–1688) 240
- Фелл, Джон** (1625–1686) 38, 72, 73, 77, 78, 92, 93, 116, 147, 181, 184, 219, 225, 290, 291, 298, 299
- Фелл, Самюел** (1584–1649) 291
- Фергюсон, Роберт** (1637–1714) 65, 133, 147, 149, 204
- Ферли, Бенджамин** (1636–1714) 119, 144, 173, 175, 267, 346, 350, 352, 353, 356, 380, 381
- Филмер, Роберт** (1588–1653) 124, 128, 129, 137, 140, 142, 179, 188–190, 197, 258, 259, 293, 393
- Финч, Даниел**, 2-й граф Ноттингем, 6-й граф Уинчестер (1647–1730) 182, 204, 206, 220, 222, 243, 249, 250, 254
- Финч, Леопольд** (1662–1702) 305, 306
- Фирмин, Томас** (1632–1697) 111, 221, 346, 381
- Фицхаррис, Эдвард** (1648–1681) 64
- Фишер, Джон** (1459/69–1535) 316
- Флемстид, Джон** (1646–1719) 115
- Фокс, Джон** (1517–1587) 296
- Фокс, Джордж** (1624–1691) 350
- Фолкнер, Уильям** (ум. 1682) 190
- Фолькель, Иоганн** (ок. 1565/70–1616) 372
- Фома Аквинский** (ок. 1226–1274) 140, 196, 197, 310
- Фоссий, Герард** (1577–1649) 265
- Фоулер, Эдвард** (1632–1714) 168, 220, 233, 241, 242, 251, 253, 254, 293, 369, 373
- Франсис, Олбан** (ум. 1715) 182
- Фреке, Джон** (ок. 1652–1714) 227, 349, 380, 381
- Фридрих III, курфюрст Бранденбургский** (1657–1713) 224
- Фридрих Вильгельм I Бранденбургский** (1620–1688) 279, 280
- Фут, Даниел** 267
- Хаак, Теодор** (1605–1690) 81
- Хавершем, лорд**, см. *Томпсон, Джон*, 1-й барон Хавершем
- Хадсон, Джон** (1662–1719) 19, 134
- Хайд, Анна**, герцогиня Йоркская (1637–1671) 131
- Хайд, Генри**, 2-й граф Кларендон (1638–1709) 193
- Хайд, Лоренс**, 1-й граф Роучестер (1641–1711) 209
- Хайд, Эдвард**, 1-й граф Кларендон (1609–1674) 47–49, 92, 130, 131, 329, 330
- Хаммонд, Генри** (1605–1660) 83, 168, 290, 298, 368
- Хампден, Джон** (1653–1696) 144, 153, 202, 205, 215
- Хампден, Ричард** (1631–1695) 203, 205
- Хантон, Филипп** (ок. 1600–1682) 139, 140, 185, 187
- Харборд, Уильям** (1635–1692) 203, 214

- Харрис, Джон (ок. 1666–1719) 358
- Хартклиф, Джон (1651/52–1712) 242
- Хаттон, Джон (1659–1712) 120
- Хейл, Мэтью (1609–1676) 45
- Хейлин, Питер (1599–1662) 83, 293–295, 298
- Хейлс, Джон (1584–1656) 168, 372
- Хеммингсен, Нильс (1513–1600) 286
- Херманн, Пол (1646–1695) 117
- Хесселридж, Артур (1601–1661) 45
- Хикс, Джордж (1642–1715) 190
- Ходжес, Натанаел (ок. 1634–1700) 37
- Ходли, Бенджамин (1676–1761) 358–360, 369
- Холлис, Дензил (1599–1680) 54, 111
- Холлис, Томас (1720–1774) 127, 266
- Хорнек, Антони (1641–1697) 241
- Хоскинс, Джон (ок. 1640–1717) 148
- Чайлд, Джосайя (1630–1699) 226–229
- Чаппел, Уильям (1582–1649) 168
- Чарлтон, Уильям (1642–1702) 114, 119
- Черчилль, Джон (ум. 1714) 19, 21, 31, 33, 126, 361, 362
- Черчилль, Джон, 1-й герцог Мальборо (1650–1722) 201
- Черчилль, Оншем (1658–1728) 19, 21, 31, 33, 126, 265, 361, 362, 367
- Чиллингворт, Уильям (1602–1644) 372
- Чичелей, Джон (1640–1691) 114
- Шарас, Моиз (1619–1698) 114
- Шард, Иоганн 97
- Шарп, Джон (1644/45–1714) 214, 220, 241–243, 254
- Шахт, Лукас (1634–1689) 117
- Шелдон, Гилберт (1598–1677) 291, 334
- Шелте, Хендрик (1681–1714) 362
- Шерлок, Уильям (ок. 1641–1707) 190, 367
- Шефтсбери, граф, *см. Купер, Антони Ашли*
- Шефтсбери, графиня, *см. Спенсер, Маргарет, графиня Шефтсбери*
- Шлихтинг, Йонас (1592–1661) 371
- Шрусбери, граф, *см. Талбот, Чарлз, 1-й герцог Шрусбери, 12-й граф Шрусбери, 12-й граф Уотерфорд*
- Шталь, Петер (ум. ок. 1675) 85, 88, 98
- Эвелин, Джон (1620–1706) 94, 382
- Эверард, Джон (1584–1641) 171
- Эдвардс, Джон (1637–1716) 361, 363–367, 369–372
- Эдвардс, Джонатан (1629–1712) 367
- Эдвардс, Томас (1599–1647) 364
- Эдуард I (1239–1307) 327
- Эдуард VI (1537–1553) 316
- Энт, Джордж (1604–1689) 86
- Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536) 372

- Эссекс, граф, см. *Кейпел*,
Артур, 1-й граф Эссекс
 Этельберт I (ок. 552–616) 295,
 296
 Юстин Мученик (ок. 100 —
 ок. 165) 83
 Яблонски, Даниэль (1660–
 1741) 219
 Яков I Стюарт (1566–1625) 159,
 213, 319–321, 357
 Яков II Стюарт (1633–1701) 49,
 50, 52–54, 57–59, 61, 63,
 66–69, 128–131, 133, 144,
 149, 151, 153, 166, 172, 178–
 183, 188, 191–195, 200–202,
 204, 205, 209–213, 218–
 222, 233, 238, 239, 241,
 243, 245, 249, 252, 254,
 257, 259, 266, 269, 271–273,
 305–307, 332, 337, 393,
 396
 Яков Стюарт, принц Уэль-
 ский (1688–1766) 211
 Янсен, Корнелиус (1585–1638)
 114, 128

Научное издание

АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВ
ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ЛОККА,
ПРИВЕРЖЕНЦА МИРА, ФИЛОСОФА
И АНГЛИЧАНИНА

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Людмила Малова
Художник серии Валерий Коршунов
Верстка Сергея Зиновьева

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 29.01.13. Тираж 1000 экз.
Формат 60×90/16. Заказ № 197
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1

В Издательстве Института Гайдара вышли в свет книги

- Альберт О. Хиришман.* Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа
- Кори Робин.* Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин
- Стивен Ландсбург.* Экономист на диване: экономическая наука и повседневная жизнь
- Ричард Лэйард.* Счастье: уроки новой науки
- Лайонел Роббинс.* История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики
- Йозеф Шумпетер.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса
Философия экономики: антология/Под редакцией Дэниела Хаусмана
- Как избежать ресурсного проклятия/Под редакцией Джозефа Стиглиця, Джеффри Сакса и Макартена Хамфриса
- Рагурам Раджан.* Линии разлома: скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике
- Джон К. Богл.* Битва за душу капитализма
- Джефф Малган.* Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знаний для общего блага
- Джулиан Ле Гранд.* Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. Как экономическая наука помогает делать нашу жизнь лучше/
Под редакцией Джона Зигфрида
- Элханан Хелпман.* Загадка экономического роста
- Гордон Таллок.* Общественные блага, перераспределение и погоня за рентой
- Джеффри Сакс.* Цена цивилизации
- Джеффри Сакс.* Конец бедности: экономические возможности нашего времени
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 1: 1700–1870 (Готовится к печати)
Том 2: 1870 — наши дни)

- Грегори Кларк.* Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. Второе издание на русском языке
- Джозель Мокир.* Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний
- Дуглас Норт, Джон Уоллис, Барри Вайнгаст.* Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества
- Янош Корнай.* Размышления о капитализме
- Энгас Мэддисон.* Контуры мировой экономики. 1–2030 гг.: очерки по макроэкономической истории
- Уильям Нисканен.* Авторитарная, демократическая и оптимальная формы правления: фискальные решения и экономические результаты
- Ханна Арендт.* Ответственность и суждение
- Тьерри де Дюв.* Живописный номинализм: Марсель Дюшан, живопись и современность
- Ольга Власова.* Рональд Лэйнг: Между философией и психиатрией
- Майкл Спенс.* Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях
- Георгий Дерлугьян.* Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы

Книги Издательства Института Гайдара

спрашивайте в магазинах

МОСКВА

Библио-глобус. Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1.
+7 (495) 781-19-00

Фаланстер. М. Гнезниковский пер., 12/27.
+7 (495) 629-88-21

Фаланстер на Винзаводе. 4-й Сыромятнический пер., 1,
стр. 6. +7 (495) 926-30-42

Циолковский. Новая площадь, 3/4 (здание Политехниче-
ского музея) подъезд 7Д. +7 (495) 628-64-42

Москва. ул. Тверская, 8, стр. 1. +7 (495) 629-64-83, 797-87-17

Московский Дом Книги. ул. Новый Арбат, 8.
+7 (495) 789-35-91

Книжная лавка «У Кентавра» в РГГУ. ул. Чаянова, 15.
+7 (499) 973-43-01

Книги в кафе «Bilingua». Кривоколенный пер., 10, стр. 5.
+7 (495) 623-66-83

Русское зарубежье. ул. Нижняя Радищевская, д. 2.
+7 (495) 915-10-47

Киоски «Академия» в РАНХиГС, пр-т Вернадского, 82.
+7 (499) 270-29-78, 433-25-02

БукВышка, университетский книжный магазин (ВШЭ).
ул. Мясницкая, 20. +7 (495) 628-29-60

Гнозис. Турчанинов пер., 4. +7 (499) 255-77-57

Киоск «Гнозис». МГУ, 1-й Гуманитарный корпус

Киоск в Институте Философии РАН. ул. Волхонка, 14

Dodo Magic Bookroom. ул. Таганская, 31/22

Jabberwocky Magic Bookroom. ул. Покровка, 47/24.
+7 (495) 917-59-44

Вестник. ул. Б. Серпуховская, 12/11. +7 (495) 236-43-62

Книжный клуб «36'6». +7 (495) 926-45-44

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский Дом Книги. Невский проспект, 28.
+7 (812) 448-23-55

Порядок слов. наб. р. Фонтанки, 15. +7 (812) 310-50-36

Все свободны. Мойка, 28. +7 (911) 977-40-47

Магазин изд-ва СПбГУ. Менделеевская линия, 5.
+7 (812) 328-96-91, 329-24-70

Борхес. наб. Обводного канала, 60

ВОРОНЕЖ

Книжный клуб «Петровский». ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а,
ТЦ «Петровский пассаж». +7 (473) 233-19-28

ЕКАТЕРИНБУРГ:

Йозеф Кнехт. ул. 8 Марта, 7 (вход с набережной).
+7 (909) 015-79-68

Клейстер, книжная лавка при филиале Государственного
Центра Современного Искусства, ул. Добролюбова, 19а.
+7 (343) 380-36-96

КИЕВ

Архе. Оранжевая ул., 3. +380 63 134 1893

НОВОСИБИРСК:

КапиталЪ. ул. Максима Горького, 78. +7 (383) 223-69-73

Аристотель. <http://aristotelo8.blogspot.com/>

Собачье сердце. ул. Каменская, 32. +7 (913) 480-20-30

ПЕРМЬ:

Пиотровский. ул. Луначарского, 51а. +7 (342) 243-03-51

ПЕНЗА:

ВПЕРЕПЛЕТЕ. ул. Московская, д.12. +7 (8412) 25-64-68

РОСТОВ-НА-ДОНУ:

Книжный салон «Интеллектуал». ул. Садовая, 55, Дворец творчества детей и молодежи. +7 (988) 565-14-35

САМАРА:

Метид. пр-т Юных пионеров, д. 146. +7 (846) 269-17-17

В КНИЖНЫХ СЕТЯХ

Буквоед. <http://www.bookvoed.ru/>

Книжный лабиринт. <http://www.labirint-bookstore.ru/>

Новый книжный. <http://www.nk1.ru/>

Читай-город. <http://www.chitai-gorod.ru/>

заказывайте в интернет-магазинах

www.ozon.ru, www.labirint.ru, urait-book.ru,

www.books.ru, my-shop.ru, www.zone-x.ru,

www.biblion.ru, read.ru, goodreads.ru,

www.colibri.ru.

По вопросам оптовой закупки обращайтесь по адресу:

Москва, Проспект Вернадского, д. 82,

Издательский дом «Дело» РАНХиГС,

тел. 8 (495) 433-25-02, 433-25-10,

delo@anx.ru, com@anx.ru

Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию, и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.

Анатолий Яковлев

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ЛОККА,

приверженца мира,
философа и англичанина

Анатолий Яковлев — философ, историк, переводчик. Родился в Ярославле. Окончил Московский университет по кафедре истории зарубежной философии. Во второй половине 1970-х гг. участник Московского методологического кружка, ученик Г.П. Щедровицкого. Работал в журнале «Вопросы философии», в Институте философии АН СССР. В 1988–1991 гг. — ответственный секретарь журнала «Вопросы философии», инициатор и организатор издания книжной серии «Из истории отечественной философской мысли». В 1990-х гг. главный редактор международного философского журнала «Путь», главный редактор энциклопедии «Кругосвет». В 2000-х гг. сотрудник международного фонда «Демократия», член редколлегии и редактор серии «Россия. XX век». Переводчик Б. Рассела, Э. Фромма, Р. Дарендорфа. Составитель и автор примечаний в сборниках документов «Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991» и «Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992–2005».

Яковлев А. Завещание Джона Локка.
приверженца мира

9 785932 553572

Цена: 449 руб.

КТК: 0001

ISBN 978-5-9325-5357-2

9 785932 553572